

#1 NEW YORK TIMES BESTSELLER

ДЖОН

ГРИШЭМ

Джон Гришэм – национальное достояние США.

«New York Times»

ПРОТИВНИКИ

Кинофильмы, снятые по романам Джона Гришэма, с замиранием сердца смотрят зрители во всех странах. Однако даже самым яростным фанатам фильмов «по Гришэму» известно: экранизации всегда уступают оригиналам «короля судебного триллера» – бестселлерам, переведенным на 40 языков и изданным тиражом 300 миллионов экземпляров. Ведь Гришэм – лучший в своем жанре, и никому с ним не сравниться.

СУПЕРЭКРАНИЗАЦИИ!

- **«Фирма»**
(Том Круз и Джин Хэнмен)
- **«Дело о пеликанах»**
(Джулия Робертс
и Дэнзел Вашингтон)
- **«Клиент»**
(Сьюзан Сарандон
и Томми Ли Джонс)
- **«Рождество с неудачниками»**
(Джейми Ли Кертис)

СУПЕРБЕСТСЕЛЛЕРЫ!

- **«Пора убивать»**
- **«Золотой дождь»**
 - **«Партнер»**
 - **«Шантаж»**
 - **«Апелляция»**
 - **«Юрист»**
 - **«Признание»**
 - **«Противники»**

**Джон Гришэм – это 30 бестселлеров «New York Times»,
переводы на 40 языков,
300 миллионов суммарного тиража!**

Лекарство-убийца!

Фармацевтическая компания выбросила на рынок смертельно опасный препарат, уже погубивший нескольких человек и многих превративший в инвалидов.

Маленькая юридическая фирма «Финли энд Фигг», в которой совсем недавно приступил к работе молодой амбициозный юрист Дэвид Зинк, рвется в бой и готова поставить на карту все, чтобы выиграть дело...

...Роман такого же калибра, как классика: адвокаты, судьи, сутяги-любители, мошенники, честолюбцы, изворотливые твари, за которых болееешь так, будто в какой-то момент они должны перечислить часть украденного на твой банковский счет.

Лев Данилкин, «Афиша»

**Смотрели «Фирму» с Томом Крузом?
Читайте Гришэма!**

Бестселлеры Джона Гришэма

**ДЖОН
ГРИШЭМ**

ПРОТИВНИКИ

Астрель
МОСКВА

УДК 821.111(73)

ББК 84 (7Coe)

Г85

Серия «Бестселлеры Джона Гришэма»

John Grisham
THE LITIGATORS

Перевод с английского Е.И. Филипповой

*Компьютерный дизайн А.А. Кудрявцева,
студия «FOLD & SPINE»*

Печатается с разрешения Belfry Holdings, Inc.
и литературных агентств The Gernert Company, Inc.
и Andrew Nurnberg.

Подписано в печать 20.11.12. Формат 60х90^{1/16}.
Усл. печ. л. 30. Тираж 8 000 экз. Заказ №9794

Гришэм, Джон

**Г85 Противники : [роман] / Джон Гришэм; перевод с английского
Е.И. Филипповой. — Москва: Астрель, 2013. — 479, [1] с.**

ISBN 978-5-271-46031-9

В суде нет ни правых, ни виноватых — есть лишь хорошие юристы, способные выиграть процесс, и плохие, обреченные на неудачу. И тем, и другим порой выпадает шанс, который нельзя упустить.

Маленькая фирма «Финли энд Фигг», кажется, такой шанс получила.

Лекарство, снижающее уровень холестерина в крови, похоже, убило нескольких человек и превратило в инвалидов очень многих.

Если фирма выиграет дело против фармацевтической компании, то деньги к пострадавшим и юристам потекут рекой.

Но если произойдет иначе...

В бой рвется новый партнер фирмы — Дэвид Зинк. Он молод, амбициозен и готов рискнуть...

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Coe)

© Belfry Holdings, Inc, 2011

© Перевод. Е.И. Филиппова, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2012

ГЛАВА 1

Юридическая фирма «Финли энд Фигг» часто представляла себя как «фирму-бутик». Этот искаженный вариант названия с завидной частотой употреблялся в обычной речи и даже появлялся в печати вследствие разнообразных махинаций, придуманных партнерами в целях развития бизнеса. Под этим названием подразумевалось, что фирма «Финли энд Фигг» возвышалась над уровнем скучной среднестатистической деятельности. Бутик мал, исключителен и специализируется в какой-то одной области. Бутик отличается высоким классом и роскошью, воплощая в себе всю «французскость» этого слова. Хозяева бутика вполне довольны его эксклюзивностью, рачительностью в работе и успешностью.

На деле же, кроме размера, ничего общего у фирмы с бутиком не было. Обманщики «Финли энд Фигг» занимались делами по возмещению ущерба — рутинной работой, которая, не требуя ни большого мастерства, ни творческого подхода, никогда не считалась в среде юристов классной или престижной. Доход у них был такой же эфемерный, как и статус. Фирма оставалась маленькой, потому партнеры не могли позволить себе расширять бизнес. Придир-

чивостью они отличались только потому, что никто не хотел там работать, включая самих владельцев. Расположение офиса наводило на мысли о монотонном существовании в низшей лиге. Соседство с вьетнамским массажным салоном слева и мастерской по ремонту газонокосилок справа позволяло даже не самому внимательному наблюдателю понять, что «Финли энд Фигг» не процветали. На противоположной стороне улицы располагалась другая «фирма-бутик» (ненавистные конкуренты), а за углом — еще множество юристов. На самом деле район кишел юристами; одни работали поодиночке, другие — в маленьких фирмах, третьи — в своих собственных маленьких бутиках.

«Ф энд Ф» обосновались на Престон-авеню — многолюдной улице со старыми одноэтажными домами, которые теперь переоборудовали и использовали для всякого рода коммерческой деятельности. Там были и розничные торговцы (винные магазины, химчистки, массажные салоны), и профессионалы в сфере обслуживания (юристы, стоматологи, ремонт газонокосилок), и кулинары (энчилада*, пахлава и пицца навынос). Оскар Финли получил здание, выиграв судебный процесс двадцать лет назад. Не самый престижный адрес отчасти компенсировался удачным расположением. В двух шагах от них пересекались Престон, Бич и Тридцать восьмая улица, это гарантировало одну приличную аварию раз в неделю, а иногда и чаще. Годовые накладные расходы «Ф энд Ф» покрывались гонорарами за ведение дел по дорожно-транспортным происшествиям, которые фиксировались меньше чем в ста ярдах от них. Представители других юридических фирм, как «бутиков», так и всех прочих, часто рыскали поблизости в поисках дешевого бунгало, из которого их

* Блюдо мексиканской кухни, представляющее собой тонкую лепешку из кукурузной муки, в которую завернута начинка. — *Здесь и далее примеч. пер.*

голодные юристы могли бы реально услышать визг шин и скрежет металла.

Поскольку в фирме состояли лишь два адвоката/партнера, разумеется, было необходимо кого-то назначить старшим, а кого-то — младшим. Старшим партнером был шестидесятидвухлетний Оскар Финли, оставшийся в живых после тридцати лет практики кулачного права, которое существует на жестоких улицах юго-западного Чикаго. Когда-то Оскар был участковым полицейским, но его отправили в отставку за любовь к проламыванию черепов. Он чуть не попал в тюрьму, но потом взялся за ум и поступил в колледж, а затем закончил юридический факультет в университете. Когда ни в одной юридической фирме его не захотели брать на работу, он занялся частной практикой и начал подавать в суд на всех, кто оказывался поблизости. Через тридцать два года ему с трудом верилось, что он потратил столько лет жизни на суды по просроченным счетам дебиторов, мелкие аварии, случаи вроде «поскользнулся и упал» и разводы без обвинений*. Он до сих пор состоял в браке с первой женой — жутчайшей женщиной, с которой каждый день мечтал развестись. Но не мог себе этого позволить. После тридцати двух лет юридической практики Оскар Финли в самом деле не мог позволить себе очень многого.

Младшим партнером (а Оскар имел склонность делать заявления вроде «я поручу это моему младшему партнеру», когда пытался произвести впечатление на судей и других юристов, особенно на потенциальных клиентов) был сорокапятiletний Уолли Фигг. Уолли воображал себя свирепым судебным юристом, и его хвастливые объявления обещали клиентам агрессивный подход в самых разных вариациях.

* Развод в штате, имеющем либеральное бракоразводное законодательство, которое позволяет супругам разойтись без лишних формальностей и расходов.

«Мы сражаемся за ваши права!», и «Страховые компании нас боятся!», и «Мы говорим дело!». Такую рекламу можно было найти на скамейках в парке, в городских автобусах, программках футбольных школьных матчей и даже на телеграфных столбах, хотя это нарушало несколько постановлений. Зато партнеры не использовали два других важнейших средства рекламы — телевидение и рекламные щиты. Уолли и Оскар до сих пор спорили по этому поводу. Оскар отказывался тратить деньги — и первое, и второе стоило жутко дорого, — а Уолли не переставал надеяться, мечтая увидеть, как он сам, с лоснящимися волосами и улыбкой на лице, будет рассказывать по телевизору ужасы о страховых компаниях, обещая огромные компенсации всем пострадавшим, которым хватит ума набрать его бесплатный номер.

Хотя Оскар ни за что не стал бы тратить и на рекламный щит, Уолли все же выбрал один. В шести кварталах от офиса, на углу Бич и Тридцать второй, высоко над дорогой, кишашей автомобилями, на крыше четырехэтажного жилого дома располагался самый великолепный рекламный щит всего центрального района Чикаго. Хотя сейчас там и красовалась реклама дешевого белья (весьма симпатичная, как признавал Уолли), он уже видел, как на щите разместят его фото и напишут название фирмы. Но Оскар все равно был против.

Уолли получил образование на юридическом факультете престижного Чикагского университета. Оскар — в уже закрывшемся заведении, где когда-то предлагались вечерние курсы. Оба три раза сдавали экзамен на право заниматься адвокатской практикой. На счету Уолли было четыре развода, Оскар мог об этом только мечтать. Уолли жаждал вести большое дело, крупный процесс, с гонораром, который исчисляется миллионами долларов. У Оскара было лишь два желания — получить развод и выйти на пенсию.

Как эти двое вообще решили стать партнерами и обосноваться в переоборудованном доме на Престон-авеню? Это уже совсем другая история. Как они до сих пор не задушили друг друга? Это до сих пор оставалось их тайной.

Секретарем у них работала Рошель Гибсон — крепкая темнокожая женщина с жизненной позицией и находчивостью, которые воспитала в ней улица, где прошло ее детство. Миз Гибсон трудилась на передовой: на ней был телефон, встреча и прием потенциальных клиентов, переступающих порог с надеждой, и раздраженных клиентов, убегающих в ярости, эпизодический набор текстов (хотя ее начальники уже поняли: если хочешь что-то напечатать, проще сделать это самостоятельно), собака фирмы и, что самое важное, ей приходилось слушать постоянные перепалки Оскара и Уолли.

Много лет назад миз Гибсон пострадала в автомобильной аварии, произошедшей не по ее вине. Потом она решила разобраться с неприятностями с помощью юридической фирмы «Финли энд Фигг», хотя на самом деле не сама их выбрала. Через двадцать четыре часа после аварии, оглушенная перкоцетом*, вся в шинах и гипсе, миз Гибсон, проснувшись, увидела перед собой довольное мясистое лицо адвоката Уолли Фигга, который навис над ее койкой. На нем был аквамариновый костюм медработника, а на шее красовался стетоскоп, и он мастерски изображал доктора. Уолли обманом заставил ее подписать договор юридического представительства, пообещал ей луну с неба и выскользнул из комнаты так же тихо, как проскользнул в нее, а потом с рвением взялся за дело. За вычетом налогов миз Гибсон получила 40 000 долларов, которые ее муж пропил и проиграл за пару недель, что привело к иску о расторжении брака, поданному Оскаром Финли. Он вел

* Обезболивающее средство.

дело и о ее банкротстве. На миз Гибсон не произвел впечатление ни один из них, и она угрожала подать на обоих в суд за некомпетентность. Это обратило на себя их внимание (им приходилось сталкиваться с подобными исками), и они изо всех сил постарались успокоить ее. По мере того как ее беды множились, она проводила все больше времени в офисе, и постепенно все трое привыкли друг к другу.

В «Финли энд Фигг» секретарям жилось нелегко. Зарплата была низкой, клиенты по большей части — неприятными, юристы из сторонних фирм так и норовили нагрубить по телефону, рабочий день часто затягивался, но тяжелее всего давалось общение с двумя партнерами. Оскар и Уолли пробовали нанимать женщин среднего возраста, но дамы постарше не выдерживали напряжения. Они пытались нанимать молодых, но это обернулось иском о сексуальных домогательствах, когда Уолли не сдержался в присутствии грудастой молодой девицы. (Они договорились расстаться без суда в обмен на пятьдесят тысяч долларов, и их имена попали в газету.) Рошель Гибсон оказалась в офисе как-то утром, когда тогдашняя секретарша решила бросить все и шумно удалилась. Под звонки телефона и крики партнеров миз Гибсон подошла к столу в приемной и взяла ситуацию в свои руки, а потом заварила кофе. Она вернулась на следующий день, и через день тоже. Восемь лет спустя она так и продолжала работать на этом месте.

Двое ее сыновей сидели в тюрьме. Их интересы представлял Уолли, хотя, если говорить честно, никто не мог бы их спасти. Еще в подростковом возрасте оба мальчика не давали Уолли заскучать, ведь их беспрестанно арестовывали по разным обвинениям, связанным с наркотиками. Постепенно они все больше вовлекались в незаконные операции, и Уолли неоднократно предупреждал, что их ждет либо тюрьма, либо смерть. Он говорил то же самое и

миз Гибсон, которая едва ли могла контролировать сыновей и часто молилась, чтобы дело кончилось тюрьмой. Когда их шайку по сбыту крэк-кокаина арестовали, мальчиков посадили на десять лет. Уолли добился сокращения изначального срока в двадцать лет, но мальчики не выразили ему признательности. Миз Гибсон же благодарила его, заливаясь слезами. Несмотря на все хлопоты, Уолли так и не взял с нее денег за помощь семье.

За эти годы в жизни миз Гибсон было много слез, и она часто проливала их в кабинете Уолли за закрытой дверью. Он давал советы и старался помогать по мере возможности, но главным образом играл роль внимательного слушателя. Жизнь самого Уолли тоже была богата событиями, так что они с миз Гибсон могли внезапно поменяться ролями. Когда два его последних брака разрушились, миз Гибсон все выслушала и постаралась ободрить его. Когда он начал пить, она тут же это заметила и не побоялась призвать его на путь истинный. Хотя они ругались каждый день, ссоры никогда не затягивались и часто служили лишь для того, чтобы обозначить сферы влияния каждого из них.

В «Финли энд Фигг» наступали и такие времена, когда все трое ворчали или хандрили, главным образом из-за денег. Рынок был просто перенасыщен: слишком много юристов слонялось без дела.

И меньше всего фирме был нужен один из них.

ГЛАВА 2

Дэвид Зинк сошел с поезда «Эль» на станции Куинси в центре Чикаго и, шаркая, спустился по лестнице, ведущей на Уэллс-стрит, однако с его ногами было что-то не так. Они все сильнее наливались тяжестью, и шел он все мед-

леннее и медленнее. Дэвид остановился на углу Уэллс и Адамс и опустил взгляд на свои туфли, чтобы понять, в чем дело. Ничего особенного он не увидел: обычные черные туфли на шнурках, подобные носят все юристы-мужчины в фирме и даже несколько женщин. Дышал он с трудом и, несмотря на прохладу, чувствовал, что вспотел. Ему был тридцать один год (слишком рано для сердечного приступа), и хотя Дэвид ощущал страшную усталость последние лет пять, научился с этим жить. Или так ему казалось. Дэвид завернул за угол и посмотрел на Траст-тауэр — блестящее сооружение, напоминающее фаллос, взмывало на тысячу футов в облака и туман. Когда Дэвид остановился и поднял голову, его пульс участился и он почувствовал тошноту. Прохожие задевали его, протискиваясь со всех сторон. Вместе с толпой он пересек Адамс и поплелся дальше.

В Траст-тауэр был высокий и просторный атриум, декорированный стеклом, мрамором и непостижимыми изваяниями, призванными вдохновлять и источать тепло, но на самом деле казавшимися холодными и отталкивающими, по крайней мере Дэвиду. Шесть расположенных крест-накрест эскалаторов везли орды усталых воинов наверх к их местам за перегородками и в отдельные кабинеты. Дэвид сделал над собой усилие, но ноги отказались нести его к эскалатору. Поэтому он сел на обитую кожей скамью подле кучи больших раскрашенных камней и попытался понять, что с ним происходит. Люди бежали мимо с угрюмыми лицами, пустыми глазами, уже изнемогая от напряжения, хотя на часах было всего 7.30 утра. Хмурый день только начинался.

«Щелчок» — это уж точно не медицинский термин. Специалисты используют более изысканные слова для описания того мгновения, когда истерзанный волнениями человек преступает грань. Тем не менее Щелчок — это пере-

ломный момент. Все может произойти за долю секунды вследствие какого-то невыносимо болезненного события. Еще это может случиться, когда сломается последняя соломинка в трагической кульминации напряжения, которое копилось и копилось, пока разум и тело не столкнулись с необходимостью дать ему выход. Щелчок Дэвида Зинка принадлежал ко второй категории. После пяти лет тяжелой работы в обществе ненавистных коллег что-то произошло с Дэвидом тем самым утром, когда он сидел у раскрашенных камней и смотрел, как хорошо одетые зомби едут наверх в преддверии очередного дня бесполезной работы. В нем что-то щелкнуло.

— Эй, Дэйв! Наверх поедешь? — послышался голос. Это был Ал из антитрестовского отдела.

Дэвид с трудом изобразил улыбку, кивнул и что-то пробормотал, потом встал и почему-то последовал за Алом. Ал остановился на ступеньке чуть выше, когда они оказались на эскалаторе, и заговорил о вчерашнем матче с участием «Блэкхоукс». Дэвид продолжал кивать, по мере того как они поднимались все выше. Под ним и за ним передвигались десятки одиноких фигур в темных пальто: молодые юристы ехали наверх со спокойным и мрачным видом, напоминая скорее носильщиков гробов на зимних похоронах. Дэвид и Ал присоединились к группе у стены с лифтами на первом уровне. Пока они ждали, Дэвид слушал болтовню о хоккее, но голова у него кружилась, и он опять ощутил тошноту. Затем они бросились к лифту и встали плечом к плечу с множеством других. Ал замолчал. Тишина. Никто не говорил, никто не смотрел никому в глаза.

Дэвид сказал себе: «Вот и все. Это моя последняя поездка на этом лифте. Клянусь».

Лифт закачался и зажужжал, потом остановился на восьмидесятом этаже, на территории «Рогана Ротберга». Три юриста вышли, Дэвид видел их раньше, но не знал по-

именно, что было неудивительно, ведь в фирме работали шестьсот юристов на этажах с семидесятого по сотый. Еще два темных костюма вышли на восемьдесят четвертом. По мере того как они поднимались выше, Дэвид начал потеть, потом учащенно дышать. Его крошечный кабинет располагался на девяносто третьем этаже, и чем ближе он подбирался к нему, тем сильнее колотилось его сердце. Еще несколько торжественных выходов на девяностом и девяносто первом, и с каждой остановкой Дэвид чувствовал, что все больше слабеет.

Лишь трое остались в лифте к девяносто третьему этажу — Дэвид, Ал и крупная дама, которую за спиной называли «Перекошенная». Лифт остановился, мелодично прозвенел звонок, бесшумно открылась дверь, и Перекошенная вышла. Ал вышел. Дэвид не желал двигаться, на самом деле он и не мог двигаться. Прошло несколько секунд. Ал оглянулся и сказал:

— Эй, Дэйв! Нам пора, пойдем.

Никакого ответа от Дэвида, лишь пустой безразличный взгляд человека из другого мира. Двери начали закрываться, и Ал вставил между ними портфель.

— Дэвид, ты нормально себя чувствуешь? — спросил Ал.

— Конечно, — пробормотал Дэвид, умудрившись все же шагнуть вперед. Двери плавно открылись, и снова прозвенел звонок. Он вышел из лифта и теперь нервно озираясь, как будто никогда раньше тут не был. Вообще-то он ушел отсюда всего десять часов назад.

— Ты побледнел, — заметил Ал.

У Дэвида кружилась голова. Он слышал голос Ала, но не разбирал слов. Перекошенная стояла в паре футов от них и озадаченно таращилась, словно наблюдала за автомобильной катастрофой. Лифт снова зазвонил, на этот раз по-другому, и двери начали закрываться. Ал сказал что-то еще, даже протянул руку, словно намереваясь помочь. Вдруг

Дэвид обернулся, и его налитые свинцом ноги ожили. Он рванул к лифту и буквально запрыгнул в кабину, как раз перед тем, как закрылись двери. Последнее, что он услышал, был исполненный паники возглас Ала.

Когда лифт поехал вниз, Дэвид Зинк захохотал. Головокружение и тошнота прекратились. Давление в груди исчезло. Он сделал это! Он расстался с потогонной системой «Рогана Ротберга» и теперь прощался с этим кошмаром. Он, Дэвид Зинк, из тысяч несчастных юристов и младших партнеров в высоких зданиях центрального Чикаго, он, и только он один, в это мрачное утро нашел в себе смелость уйти. Дэвид сидел на полу в пустом лифте и с широкой улыбкой наблюдал, как номера этажей стремительно меняются, мелькая красным от больших цифр к меньшим, пока он старался разобраться в своих мыслях. Люди: 1) его жена, брошенная женщина, которая хотела забеременеть, столкнулась с определенными трудностями, потому что ее муж слишком уставал, чтобы заниматься сексом; 2) его отец, выдающийся судья, который практически заставил его поступить на юридический факультет, и не куда-нибудь, а в Гарвард, потому что сам учился там же; а также 3) его дед, семейный тиран, который создал крупную фирму с нуля в Канзас-Сити и до сих пор вкалывал по десять часов в день, хотя ему было уже восемьдесят два года; и 4) Рой Бартон, старший партнер, его босс, придирчивый чудака, который вопил и ругался весь день и был, наверное, самым несчастным из всех, кого Дэвид Зинк когда-либо встречал. Подумав о Рое Бартоне, он засмеялся снова.

Лифт остановился на восьмидесятом этаже, и две секретарши хотели войти в кабину. Они на мгновение застыли, увидев Дэвида, сидевшего в углу рядом с дипломатом. Осторожно они перешагнули через его ноги и подождали, пока закроются двери.

— У вас все нормально? — спросила одна.

— Все отлично, — ответил Дэвид. — А у вас?

Ответа не последовало. Во время быстрого спуска секретарши стояли неподвижно и молчали, а на семьдесят седьмом поспешно ретировались. Когда Дэвид снова остался один, его вдруг охватило беспокойство. Вдруг за ним придут? Ал, несомненно, отправится напрямик к Рою Бартону и доложит, что Зинк спятил. Что сделает Бартон? В десять у него запланирована встреча с недовольным клиентом — генеральным директором и большой шишкой в одном лице. Позднее Дэвид пришел к выводу, что предстоящий «поединок» и послужил поводом к перемене курса и вызвал Щелчок. Рой Бартон был не только невыносимым занудой, но и трусом. Дэвид Зинк и остальные были нужны ему, чтобы спрятаться у них за спиной, когда войдет генеральный директор с длинным списком вполне обоснованных жалоб.

Возможно, Рой пришлет за ним кого-то из службы безопасности. Служба безопасности, как водится, представляла собой сборище стареющих охранников в форме, она действовала так же, как штатная шпионская организация, которая меняла замки, записывала все происходящее на видео, следила за всеми исподтишка и занималась всякой тайной деятельностью, призванной держать юристов в постоянном страхе. Дэвид вскочил, схватил портфель и с нетерпением уставился на мелькающие цифры. Лифт легонько трясся, проносясь сквозь сердцевину Траст-тауэр. Когда он остановился, Дэвид вышел и помчался к эскалаторам, которые до сих пор были перегружены унылыми людьми, молчаливо поднимавшимися вверх. Эскалаторы, идущие вниз, оказались пустыми, и Дэвид предпочел побежать. Кто-то окликнул его:

— Дэйв, куда ты?

Он улыбнулся и помахал в том направлении, откуда слышался голос, как будто у него все под контролем. Ши-

роким шагом миновав раскрашенные камни и нелепые скульптуры, пробрался к стеклянным дверям и вышел на улицу. Воздух показался приятным и влажным, а жуткие моменты, которые ему только что пришлось пережить, обещали стать началом чего-то нового.

Он сделал глубокий вдох и осмотрелся. Надо двигаться дальше. Он направился вперед по Лассалль-стрит, быстро, боясь оглянуться. «Не вызывай подозрений. Сохраняй спокойствие. Это один из важнейших дней в твоей жизни, — говорил он себе, — так что не испорти его». Он пока не мог пойти домой, потому что не был готов к выяснению отношений. Он не мог бродить по улицам, потому что неизбежно наткнулся бы на кого-то из знакомых. Где можно было ненадолго спрятаться, подумать, разобраться в мыслях, составить планы? Он проверил часы: 7.51 — идеальное время для завтрака. В конце аллеи Дэвид увидел мигающую красно-зеленую неоновую вывеску «У Абнера». Подойдя ближе, он так и не понял, кафе это или бар. У двери он бросил взгляд через плечо, удостоверился, что ребят из службы безопасности рядом нет, и вошел в теплый темный мир Абнера.

Это оказался бар. Отдельные кабины справа пустовали. Стулья стояли на столах вверх ножками в ожидании уборки. Абнер выглядел из-за длинной, хорошо отполированной барной стойки с самодовольной ухмылкой, словно хотел спросить: «Что вы здесь делаете?»

— Вы работаете? — спросил Дэвид.

— А дверь разве заперта? — парировал Абнер. На нем был белый фартук, и он вытирал пивную кружку. У него оказались толстые волосатые руки. И хотя на первый взгляд он не отличался приветливостью, у него было открытое лицо бывалого бармена, который уже все на свете слышал.

— Наверное, нет. — Дэвид медленно подошел к бару, бросил взгляд направо и в дальнем конце стойки увидел мужчину, который, судя по всему, отключился, хотя до сих пор держал стакан в руках.

Дэвид снял свое угольно-серое пальто и повесил на спинку барного стула. Он присел, посмотрел на ряды бутылок алкоголя, выстроенные перед ним, оглядел зеркала, и пивные краники, и дюжины стаканов, которые Абнер красиво расставил позади стойки, а когда окончательно освоился, спросил:

— Что порекомендуете до восьми утра?

Абнер посмотрел на мужчину, выглянув из-за стойки, и произнес:

— Как насчет кофе?

— Его я уже выпил. Завтрак у вас есть?

— Да, он называется «Кровавая Мэри».

— Давайте одну порцию.

Рошель Гибсон жила в субсидированной квартире вместе с матерью, одной из своих дочерей, двумя внуками, племянниками и племянницами, состав которых периодически менялся, а иногда даже с кузенами, нуждавшимися в крыше над головой. В попытках выбраться из этого хаоса она часто сбегала на работу, где временами было еще хуже, чем дома. Рошель приходила в офис каждый день около 7.30 утра, отпирала дверь, приносила с крыльца газеты для обоих партнеров, включала свет, настраивала термостат, готовила кофе и проверяла Эй-Си — собаку фирмы. Рошель что-то мурлыкала, а иногда даже тихо пела, занимаясь своими рутинными делами. Она никогда не призналась бы в этом ни одному из своих начальников, но гордилась должностью юридического секретаря, даже в таком месте, как «Финли энд Фигг». Когда ее спрашивали о работе или профессии, Рошель всегда сразу заявляла, что она «юри-

дический секретарь». Не какой-нибудь примитивный секретарь, а юридический. То, чего миз Гибсон не хватало в образовании, она с лихвой возмещала за счет опыта. Восемь лет труда в фирме на оживленной улице позволили ей хорошо изучить закон, а еще лучше — юристов.

Эй-Си был дворнягой и жил в офисе, поскольку никто не хотел забирать его домой. Он принадлежал всем трем — Рошель, Оскару и Уолли в равных долях, хотя в действительности заботилась о нем Рошель. Он откуда-то сбежал и нашел приют в «Ф энд Ф» несколько лет назад. Весь день пес спал на маленькой подстилке возле Рошель, а всю ночь бродил по офису, охраняя его. Он более или менее подходил на роль сторожа и лаем отпугивал воров, вандалов, а порой даже разозленных клиентов.

Рошель покормила его и налила в миску воды. Из маленького холодильника она достала упаковку клубничного йогурта. Когда кофе был готов, она налила себе чашку и окинула взглядом стол — как всегда, безупречный порядок. Стол из хрома и стекла, массивный и внушительный, был первым, что видели клиенты, едва миновав главный вход. Кабинет Оскара был относительно аккуратным. А вот кабинет Уолли — настоящей свалкой. Но партнеры сидели за закрытыми дверьми, а Рошель всегда находилась на всеобщем обозрении.

Она открыла «Сан таймс» и занялась первой страницей. Рошель читала медленно, потягивала кофе, ела йогурт, тихо напевая, пока Эй-Си храпел у нее за спиной. Рошель любила эти спокойные минуты раннего утра. Совсем скоро начнет разрываться от звонков телефон, появятся юристы, и потом, если им повезет, придут клиенты, одни по записи, другие — нет.

Чтобы быстрее расстаться с женой, Оскар Финли уходил из дома каждое утро в семь, но очень редко появлялся в офисе раньше девяти. Примерно два часа он путеше-

вовал по городу: останавливался в полицейском участке, где кузен передавал ему отчет о происшествиях, заходил поздороваться с водителями эвакуаторов и раздобыть сведения о недавних авариях, распивал кофе с человеком, владевшим двумя не самыми дорогими похоронными бюро, отвозил пончики в пожарную часть, болтал с водителями службы «Скорой помощи» и периодически наведывался в свои любимые больницы, где расхаживал по многолюдным коридорам, окидывая наметанным взглядом пациентов в поисках тех, кто получил травмы по чьей-то вине.

Оскар прибыл в девять. Уолли же, в жизни которого было куда меньше порядка, мог влететь в офис в 7.30, взбодрившись кофеином и «Ред буллом», и в такие дни он сумел бы засудить любого, кто перешел бы ему дорогу. Иной раз, впрочем, притаскивался в 11.00 с опухшими глазами и головной болью от похмелья и быстро прятался у себя в кабинете.

В этот судьбоносный день, однако, Уолли прибыл за несколько минут до восьми с широкой улыбкой и ясным взглядом.

— Доброе утро, миз Гибсон, — уверенно произнес он.

— Доброе утро, мистер Фигг, — ответила она в такой же манере. В «Финли энд Фигг» всегда царила напряженная атмосфера, ведь поводом для перепалки сотрудников фирмы мог послужить всего один неуместный или даже вполне безобидный комментарий. Слова подбирались тщательно и выслушивались с пристрастием. Обмен обычными утренними приветствиями также проводился с большой осторожностью, ибо они тоже могли перерасти в словесную баталию. Даже употребление слов «мистер» и «миз» было тщательно продумано и имело свою историю. Еще давно, когда Рошель была клиентом, Уолли имел глупость назвать ее «девушкой». Это звучало примерно так: «По-

слушайте, девушка, я делаю все, что в моих силах». Разумеется, он не хотел ее обидеть, и слишком бурная реакция Рошель в данном случае была неоправданна, но с тех пор она настаивала, чтобы к ней обращались как к «миз Гибсон».

Она слегка рассердилась, потому что ее уединение нарушили. Уолли поговорил с Эй-Си, почесал ему за ухом и, направившись за кофе, спросил:

— Что интересного пишут?

— Ничего, — ответила она, не желая обсуждать новости.

— Неудивительно, — произнес он, нанеся первый удар за день.

Она читала «Сан таймс». Он читал «Трибюн». Каждый полагал, что у его коллеги дурной вкус в том, что касается новостей.

Второй удар был нанесен позже, когда Уолли вынырнул из кабинета.

— Кто готовил кофе? — спросил он.

Она проигнорировала его вопрос.

— Он слабоват, вам не кажется?

Рошель медленно перевернула страницу, потом съела еще одну ложку йогурта.

Уолли шумно отхлебнул из кружки, причмокнул, нахмурился, как будто выпил уксуса, потом взял газету и уселся за стол. Прежде чем Оскар отвоевал здание в суде, кто-то снес несколько стен внизу у входа, создав тем самым открытое пространство. Рошель обосновалась с одной стороны, близ двери, а в паре футов от нее стояли кресла для клиентов и длинный стол, который когда-то использовался для ужина. Тут читали газеты, пили кофе, а иногда даже снимались показания. Уолли любил убивать за этим столом время, потому что его собственный кабинет напоминал свинарник.

Он распахнул «Трибюн», стараясь создать как можно больше шума. Рошель не обращала на него внимания и продолжала что-то увлеченно напевать себе под нос.

Прошло несколько минут, зазвонил телефон. Миз Гибсон, казалось, его не слышит. Раздался еще один звонок. После третьего Уолли опустил газету и поинтересовался:

— Вы возьмете трубку, миз Гибсон?

— Нет.

Телефон зазвонил в четвертый раз.

— Почему нет? — требовательно спросил он.

Она словно не слышала его. После пятого звонка Уолли отбросил газету, вскочил и направился к телефону, находившемуся на стене близ копировального аппарата.

— На вашем месте я бы не стала брать трубку, — заметила миз Гибсон.

Он остановился.

— И почему же?

— Это сотрудник коллекторского агентства.

— Откуда вы знаете? — Уолли уставился в телефон. На экране высветилось: «Номер не определен».

— Просто знаю. Он звонит в это время каждую неделю.

Телефон замолчал, и Уолли вернулся к столу и своей газете. Он спрятался за ней, недоумевая, какой из счетов они не оплатили и кто из поставщиков разозлился настолько, чтобы обратиться в агентство и надавить на адвокатов. Рошель, разумеется, знала кто, поскольку следила за бухгалтерией и знала почти все, но он предпочел ее не спрашивать. Если бы он спросил, то они вскоре заспорили бы о счетах, неоплаченных гонорарах и нехватке денег вообще, а это стремительно переросло бы в напряженную дискуссию о стратегии фирмы в целом, о ее будущем и недостатках партнеров.

Никто этого не хотел.

* * *

Абнер неимоверно гордился своими «Кровавыми Мэри». Он использовал точно отмеренное количество томатного сока, водки, хрена, лимона, лайма, вустерского соуса, перца, соуса табаско и соли. Он всегда добавлял две зеленые оливки и украшал напиток стеблем сельдерея.

Давно уже Дэвид не наслаждался завтраком столь изысканным. После двух творений Абнера, которые Дэвид уничтожил довольно быстро, он глупо ухмыльнулся, преисполненный гордостью за свое решение взять и все бросить. Пьяный посетитель в конце барной стойки храпел. Больше тут никого не было. Абнер мыл и вытирал стаканы для коктейлей, проводил учет спиртного в баре и тербил пивные краники, выдавая комментарии на самые разные темы.

Телефон Дэвида наконец зазвонил. Это была его секретарь Лана.

— О Боже, — произнес он.

— Кто это? — спросил Абнер.

— С работы.

— Человек имеет право позавтракать, разве нет?

Дэвид ухмыльнулся еще раз и сказал:

— Алло.

Лана спросила:

— Дэвид, где вы? Уже восемь тридцать.

— У меня есть часы, дорогая. Я завтракаю.

— С вами все в порядке? Ходят слухи, что в последний раз вас видели, когда вы заскакивали обратно в лифт.

— Это всего лишь сплетни... сплетни.

— Хорошо. Когда вы будете на месте? Рой Бартон уже звонил.

— Дайте мне закончить завтрак, ладно?

— Разумеется. Только не пропадайте.

Дэвид отложил телефон и начал с силой сосать коктейль через соломинку, потом объявил:

— Еще одну порцию.

Абнер нахмурился:

— Возможно, вам надо успокоиться.

— Я и успокаиваюсь.

— Ладно. — Абнер достал чистый стакан и начал смешивать ингредиенты. — Я так понимаю, сегодня вы на работу не собираетесь.

— Не собираюсь. Я бросил это дело. Ухожу.

— Что за работа?

— Юридическая фирма. «Роган Ротберг». Слышали о такой?

— Да. Большая компания, верно?

— Шестьсот юристов в местном отделении в Чикаго. Пара тысяч по всему миру. Сейчас находится на третьем месте в том, что касается размера, на пятом — в том, что касается количества часов, выставляемых по счету на одного юриста, на четвертом — в том, что касается чистых прибылей на каждого партнера, на втором — в том, что касается сравнения зарплат младших юристов и, несомненно, на первом — в том, что касается количества ослов на квадратный фут.

— Извините, что спросил.

Дэвид взял телефон и спросил:

— Видите этот телефон?

— Думаете, я слепой?

— Эта вещичка управляла моей жизнью последние пять лет. Я не мог никуда отправиться без нее. Политика фирмы. Телефон со мной постоянно. Он портил приятный ужин в ресторане. Он вытаскивал меня из душа. Он будил меня ночью в самые разные часы. Однажды он даже помешал сексу с моей бедной женой, которую я и так забро-

сил. Я был на игре «Кабс»* прошлым летом, сидел на отличных местах с двумя друзьями из колледжа, и в самый напряженный момент второго иннинга эта штука начала вибрировать. Это был Рой Бартон. Я рассказывал вам о Рое Бартоне?

— Пока нет.

— Партнер, который мной командует, вредный маленький ублюдок. Сорок лет, извращенное эго. Подарок Бога клану юристов. Зарабатывает миллион баксов в год, но ему всегда мало. Работает по пятнадцать часов в день, семь дней в неделю, потому что в «Рогане Ротберге» все Большие люди работают без остановки. А Рой воображает себя действительно Большим человеком.

— Приятный парень, да?

— Я ненавижу его. Надеюсь, никогда больше не увижу его физиономию.

Абнер толкнул третью «Кровавую Мэри» через стойку и сказал:

— Похоже, вы на правильном пути, старина. Ваше здоровье!

ГЛАВА 3

Телефон опять зазвонил, и Рошель решила ответить.

— Юридическая фирма «Финли энд Фигг», — профессионально отрекомендовалась она. Уолли даже не оторвался от газеты. Секунду она послушала, потом сказала: — Простите, мы не занимаемся сделками в сфере недвижимости.

* Полное название — «Чикаго кабс», профессиональный бейсбольный клуб, выступающий в высшей лиге.

Когда Рошель заняла свою должность восемь лет назад, фирма на самом деле занималась сделками в сфере недвижимости. Однако вскоре Рошель поняла, что подобная работа плохо оплачивается и главным образом ложится на плечи секретаря, а юристы не особенно усердствуют. Как хорошая ученица, она решила, что сфера недвижимости ей не нравится. Контролируя входящие звонки, она тщательно фильтровала все обращения, и деятельность «Финли энд Фигг» в сфере недвижимости сошла на нет. Оскар бушевал, угрожая уволить ее, но дал обратный ход, когда Рошель вновь упомянула, что может засудить их за некомпетентность. Благодаря посредничеству Уолли установилось перемирие, но еще много недель обстановка была более напряженной, чем обычно.

И другие области применения знаний здешних юристов были отвергнуты благодаря ее тщательной фильтрации. Так, работа по уголовным делам тоже осталась в прошлом. Рошель это не нравилось, потому что ей не нравились клиенты. Дела о вождении автотранспорта под воздействием алкоголя или наркотиков считались нормальными, поскольку их было много, они хорошо оплачивались и почти не требовали ее участия. От банкротства отказались по той же причине, что и от недвижимости: жалкие гонорары и чрезмерная нагрузка на секретаря. За эти годы Рошель удалось существенно сузить сферу деятельности фирмы, и из-за этого до сих пор возникали проблемы. Согласно теории Оскара, из-за которой он сидел без денег почти тридцать лет, фирма должна была браться за все, что попадает им в руки, закидывая невод как можно шире, а потом пробираться сквозь дебри любых трудностей в надежде наткнуться на хорошее дело компенсации ущерба. Уолли считал иначе. Он мечтал о больших проектах. Хотя из-за накладных расходов ему и приходилось выполнять рутинные юри-

дические задачи всякого рода, он всегда надеялся найти способ заполнить златые горы.

— Отличная работа, — произнес он, когда Рошель повесила трубку. — Недвижимость никогда мне не нравилась.

Она проигнорировала его ремарку и вернулась к газете. Эй-Си тихо зарычал. Когда они посмотрели на него, он уже стоял на своей маленькой подстилке, вздернув нос, выпрямив хвост и сузив глаза от напряжения. Его рык стал громче, потом, постепенно, в тишину мрачного утра ворвался отдаленный звук сирены «скорой помощи». Сирены всегда будоражили Уолли, и на мгновение-другое он застыл, искусно анализируя звук. Полиция, пожарные или «скорая помощь»? Этот вопрос всегда решался в первую очередь, и Уолли мог отличить одну от другой за долю секунды. Сирены пожарных и полицейских машин не сулили им ничего хорошего и он не обращал на эти звуки внимания, но сирена «скорой помощи» всегда заставляла его сердце биться чаще.

— «Скорая помощь», — констатировал он, положил газету на стол, встал и небрежно подошел к двери. Рошель тоже встала, приблизилась к окну и открыла шторы, чтобы быстро осмотреть улицу. Эй-Си все еще рычал, и когда Уолли открыл дверь и шагнул на крыльцо, собака потрусила за ним. На другой стороне улицы Винс Голстон вышел из своего маленького «бутика» и бросил исполненный надежды взгляд на перекресток Бич и Тридцать восьмой. Увидев Уолли, он показал ему средний палец, и Уолли тут же ответил на приветствие.

«Скорая помощь» с визгом пронеслась по Бич, виляя и пробираясь через плотный поток машин, сердито сигналив и угрожая разрушениями и последствиями более серьезными, чем на месте происшествия, что бы там ни произо-

шло. Уолли наблюдал за ней, пока она не скрылась из виду, потом вернулся в здание.

Чтение газет продолжилось, и больше сотрудникам фирмы ничего не мешало: ни сирены, ни телефонные звонки от потенциальных клиентов или из коллекторских агентств. В 9.00 открылась дверь и вошел старший партнер. Как обычно, он был в длинном темном пальто и держал в руках громоздкий портфель из черной кожи, как будто работал не покладая рук всю ночь. Еще он держал в руках зонт, как всегда, несмотря на погоду за окном или ее прогноз. Оскар трудился вдаль от высшей лиги, но по крайней мере мог изобразить выдающегося юриста. Темные пальто, темные костюмы, белые рубашки и шелковые галстуки. Его жена покупала эти вещи, настаивая, что он должен выглядеть соответственно своей должности. Уолли, напротив, надевал все, что попадалось ему под руку, когда он открывал шкаф.

— Доброе утро, — угрюмо поздоровался Оскар, приблизившись к столу миз Гибсон.

— Доброе утро, — ответила она.

— Есть что-нибудь интересное в газетах? — Оскара не интересовали результаты спортивных состязаний, наводнения, отчеты по рынкам или последние сводки с Ближнего Востока.

— Оператора вилочного погрузчика придавило на заводе в Палос-Хайтс, — быстро ответила миз Гибсон. Такова была часть их утреннего ритуала. Если ей не удавалось найти хоть какое-нибудь происшествие, чтобы порадовать утром шефа, его плохое настроение заметно ухудшалось.

— Мне это нравится, — заявил Оскар. — Он умер?

— Пока нет.

— Еще лучше. Много боли и страданий. Сделайте у себя пометку. Я проверю ее позже.

Миз Гибсон кивнула, как будто бедняга уже подписал документы и приобрел статус их нового клиента. Разумеется, он таковым не был и вряд ли мог стать. «Финли энд Фигг» редко добирались до места происхождения первыми. Скорее всего жену оператора вилочного погрузчика уже атаквали более агрессивные юристы, которые славились тем, что предлагали деньги и другие блага, чтобы заинтересовать семью потерпевшего.

Ободренный хорошими новостями, Оскар подошел к столу и произнес:

— Доброе утро.

— Доброе утро, Оскар, — ответил Уолли.

— Кто-нибудь из наших клиентов попал в некролог?

— Я так далеко пока не заглядывал.

— Нужно начинать с некрологов.

— Спасибо, Оскар. Еще будут советы по поводу того, как читать газеты?

Оскар уже шагал к своему кабинету. Через плечо он обратился к миз Гибсон:

— Что у меня на сегодня назначено?

— Как обычно. Разводы и пьянство.

— Разводы и пьянство, — пробормотал Оскар, заходя в кабинет. — Что мне нужно, так это хорошая автомобильная катастрофа. — Он повесил пальто на крючок с обратной стороны двери, расположил зонт на полке у стола и принялся разбирать портфель.

Через пару минут рядом возник Уолли с газетой в руках.

— Имя Честер Марино вам о чем-нибудь говорит? — спросил он. — Это из некролога. Пятьдесят семь лет, жена, дети, внуки, причина смерти не указана.

Оскар почесал свою коротко стриженную седую голову и сказал:

— Вероятно. Возможно, он составлял у нас завешание.

— Он лежит у «Ван Изел энд санз». Посещение сегодня, служба завтра. Я осмотрюсь там и разведу ситуацию. Если он из наших, отправить цветы?

— Нет, пока не узнаем, чем он владеет.

— Точно подмечено. — Уолли все еще держал в руках газету. — Использование тазеров* вышло из-под контроля, представьте себе. Копов из Джолиет обвинили в применении тазеров против семидесятилетнего старика, который отправился в «Уолл-март» купить «Судафед» для больного внука. Фармацевт решил, что старик собирается использовать препарат для приготовления амфетамина, и как добропорядочный гражданин позвонил в полицию. Выяснилось, что копы получили кучу новеньких тазеров, и пятеро этих клоунов остановили старика на парковке и припечатали тазерами его в задницу. Состояние критическое.

— Так мы возвращаемся к законам о тазерах, так, Уолли?

— Да, черт возьми. Это хорошие дела, Оскар. Нужно взять парочку в работу.

Оскар сел и тяжело вздохнул.

— Значит, на этой неделе у нас тазеры. На минувшей мы занимались опрелостями от подгузников и строили грандиозные планы в надежде засудить производителей памперсов, потому что у нескольких тысяч младенцев появились опрелости. В прошлом месяце у нас был китайский гипсокартон.

— По коллективному гражданскому иску** по гипсокартону уже было выплачено четыре миллиарда баксов.

* Электрическое ружье Томаса А. Свифта, предназначенное для обезвреживания преступников без ущерба для их здоровья.

** Автор использует выражение «коллективный деликатный иск» — частный вид коллективных гражданских исков, широко используемый истцами в США. Однако в связи с ориентированностью книги на широкий круг читателей здесь и далее будет использоваться термин «коллективный гражданский иск».

— Да, только мы ни цента из них не увидели.

— Смысл вот в чем, Оскар. Нам нужно серьезно относиться к коллективным гражданским искам. Вот где крутятся большие деньги. Миллионные гонорары, которые платят компании с миллиардной прибылью.

Дверь была открыта, и Рошель ловила каждое слово, хотя что-то подобное обсуждалось едва ли не ежедневно.

Уолли заговорил громче:

— Мы возьмем два-три таких дела, затем свяжемся со специалистами по коллективным гражданским искам, предложим им кусок пирога и будем пожинать плоды сотрудничества с ними, до тех пор пока не будет принято решение, и мы уйдем с мешком денег. Это легкие деньги, Оскар.

— А опрелости?

— Ну ладно, это не сработало. Но заварушка с тазерами — золотая жила.

— Очередная золотая жила, Уолли?

— Ага, и я тебе докажу.

— Попробуй.

Пьяный в конце барной стойки отчасти набрался сил. Он поднял голову и чуть приоткрыл глаза. Абнер подал ему кофе и с упоением заговорил, явно желая убедить мужчину, что пора уходить. Тинейджер подметал пол и расставлял столы и стулья. Маленький бар начал проявлять признаки жизни.

Рассудок Дэвида затуманила водка, он пристально разглядывал себя в зеркале и тщетно пытался расставить все по местам. Сначала его переполняли волнение и гордость за дерзкий побег со смертельного шествия в «Роган Ротберг». Потом охватывал страх перед женой, семьей и будущим. Алкоголь, однако, придавал смелости, и он решил продолжить пить.

Телефон завибрировал снова. Это была Лана из офиса.

— Алло, — тихо произнес он.

— Дэвид, где вы?

— Как раз заканчиваю завтракать, знаете ли.

— Дэвид, если судить по вашему голосу, у вас все не так уж хорошо...

— Все нормально. Нормально.

Последовала пауза.

— Вы пьете?

— Разумеется, нет. Сейчас только девять тридцать.

— Ладно, вам лучше знать. Послушайте, Рой Бартон только что ушел, и он в ярости. Я никогда таких слов не слышала. Он так и сыпал самыми страшными угрозами.

— Скажите Рою, пусть поцелует меня в задницу.

— Простите?

— Вы все поняли. Скажите Рою, пусть поцелует меня в задницу.

— Вы теряете хватку, Дэвид. Это правда. Вы сломались. Я не удивлена, я чувствовала, что это произойдет. Я знала это.

— У меня все в порядке.

— Нет, не в порядке. Вы пьяны, и вы сломались.

— Ладно, быть может, и пьян, но...

— Вроде опять звонит Рой Бартон. Что ему сказать?

— Чтобы он поцеловал меня в задницу.

— Почему бы вам самому не сказать ему это, Дэвид? У вас есть телефон. Позвоните мистеру Бартону. — С этими словами Лана повесила трубку.

Абнер подкрался ближе, из любопытства желая услышать как можно больше. Он вновь принялся протирать деревянную стойку — в третий или четвертый раз, с тех пор как Дэвид устроился в баре.

— Звонили из офиса, — сообщил Дэвид, и Абнер нахмурился, как будто это была плохая новость для всех. —

Тот самый Рой Бартон, о котором я говорил, ищет меня и швыряется вещами. Жаль, что я не муха на стене и не вижу этого. Надеюсь, его хватит удар.

Абнер придвинулся ближе:

— Знаете, я так и не разобрал ваше имя.

— Дэвид Зинк.

— Рад познакомиться. Послушайте, Дэвид, только что пришел повар. Хотите что-нибудь съесть? Может, что-нибудь невероятно жирное? Картофель фри, луковые кольца, большой и толстый гамбургер?

— Я хочу двойную порцию луковых колец и большую бутылку кетчупа.

— Молодец. — Абнер исчез.

Дэвид выпил до дна последнюю «Кровавую Мэри» и отправился на поиски туалета. Вернувшись, он занял свое место, проверил время — 9.28 — и стал ждать луковые кольца. По запаху он уже чувствовал, что они шипят где-то на кухне в горячем масле. Пьяный в дальнем правом углу пил кофе огромными глотками, силясь не закрывать глаза. Тинейджер все еще подметал пол и расставлял стулья.

Лежавший на барной стойке телефон завибрировал снова. Это была жена Дэвида. Он даже не пошевелился. Когда вибрация прекратилась, он подождал, потом проверил голосовую почту. Хелен оставила именно такое сообщение, как можно было ожидать: «Дэвид, тебе дважды звонили из офиса. Где ты? Что делаешь? Все очень волнуются. У тебя все в порядке? Перезвони мне, как только сможешь».

Хелен училась в докторантуре Северо-западного университета, и когда он поцеловал ее утром в 6.45 перед уходом, она еще лежала под одеялом. Когда Дэвид приехал домой прошлым вечером в 10.05, они поужинали остатками лазаньи перед телевизором, а потом он заснул на диване. Хелен была на два года старше его и хотела забеременеть. Вероятность наступления беременности с каждым меся-

чем все уменьшалась ввиду постоянной усталости мужа. Тем временем она пыталась получить степень доктора философии по истории искусств, особенно не напрягаясь.

Раздался тихий гудок, за ним последовало текстовое сообщение от нее: «Где ты? Все в порядке? Пожалуйста, ответь».

Дэвид предпочел бы не разговаривать с ней еще пару часов. Ему придется выслушать упреки в том, что он сломался, и она настоит на обращении к специалистам. Ее отец был психиатром, а мать — консультантом по семейным отношениям, и вся семья верила, что любые жизненные проблемы и загадки можно решить со специалистом за несколько часов. Вместе с тем он, однако, не мог смириться с мыслью, что Хелен жутко переживает за его безопасность.

Он отправил текстовое сообщение: «У меня все в порядке. Мне понадобилось ненадолго уйти из офиса. Со мной все будет хорошо. Пожалуйста, не волнуйся».

Она ответила: «Где ты?»

Появились луковые кольца — груда золотисто-коричневых кружочков, покрытых толстым слоем теста и истекающих жиром, с пылу с жару, прямо из фритюрницы. Абнер поставил тарелку перед Дэвидом:

— Это наши лучшие кольца. Как насчет стакана воды?

— Я подумывал о пинте пива.

— Договорились. — Абнер взял кружку и шагнул к кранику.

— Моя жена разыскивает меня, — признался Дэвид. — У вас есть жена?

— И не спрашивайте.

— Простите. Она отличная женщина, хочет построить семью и все такое, но, похоже, нам не удастся даже начать. В прошлом году я проработал четыре тысячи часов, представляете? Четыре тысячи часов! Я обычно отмечаюсь в

офисе в семь утра, а уйду в десять вечера. Таков мой обычный день, но работа после полуночи не считается чем-то сверхъестественным. И, добираясь домой, я падаю без сил. Думаю, в прошлом месяце мы занимались сексом один раз. Трудно в это поверить. Мне тридцать один. Ей тридцать три. Мы оба в расцвете сил и хотим иметь ребенка, но этот большой мальчик, который сидит здесь перед вами, не может удержаться и засыпает.

Он открыл бутылку кетчупа и вылил из нее треть. Абнер поставил перед ним холодную пинту светлого пива.

— Хоть теста как следует поедите, — заметил Абнер.

Дэвид выудил одно луковое колечко, обмакнул в кетчуп и отправил в рот.

— О, конечно, мне неплохо платят. С чего бы я пошел на такие мучения, если бы мне не платили? — Дэвид осмотрелся, желая удостовериться, что их никто не подслушивает. Поблизости никого не было. Не отрываясь от колечка, он заговорил тише: — Я старший юрист, пять лет работаю в компании, моя зарплата до вычетов налогов за прошлый год составила триста тысяч. Это целая куча денег, а поскольку у меня нет времени их тратить, они просто копятся в банке. Но давайте все подсчитаем. Я проработал четыре тысячи часов, но выставил счетов только на три тысячи. Три тысячи часов — предел для фирмы. Все остальное было размыто и отнесено к другим видам деятельности фирмы и работе *pro bono**. Вы меня слушаете, Абнер? У вас такой вид, будто вы заскучали.

— Слушаю. Я обслуживал юристов и раньше. Знаю, какие они зануды.

Дэвид сделал большой долгий глоток светлого пива и причмокнул.

— Благодарю за прямоту.

— Я всего лишь делаю свое дело.

* Безвозмездной (*лат.*).

— Фирма выставляет счета за мою работу по ставке пятьсот баксов за час. Умножьте это на три тысячи. Это полтора миллиона для доброго старого «Рогана Ротберга», а не несчастные триста тысяч. Умножьте это на пятьсот — столько юристов делают примерно то же, что и я, — и вы поймете, почему юридические факультеты кишат умными молодыми студентами, которые только и мечтают устроиться в крупную юридическую фирму, стать партнерами и разбогатеть. Вы заскучали, Абнер?

— Захватывающий рассказ.

— Хотите луковое колечко?

— Нет, спасибо.

Дэвид затолкал очередное большое кольцо в пересохший рот и запил половиной пинты пива. С края барной стойки донесся громкий хлопок. Пьяный снова сдался — его голова лежала на стойке.

— Кто этот парень? — спросил Дэвид.

— Его зовут Эдди. Заведение наполовину принадлежит его брату, так что он никогда не платит по счету. Меня уже тошнит от него. — Абнер побрел к Эдди и обратился к нему, но тот не ответил. Абнер убрал кофейную чашку и вытер стойку рядом с Эдди, потом медленно вернулся к Дэвиду.

— Так вы отказываетесь от трехсот тысяч, — продолжил Абнер. — И какие у вас планы на будущее?

Дэвид засмеялся, пожалуй, даже слишком громко:

— Планы? Об этом я пока не задумывался. Два часа назад я, как всегда, приехал на работу, а теперь сломался. — Очередной глоток. — Мой план, Абнер, состоит в том, чтобы подольше просидеть здесь и попытаться проанализировать, почему я сломался. Вы мне поможете?

— Это моя работа.

— Я оплачу мой счет и счет Эдди.

— Неплохое предложение.

— Еще одну пинту пива, пожалуйста.

ГЛАВА 4

Посвятив час или около того чтению газеты, Рошель Гибсон съела йогурт, насладились кофе и неохотно взялась за работу. Ее первой задачей было проверить, есть ли в реестре клиентов некий Честер Марино, ныне покоящийся с миром в бронзовом бюджетном ящике в похоронном бюро «Ван Изел энд санз». Оскар оказался прав. Фирма готовила последнее завещание для мистера Марино шесть лет назад. Рошель нашла тонкий файл в кладовой рядом с кухней и отнесла его Уолли, который усердно работал за своим захламленным столом.

Кабинет Уоллиса Т. Фигга, адвоката и поверенного, по первоначальному замыслу архитектора был спальней, но с годами, в результате переноса стен и дверей, его метраж несколько увеличился. Разумеется, теперь тут не осталось и намека на спальню, но и на кабинет помещение особенно не походило. За дверью начинался небольшой коридор шириной около двенадцати футов, потом коридор изгибался направо и выходил в более просторное помещение, там и работал Уолли за столом в стиле 1950-х годов, на самом деле современным: он достался ему по выгодной цене на распродаже. Стол был завален папками с конвертами из манильской бумаги и исписанными крупноформатными блокнотами и заклеен сотнями бумажек с телефонными сообщениями. Человеку непосвященному, в том числе потенциальным клиентам, могло показаться, что юрист, работающий за таким столом, невероятно занят, а может, и очень важен.

Как всегда, миз Гибсон медленно подошла к столу, стараясь не потревожить стопки толстых юридических книг и старых папок, выстроившихся у нее на пути. Она подала Уолли папку со словами:

- Мы оформляли завещание для мистера Марино.
- Спасибо. Каким имуществом он владел?

— Я не смотрела, — бросила она, уже направляясь назад.

Рошель исчезла, а Уолли открыл папку. Шесть лет назад мистер Марино работал аудитором штата Иллинойс и зарабатывал 70 000 долларов в год, жил со своей второй женой и двумя ее детьми-подростками и наслаждался тихим существованием в пригороде. Он как раз выплатил ипотечный кредит за их дом — единственный значительный актив. У них были общие банковские счета, пенсионные фонды и несколько задолженностей. Интерес представляла только коллекция из трехсот бейсбольных карт, которую мистер Марино оценивал в 90 000 долларов. На четвертой странице в папке красовалась ксерокопия карточки 1916 года с изображением Босого Джо Джексона в форме «Уайт сокс», и под ней Оскар написал «75 000 долларов». Оскар не увлекался спортом и никогда не упоминал Уолли об этой странной подробности. Мистер Марино подписал простое завещание, которое мог бы оставить сам совершенно бесплатно, но почему-то отдал «Финли энд Фигг» двести пятьдесят долларов за труды. Читая последнюю волю усопшего, Уолли понял: составляя завещание, мистер Марино преследовал единственную цель — чтобы коллекция бейсбольных карточек не попала в руки его пасынков. Мистер Марино оставил ее своему сыну, Лайлу. На пятой странице Оскар нацарапал: «Жена не знает про карточки».

Уолли оценил недвижимое имущество супругов приблизительно в 500 000 долларов, и при действующих процедурах утверждения завещания* выходило, что юрист, ко-

* Утверждение завещания — судебная процедура, посредством которой завещание признают действительным или недействительным, она необходима для завершения дел покойного. В рамках данного процесса кредиторы имеют возможность подать иск и получить выплаты по долгам. После уплаты государственных взносов и налогов оставшаяся часть имущества распределяется между наследниками.

торый уладит последние дела мистера Марино, заработает около 5000 долларов. Если не разразится скандал из-за бейсбольных карточек, а Уолли, разумеется, на это надеялся, утверждение пройдет в невыносимо унылом обычном режиме и займет около восемнадцати месяцев. Но если наследники будут бороться, Уолли растянет его на три года и утроит свой гонорар. Он не любил работать над утверждением завещаний, однако это было намного лучше разводов и дел по опеке над детьми. Дела об утверждении всегда оплачивались по счетам, а иногда давали возможность заработать дополнительно.

То, что «Финли энд Фигг» подготовили завещание, не играло никакой роли в том, что касалось его утверждения. Любой юрист мог этим заняться, и из своего богатого опыта на туманной ниве привлечения клиентов Уолли знал, что тучи голодных юристов постоянно изучают некрологи и подсчитывают гонорары. Так что для него имело смысл потратить время и заглянуть к Честеру, чтобы предъявить права на оказание юридических услуг по завершению дел покойного. Разумеется, также стоило захватить в «Ван Изел энд санз» — одно из многих похоронных бюро на его участке.

До окончания срока, на который Уолли лишили водительских прав за вождение в пьяном виде, оставалось три месяца, но он продолжал садиться за руль. Однако, проявляя осторожность, держался поближе к дому и офису, где знал всех полицейских. Отправляясь в суд в центр города, Уолли садился на автобус или на поезд.

Бюро «Ван Изел энд санз» располагалось за пределами его «комфортной зоны», но он решил рискнуть. Если попадется, вероятно, ему удастся заговорить полицейских и избежать неприятностей. Если полицейские не уступят, придется надеяться на связи с судьями. В основном

он старался ехать дворами и держаться подальше от потока машин.

Мистер Ван Изел и трое его сыновей умерли много лет назад, их похоронное бюро меняло одного владельца за другим, бизнес пришел в упадок, как и «внимательное и заботливое обслуживание», о котором до сих пор говорилось в рекламе. Уолли припарковался позади, на пустом месте, и вошел через парадный вход, как будто появился здесь, желая выразить соболезнования. Было почти десять утра среды, и пару секунд он провел в полном одиночестве. Он остановился в коридоре и изучил план помещений. Честер находился за второй дверью справа, во втором из трех помещений для прощания. Слева располагалась маленькая часовня. Одетый в черный костюм человечек с бледной кожей, бурыми зубами приблизился к нему и произнес:

— Доброе утро. Могу ли я вам помочь?

— Доброе утро, мистер Грейбер, — сказал Уолли.

— О, это опять вы.

— Всегда рад вас видеть. — Хотя Уолли однажды пожимал руку мистер Грейберу, он не стремился это повторить. Он не знал наверняка, но подозревал, что мужчина — один из владельцев похоронного бюро. Уолли навсегда запомнил мягкое прохладное прикосновение его руки. Да и сам мистер Грейбер не спешил протянуть руку. Им обоим не нравилось то, чем занимается собеседник. — Мистер Марино был нашим клиентом, — хмуро добавил Уолли.

— Посещение будет разрешено только сегодня вечером, — сообщил Грейбер.

— Да, понимаю. Но сегодня днем я уезжаю из города.

— Прекрасно. — И он вроде как махнул в направлении помещений, где лежали тела.

— Полагаю, другие юристы еще не показывались, — сказал Уолли.

Грейбер фыркнул и закатил глаза.

— Кто знает? За вами, ребята, я уследить не могу. На прошлой неделе мы устраивали похороны для мексиканца-нелегала, которого задавил бульдозер, служба проводилась в местной часовне. — Он кивнул в сторону часовни. — Так тут собралось больше юристов, чем членов семьи. Бедняга никогда не купался в такой любви.

— Как мило, — заметил Уолли. Он тоже приходил на церемонию на прошлой неделе, но «Финли энд Фигг» то дело не досталось. — Спасибо, — сказал он и отошел.

Уолли миновал первый зал — закрытый гроб, ни одного плачущего родственника. Он шагнул во второе помещение — тускло освещенную комнату, двадцать футов на двадцать, с гробом у одной стены и рядом дешевых стульев у другой. Честера закрыли полностью, что порадовало Уолли. Он положил руку на крышку гроба с таким видом, будто едва сдерживал слезы. Только он и Честер, в последний раз наедине.

Как правило, Уолли околачивался у гроба пару минут в надежде, что появится кто-то из членов семьи или друзей. Если на этот раз никто не придет, Уолли распишется в журнале и оставит визитку Грейберу с особыми указаниями сообщить семье, что юрист мистера Марино заезжал выразить соболезнования. Фирма отправит цветы в бюро и письмо вдове, а через пару дней Уолли позвонит женщине и в разговоре даст ей понять, что она так или иначе обязана нанять «Финли энд Фигг», поскольку они готовили завешание. В половине случаев это срабатывало.

Уолли уже собрался уходить, когда в комнату шагнул молодой человек лет около тридцати, приятной наружности и в подобающем облачении — в пиджаке и при галстуке. Он посмотрел на Уолли весьма скептически, как многие, кто видел его впервые, хотя сам Уолли уже из-за этого не переживал. Когда два совершенно незнакомых друг дру-

гу человека встречаются в пустом помещении у гроба для прощания с усопшим, первые слова произносятся с большой неловкостью. Наконец Уолли удалось представиться, и молодой человек произнес:

— Да, что ж... это мой отец. Я Лайл Марино.

Ах, так это будущий владелец прекрасной коллекции бейсбольных карточек. Но Уолли не мог об этом упоминать прямо сейчас.

— Ваш отец был клиентом нашей юридической фирмы, — заметил Уолли. — Мы готовили его завещание. Мне очень жаль.

— Благодарю, — ответил Лайл, казалось, он испытал облегчение. — Не могу в это поверить. В прошлую субботу мы ходили на «Блэкхоукс». Отлично провели время. А теперь его нет.

— Мне очень жаль. Так он скончался внезапно?

— От сердечного приступа. — Лайл щелкнул пальцами и сказал: — Раз — и все. Он сидел на работе утром в понедельник у себя за столом и ни с того ни с сего вспотел, ему стало тяжело дышать, потом он просто упал на пол. Замертво.

— Мне очень жаль, Лайл, — произнес Уолли таким тоном, как будто знал молодого человека всю жизнь.

Лайл поглаживал крышку гроба, повторяя:

— Просто не могу в это поверить.

Уолли требовалось получить недостающую информацию.

— Ваши родители развелись около десяти лет назад, верно?

— Что-то вроде того.

— Ваша мать до сих пор живет в городе?

— Да. — Лайл вытер глаза тыльной стороной ладони.

— А ваша мачеха? Вы с ней близки?

— Нет. Мы не разговариваем. Развод был отвратительным.

Уолли едва сдержал улыбку. Враждующие родственники повысят его гонорары.

— Мне очень жаль. Ее зовут...

— Милли.

— Точно. Послушайте, Лайл, мне нужно бежать. Вот моя визитка. — Уолли проворно вытащил визитку и протянул парню. — Честер был отличным парнем, — добавил Уолли. — Позвоните, если понадобится наша помощь.

Лайл взял визитку и затолкал в карман брюк. Он пустым взглядом смотрел на гроб.

— Простите, как ваша фамилия?

— Фигг. Уолли Фигг.

— Вы юрист?

— Да. «Финли энд Фигг», маленькая фирма, которая ведет множество дел во всех крупных судах.

— И вы знали моего отца?

— О да, очень хорошо. Он любил собирать бейсбольные карточки.

Лайл убрал руку с гроба и посмотрел прямо в хитрые глаза Уолли Фигга.

— Знаете, что убило моего отца, мистер Фигг?

— Вы сказали, сердечный приступ.

— Точно. Знаете, что вызвало сердечный приступ?

— Хм-м... нет.

Лайл посмотрел на дверь, желая удостовериться, что они до сих пор одни. Он оглядел комнату, чтобы удостовериться, что никто не подслушивает. Он шагнул ближе, так что его туфли почти коснулись туфель Уолли, который уже был готов услышать, что старого Честера убили каким-нибудь хитроумным способом.

Почти шепотом Лайл спросил:

— Вы когда-нибудь слышали о лекарстве, которое называется крейокс?

* * *

В торговом центре рядом с бюро «Ван Изел энд санз» был «Макдоналдс». Уолли купил два стакана кофе, и они поспешили удалиться за отгороженный столик, как можно дальше от стойки с кассами. Лайл достал стопку бумаг — статьи, найденные в Интернете, и стало очевидно, что ему необходимо с кем-то поговорить. С тех пор как сорок восемь часов назад умер отец, его преследовали мысли о крейоксе.

Лекарство было на рынке уже шесть лет, и его продажи стремительно росли. Как правило, оно помогало понизить холестерин у полных людей. Вес Честера медленно подползал к отметке в триста фунтов, а это вызывало повышение и других показателей — уровня кровяного давления и холестерина прежде всего. Лайл ругал отца за лишний вес, но Честер не мог отказаться от поедания мороженого ночью. Пытаясь побороть стресс после отвратительного развода, он сидел в темноте и поглощал одну пинту «Бен энд Джеррис» за другой. Начав набирать вес, он не смог его сбросить. Доктор выписал ему крейокс год назад, и уровень холестерина резко упал. В то же время Честер начал жаловаться на аритмию и одышку. Он сообщил об этом доктору, но тот заверил, что все в порядке. Резкое снижение холестерина перевешивало неудобства от незначительных побочных эффектов.

Крейокс производился «Веррик лабз» — фирмой из Нью-Джерси, в данный момент занимавшей третье место в списке десяти крупнейших фармацевтических компаний мира по версии журнала «Биг фарма» объемом годовых продаж в размере 25 миллиардов долларов и длинным шлейфом кровавых сражений с федеральными регулирующими органами и юристами, специализирующимися на гражданских делах.

— За год «Веррик» зарабатывает на крейоксе шесть миллиардов, — говорил Лайл, просматривая свежие распечатки из Интернета. — И с каждым годом доходы растут на десять процентов.

Уолли забыл о кофе, пока его собеседник цитировал статьи. Он молча слушал, хотя от обилия информации у него едва не закружилась голова.

— И вот что интереснее всего, — произнес Лайл, поднимая очередной лист. — Вы когда-нибудь слышали о юридической фирме «Зелл энд Поттер»?

Уолли никогда не слышал о крейоксе, хотя и недоумевал, почему при его весе в 240 фунтов и слегка повышенном уровне холестерина доктор не советовал ему принимать это лекарство. О «Зелл энд Поттер» он тоже не слышал, но, почувствовав, что фирма сыграла ключевую роль в каком-то важном событии, не захотел признаваться в своем невежестве.

— Думаю, да, — ответил он и, нахмурившись, задумался.

— Большая фирма, представляющая интересы истцов, из Форт-Лодердейла.

— Ага.

— На прошлой неделе ее юристы подали во Флориде иск против «Веррик», крупный иск в связи с многочисленными случаями гибели людей из-за приема крейокса. Вот репортаж из «Майами гералд».

Уолли просмотрел статью, и его сердце забилося вдвое быстрее.

— Уверен, вы слышали об этом иске, — сказал Лайл.

Уолли постоянно поражался наивности обычных людей. В Соединенных Штатах каждый год подается два миллиона исков, а бедный Лайл, сидящий рядом, думал, что Уолли обратил внимание на какой-то один в южной Флориде. Тем не менее Уолли кивнул:

— Да, я слежу за ходом процесса.

— Ваша фирма ведет подобные дела? — тут же спросил Лайл.

— Мы на них специализируемся, — ответил Уолли. — Мы собаку съели на делах о смерти и травмах. Я хотел бы взяться за «Веррик лабз».

— Правда? Вы судились с ними раньше?

— Нет, но нам приходилось бороться со многими крупными фармацевтическими компаниями.

— Это просто прекрасно. Значит, вы готовы вести дело моего отца?

«Готов, черт возьми», — подумал Уолли, хотя благодаря многолетнему опыту знал, что лучше не проявлять чрезмерного энтузиазма, как, впрочем, и явного оптимизма.

— Мне кажется, у этого дела есть потенциал. Мне нужно посоветоваться с моим старшим партнером, провести кое-какие исследования, поболтать с ребятами из «Зелл энд Поттер» — словом, выполнить мое домашнее задание. Работа с коллективными гражданскими исками очень сложна.

А еще она может быть невероятно выгодной — и эта мысль больше всего занимала Уолли в тот момент.

— Спасибо, мистер Фигг.

Без пяти одиннадцать Абнер несколько оживился. Он посматривал на дверь, продолжая натирать бокалы для мартини белым полотенцем. Эдди, проснувшись в очередной раз, потягивал кофе, но до сих пор пребывал в ином мире. Наконец Абнер спросил:

— Дэвид, вы не могли бы оказать мне любезность?

— Любую, какую вам угодно.

— Вы не могли бы передвинуться на два табурета? Тот, на котором вы сидите сейчас, забронирован на одиннадцать часов на каждое утро.

Дэвид посмотрел направо: между ним и Эдди стояло восемь пустых табуретов. А слева от конца барной стойки его отделяли семь пустых табуретов.

— Вы шутите? — спросил Дэвид.

— Вовсе нет. — Абнер схватил его кружку пива, уже почти пустую, заменил на полную и поставил перед третьим табуретом от него слева. Дэвид медленно встал и последовал за своим пивом.

— А в чем тут фишка? — поинтересовался он.

— Увидите, — ответил Абнер, кивнув на дверь. В пабе больше никого не было, кроме Эдди, разумеется.

Через пару минут дверь открылась, и появился пожилой мужчина-азиат. На нем была безукоризненно чистая форма, галстук-бабочка и маленькая водительская кепка. Он сопровождал леди, которая выглядела намного старше его. Она шла, опираясь на трость, без посторонней помощи, а водитель порхал вокруг нее. И эта странная пара медленно направилась к барной стойке. Дэвид заворуженно наблюдал за ними: у него наконец начались галлюцинации или это происходило наяву? Абнер смешивал коктейль и тоже наблюдал. Эдди что-то бормотал.

— Доброе утро, мисс Спенс, — вежливо поздоровался Абнер, чуть ли не поклонившись.

— Доброе утро, Абнер, — сказала она, скованно поднимаясь всем телом и осторожно забираясь на табурет. Водитель повторял все ее движения обеими руками, но не прикасался к ней. Усевшись как следует, дама произнесла:

— Мне как обычно.

Водитель, кивнув Абнеру, попятился и тихо вышел из бара.

На мисс Спенс была длинная норковая шуба, ее крошечную шею обнимало массивное жемчужное ожерелье, а толстый слой помады и туши мало помогал скрыть то, что ей как минимум девяносто лет. Дэвид тут же проникся благоговением. Его бабушке было девяносто два года, и она

лежала пристегнутая ремнями к койке в доме престарелых, словно существуя в каком-то другом мире, и вот перед ним оказалась величественная почтенная дама, которая выпивает еще до обеда.

Она не обращала на Дэвида никакого внимания. Абнер закончил смешивать ее коктейль — интересное сочетание разных ингредиентов.

— Один «Перл-Харбор», — объявил он, поставив стакан перед ней.

Она медленно поднесла его к губам, сделала маленький глоток с закрытыми глазами, прополоскала алкоголем рот, а потом одарила Абнера легчайшей из своих весьма морщинистых улыбок. И тот снова начал дышать.

Дэвид, еще не совсем пьяный, но приближавшийся к этому состоянию, склонился над стойкой и спросил у женщины:

— Вы часто сюда приходите?

Абнер судорожно сглотнул и, словно защищаясь, выставил обе ладони перед Дэвидом.

— Мисс Спенс — постоянный клиент, и она предпочитает пить в тишине, — взволнованно произнес он. Мисс Спенс еще раз приложила к стакану, опять с закрытыми глазами.

— Она хочет пить в баре в тишине? — с недоверием спросил Дэвид.

— Да! — рявкнул Абнер.

— Что ж, тогда она, наверное, не ошиблась в выборе бара, — заметил Дэвид, обведя широким жестом пустое помещение. — Здесь безлюдно. У вас хоть когда-нибудь собираются толпы?

— Еще бы, — уверенно ответил Абнер. На его лице читалось: «Просто посидите какое-то время тихо».

Но Дэвид упорствовал:

— Просто за целое утро у вас было только два клиента — я и старина Эдди, и мы все знаем, что он не оплачивает счет.

В это мгновение Эдди как раз поднимал чашку кофе, направляя ее к собственному лицу, но не мог найти рот. Он явно не слышал замечания Дэвида.

— Прекратите! — прорычал Абнер. — Или я попрошу вас уйти.

— Извините. — Дэвид замолчал. Ему не хотелось уходить, потому что он понятия не имел, куда направится.

Третий глоток сделал свое дело и немного разрядил обстановку. Мисс Спенс открыла глаза и осмотрелась. Медленно, старческим голосом она произнесла:

— Да, я часто сюда прихожу. С понедельника по субботу. А вы?

— Сегодня — в первый раз, — ответил Дэвид. — Но думаю, не в последний. Начиная с сегодняшнего дня у меня, вероятно, будет больше времени, чтобы пить, как и больше поводов. Ваше здоровье. — Он потянулся через стойку и пивной кружкой осторожно дотронулся до ее стакана.

— Ваше здоровье, — ответила она. — А почему вы здесь, молодой человек?

— Это длинная история. И она становится все длиннее и длиннее. А почему здесь вы?

— О, не знаю. По привычке, наверное. Сколько я уже сюда хожу шесть дней в неделю?

— Лет двадцать, не меньше, — подсказал Абнер.

Дама явно не желала выслушивать длинную историю Дэвида. Она сделала еще один глоток и приняла такой вид, как будто ей захотелось вздремнуть. Дэвида вдруг тоже стало клонить в сон.

ГЛАВА 5

Хелен Зинк прибыла в Траст-тауэр чуть позже полудня. Добираясь на машине в центр, в сотый раз попыталась позвонить и отправить текстовое сообщение мужу, но без осо-

бого успеха. В 9.33 он написал ей эсэмэс — просил не волноваться, а в 10.42 прислал второе, и последнее, сообщение: «Нет, милллая. Все ок. Не биспакойся».

Хелен, оставив машину в гараже, пробежала по улице и ступила в атриум небоскреба. Через пару минут она вышла из лифта на девяносто третьем этаже. Секретарь провела ее в маленький конференц-зал, где она села ждать руководство в полном одиночестве. Несмотря на обеденное время, в «Рогане Ротберге» неодобрительно смотрели на всех, кто пытался перекусить вне здания. Хорошая пища и свежий воздух превратились практически в табу. Периодически кто-нибудь из важных партнеров устраивал клиенту показательный марафон и выводил его на дорогостоящий обед, за который в конечном счете приходилось расплачиваться самому клиенту, ведь его обманывали давно испытанными способами — увеличением количества документов и раздуванием гонораров. Однако, как правило (хоть это было и неписаное правило), младшие юристы и менее важные партнеры быстро хватали сандвичи из автомата. Обычно Дэвид и завтракал, и обедал за своим столом, и не так уж редко ужинал. Однажды он похвастался Хелен, что успел выставить счета трем разным клиентам, каждому — за час работы, пока жевал копченого тунца с чипсами и запивал все диетической содовой. Она надеялась, это лишь шутка.

Хотя точность цифры вызвала у нее сомнения, ей казалось, муж набрал не меньше тридцати фунтов со дня их свадьбы. Тогда он еще занимался бегом, и лишний вес не был проблемой. Но постоянное употребление вредных продуктов вкупе с практически полным отсутствием физической нагрузки беспокоило их обоих. На девяносто восьмом этаже фирмы располагался прекрасный и неизменно пустой спортивный зал: та же идея, та же цель прививать сотрудникам умение заботиться о здоровье, то же пренебре-

жение всем этим. В «Рогане Ротберге» промежуток между 12.00 и 13.00 ничем не отличался от любого другого часа дня и ночи.

Это был второй визит Хелен в офис за пять лет. Супругам сотрудников не запрещали сюда приходить, но и не приглашали. У нее не было повода здесь появляться, а после всех страшных историй, которые Дэвид рассказывал дома, она вообще не испытывала желания навещать сюда или общаться с его коллегами. Дважды в год они с Дэвидом выбирались на какое-нибудь ужасное светское мероприятие «Рогана Ротберга» — жалкую вылазку из офиса с целью ободрить измотанных юристов и их заброшенных супругов и супруг. Неизменно такие мероприятия превращались в отвратительные попойки с демонстрацией возмутительного поведения, а выходки некоторых порой было невозможно забыть. Возьмите кучку измученных юристов, напоите их, и все пойдет хуже некуда.

Год назад на вечеринке на корабле на озере Мичиган за милю от берега Рой Бартон пытался приставать к Хелен. Если бы он не был так пьян, возможно, его попытки могли бы увенчаться успехом, и это привело бы к серьезным последствиям. Целую неделю Хелен и Дэвид спорили о том, что предпринять. Дэвид хотел устроить ему очную ставку, а потом пожаловаться в особый комитет фирмы. Хелен была против, поскольку это могло навредить карьере Дэвида. Свидетелей не было, и правда крылась в том, что Бартон, вероятно, и сам не помнил, что натворил. Со временем они перестали говорить об этом инциденте. За пять лет Хелен выслушала столько историй о Рое Бартоне, что Дэвид в какой-то момент решил больше не упоминать дома имя начальника.

И вот сейчас Рой шагнул в маленький конференц-зал с недовольной гримасой и решительно спросил:

— Хелен, что происходит?

— Забавно, у меня к вам такой же вопрос, — парировала она. Мистер Бартон (именно это обращение он предпочитал) давил на людей, сначала облаивая их, а потом пытаясь смутить. Она не собиралась это терпеть.

— Где он? — рявкнул он.

— Вот вы мне и скажите, Рой, — ответила она.

Лана, секретарь, и Ал, и Перекошенная вместе вышли из лифта, как будто получили повестку от одного и того же судебного чиновника. Всех быстро представили друг другу, потом Рой закрыл дверь. Хелен много раз общалась с Ланой по телефону, но никогда не видела ее.

Посмотрев на Ала и Перекошенную, Рой произнес:

— Вы двое, сообщите нам, что случилось.

Каждый изложил собственную версию последней поездки Дэвида Зинка на лифте и без малейших преувеличений нарисовал четкий и ясный образ нервного человека, внутри которого что-то «щелкнуло». Он потел, тяжело дышал, был бледен, довольно опрометчиво заскочил обратно в лифт и приземлился на пол. А как только сдвинулись дверцы, они слышали его смех.

— С ним все было в порядке, когда сегодня утром он уходил из дома, — заверила их Хелен, словно желая подчеркнуть, что ее муж сломался именно по вине фирмы.

— Вы! — рявкнул Рой, обращаясь к Лане. — Вы говорили с ним.

У Ланы все было записано. Она говорила с ним дважды, потом он перестал отвечать на звонки.

— После второго разговора, — добавила она, — мне стало совершенно ясно, что он выпил. У него заплетался язык, и он растягивал слоги.

Рой метнул злобный взгляд на Хелен, как будто это она была во всем виновата:

— И куда он мог отправиться?

— О, как обычно, Рой, — сказала Хелен. — В то самое место, куда всегда ходит, когда падает от усталости в 7.30 утра и напивается.

В кабинете воцарилось тяжелое молчание. Хелен Зинк явно не стеснялась дерзить Рою Бартону, а остальные, разумеется, не смели.

Понизив голос, мистер Бартон спросил ее:

— Он много пьет?

— У него нет времени пить, Рой. Он приходит домой в десять или одиннадцать, иногда выпивает бокал вина, а потом засыпает на диване.

— Он обращался к психиатру?

— В связи с чем? Не с тем ли, что работает по сто часов в неделю? Я думала, здесь это норма. Тогда вам всем нужно показаться психиатру.

Повисла пауза. Рою дали достойную отповедь, и это было крайне необычно. Ал и Перекошенная усталились в стол, с трудом сдерживая улыбки. Лана выглядела, как испуганная лань, явно приготовившись к тому, что ее в любую минуту уволят.

— Значит, у вас нет информации, которая могла бы оказаться нам полезной? — заключил Рой.

— Нет, а у вас, очевидно, нет информации, которая могла бы оказаться полезной мне, верно, Рой?

Рой был сыт по горло. Его глаза сузились, желваки вздулись, лицо покраснело. Он взглянул на Хелен:

— Он объявится, ясно? Рано или поздно. Он сядет в такси и приедет домой. Он приползет к вам, а потом приползет к нам. Он получит еще один шанс, понимаете? Я хочу, чтобы он был у меня в кабинете завтра ровно в восемь утра. Трезвый и исполненный сожаления.

Глаза Хелен увлажнились. Она приложила руки к щекам и срывающимся голосом произнесла:

— Я просто хочу найти его. Хочу узнать, что он в безопасности. Вы поможете мне?

— Принимайтесь за поиски, — посоветовал Рой. — В центре Чикаго множество баров. Рано или поздно вы его найдете.

С этими словами Рой Бартон эффектно удалился из кабинета и захлопнул за собой дверь. Как только он исчез, Ал шагнул вперед, потрепал Хелен по плечу и тихо сказал:

— Послушайте, Рой — осел, но он прав вот в чем: Дэвид сейчас напивается в баре. И в конце концов он сядет в такси и отправится домой.

Перекошенная тоже приблизилась к ней со словами:

— Хелен, такое здесь уже случалось. На самом деле в этом нет ничего необычного. Завтра с ним все будет в порядке.

— И в штате фирмы есть консультант, настоящий профессионал, который работает с пострадавшими, — добавил Ал.

— С пострадавшими? — удивилась Хелен. — Вот кем считается мой муж в данный момент?

Перекошенная пожала плечами:

— Да, но вы не волнуйтесь.

Ал повторил:

— Он в баре. — И добавил: — Хотел бы я оказаться сейчас рядом с ним.

В заведении Абнера наконец собралась толпа. Все скамьи и столы в обеденное время заняли офисные работники, заливавшие гамбургеры пинтами пива. Дэвид подвинулся на один стул направо и оказался рядом с мисс Спенс. Она допивала свой третий, и последний, «Перл-Харбор», а Дэвид — второй. Когда она предложила ему первый, сначала он отказался, заявив, что не любит суетливо смешан-

ные напитки. Она настояла, и Абнер, приготовив новую порцию, поставил стакан перед Дэвидом. На вид безобидный, как сироп от кашля, на самом деле напиток представлял собой убийственную смесь водки, дынного ликера и ананасового сока.

Их общим интересом оказался стадион «Ригли филд». Отец водил туда мисс Спенс еще маленькой девочкой, она всю жизнь следила за своими любимыми «Кабс». Она хранила свои сезонные билеты шестьдесят два года (рекордный срок, по ее твердому убеждению) и видела в игре самых великих: Роджерса Хорнсби, Эрни Бэнкса, Рона Санто, Билли Уильямса, Ферджи Дженкинса и Райана Сендберга. И очень переживала за них, наравне с другими фанатами «Кабс». Ее взгляд зажегся, когда она начала рассказывать знаменитую историю о проклятии козла Билли*. И она едва не всплакнула, когда в подробностях вспомнила великую осень 1969-го. Упомянув пресловутый июньский упадок 1977-го, она сделала долгий глоток, не сообщив Дэвиду о том, что ее покойный супруг однажды пытался купить команду, но его каким-то образом обошли хитрые конкуренты.

После двух коктейлей «Перл-Харбор» мисс Спенс совершенно разморило. Третий подействовал усыпляюще. Она не интересовалась историей Дэвида, предпочитая говорить сама, а Дэвид, который уже медленно соображал, с удовольствием ее слушал. Абнер периодически подходил к ним, чтобы удостовериться, все ли ее устраивает.

Ровно в 12.15, как раз до того, как в бар Абнера нахлынул поток обеденных посетителей, водитель-азиат явился

* Как-то владелец таверны «Козел Билли» привел с собой на матч «Кабс» питомца и талисмана заведения — козла Билли. Его попросили покинуть игру, поскольку запах, исходивший от животного, мешал другим болельщикам. Хозяин козла проклял «Кабс», и команда еще много лет занимала не самые лучшие места в турнирных таблицах.

забрать мисс Спенс. Она осушила стакан, попрощалась с Абнером и, даже не пытаясь оплатить счет, поблагодарила Дэвида за компанию и покинула бар. Правой рукой она уцепилась за водителя, а левой — опиралась на палку. Мисс Спенс шла медленно, но прямо и несла себя с гордостью. Она явно собиралась вернуться.

— И кто это? — спросил Дэвид у Абнера, когда тот оказался поблизости.

— Я расскажу вам позже. Обедать будете?

— Конечно. У гамбургеров отличный вид. С двойной порцией сыра и картошкой фри.

— Будет сделано.

Водителя такси звали Боуи, и он любил поговорить. Когда они уехали из третьего похоронного бюро, он уже не смог сдержать любопытства.

— Я вот хочу спросить, дружище, — пропел он, обернувшись, — а что такого интересного в этих погребальных конторах?

Уолли обложил заднее сиденье некрологами, городскими картами и крупноформатными блокнотами.

— Поехали в «Вуд энд Фергюсон» на Сто третьей улице у Беверли-парк, — заявил он, временно проигнорировав вопрос Боуи.

Они провели вместе почти два часа, и счетчик приближался к отметке в 180 долларов — неплохая сумма для гонорара таксиста. Зато появились существенные изменения в контексте суда по крейоксу. Если верить статьям, которые передал ему Лайл Марино, юристы считали, что дело о смерти, связанной с употреблением лекарств, может принести от двух до четырех миллионов долларов. Юристы заберут сорок процентов, а «Финли энд Фигг», разумеется, придется разделить гонорар с «Зелл энд Поттер» или другой фирмой, специализирующейся на гражданских исках

и играющей главную роль в разбирательстве. Но даже после уменьшения гонораров дело о лекарстве оставалось золотой жилой. Сейчас срочно требовалось найти реальные дела. Пока такси возило по Чикаго, он пребывал в уверенности, что только ему одному из миллиона юристов в городе хватило проницательности броситься на улицы мегаполиса в поисках жертв крейокса.

В соответствии с другой статьей негативное побочное действие этого лекарства только что обнаружили. А в третьей, в цитате судебного юриста, отмечалось, что медицинским кругам и широкой общественности пока неизвестно о «фиаско крейокса». Но Уолли-то все знал, и теперь его не особенно волновало, сколько он потратит на такси.

— Я задал вопрос обо всех этих похоронных бюро, — напомнил Боуи. Они ведь пока не собирались расставаться, и он не хотел, чтобы его игнорировали.

— Уже час дня, — объявил Уолли. — Вы обедали?

— Обедал? Я с вами уже два часа. Вы видели, как я обедал?

— Я проголодался. Справа от нас «Тако белл». Давайте туда заедем.

— Платите вы, верно?

— Верно.

— Я люблю «Тако белл».

Боуи заказал мягкие тако себе и лучшие буррито своему пассажиру. Пока они стояли в очереди, Боуи произнес:

— Я вот все думаю: что интересует этого парня в погребальных конторах? Не мое дело, конечно, но я работаю водителем уже восемнадцать лет и никогда не возил пассажира, который посещал бы все похоронные бюро в городе. Никогда еще не возил человека, у которого столько друзей, понимаете, о чем я?

— Вы правы в одном, — ответил Уолли, оторвавшись от очередной статьи, добытой Лайлом. — Это не ваше дело.

— Ух ты! Сразили меня наповал, да? А я думал, вы славный малый.

— Я юрист.

— Все хуже и хуже. Я просто шучу, знаете ли. Мой дядя — юрист. Полный придурок.

Уолли протянул Боуи двадцатидолларовую банкноту, тот взял пакет с едой и разделил ее. Уже на улице он записал тако себе в рот и замолчал.

ГЛАВА 6

Рошель втайне читала любовный роман, когда на пороге слышались шаги. Она ловко спрятала книгу в мягкой обложке в ящик стола и переместила пальцы на клавиатуру, чтобы у вошедшего создалось впечатление, будто она усердно работает. На порог робко ступили мужчина и женщина, стреляя глазами по сторонам и почти дрожа от страха. Это не удивляло Рошель. Она видела тысячи клиентов, и в первый раз почти все они появлялись с хмурыми, исполненными подозрения лицами. А почему бы и нет? Они не пришли бы сюда, если бы не попали в беду, а для большинства это был первый визит в юридическую контору.

— Добрый день, — приветливо произнесла она.

— Мы ищем юриста, — сказал мужчина.

— Юриста по разводам, — уточнила женщина.

Рошель тут же поняла, что она уточняет все фразы мужа уже довольно долго и ему, вероятно, это надоело. Правда, обоим было за шестьдесят, а это поздновато для развода.

Рошель изобразила улыбку и указала на два ближайших стула:

— Пожалуйста, садитесь. Мне нужно записать ваши данные.

— А можно встретиться с юристом без предварительной записи? — поинтересовался мужчина.

— Думаю, да, — ответила Рошель.

Супруги попятились к стульям и сели, потом отодвинулись на стульях, подальше друг от друга. Развод может получиться неприятным, подумала Рошель. Она достала анкету и нашла ручку.

— Ваши имена, пожалуйста. Полностью.

— Кальвин Эй Фландер, — произнес он.

— Барбара Мэри Скабро Фландер, — сказала она. — Скабро — девичья фамилия, и, возможно, я возьму ее снова, пока не решила. Но со всем остальным мы уже определились и даже подписали соглашение о разделе совместно нажитого имущества, форму я нашла в Интернете, там все в порядке. — Женщина протянула большой запечатанный конверт.

— Она всего лишь попросила представиться, — заметил мистер Фландер.

— Я поняла.

— А она может вернуть свою прежнюю фамилию? То есть, понимаете, уже сорок два года она носит мою, и я не устаю повторять, что никто не поймет, кто она такая, если она опять станет Скабро.

— Это звучит куда лучше, чем Фландер, — парировала Барбара. — Фландер напоминает название какого-то городка в Европе или человека, который спит со всеми подряд, то есть фланирует от одной к другой, — фла-ни-ровщик! Вам так не кажется?

Супруги устались на Рошель, и та спокойно спросила:

— Есть несовершеннолетние дети в возрасте до восемнадцати лет?

Оба покачали головами.

— Двое взрослых, — ответила миссис Фландер, — и шесть внуков.

— Она про внуков не спрашивала, — сказал мистер Фландер.

— Ну а я, черт возьми, ей сказала, что из того?

Рошель удалось выудить у них даты рождения, адреса, номера карт социального страхования и сведения о работе, не доводя дело до ссоры.

— Так, по вашим словам, вы женаты уже сорок два года...

Фландеры с вызывающим видом кивнули.

Рошель подмывало спросить, в чем причина разрыва, что пошло не так и нельзя ли спасти брак, но ей хватило ума об этом промолчать. Пусть с этим разбираются юристы.

— Вы упомянули соглашение о разделе имущества. Полагаю, вы договорились о разводе без обвинений ввиду непримиримых противоречий.

— Именно, — подтвердил мистер Фландер. — И чем скорее, тем лучше.

— Мы вполне готовы, обо всем упоминается здесь, — сказала миссис Фландер, вцепившись в конверт.

— Вы говорите о доме, машинах, банковских и пенсионных счетах, кредитных картах, долгах, мебели и бытовых приборах? — уточнила Рошель.

— Да, — сказал он.

— Обо всем мы написали здесь, — кивнула миссис Фландер.

— И вас обоих соглашение устраивает?

— О да, — ответил супруг. — Мы проделали всю работу, и нам нужен только юрист, чтобы составить документы и пойти с нами в суд. Без всякой спешки.

— Только так и бывает, — произнесла Рошель голосом специалиста, умудренного опытом. — Я отведу вас к одному из наших юристов, чтобы обсудить детали. За развод без обвинений наша фирма берет семьсот пятьдесят долларов, причем половина суммы должна быть оплачена на первой консультации. Вторую половину необходимо внести в день суда.

Фландеры отреагировали по-разному. Миссис Фландер, не веря своим ушам, открыла рот, как будто Рошель потребовала 10 000 долларов наличными. Глаза мистера Фландера сузились, а лоб наморщился, как будто именно этого он и ждал: первоклассное вымогательство денег скользкими юристами. Никто не проронил ни слова, пока Рошель не поинтересовалась:

— Что-то не так?

Мистер Фландер прорычал:

— Что это, старая уловка заманить клиентов низкой ценой, которая тут же меняется? Эта фирма рекламирует услуги по сопровождению развода без обвинений за триста девяносто девять долларов, но, как только клиенты приходят к вам, вы удваиваете цену.

Рошель немедленно задалась вопросом, что Уолли натворил на этот раз. Он так активно рекламирует услуги фирмы всеми возможными способами и во всех возможных местах, что за ним невозможно уследить.

Мистер Фландер резко встал, рывком вытащил что-то из кармана и бросил это Рошель на стол.

— Взгляните, — сказал он.

Это была карточка для игры в бинго из Дома ветеранов иностранных войн номер 178 в парке Маккинли. Внизу красовалось ярко-желтое объявление с текстом: «“Финли энд Фигг”, адвокаты. Развод без обвинений проще простого. 399\$. Звоните 773-718-ПРАВО».

Рошель удивлялась так много раз, что у нее уже должен был выработаться иммунитет. Но карточки для игры в бинго? Она видела, как потенциальные клиенты шарили в кошельках, и сумках, и карманах, чтобы достать церковный вестник, футбольную программку, лотерейный билет «Ротари-клуба», купон, — сотни всяких других маленьких образчиков пропагандистского материала, которыми адвокат Фигг засорял Большой Чикаго в глупом порыве расширить бизнес. И теперь он сделал это снова. Ей пришлось признать, что она действительно удивилась.

Прейскурант на услуги фирмы напоминал движущуюся мишень, и стоимость представления клиента менялась на лету в зависимости от клиента и ситуации. Хорошо одетая пара, приехавшая на машине последней модели, могла получить счет на 1000 долларов за развод без обвинений от одного юриста, а через час упрямый работяга со своей изможденной женой могли выторговать половину этой суммы у другого юриста. В ежедневные обязанности Рошель входило улаживание споров и трений по поводу гонораров.

Карточки для игры в бинго? Проще простого за 399 долларов? Оскар будет рвать и метать.

— Ладно, — спокойно произнесла она, как будто реклама на карточках для игр в бинго давно стала традиционной для их фирмы. — Мне нужно взглянуть на ваше соглашение о разделе имущества.

Миссис Фландер передала его. Рошель быстро просмотрела его и вернула.

— Позвольте я проверю, у себя ли мистер Финли, — попросила она. Карточку взяла с собой.

Дверь Оскара была закрыта, как всегда. В фирме неотступно следовали правилу закрытых дверей, которое позволяло юристам отгородиться друг от друга, уличного шума и всякого сброда, который отваживался к ним заходить. Со

своего места у входа Рошель видела каждую дверь: Оскара, Уолли, кухни, туалета на нижнем этаже, комнаты для ксерокса и маленького захламленного помещения, где хранились разные вещи и документы. Она также знала, что юристы имели склонность тихо прислушиваться к ее речам сквозь закрытую дверь, когда она обхаживала потенциальных клиентов. У Уолли была боковая дверь, которую он использовал, чтобы ускользнуть от клиента, обещавшего большие проблемы, у Оскара — нет. Рошель знала, что он у себя за столом, а поскольку Уолли объезжал похоронные бюро, выбора у нее не было.

Она закрыла за собой дверь и положила карточку для игры в бинго на стол перед мистером Финли.

— Вы не поверите... — начала она.

— Что он устроил на этот раз? — поинтересовался Оскар, пробежав взглядом карту. — Триста девяносто девять долларов?

— Ага.

— Я думал, мы договорились, что пятьсот долларов — минимальный гонорар для развода без обвинений?

— Нет, сначала мы сошлись на цифре семьсот пятьдесят, потом — шестьсот, потом — тысяча, потом — пятьсот. Уверена, на следующей неделе мы договоримся о чем-нибудь еще.

— Я не буду вести развод за четыреста долларов. Я работаю юристом уже тридцать лет и не собираюсь опускаться до столь жалкого гонорара. Слышите меня, миз Гибсон?

— Я слышала это и раньше.

— Пусть Фигт этим занимается. Это его дело. Его карточка. А я слишком занят.

— Точно. Но Фигга здесь нет, а вы на самом деле не так уж заняты.

— Где он?

— Навещает покойников, совершает один из своих похоронных туров по городу.

— Какую схему он разработал на этот раз?

— Пока не знаю.

— Сегодня с утра на повестке дня были тазеры.

Оскар положил карточку бинго на стол и уставился на нее. Он покачал головой, пробормотал что-то себе под нос и спросил:

— Насколько извращенный ум должен иметь человек, чтобы у него зародилась мысль о рекламе на карточках бинго в фонде ветеранов?

— Настолько, насколько и у Фигга, — без колебаний ответила она.

— Возможно, мне придется его удушить.

— Готова помочь вам.

— Отправьте этот сброд к нему. Запишите их. Придут и позже. Возмутительно, когда люди думают, что могут просто прийти с улицы на встречу с юристом, пусть даже с Фиггом, без записи. Позвольте мне сохранить хоть какое-то достоинство, ладно?

— Ладно, у вас и так есть достоинство. Послушайте, у них есть кое-какое имущество и почти нет долгов. Им за шестьдесят, и дети давно выросли. Я бы предложила вам разделить их, переманить ее к себе и включить счетчик.

К 15.00 у Абнера снова стало тихо. Эдди каким-то образом испарился вместе с обеденной толпой, и Дэвид Зинк остался в баре один. Четверо мужчин средних лет напивались за отдельным столом, строя большие планы на рыбалку на альбулу* в Мексике.

Абнер мыл стаканы в маленькой раковине у пивных краников. Он рассказывал о мисс Спенс.

* Вид лучепёрых рыб, их длина достигает 90—100 см, а вес — 8 кг.

— Ее последним супругом был Ангус Спенс. Ни о чем вам не говорит?

Дэвид покачал головой. В тот момент это ни о чем ему не говорило, таково было его состояние: свет горел, но дома никого не было.

— Ангус был никому не известным миллиардером. Ему принадлежал ряд месторождений поташа в Канаде и Австралии. Умер десять лет назад и оставил ей кучу денег. Она могла бы попасть в список «Форбс», но им не удастся отследить все активы. Старик был слишком умен. Она живет в пентхаусе на озере, приходит сюда каждый день в одиннадцать, выпивает три «Перл-Харбора» на обед, уходит в пятнадцать минут первого, когда здесь становится многолюдно, и, наверное, отправляется домой отсыпаться.

— По-моему, она милая.

— Ей девяносто четыре.

— Она не оплатила счет.

— Мы не выписываем ей счета. Она отправляет мне по тысяче баксов каждый месяц. Ей нужен этот табурет, три коктейля и уединение. Я никогда раньше не видел, чтобы она с кем-то разговаривала. Считайте, вам повезло.

— Ей нужно мое тело.

— Что ж, вы знаете, где ее искать.

Дэвид сделал маленький глоток стаута* «Гиннесс». «Роган Ротберг» казался далеким воспоминанием. На счет Хелен он не был так уверен, но на самом деле не особенно из-за этого переживал. Он решил чудесным образом напиться и насладиться моментом. Завтрашний день будет тяжелым, но он разберется с этим завтра. Ничто, абсолютно ничто, не могло помешать этому восхитительному погружению в забвение.

Абнер толкнул к нему через стол чашку кофе.

* Пиво верхнего брожения. Отличается от светлого пива более резким вкусом.

— Только что сварил.

Дэвид словно не услышал его. Он сказал:

— Так вы работаете по авансовому договору, да? Прямо как юридическая фирма. На что бы мог рассчитывать я за тысячу баксов в месяц?

— Судя по вашим темпам, тысячи не хватит. Вы звонили жене, Дэвид?

— Послушайте, Абнер, вы бармен, а не консультант по брачно-семейным отношениям. Для меня это большой день, день, который изменит мою жизнь навсегда. Я переживаю грандиозный провал, или катастрофу, или что-то подобное. Моя жизнь никогда больше не будет такой, как прежде, так что позвольте мне насладиться моментом.

— Я вызову вам такси, как только прикажете.

— Я никуда не собираюсь.

Для первых встреч с клиентами Оскар всегда надевал темный пиджак и поправлял галстук. Создание атмосферы имело большое значение, а юрист в темном костюме символизировал власть, знания и авторитет. Оскар твердо верил: в таком виде легче донести до клиента, что его работа стоит не дешево, хотя зачастую трудился как раз за жалкий гонорар.

Он изучал проект соглашения о разделе имущества, нахмурившись, как будто его составила пара идиотов. Фландеры сидели по другую сторону стола. Периодически они крутили головами, разглядывая «Эго-стену» — коллаж из фотографий в рамках с изображением мистера Финли, который улыбался и пожимал руки неизвестным знаменитостям. Там красовались и сертификаты, призванные показать, что мистер Финли надлежащим образом подготовлен и квалифицирован, и несколько памятных дощечек, которые ясно свидетельствовали о том, что он получил признание за долгие годы работы. Вдоль других стен высились

полки, набитые серьезными толстыми юридическими книгами и трактатами; они еще больше убеждали, что мистер Финли знал свое дело.

— Какова стоимость дома? — спросил Оскар, не отрываясь от соглашения.

— Около двухсот пятидесяти, — ответил мистер Фландер.

— Думаю, даже больше, — добавила миссис Фландер.

— Сейчас не лучшее время продавать дом, — благоразумно заметил Оскар, хотя каждый домовладелец в Америке и так знал, что на рынке наблюдается спад. И вновь воцарилась тишина, пока мудрец изучал их труд.

Наконец он опустил бумаги и поверх очков для чтения из аптеки вперил взгляд в томящиеся от ожидания глаза миссис Фландер.

— Вы получаете стиральную и сушильную машины, микроволновую печь, беговую дорожку и «плоский» телевизор?

— Ну да.

— На самом деле еще вы, вероятно, получите восемьдесят процентов всей мебели, верно?

— Наверное. А что не так?

— Ничего, кроме того, что он получит гораздо больше денег.

— Думаю, это справедливо, — сказал мистер Фландер.

— Еще бы.

— А вы полагаете, это справедливо? — спросила она.

Оскар пожал плечами, как будто это было не его дело.

— Это весьма типичная ситуация, я бы сказал. Но наличные деньги куда важнее, чем тонна старой мебели. Вы, вероятно, переедете в квартиру значительно меньшего размера, и вам будет негде разместить свои старые вещи. А у него, напротив, будут лежать деньги в банке.

Она метнула злобный взгляд на своего почти-уже-бывшего супруга. Оскар напирал:

— И ваша машина на три года старше, чем у него, так что вы получаете старую машину и старую мебель.

— Это была его идея, — призналась она.

— Неправда. Мы об этом договорились.

— Ты потребовал для себя индивидуальный пенсионный счет и более новую машину.

— Потому что это всегда была моя машина.

— И потому, что из нас двоих у тебя всегда была лучшая машина.

— Это неправда, Барбара. Не преувеличивай, как ты всегда делаешь, ладно?

Барбара ответила еще громче:

— А ты не ври, находясь перед юристом, Кел. Мы договорились прийти сюда и говорить правду, а не ругаться. Разве не так?

— О, конечно, но как ты можешь сидеть здесь и утверждать, что у меня всегда была лучшая машина? Ты забыла о «тойоте-камри»?

— Боже правый, Кел, это было двадцать лет назад!

— Но это все равно считается.

— О да, я помню. И помню тот день, когда ты разбил ее.

Рошель, слыша их голоса, улыбалась. Она перевернула страницу любовного романа. Эй-Си, спавший подле нее, вдруг вскочил и тихо зарычал. Рошель посмотрела на него, потом медленно поднялась и подошла к окну. Она поправила занавески, чтобы улучшить обзор, а потом до нее донесся звук — завывание сирены вдали. По мере ее приближения Эй-Си рычал все громче.

Оскар тоже подошел к окну и бросил небрежный взгляд на перекресток, надеясь, что там вот-вот промелькнет карета «скорой помощи». От этой привычки было слишком

трудно избавиться, да он и не особенно хотел. Он и Уолли, а теперь еще и Рошель, как и, наверное, все юристы в городе не могли подавить всплеск адреналина у себя в крови, слыша вой приближающейся «скорой помощи». А вид машины «скорой помощи», несущейся по улице, всегда вызывал у него улыбку.

Но Фландеры не улыбались. Они оба умолкли и теперь буравили его взглядами, пылая от ненависти друг к другу. Когда сирена стихла, Оскар вернулся на свое место и произнес:

— Послушайте, ребята, если вы собираетесь судиться, я могу представлять вас обоих.

Обоих подмывало взбрыкнуть. Выйдя на улицу, каждый из них мог отправиться своей дорогой и найти более серьезных юристов, но секунду-другую они колебались, не понимая, что делать дальше. Потом мистер Фландер моргнул. Он вскочил и направился к двери.

— Не беспокойтесь, Финли. Я найду себе настоящего юриста.

Он открыл дверь, захлопнул ее и протопал мимо Рошель и собаки, пока те устраивались на своих местах поудобнее. Распахнув парадную дверь, он с силой захлопнул ее и с радостью покинул «Финли энд Фигг» навсегда.

ГЛАВА 7

Счастливым час продолжался с пяти до семи, и Абнер решил, что его новый лучший друг должен уйти до того, как он начнется. Он вызвал такси, намочил чистое полотенце холодной водой, вышел из-за барной стойки и осторожно ткнул его.

— Дэвид, просыпайтесь, дружище, уже почти пять.

Дэвид находился в отключке уже около часа. А Абнер, как и все хорошие бармены, не хотел, чтобы нахлынувшая после рабочего дня толпа увидела пьяного посетителя, лежащего лицом на барной стойке в коматозном состоянии и заходящегося храпом. Абнер прикоснулся к его лицу полотенцем и сказал:

— Ну давайте, важная персона. Вечеринка закончилась.

Вдруг Дэвид очнулся. Его глаза и рот раскрылись, когда он уставился на Абнера.

— Что... что... что? — с запинкой произнес он.

— Уже почти пять. Пора домой, Дэвид. У входа вас ждет такси.

— Пять часов! — воскликнул Дэвид, потрясенный этим известием. В баре сидело полдюжины других любителей выпить, и все с сочувствием наблюдали за ним. Завтра на его месте могли оказаться они. Дэвид поднялся и с помощью Абнера умудрился надеть пальто и найти портфель.

— И долго я пробыл здесь? — спросил он, озираясь, как будто впервые оказался в этом баре.

— Долго, — ответил Абнер. Он положил визитку в карман пальто Дэвида и сказал: — Позвоните мне завтра, и мы договоримся по поводу оплаты счета.

Рука об руку они, пошатываясь, добрались до входной двери. Такси стояло у бордюра. Абнер открыл заднюю дверцу, с трудом усадил Дэвида на сиденье, сказал водителю:

— Теперь он в вашем распоряжении.

Дэвид посмотрел, как он скрылся в баре, взглянул на водителя и спросил:

— Как вас зовут?

Водитель пробормотал что-то нечленораздельное, и Дэвид рывкнул:

— Вы говорите по-английски?

— Куда поедет, сэр? — ответил водитель вопросом на вопрос.

— Что ж, это очень своевременный вопрос. Вы знаете какие-нибудь хорошие бары поблизости?

Водитель молча покачал головой.

— Я не готов ехать домой, потому что она там и все такое, Боже мой.

Потолок такси поплыл у Дэвида перед глазами. Сзади раздался громкий гудок. Водитель постепенно встраивался в поток.

— Не так быстро, — попросил Дэвид, закрыв глаза. Они ехали со скоростью десять миль в час. — Отправляйтесь на север.

— Мне нужен адрес, сэр, — произнес водитель, повернув на Саут-Дирборн. Наступил час пик, и поток машин уже двигался тяжело и медленно.

— Меня может стошнить, — объявил Дэвид, с трудом сглотнув и опасаясь открывать глаза.

— Только не в моей машине, пожалуйста.

Они то и дело останавливались и трогались на протяжении двух кварталов. Дэвиду удалось успокоиться.

— Вы назовете адрес, сэр? — повторил водитель.

Дэвид открыл левый глаз и посмотрел в окно. Рядом с такси оказался междугородний автобус, набитый усталыми служащими и извергавший клубы дыма. На его боку красовалось объявление размером три фута на один; оно рекламировало услуги адвокатов «Финли энд Фигг». «Поймали пьяным за рулем? Позвони экспертам. 773-718-ПРАВОВО». Адрес был напечатан более мелким шрифтом. Дэвид открыл правый глаз, и на мгновение перед ним возникло довольное лицо Уолли Фигга. Он сосредоточился на слове «пьяный» и задался вопросом, могут ли они ему чем-то помочь. Видел ли он такие объявления раньше? Слышал ли об этих парнях? Он не был в этом уверен. Ничто не ка-

залось ясным, ничто не имело определенности. Потолок такси опять закружился у него перед глазами, на этот раз быстрее.

— Четыреста восемнадцать на Престон-авеню, — командовал он водителю и отключился.

Рошель никогда не спешила уходить, потому что не хотела идти домой. Какая бы напряженная обстановка ни складывалась в офисе, там было гораздо спокойнее, чем в ее тесной квартире, где постоянно царил хаос.

Развод Фландеров начинался тяжело, но благодаря искусным манипуляциям Оскара дело сдвинулось. Миссис Фландер наняла фирму и оплатила предварительный гонорар в размере 750 долларов. В конечном счете они смогут договориться и проведут развод без обвинений, но этого не случится, пока Оскар не вытянет из нее еще пару тысяч. А пока Оскар дымил над карточкой для игры в бинго и ждал своего младшего партнера.

Уолли появился в 17.30 после изнурительного дня, который провел в поисках жертв крейокса. Поиск не выявил никого, кроме Честера Марино, но Уолли не утратил энтузиазма. Перед ним маячило великое дело. Клиенты уже ждали его, и он собирался их найти.

— Оскар говорит по телефону, — сказала Рошель. — И он расстроен.

— В чем дело? — поинтересовался Уолли.

— В появлении карточки для игры в бинго с разводом за триста девяносто девять баксов.

— Умно, да? Мой дядя играет в бинго в клубе ветеранов.

— Блестяще. — Она быстро рассказала ему о Фландерах.

— Вот видите! Сработало, — с гордостью заявил Уолли. — Главное — заманить их сюда, миз Гибсон, вот что я

всегда говорю. Триста девяносто девять долларов — это наживка, а потом вы дергаете удочку. Оскар великолепно справился.

— Как насчет недобросовестной рекламы?

— По большей части мы только ею и занимаемся. Вы когда-нибудь слышали о крейоксе? Лекарстве для снижения холестерина?

— Возможно. А что?

— Он убивает людей, если уж на то пошло, и он обогащает нас.

— Думаю, я уже слышала о нем. Оскар положил трубку.

Уолли направился напрямик к двери Оскара, постучал, тут же открыл и сказал:

— Я слышал, тебе понравилась моя реклама на карточках бинго.

Оскар стоял у стола с развязанным галстуком. Он явно испытывал необходимость выпить. Два часа назад он был готов к схватке, а теперь ему хотелось уйти.

— Да ладно, Уолли, мы уже для карточек бинго докатились.

— Да, мы — первая юридическая фирма в Чикаго, которая решила использовать карточки бинго.

— Мы были первыми уже несколько раз, но до сих пор на мели.

— Это уже в прошлом, мой друг. — Уолли потянулся к своему портфелю. — Ты когда-нибудь слышал о лекарстве для снижения холестерина под названием крейокс?

— Да, да, его принимает моя жена.

— Что ж, Оскар. Оно убивает людей.

Оскар улыбнулся и взял себя в руки.

— Откуда ты знаешь?

Уолли со свистом опустил стопку статей на рабочий стол Оскара.

— Вот твоя домашняя работа, здесь все о крейоксе. Большая фирма, которая специализируется на гражданских исках, на прошлой неделе подала в суд Форт-Лодердейла коллективный иск по поводу крейокса. Они утверждают, что лекарство значительно повышает риск сердечных приступов и инсультов, и у них есть эксперты, готовые подтвердить это. «Веррик» выпустила на рынок больше дерьма, чем все остальные крупные фармацевтические компании, и заплатила самые большие суммы за возмещение ущерба. Миллиарды. Похоже, крейокс — их последнее бесполезное детище. Ребята, специализирующиеся на массовых исках, как раз просыпаются. Это происходит сейчас, Оскар, и если мы урвем дюжину или больше дел о крейоксе, то разбогатеет.

— Я слышал это и раньше, Уолли.

Когда такси остановилось, Дэвид снова проснулся, хотя и пребывал в полубессознательном состоянии. Сделав над собой усилие, он сумел просунуть две двадцатидолларовые банкноты на переднее сиденье и, напрягшись еще больше, умудрился выползти из такси. Он убедился, что водитель отъехал, и тут его вырвало в сточную канаву.

Потом ему стало гораздо лучше.

Рошель как раз наводила порядок на столе и слушала перебранку партнеров, когда с порога до нее донесся звук тяжелых шагов. Нечто стукнуло в дверь, а потом распахнуло ее. Молодой человек с диким взглядом и красным лицом неуверенно стоял на ногах, но был хорошо одет.

— Чем могу вам помочь? — весьма настороженно спросила она.

Дэвид смотрел на Рошель, но не видел ее. Он огляделся, покачнулся и прищурился, стараясь сосредоточиться.

— Сэр? — произнесла она.

— Мне нравится это место, — сказал он. — Мне очень, очень нравится это место.

— Как мило. Могу я?..

— Я ищу работу, и вот где я хочу работать.

Эй-Си, почуяв неприятности, обогнул угол стола Рошель.

— Какая прелесть! — воскликнул Дэвид и захихикал. — Собака! Как его зовут?

— Эй-Си.

— Эй-Си. Точно. Здесь вы должны мне помочь. Как это расшифровывается?

— Охотник за «скорой помощью»*.

— Мне нравится. Мне очень, очень это нравится. Он кусается?

— Не трогайте его.

Оба партнера тихо материализовались на месте действия. Они стояли у двери кабинета Оскара. Рошель бросила на них встревоженный взгляд.

— Вот где я хочу работать, — повторил Дэвид. — Мне нужна работа.

— Вы юрист? — спросил Уолли.

— А вы Фигг или Финли?

— Я Фигг. Он Финли. Вы юрист?

— Думаю, да. Сегодня в восемь утра я еще работал в фирме «Роган Ротберг», был одним из шестисот сотрудников. Но я это бросил, во мне что-то шелкнуло, я сломался и отправился в бар. Тяжелый выдался день. — Дэвид облокотился о стену, чтобы встать ровнее.

— С чего вы взяли, что мы ищем юриста? — спросил Оскар.

* В английском варианте собаку зовут АС от словосочетания Ambulance Chaser, дословно — «охотник за скорой помощью».

— Юриста? Я, скорее, думал о вступлении на таких условиях, чтобы сразу стать партнером, — произнес Дэвид, а потом скорчился от смеха. Остальные даже не улыбнулись. Они недоумевали, как поступить, но позже Уолли признался, что подумывал вызвать полицию.

Когда смех прекратился, Дэвид снова собрался и повторил:

— Мне очень нравится это место.

— Почему вы уходите из крупной компании? — спросил Уолли.

— О, по многим причинам. Скажу просто, что ненавижу работу, ненавижу людей, с которыми работаю, и ненавижу клиентов.

— Вы отлично вольетесь в наш коллектив, — заметила Рошель.

— У нас нет вакансий, — заявил Оскар.

— Да ладно вам! Я учился на юридическом факультете Гарварда. Готов работать на полставки, по пятьдесят часов в неделю, в два раза меньше, чем я работал раньше. Понимаете? На полставки! — Он опять засмеялся.

— Простите дружище, — извиняющимся тоном сказал Уолли.

Где-то недалеко просигналила машина: протяжный безумный звук возвещал о том, что все может кончиться исключительно плохо. Еще один водитель резко нажал на тормоз, и еще на целую секунду вся фирма «Финли энд Фигг» затаила дыхание. Звук столкновения, которое случилось потом, прозвучал громко, куда более выразительно, чем обычно, и стало очевидно, что на перекрестке Престон, Бич и Тридцать восьмой столкнулось несколько автомобилей. Оскар схватил пальто. Рошель — свитер. Они выбежали за Уолли через парадный вход, предоставив пьяницу самому себе.

Другие офисы вдоль Престон тоже опустели: юристы, клерки и их помощники бросились осматривать место происшествия и утешать раненых.

В аварии пострадало как минимум четыре машины, все были повреждены и разлетелись в разные стороны. Одна перевернулась на крышу, и у нее до сих пор крутились колеса. Во всей этой суматохе слышались крики, а в отдалении завывали сирены. Уолли подбежал к сильно покалеченному «форду». Дверца переднего пассажира была оторвана, и девочка-подросток пыталась выбраться из салона. Она была оглушена и испачкана кровью. Он взял ее под руку и увел подальше от разбитых машин. Рошель помогала, пока они усаживали девочку на ближайшую скамейку у автобусной остановки. Уолли вернулся на место бойни в поисках других клиентов. Оскар уже нашел свидетеля — человека, который поможет им вычислить виновного и таким образом привлечь клиентов. В «Финли энд Фигг» знали, как работать с дорожно-транспортными происшествиями.

Мать девочки сидела на заднем сиденье, Уолли помог и ей. Он довел женщину до автобусной остановки, где ее с распростертыми объятиями приняла Рошель. Появился Винс Голстон, их конкурент с другой стороны улицы, и Уолли заметил его.

— Держись подальше отсюда, Голстон! — рявкнул он. — Теперь это наши клиенты.

— Ничего подобного, Фигг. Они еще ничего не подписали.

— Держись подальше отсюда, осел.

Толпа собралась быстро: зеваки спешили на место происшествия. Образовалась пробка, и многие водители вылезали из машин посмотреть на происходящее.

Кто-то прокричал:

— Пахнет бензином! — И это тут же вызвало панику.

«Тойота» перевернулась вверх дном, и ее пассажиры отчаянно пытались вылезти. Крупный мужчина в сапогах пинал окно, но не мог его разбить. Люди кричали, визжали. Вой сирен слышался все ближе. Уолли кружил около «бьюика», водитель которого, похоже, потерял сознание. Оскар раздавал всем визитки.

И посреди всего этого хаоса вдруг прогремел голос молодого человека.

— Держитесь подальше от наших клиентов! — закричал он, и все обернулись посмотреть на него. Зрелище было потрясающее. Дэвид Зинк стоял у скамейки на автобусной остановке с большим зазубренным куском металла, отвалившимся от одного из автомобилей, и размахивал им перед лицом испуганного Винса Голстона, который пятился назад.

— Это наши клиенты! — в ярости воскликнул Дэвид. Не возникало сомнений, что этот человек, похожий на безумца, воспользуется своим оружием в случае необходимости.

Оскар подошел к Уолли и сказал:

— Похоже, у этого парня все-таки есть потенциал.

Уолли наблюдал за происходящим с невероятным восхищением.

— Давай возьмем его к себе.

ГЛАВА 8

Когда Хелен Зинк заехала на подъездную дорожку дома 418 по Престон-авеню, ей прежде всего бросилась в глаза не обшарпанность здания юридической фирмы «Финли энд Фигг», а мигающая неоновая вывеска по соседству с рекламой массажного салона. Она выключила фары, за-

глушила мотор и еще немного посидела, собираясь с мыслями. Ее супруг жив и здоров, и всего лишь пропустил «пару стаканов», по словам Уолли Фигга, весьма приятного человека, который позвонил час назад. Мистер Фигг «находился с ее супругом», что бы это ни значило. Цифровые часы на приборной панели показывали 20.20, значит, уже почти двенадцать часов она жутко переживала, недоумевая, где находится Дэвид и насколько это безопасно. Теперь, узнав, что он жив, она размышляла, как лучше его убить.

Хелен повертела головой, осматривая окрестности (ей крайне не понравилось все, что она увидела), потом вылезла из «БМВ» и медленно направилась к двери. Она спросила мистера Фигга, как именно ее муж добрался из центра Чикаго до района синих воротничков вокруг Престон-авеню. Мистер Фигг сообщил, что всех подробностей не знает и лучше поговорить об этом позже.

Она открыла входную дверь. Задребезжал дешевый звонок. На нее зарычала собака, но напасть не попыталась.

Рошель Гибсон и Оскар Финли ушли. Уолли сидел за столом, вырезая некрологи из старых газет и ужиная пакетом чипсов и диетической содовой. Он быстро встал, вытер руки о штаны и широко улыбнулся.

— Вы, должно быть, Хелен, — сказал он.

— Да, это я. — Она едва не поморщилась, когда он протянул ей руку, чтобы поздороваться.

— А я Уолли Фигг, — представился он и начал ее разглядывать. Неплохо: короткие каштановые волосы, светло-карие глаза за большими очками в дизайнерской оправе, рост пять футов восемь дюймов, стройная, стильная. Уолли ее одобрил. Потом повернулся и помахал рукой в направлении заваленного бумагами стола. За ним, прямо у стены, стоял старый кожаный диван, а на диване спал Дэвид Зинк, вновь пребывавший в коматозном состоянии

и потерянный для мира. На его правой брючине красовалась дыра — небольшое ранение после аварии и борьбы с ее последствиями, но в остальном он выглядел вполне прилично.

Хелен сделала пару шагов вперед и осмотрела его.

— Вы уверены, что он жив? — спросила она.

— О да, вполне уверен. Он ввязался в драку на месте катастрофы и порвал штаны.

— В драку?

— Ага. Парень по фамилии Голстон, близнец с другой стороны улицы, пытался увести у нас клиентов после крупной аварии, а Дэвид прогнал его куском металла. При этом он каким-то образом умудрился порвать штаны.

Хелен, которая и так много пережила за один день, покачала головой.

— Хотите что-нибудь выпить? Кофе, вода, шотландское виски?

— Я не употребляю алкоголь, — отрезала она.

Уолли посмотрел на нее, потом на Дэвида, потом снова на нее. «Должно быть, это весьма странный брак», — подумал он.

— Я тоже, — гордо заявил он. — Вот свежий кофе. Я заварил кофейник для Дэвида, и он выпил две чашки, прежде чем задремал.

— За кофе спасибо, — сказала она.

Они устроились с кофе за столом и тихо заговорили.

— Я знаю только то, — начал Уолли, — что сегодня с утра в лифте в нем что-то щелкнуло. Он сломался, вышел из здания и оказался в баре, где почти целый день выпивал.

— Так я и думала. Но как он попал сюда?

— Этого я пока не выяснил, но должен сказать вам, Хелен, что, по его словам, в свою фирму он не вернется. Сказал, что хочет остаться и работать здесь.

Она с трудом сдерживалась, оглядывая большое, открытое, захламленное помещение. Трудно было вообразить место менее процветающее.

- Это ваша собака? — поинтересовалась Хелен.
- Это Эй-Си, собака фирмы. Он здесь живет.
- Сколько юристов у вас в фирме?
- Только два. Это «фирма-бутик». Я младший партнер.

Оскар Финли — старший.

- И чем же здесь будет заниматься Дэвид?
- Мы специализируемся на делах о несчастных случаях и причинении смерти.
- Как все эти парни, которые рекламируют свои услуги по телевизору?

— Мы не даем рекламу на ТВ, — самодовольно заметил Уолли. Если бы она только знала. Он все время писал сценарии. Он сражался с Оскаром, требуя выделить на это деньги. Он с завистью смотрел, как другие юристы по несчастным случаям заполняли эфир рекламными роликами, которые, по его мнению, почти всегда были плохо сделаны. И больше всего он горевал обо всех потерянных гонорарах и делах, которые урывали менее талантливые адвокаты, готовые рискнуть и выделить деньги из бюджета на телерекламу.

Дэвид издал булькающий звук, за которым последовал носовой храп, и хотя он издавал звуки, признаков, свидетельствующих о том, что он более или менее в сознании, не наблюдалось.

— Думаете, он вспомнит хоть что-то из этого утром? — спросила Хелен, хмуро взирая на супруга.

— Трудно сказать, — ответил Уолли. Его роман с алкоголем был долгим и отвратительным, и он провел не одно туманное утро, пытаясь вспомнить, что произошло накануне. Уолли отхлебнул кофе. — Послушайте, меня это не касается, но он часто это делает? Он говорит, что хочет ра-

ботать здесь, и, что ж, нам нужно знать, есть ли у него проблема с бутылкой.

— Он не так часто выпивает. И никогда особенно не увлекался выпивкой. Иногда может пропустить стаканчик-другой на вечеринке, но он слишком много работает, чтобы злоупотреблять алкоголем. А поскольку я вообще к нему не прикасаюсь, дома мы его не держим.

— Мне просто любопытно. У меня были с этим проблемы.

— Жаль.

— Нет, все в порядке. Я не пью уже шестьдесят дней.

Хелен это не столько впечатлило, сколько обеспокоило. Уолли до сих пор сражался с бутылкой, и победа явно была еще далеко. Вдруг ее утомил разговор и вся эта обстановка.

— Полагаю, надо забрать его домой.

— Конечно. Или он может остаться здесь с собакой.

— Именно этого он и заслуживает. Хорошо бы он проснулся здесь на диване, в одежде, со страшной головной болью, расстройством желудка, пересохшим языком и не понял, где находится. Это пошло бы ему на пользу, вам не кажется?

— Да, только мне не хотелось бы снова за ним убирать.

— Он уже...

— Дважды. Один раз — на крыльце, второй — в туалете.

— Простите.

— Все в порядке. Но ему нужно домой.

— Я знаю. Давайте поднимем его.

Проснувшись, Дэвид мило поговорил с женой, как будто ничего не случилось. Он без посторонней помощи вышел из офиса, спустился по лестнице и добрался до маши-

ны. Он долго прощался с Уолли и сердечно благодарил его, а потом даже предложил сесть за руль. Хелен не позволила ему. Они съехали с Престон и направились на север.

Пять минут они молчали. Потом Хелен небрежно начала:

— Послушай, думаю, мне в общих чертах известно об этапах твоего путешествия, но я хотела бы выяснить кое-какие подробности. Что это был за бар?

— «У Абнера». Он в паре кварталов от нашего офиса. — Дэвид сполз по сиденью вниз и поднял воротник пальто, так что он касался его ушей.

— Ты бывал там раньше?

— Нет, хотя это отличное место. Я тебя туда как-нибудь свожу.

— Разумеется. Почему бы не сделать это завтра? И в котором часу ты появился в «У Абнера»?

— Между семью тридцатью и восемью утра. Я улизнул из офиса, обежал пару кварталов и нашел этот бар.

— И начал пить?

— О да!

— Помнишь, что именно ты употреблял?

— Давай посмотрим. — Он сделал паузу, задумавшись. — На завтрак я проглотил четыре особых «Кровавых Мэри» от Абнера. Они очень хороши. Потом съел тарелку луковых колец и выпил несколько пинт пива. Появилась мисс Спенс, и я попробовал два ее «Перл-Харбора», но повторить это мне не хочется.

— Мисс Спенс?

— Да. Она появляется каждый день, сидит на одном и том же стуле, пьет один и тот же коктейль — порядок всегда один и тот же.

— И тебе она понравилась?

— Я просто пришел в восхищение. Она очень мила, горячая штучка.

— Понятно. Она замужем?

— Нет, вдова. Ей девяносто четыре, и у нее есть пара миллиардов.

— Другие женщины там были?

— О нет. Только мисс Спенс. Она ушла примерно в полдень, и... давай вспоминать дальше. На обед я съел гамбургер и картофель фри, потом вернулся к пиву, а потом на каком-то этапе вздремнул.

— Вырубился?

— Называй как хочешь.

Возникла пауза. Хелен вела машину, а Дэвид буравил взглядом лобовое стекло.

— И как ты добрался из бара до той юридической конторы?

— На такси. Заплатил парню сорок баксов.

— А где ты сел в такси?

Пауза.

— Этого я не помню.

— Мы уже делаем успехи. И главный вопрос: как ты нашел «Финли энд Фигг»?

Дэвид затряс головой, размышляя. Наконец он ответил:

— Понятия не имею.

Им многое предстояло обсудить. Пристрастие к алкоголю: могут ли с этим возникнуть проблемы (несмотря на то, что она сказала Уолли)? «Роган Ротберг»: собирается ли он возвращаться? Стоит ли ей цитировать ультиматум Роя Бартона? «Финли энд Фигг»: действительно ли он говорил о них серьезно? Много мыслей крутилось в голове у Хелен и много слов, и целый список жалоб, но вместе с тем все это забавляло ее. Она никогда не видела своего мужа в столь «размазанном» состоянии, и то, что он спрыгнул из высокого небоскреба в центре города и приземлился на окраине, скоро превратится в семейную байку, а скорее даже в

легенду. Он был цел и невредим, и только это на самом деле имело значение. И вероятно, он даже не сошел с ума. С этой «поломкой» можно справиться.

— У меня вопрос, — начал Дэвид, почувствовав, как его веки тяжелеют.

— А у меня куча вопросов, — ответила она.

— Уверен, что это так, но теперь говорить хочется мне. Оставь свои вопросы на завтра, когда я протрезвею, ладно? Несправедливо давить на меня сейчас, когда я пьян.

— Верно. О чем ты хотел спросить?

— Твои родители, случайно, не у нас дома в данный момент?

— У нас. И уже давно. Они очень переживают.

— Как трогательно. Послушай, я не хочу возвращаться домой, пока там сидят твои родители, ясно? Я не хочу показываться им в таком виде. Понятно?

— Они любят тебя, Дэвид. Ты всех нас напугал.

— Почему все так напуганы? Я отправил тебе два сообщения, написал, что все в порядке. Ты знала, что я жив. К чему эта паника?

— Не заводи меня.

— У меня просто выдался плохой день, в чем проблема?

— Плохой день?

— На самом деле очень даже хороший день, если копнуть глубже.

— Почему бы нам не поспорить завтра, Дэвид? Разве ты не об этом просил?

— Да, но я не вылезу из машины, пока они не уедут.

Они ехали по скоростной трассе, и поток движения стал более плотным. Они молчали, медленно пробираясь вперед. Дэвид старался не уснуть. Наконец Хелен взяла мобильник и позвонила родителям.

ГЛАВА 9

Примерно раз в месяц Рошель Гибсон приезжала на работу, надеясь провести там свой обычный «час спокойствия», но офис был уже открыт, кофе сварен, собака накормлена, а взволнованный мистер Фигг суетливо ходит повсюду и обдумывает новую схему преследования пострадавших. Это невероятно раздражало Рошель, ибо не только лишало ее редких тихих моментов в череде обычно безумных дней, но и означало увеличение объема работы.

Едва она ступила через порог, Уолли сердечно сказал:

— Ну, доброе утро, миз Гибсон! — Как будто удивился, что в четверг она приехала на работу в 7.30.

— Доброе утро, мистер Фигг, — ответила Рошель с гораздо меньшим энтузиазмом. Она едва не добавила: «Что привело вас сюда в такую рань?» — но придержала язык. Вскоре она все равно узнает о его новой схеме.

С кофе, йогуртом и газетой Рошель устроилась за столом, пытаясь сделать вид, что не замечает его.

— Вчера вечером я познакомился с женой Дэвида, — прокричал Уолли через стол с другой стороны комнаты. — Очень симпатичная и милая. Сказала, что он почти не пьет, быть может, иногда теряет над собой контроль, но не более того. Думаю, периодически на нем сказывается давление. Мне знакома эта история. Вечно это давление...

Когда Уолли пил, он не нуждался в предложениях: заливал алкоголем вечер тяжелого дня, но и в легкий день не отказывался от вина за обедом. Он выпивал, когда переживал стресс, и выпивал на поле для гольфа. Рошель видела и слышала все это раньше. Она тоже считала вместе с ним: шестьдесят один день без выпивки. Так проходила вся жизнь Уолли: он вечно что-нибудь подсчитывал. Сколько

дней прожито в трезвости. Сколько дней до отмены временного запрета водить автомобиль. Сколько дней отделяют его от окончательного оформления развода. И, как ни печально, сколько дней до того, как его отпустят из центра реабилитации.

— Когда она забрала его? — поинтересовалась Рошель, не отрывая взгляда от газеты.

— После восьми. Выйдя отсюда, он даже спросил, не позволит ли она ему сесть за руль. Она отказала.

— Она была расстроена?

— Нет, вполне спокойна. Скорее испытывала облегчение, чем что-либо еще. Главный вопрос кроется в том, вспомнит ли он что-нибудь. А если вспомнит, то найдет ли нас снова. Правда ли он уйдет из крупной фирмы и откажется от больших денег? У меня есть сомнения.

У Рошель тоже были сомнения, но ей хотелось поскорее закончить разговор. Контора «Финли энд Фигг» — неподходящее место для юриста, имеющего диплом Гарварда. И, откровенно говоря, она не хотела, чтобы ее жизнь еще больше осложнилась. Она и имевшимися двумя юристами была сыта по горло.

— Хотя мне он мог бы пригодиться, — продолжал Уолли, и Рошель уже знала, что он вот-вот расскажет о новой схеме. — Вы когда-нибудь слышали о лекарстве для снижения холестерина под названием крейокс?

— Вы уже спрашивали меня об этом.

— Он вызывает сердечный приступ и инсульт, и правда выяснилась только сейчас. Как раз идет первая волна разбирательств, и в суд могут быть поданы еще десятки тысяч дел, прежде чем все утихнет. Юристы по коллективным гражданским искам уже вцепились в эту историю. Вчера я говорил с крупной фирмой в Форт-Лодердейле. Они подали коллективный иск и ищут новые дела.

Рошель перевернула страницу, будто ничего не слышала.

— Как бы там ни было, я проведу следующие пару дней в поисках дел по крейоксу, и мне пригодилась бы помощь. Вы меня слушаете, миз Гибсон?

— Разумеется.

— Сколько имен в нашей базе клиентов, как активных, так и тех, что в архиве?

Положив в рот ложку йогурта, она приняла сердитый вид.

— У нас около двухсот активных дел, — ответила она.

Однако в «Финли энд Фигг» дело, считавшееся активным, не обязательно удостоивалось внимания. Чаще оно представляло собой лишь забытое дело, которое никто не позаботился отправить в архив. За неделю Уолли обычно обрабатывал около тридцати дел: разводы, завещания, недвижимость, травмы, вождение в пьяном виде, мелкие споры по контрактам, а еще пятидесяти дел он всеми силами избегал. Оскар, который всегда был готов взять нового клиента и мог похвастаться большей организованностью, чем его младший партнер, вел около ста дел. Если добавить немногочисленные дела, которые пропали, потерялись или не получили должного обоснования, цифра всегда крутилась в районе двухсот.

— А в архиве?

Рошель отхлебнула кофе и опять заворчала:

— В последний раз, когда я проверяла, компьютер показал, что в 2001 году в архиве значилось три тысячи дел. Не знаю, что там наверху.

«Наверху» находило пристанище все, что угодно: старые книги по юриспруденции, древние компьютеры и текстовые процессоры, неиспользуемые офисные принадлежности и дюжины коробок с делами, которые Оскар отправил в архив до того, как принял Уолли в фирму в качестве партнера.

— Три тысячи, — повторил Уолли со счастливой ухмылкой, как будто столь внушительная цифра свидетельствовала о долгой и успешной карьере. — Вот каков наш план, миз Гибсон. Я составил проект письма, который вы должны напечатать на нашем бланке. Его нужно разослать всем клиентам, текущим и бывшим, активным и архивным. Каждому человеку из нашей базы данных.

Рошель подумала обо всех недовольных клиентах, которые вышли из дверей «Финли энд Фигг». Неоплаченные счета, отвратительные письма, угрозы засудить фирму за некомпетентность. Она даже завела папку под названием «Угрозы». За долгие годы примерно полдюжины рассерженных клиентов пришли в такую ярость, что излили свои чувства на бумагу. Пара из них обещала устроить засаду или пустить в ход кулаки. Один упомянул снайперскую винтовку.

Почему бы не оставить этих бедных людей в покое? Они и так достаточно пострадали, когда впервые переступили порог этого офиса.

Уолли вскочил и подошел к ней с письмом. Рошели оставалось только одно: взять и прочитать его.

Уважаемый _____!

Будьте осторожны при приеме крейокса! Было доказано, что этот препарат для снижения уровня холестерина производства «Веррик лабз» может вызвать сердечный приступ и инсульт. Хотя в аптеках он продается уже шесть лет, ученые лишь сейчас обнаружили смертельные побочные эффекты этого лекарства. Если Вы принимаете крейокс, немедленно откажитесь от него.

Юридическая фирма «Финли энд Фигг» выступает на передовой в судебном разбирательстве по крейоксу. Вскоре мы присоединимся к национальному коллективному иску, кото-

рый ставит перед собой весьма непростую цель — привлечь «Веррик» к ответственности.

Нам нужна Ваша помощь! Если Вы или кто-либо из Ваших знакомых сталкивался с крейоксом, можете подать в суд. Еще лучше, если Вы знаете кого-то, кто принимал крейокс и заработал сердечный приступ или инсульт, тогда немедленно позвоните нам. Юрист из «Финли энд Фигг» в считанные часы приедет к Вам домой.

Не сомневайтесь. Звоните сейчас. Мы рассчитываем отсудить внушительную компенсацию.

С уважением,

Уоллис Т. Фигг.

— А Оскар это видел? — спросила Рошель.

— Пока нет. Отлично, правда?

— Это все так и есть?

— О да, миз Гибсон. Это величайший момент для нас.

— Очередная золотая жила?

— Больше, чем золотая жила.

— И вы хотите, чтобы я разослала три тысячи писем?

— Да, вы их напечатаете, я подпишу, мы разложим их по конвертам, и они уйдут с сегодняшней почтой.

— Почтовые расходы обойдутся не меньше чем в тысячу долларов.

— Миз Гибсон, в среднем дело о крейоксе может принести около двухсот тысяч долларов гонорара, и это при наихудшем исходе. А можно заработать даже четыреста тысяч на каждом деле. Если мы найдем десять пострадавших, несложно подсчитать прибыль.

Рошель подсчитала, и ее нежелание участвовать в этом исчезло. Она задумалась. Во всех адвокатских журналах и информационных материалах, которые попадали к ней на стол, она видела тысячи историй о больших вердиктах

и больших компенсациях. Юристы получали миллионные гонорары.

Уж конечно, ей тоже выпишут неплохую премию.

— Хорошо, — сказала Рошель, отбросив газету.

Прошло немного времени, прежде чем Оскар и Уолли поссорились из-за крейкса второй раз. Приехав в 9.00, Оскар не мог не заметить суету вокруг стола в приемной. Рошель сидела за компьютером. Принтер работал на полную мощность. Уолли подписывал письма. Даже Эй-Си проснулся и наблюдал за происходящим.

— Что случилось? — осведомился Оскар.

— Это шум механизмов работающего капитализма, — весело ответил Уолли.

— Что, черт возьми, это значит?

— Защита прав пострадавших. Обслуживание наших клиентов. Очистка рынка от опасных продуктов. Привлечение корпоративных нарушителей к ответственности.

— Беготня за машинами «скорой помощи», — добавила Рошель.

На лице Оскара отразилось презрение, он пошел к себе в кабинет, а потом с силой захлопнул дверь. Прежде чем он успел снять пальто и поставить зонт, у его стола возник Уолли, уплетающий кекс и размахивающий письмом.

— Ты должен прочитать, Оскар. Это великолепно.

Оскар начал читать, и морщины на его лбу становились все глубже и глубже с каждым новым абзацем. Закончив, он спросил:

— Да ладно, Уолли, неужели опять? Сколько таких писем вы рассылаете?

— Три тысячи. Всем, кто в нашей клиентской базе.

— Что? Подумай о почтовых расходах. Подумай о потраченном времени. Опять мы пришли к тому же самому. Ты весь следующий месяц будешь бегать вокруг и щебе-

тать: «Крейокс — то, крейокс — это!» — и потратишь сотню часов на поиск бесполезных дел и тому подобную чушь. Мы уже проходили это, Уолли. Перестань. Сделай что-нибудь продуктивное.

— Что, например?

— Например, погуляй рядом с кабинетом неотложной помощи в какой-нибудь больнице и подожди, пока не появится реальное дело. Мне не нужно объяснять тебе, как найти хорошее дело.

— Я устал от этого дерьма, Оскар. Я хочу заработать немного денег. Давай сыграем по-крупному ради разнообразия.

— Моя жена принимает это лекарство уже два года. И ей оно нравится.

— Ты сказал ей, чтобы она перестала его пить, поскольку оно убивает людей?

— Разумеется, нет.

Едва они заговорили на повышенных тонах, Рошель неслышно подошла к двери кабинета Оскара и тихо закрыла ее. Она возвращалась к столу, когда входная дверь внезапно открылась. На пороге стоял Дэвид Зинк, радостный и трезвый, с широкой улыбкой, в строгом костюме, кашемировом пальто и двумя портфелями, разбухшими от документов.

— Ну-ну, неужели это мистер Гарвард пожаловал? — проговорила Рошель.

— Я вернулся.

— Удивительно, как вам удалось найти нас.

— Это было нелегко. Где мой кабинет?

— Что ж, давайте посмотрим. Не уверена, что он у нас есть. Наверное, нужно спросить об этом двух наших боссов. — Она кивнула на дверь Оскара, за которой слышались голоса.

— Так они там? — спросил Дэвид.

— Да, у них рабочий день, как правило, начинается с ссоры.

— Понятно.

— Послушайте, Гарвард, вы вполне уверены в том, что делаете? Это другой мир. Вы ведь идете на понижение, отказываясь от шикарной жизни корпоративного юриста ради низшей лиги. Здесь вы можете пострадать и уж точно не заработаете много денег.

— Я уже имею опыт работы в крупной фирме, миз Гибсон, и скорее спрыгну с моста, чем вернусь туда. Дайте мне где-то разместиться, и я со всем разберусь.

Дверь открылась. И появились Уолли с Оскаром. Они застыли на месте, увидев Дэвида у стола Рошель. Уолли улыбнулся и сказал:

— Ну, доброе утро, Дэвид. У вас удивительно здоровый вид.

— Спасибо. И я хочу извиниться за мое вчерашнее поведение. — Кивнув всем троим, он заговорил: — Вы застали меня в конце весьма необычного эпизода, тем не менее это был очень важный день в моей жизни. Я ушел из крупной фирмы, и вот я здесь и готов к работе.

— Как вы себе эту работу представляете? — поинтересовался Оскар.

Дэвид пожал плечами:

— Последние пять лет я трудился на поприще андеррайтинга облигаций и специализировался на втором и третьем уровнях выпуска на вторичный рынок. Главным образом для многонациональных иностранных корпораций, которые избегают уплаты налогов где бы то ни было. Если вы понятия не имеете, что это такое, не волнуйтесь. Этого никто не знает. Это означает только то, что небольшая команда из нас, идиотов, работала по пятнадцать часов в кабинете без окон, производя документы, огромное количество документов. Я никогда не был внутри зала суда и не

видел здания суда, если уж на то пошло, никогда не встречал судью в черной мантии, никогда не пожимал руку человеку, которому нужен настоящий юрист. А на ваш вопрос, мистер Финли, отвечу так: я здесь затем, чтобы заниматься чем угодно. Относитесь ко мне как к новичку, который только что окончил юридический факультет и не может отличить собственную задницу от норы в земле. Зато я быстро учусь.

Далее следовало обсудить вопрос заработной платы, но партнеры не желали обсуждать финансы в присутствии Рошель. Она, разумеется, заняла бы такую позицию: любой, кого бы они ни наняли, юрист или другой специалист, должен получать меньше ее.

— Есть место наверху, — сказал Уолли.

— Я его займу.

— Там хранилище мусора, — заметил Оскар.

— Я его займу, — повторил Дэвид и поднял два портфеля, приготовившись заезжать.

— Я сто лет туда не поднималась, — вставила Рошель, закатив глаза, явно недовольная внезапным расширением фирмы.

Узкая дверь рядом с кухней выходила на лестницу. Дэвид последовал за Уолли, Оскар замыкал шествие. Уолли пришел в восторг от того, что появился человек, который поможет ему быстрее найти дела по крейоксу. Оскар думал лишь о том, сколько они потратят на его зарплату, удержание налогов, отчисления в фонд занятости и, Боже упаси, медицинскую страховку. «Финли энд Фигг» не могли предложить особых преимуществ: ни зарплаты в размере четырехсот одной тысячи, ни индивидуального пенсионного счета, ни личной пенсионной программы, а также никакой программы по медицинскому и стоматологическому обслуживанию. Рошель досадовала по этому поводу уже много лет, потому что ей приходилось покупать полис са-

мой, как и обоим партнерам. Что, если молодой Дэвид рассчитывает на медицинскую страховку?

Поднимаясь по лестнице, Оскар ощутил, как растет бремя накладных расходов. Потратить больше на офис значило унести меньше домой. Перспектива выхода на пенсию отодвинулась еще дальше.

Хранилище мусора полностью соответствовало своему названию: это была темная пыльная свалка, заросшая паутиной и заваленная старой мебелью и коробками с делами.

— Мне здесь нравится, — заявил Дэвид, когда Уолли включил свет.

Должно быть, он сумасшедший, подумал Оскар.

Зато там нашелся маленький рабочий стол и пара стульев. Дэвид обращал внимание только на потенциал. А в помещении было еще и два окна. Солнечный свет станет прекрасным дополнением к его новой жизни. А когда снаружи стемнеет, он уже будет дома с Хелен работать над пополнением семьи.

Оскар смахнул рукой паутину и сказал:

— Послушайте, Дэвид, мы можем предложить небольшое жалованье, но вам придется самому зарабатывать гонорар. А это будет нелегко, по крайней мере поначалу.

Поначалу? Оскар уже тридцать лет с невероятным трудом урывал даже самые жалкие гонорары.

— И каково ваше предложение? — поинтересовался Дэвид.

Оскар взглянул на Уолли, а Уолли уставился в стену. За пятнадцать лет им обоим не приходилось нанимать юриста, да они об этом и не думали. Так что Дэвид застал их врасплох.

Как старший партнер, Оскар ощутил необходимость взять инициативу в свои руки.

— Мы можем платить вам по тысяче долларов в месяц, и вы будете оставлять себе половину денег, заработанных вами лично. Через полгода мы можем пересмотреть условия.

Уолли поспешил вставить:

— Сначала будет нелегко, у нас много конкурентов на этой улице.

— Но кое-какие дела мы можем вам подбросить, — добавил Оскар.

— Мы позволим вам участвовать в судебном разбирательстве по крейоксу, — сообщил Уолли так, будто на их банковские счета уже пришли огромные суммы.

— В чем? — не понял Дэвид.

— Не обращайтесь внимания, — нахмурился Оскар.

— Послушайте, ребята, — улыбнулся Дэвид, чувствуя себя гораздо комфортнее, чем они, — за последние пять лет я неплохо заработал. Я много потратил, но в банке еще осталась внушительная сумма. Не беспокойтесь обо мне. Я принимаю ваше предложение. И лучше на ты. — С этими словами он пожал руку сначала Оскару, потом Уолли.

ГЛАВА 10

Дэвид убирал целый час, вытирая пыль со стола и стульев. Обнаружив на кухне старый «Хувер», пропылесосил дощатые полы. Он собрал три больших пакета мусора и вынес их на маленькое крыльцо у запасного входа. Иногда Дэвид останавливался, любуясь окнами и солнцем, чего никогда не делал в «Рогане Ротберге». Разумеется, в ясный день вид на озеро Мичиган открывался великолепный, но за первый год работы в фирме он усвоил: за час, проведенный у окна Траст-тауэр, нельзя выставить счет. Новоиспе-

ченных юристов распределяли по комнатухам, напоминавшим бункеры, и они круглосуточно трудились, забыв о солнечном свете и разучившись мечтать. Теперь Дэвид не отрывался от окна, хотя вид был, конечно, не таким великолепным. Посмотрев вниз, Дэвид увидел массажный салон, а за ним — перекресток Престон, Бич и Тридцать восьмой, то самое место, где он угрожал куском металла слизняку Голстону и прогнал его. За перекрестком раскинулся квартал перестроенных бунгало.

Не бог весть какой вид, но Дэвиду он нравился, ибо олицетворял волнующие перемены в его жизни, новые задачи. И еще означал свободу.

Уолли забегал каждые десять минут, чтобы узнать, как дела. И стало очевидно: он что-то затевал. Наконец, через час Уолли сказал:

— Послушай, Дэвид, в одиннадцать я должен быть в суде. В суде по разводам. Едва ли ты когда-нибудь там бывал, поэтому не хочешь ли отправиться со мной? Я познакомлю тебя с судьей.

Уборка уже надоела Дэвиду, и он согласился.

— Пойдем.

Когда они выходили через заднюю дверь, Уолли спросил:

— Это твой внедорожник «ауди»?

— Мой.

— Не возражаешь, если тебе придется порулить? А я буду развлекать тебя разговорами.

— Нет, конечно.

Когда они выезжали на Престон, Уолли признался:

— Знаешь, Дэвид, год назад меня застали за вождением в нетрезвом виде и временно лишили прав. Ну вот, я это сказал. Я верю в честность.

— Ладно. Ты уж точно видел меня в пьяном виде.

— Однозначно. Но твоя симпатичная жена сказала мне, ты не особенно часто выпиваешь. А вот у меня длинный послужной список. Я сохраняю трезвость уже шестьдесят один день. Каждый день — это испытание. Я хожу на встречи «Анонимных алкоголиков» и пару раз лежал в центре реабилитации. Что еще ты хочешь узнать?

— Заметь, не я начал этот разговор.

— Оскар каждый вечер выпивает что-нибудь крепкое. Поверь мне, с его-то женой без этого не обойтись. Но у него все под контролем. Есть такие люди, знаешь ли. Они могут остановиться на двух-трех стаканах. Они могут пропустить пару дней, даже недель, без проблем. А другие не могут остановиться, пока не вырубятся, примерно как ты вчера.

— Спасибо, Уолли. Куда мы, кстати, направляемся?

— В Центр имени Дейли*, в деловую часть города, дом пятьдесят по улице Вест-Вашингтон. А я пока нормально справляюсь. Я бросал уже четыре или пять раз, знаешь?

— Откуда мне это знать?

— Как бы там ни было, пора завязывать с выпивкой.

— А что не так с женой Оскара?

Уолли присвистнул и на мгновение выглянул из окна.

— Суровая женщина, старик. Одна из тех, кто вырос в хорошем районе. Ее отец ходил на работу в костюме с галстуком, а не в форме, поэтому в ней воспитали убеждение, что она лучше многих. Воплощение снобизма. Она совершила свою главную ошибку, когда вышла замуж за Оскара, решив, будто он юрист, верно? Юристы зарабатывают много денег, верно? Не совсем. Оскар никогда не зарабатывал столько, чтобы это удовлетворяло, и она бесконечно долбит его, требуя больших денег. Ненавижу эту женщину. Тебе не удастся с ней познакомиться, потому что она

* Ричард Дейли — мэр Чикаго с 1988 по 2011 г.

отказывается переступить порог офиса, что вполне меня устраивает.

— Почему бы им не развестись?

— Я твержу об этом уже много лет. Боже мой, да у меня никогда не было проблем с разводом. Я четыре раза через это проходил.

— Четыре раза?

— Да, и каждый раз это того стоило. Знаешь, как говорят: развод так дорог, потому что он того стоит. — Уолли усмехнулся над этой избитой шуткой.

— А сейчас ты женат? — осторожно поинтересовался Дэвид.

— Нет, я снова в поиске, — так самодовольно ответил Уолли, будто теперь любая могла попасться в его капкан. Дэвид не представлял менее привлекательного мужчину, который знакомится с дамами в баре и на вечеринках. Так, меньше чем за пятнадцать минут, он узнал, что Уолли — выздоравливающий алкоголик с четырьмя бывшими женами, несколькими «визитами» в реабилитационный центр и по крайней мере одним лишением прав за вождение в нетрезвом виде. Дэвид не имел желания задавать еще какие-то вопросы.

За завтраком с Хелен он немного порылся в Интернете и узнал, что: 1) десять лет назад «Финли энд Фигг» выплачивали компенсацию по иску о сексуальном домогательстве их бывшей секретарше; 2) однажды коллегия адвокатов штата сделала Оскару выговор за выставление слишком большого счета клиенту за дело о разводе; 3) до этого коллегия адвокатов штата делала выговоры Уолли за «возмутительную вербовку» клиентов, пострадавших в автомобильных авариях, включая отвратительный случай с участием Уолли, когда тот в докторском халате ворвался в палату израненного тинейджера, который умер час спустя; 4) по крайней мере четверо бывших клиентов подавали на

фирму в суд за некомпетентность, хотя было непонятно, получили ли они какую-то компенсацию; и 5) фирму язвительно упомянул в статье о профессиональной адвокатской этике некий профессор, которому до смерти надоела реклама юристов. И все это только за завтраком.

Хелен встревожилась, но Дэвид, избрав жесткую и циничную тактику, заявил, что такое неоднозначное поведение и близко не стояло с беспощадным правом, практикуемым добрыми парнями «Рогана Ротберга». Достаточно было вспомнить дело о Стрик-ривер, чтобы выиграть спор. Эту реку в Висконсине постоянно загрязняла одна печально известная химическая компания, интересы которой представляла фирма «Роган Ротберг». После нескольких десятилетий судов и мастерских юридических перепалок выбросы продолжились.

Уолли копался у себя в портфеле.

Вдали появились очертания делового квартала, и Дэвид посмотрел на высокие величественные здания, расположившиеся на главных улицах Чикаго. Траст-тауэр стояла в центре.

— Я мог бы сейчас сидеть там, — тихо проговорил он, как бы обращаясь к себе. Уолли поднял глаза, увидел строения на горизонте и понял, о чем думает Дэвид.

— В каком именно? — спросил Уолли.

— В Траст-тауэр.

— А я как-то летом сидел в Сирс-тауэр клерком, после второго курса юрфака. В «Мартин энд Уилер». И думал, что этого и хочу.

— И что случилось?

— Провалил экзамен на адвоката.

Дэвид добавил это к растущему списку недостатков.

— Ты ведь не будешь скучать, правда? — спросил Уолли.

— Нет, меня прошибает пот от одного взгляда на это здание. Даже приближаться к нему не хочу.

— Поворачивай налево на Вашингтон. Мы почти на месте.

В центре Ричарда Дейли они миновали рамки-металлоискатели и поднялись на лифте на шестнадцатый этаж. Здесь толпились юристы, тяжущиеся стороны, клерки и копы, они либо суетились, либо собирались небольшими группками и вели серьезные разговоры. Правосудие объединяло всех присутствующих, но казалось, они боятся его.

Не зная, куда направляется и что будет делать, Дэвид держался поближе к Уолли, который чувствовал себя как дома. Дэвид нес в руках портфель, где лежал только большой блокнот для юридических записей. Они проходили мимо залов заседаний.

— Ты что, правда, никогда не был в зале суда? — спросил Уолли, когда они быстро шагали вперед, шелкая кабелями по потертой мраморной плитке.

— Нет, со времен учебы на юрфаке.

— Невероятно. И чем ты занимался последние пять лет?

— Лучше тебе не знать.

— Уверен, на этот счет ты абсолютно прав. Нам сюда. — Уолли указал на тяжелые двери зала суда. На табличке было написано: «Окружной суд округа Кук — отделение по разводам, почтенный Чарлз Брэдбери».

— Кто такой Брэдбери? — спросил Дэвид.

— Сейчас с ним познакомишься.

Уолли открыл дверь, и они вошли. На скамейках поодаль друг от друга сидели несколько зрителей. Юристы разместились впереди: они ждали со скучающим видом. Стул свидетеля пустовал, судебный процесс был отнюдь не в раз-

гаре. Судья Брэдбери изучал какой-то документ и явно не торопился. Дэвид и Уолли сели во втором ряду. Уолли осмотрел зал суда, увидел клиента, улыбнулся и кивнул.

Он шепнул Дэвиду:

— Сегодня день открытых дверей в отличие от дня слушания. То есть можно удовлетворить ходатайство, получить одобрение по текущим вопросам и все такое. Вон та дама в коротком желтом платье — наша любимая клиентка, Диана Наксхолл надеется получить очередной развод.

— Очередной? — Дэвид оглянулся, и Диана подмигнула ему. Крашенная блондинка с огромной грудью, ноги растут из-под мышек.

— Я уже делал это однажды. Это будет второй раз. Думаю, и до этого она разводилась.

— Похожа на стриптизершу.

— Меня уже ничем не удивишь.

Судья Брэдбери подписал какие-то бумаги. Юристы подошли к скамье, поговорили с ним, получили то, что хотели, и ушли. Прошло пятнадцать минут, и Уолли заволовновался.

— Мистер Фигг, — произнес судья.

Уолли и Дэвид миновали столы и барьер, отделяющий судью от зала, и приблизились к скамье, той самой, низкой, которая позволяла юристам почти с глазу на глаз беседовать с ним. Судья Брэдбери отодвинул микрофон, чтобы они могли поболтать, не рискуя быть услышанными.

— В чем дело? — спросил он.

— У нас новый юрист, ваша честь, — гордо сообщил Уолли. — Познакомьтесь с Дэвидом Зинком.

Дэвид потянулся вперед и пожал руку судье, и тот тепло его поприветствовал.

— Добро пожаловать в мой зал суда, — сказал он.

— Дэвид работал в крупной фирме в центре города. Теперь хочет увидеть истинное лицо правосудия, — объяснил Уолли.

— У Фигга вы многому не научитесь, — усмехнулся Брэдбери.

— Он учился на юридическом факультете Гарварда, — продолжил Уолли еще более гордо.

— Тогда что вы здесь делаете? — Судья принял пугающе-серьезный вид.

— Я сыт по горло крупными фирмами, — признался Дэвид.

Уолли передал судье какие-то бумаги.

— У нас тут небольшая проблема, ваша честь. Моя клиентка — симпатичная Диана Наксхолл, в четвертом ряду слева, в желтом платье.

Брэдбери взглянул на нее поверх очков для чтения.

— Она мне знакома.

— Ага, она была здесь год назад, разводилась во второй или третий раз.

— В том же самом платье, кажется.

— Мне тоже так кажется. Платье то же, а грудь новая.

— Вам удалось за нее подержаться?

— Пока нет.

Дэвиду стало плохо. Судья и адвокат обсуждали секс с клиентом в суде, пусть даже никто их и не слышал!

— В чем проблема? — спросил Брэдбери.

— Я не получил гонорар. Она должна нам три сотни баксов, и я не могу выжать из нее эти деньги.

— В каких местах вы ее выжимали?

— Ха-ха. Она отказывается платить, господин судья.

Уолли повернулся и поманил к себе миз Наксхолл. Она встала, выбралась из-за скамеек и прошла вперед. Юристы умолкли. Двое приставов проснулись. Зрители широко раскрыли глаза. Платье стало еще короче, когда она под-

нялась, а ее босоножки на платформе с шипами вогнали бы в краску даже уличную проститутку. Дэвид отодвинулся подальше, когда она приблизилась к судейскому месту.

Судья Брэдбери притворился, что не замечает ее, слишком занятый изучением дела.

— Обычный развод без обвинений, верно, мистер Фигг?

— Все правильно, ваша честь, — ответил Уолли.

— Все в порядке?

— Да, кроме одного маленького вопроса — моего гонорара.

— Я только что это заметил, — нахмурился Брэдбери. — Похоже, для ровного счета не хватает трехсот долларов, верно?

— Все правильно, ваша честь.

Брэдбери устремил взгляд поверх очков сначала на грудь, потом на лицо Дианы.

— Вы готовы заплатить гонорар, миз Наксхолл?

— Да, ваша честь, — писклявым голосом ответила она. — Но придется подождать до следующей недели. Понимаете, я выхожу замуж в эту субботу и не могу отдать эти деньги сейчас.

Переводя взгляд с ее груди на лицо и обратно, Брэдбери произнес:

— По опыту в бракоразводных делах я знаю, что гонорары никогда не выплачиваются, если дело уже закрыто. Надеюсь, к моим адвокатам отнесутся с уважением и оплатят их услуги, прежде чем я подпишу решение. Какова общая сумма гонорара, мистер Фигг?

— Шестьсот долларов. Половину она внесла в качестве аванса.

— Шестьсот? — Брэдбери изобразил удивление. — Это очень недорого, миз Наксхолл. Почему вы до сих пор не заплатили адвокату?

Ее глаза увлажнились.

Юристы и зрители не слышали подробностей, но не отводили глаз от Дианы, особенно от ее ног и босоножек. Дэвид отодвинулся еще дальше, пораженный таким вымогательством в суде.

Брэдбери перешел в наступление и чуть повысил голос:

— Я не приму решение о разводе сегодня, миз Наксхолл. Сначала заплатите юристу, потом я подпишу бумаги. Вам это понятно?

Она вытерла щеки.

— Пожалуйста...

— Простите, но я настаиваю, чтобы все обязательства должным образом исполнялись: выплата алиментов, пособий на ребенка, гонораров юристам. Это лишь триста долларов. Займите у вашего друга.

— Я пыталась, ваша честь, но...

— Избавьте меня от этого. Я постоянно это слышу. Вы свободны.

Она повернулась и пошла прочь. Брэдбери проводил ее плотоядным взглядом. Уолли тоже наблюдал за Дианой, изумленно качая головой. Казалось, он был готов наброситься на нее. Когда дверь закрылась, по залу суда пронесся вздох облегчения. Судья Брэдбери отпил воды и спросил:

— Что-нибудь еще?

— Есть одно дело, господин судья. Джоанни Бреннер. Развод без обвинений, полный раздел совместно нажитого имущества, детей нет, и, что самое главное, гонорар мне выплачен полностью.

— Давайте ее сюда.

— Не уверен, что смогу вести дела о расторжении брака, — признался Дэвид. Они уже вышли на улицу и пробирались вперед через полуденную толпу, оставив центр Дейли позади.

— Прекрасно! Ты впервые побывал в суде, провел там меньше часа и уже определяешь направления своей практики, — ответил Уолли.

— И многие судьи поступают так же, как Брэдбери?

— Как? Ты о том, что он защищает юристов? Нет, многие судьи забыли о том, каково это — сидеть в окопах. Едва наденут черную мантию, сразу забывают об этом. Брэдбери другой. Он помнит, каких негодяев мы представляем.

— И что произойдет теперь? Диана получит развод?

— Она заедет в офис сегодня днем с полной суммой, и в пятницу мы получим решение о разводе. В субботу она выйдет замуж, а через шесть месяцев или около того потребует очередного развода.

— И все же, думаю, я не гожусь для работы по разводам.

— О, это и правда дерьмо. Девяносто процентов всего, что мы делаем, — дерьмо. Мы беремся за самую низкооплачиваемую ерунду, чтобы оплатить накладные расходы, и мечтаем о большом деле. Но вчера вечером, Дэвид, я уже не мечтал, и скажу тебе почему. Ты когда-нибудь слышал о лекарстве под названием крейокс для снижения уровня холестерина?

— Нет.

— Что ж, услышишь. Он косит людей налево и направо и, несомненно, вызовет очередную волну коллективных исков. Так что мы должны успеть урвать кусок пирога. Куда ты направляешься?

— Мне нужно быстро сбегать по делам, а поскольку мы в центре города, много времени это не займет.

Через минуту Дэвид, нарушив правила парковки, остановил машину у бара Абнера.

— Ты был здесь когда-нибудь? — спросил он.

— О, конечно. Осталось немного баров, где я не бывал, Дэвид. Но уже много воды утекло.

— Вот тут я провел вчерашний день, и мне нужно оплатить счет.

— Почему ты не оплатил его вчера?

— Потому что даже свои карманы не мог найти, помнишь?

— Я подожду в машине. — Уолли бросил долгий томный взгляд на дверь Абнера.

Мисс Спенс восседала на своем троне с остекленевшими глазами, красными щеками, явно пребывая в другом мире. Абнер суетился в баре, смешивал напитки, наливал пиво, представлял тарелки с гамбургерами. Дэвид поймал его у кассы:

— Эй, я вернулся!

Абнер улыбнулся:

— Так вы все-таки живы.

— О, конечно. Только что из суда. Мой счет недалеко? Абнер порылся в ящике и вытащил чек.

— Скажем, он на сто тридцать баксов.

— Всего? — Дэвид протянул ему две стодолларовые банкноты. — Сдачу оставьте себе.

— Ваша девушка вон там, — сказал Абнер, кивнув в сторону мисс Спенс, которая на минуту закрыла глаза.

— Сегодня она не такая хорошенькая, — заметил Дэвид.

— У меня есть друг-финансист, он заходил прошлым вечером, говорит, она тянет на восемь миллиардов.

— Готов присмотреться к ней получше.

— Думаю, вы ей нравитесь, но вам лучше поторопиться.

— Лучше оставить ее в покое. Спасибо, что позаботились обо мне.

— Не за что. Возвращайтесь как-нибудь повидать меня.

«А вот это вряд ли», — подумал Дэвид, когда они обменялись быстрым рукопожатием.

ГЛАВА 11

Уолли, лишенный водительских прав, оказался искусным штурманом. Где-то рядом с аэропортом Мидуэй он несколько раз заставлял Дэвида поворачивать в короткие переулки, которые привели их в пару тупиков, а потом настоял, чтобы Дэвид проехал два квартала не в ту сторону. Его указания сопровождались непрерывным монологом, произнося который он несколько раз повторил: «Я знаю это место как свои пять пальцев». Они припарковались у бордюра возле покосившегося дуплекса с закрытыми фольгой окнами, жаровней для барбекю на крыльце и огромным рыжим котом, охранявшим вход.

— А кто здесь живет? — спросил Дэвид, оглядывая обветшалый район. Два тощих тинейджера на другой стороне улицы, казалось, застыли от восхищения при виде его блестящей «ауди».

— Здесь живет милая женщина по имени Айрис Клопек, вдова Перси Клопека, который умер во сне восемнадцать месяцев назад в возрасте сорока восьми лет. Очень грустная история. Они как-то раз приходили ко мне проконсультироваться насчет развода, а потом передумали. Насколько я помню, он был довольно полный, но не такой огромный, как она.

Двое юристов сидели в машине и разговаривали, словно им не хотелось выходить. Только пара агентов ФБР в черных костюмах и на черном седане могла бы привлечь больше внимания.

— Так зачем мы здесь? — спросил Дэвид.

— Крейокс, друг мой, крейокс. Я хочу поговорить с Айрис и узнать, не принимал ли Перси перед смертью это лекарство. Если да, то вуаля! У нас будет очередное дело по крейоксу, обещающее от двух до четырех миллионов долларов. Еще вопросы есть?

О, десятки вопросов. У Дэвида в голове пронеслось множество мыслей, когда он понял, что они собираются навязаться с визитом к миз Клопек и допросить ее об умершем супруге.

— А она нас ждет? — поинтересовался он.

— Я ей не звонил, а ты?

— Вообще-то нет.

Уолли распахнул дверцу и выбрался из машины. Дэвид неохотно последовал его примеру и метнул недовольный взгляд на тинейджеров, восхищавшихся его машиной. Рыжий кот не желал покидать коврик у двери. Звонок не работал, и Уолли стучал все громче и громче, пока Дэвид с опаской осматривался вокруг. Наконец послышался лязг цепочки, а потом скрипнула дверь.

— Кто там? — спросила женщина.

— Адвокат Уолли Фигг. Я ищу миз Айрис Клопек.

Дверь открылась, и в створках стеклянной наружной двери перед ними предстала сама Айрис. Она оказалась такой крупной, как ее описал Уолли, и на ней было нечто вроде бежевой простыни с дырками для головы и рук.

— Кто вы? — спросила она.

— Уолли Фигг, Айрис. Мы встречались с вами и Перси, когда вы подумывали о разводе. Вероятно, года три назад. Вы приезжали ко мне в офис на Престон-авеню.

— Перси умер, — произнесла она.

— Да, я знаю. Примите мои соболезнования. Вот поэтому я и здесь. Хочу поговорить о его смерти. Мне интересно, какие лекарства он принимал.

— Какое это имеет значение?

— Дело в том, что сейчас рассматривается много исков в связи с приемом лекарств для снижения холестерина, болеутоляющих и антидепрессантов. Некоторые лекарства убили уже тысячи людей. И речь идет о больших деньгах.

Айрис молча рассматривала их.

— Дом в ужасном состоянии, — наконец сказала она.

Ну надо же, подумал Дэвид. Они последовали за ней на узкую грязную кухню и сели за стол. Размешав растворимый кофе в трех разных кружках с символикой «Чикаго бээрз»*, она села за стол напротив них. Дэвиду достался хлипкий деревянный стул, готовый, казалось, развалиться в любую секунду. Айрис сидела на таком же. Поход до двери и обратно на кухню вкупе с приготовлением кофе утомил ее. На ее лбу выступила испарина.

Наконец Уолли догадался представить Дэвида миз Клопек.

— Дэвид учился на юридическом факультете Гарварда и только что пришел в нашу фирму, — сказал Уолли.

Она не протянула ему руку, да и мистер Гарвард не проявил инициативы. Ей было совершенно все равно, в каком университете учились Дэвид и Уолли и на каком из факультетов. Она тяжело дышала. В помещении пахло застарелой кошачьей мочой и никотином.

Еще раз выразив фальшивые соболезнования в связи с кончиной бедного Перси, Уолли быстро перешел к делу:

— Главным образом меня интересует лекарство под названием крейокс — препарат, понижающий холестерин. Принимал ли его Перси перед смертью?

Без колебаний она ответила:

— Да, он принимал его много лет. Я тоже раньше его принимала, но потом бросила, — ответила Айрис.

Уолли воодушевился, услышав, что его принимал Перси, но испытал разочарование, узнав, что от него отказалась Айрис.

— С крейоксом что-то не так? — спросила она.

— О да, с ним все не так, — ответил Уолли, потерев руки. И начал рассказывать о том, что обещало стать стремитель-

* Профессиональный футбольный клуб, выступающий в Национальной футбольной лиге.

ным и весьма прибыльным делом против крейокса и «Веррик лабз». Он предъявлял самые выразительные факты и цифры из предварительного расследования, проведенного юристами по коллективным искам. Он сыпал цитатами из одностороннего искового заявления, поданного в Форт-Лодердейле. Он сумел убедить Айрис, что время имеет решающее значение, поэтому она должна немедленно нанять «Финли энд Фигг».

— Во сколько это мне обойдется? — спросила она.

— Это не будет стоить ни цента, — выпалил Уолли. — Мы возьмем судебные издержки на себя и заберем сорок процентов выигрыша.

На вкус кофе напоминал соленую воду. После очередного глотка Дэвиду захотелось плюнуть. Айрис же, судя по всему, смаковала напиток. Она отхлебывала кофе, потом перекатывала его в своем гигантском рту туда-сюда и лишь после этого глотала.

— Мне кажется, сорок процентов — это немало, — заметила она.

— Это очень сложный процесс, Айрис, против корпорации с миллиардами долларов и тысячей юристов. Взгляните на это так: прямо сейчас у вас есть шестьдесят процентов от ничего. Через год или два, если наймете нашу фирму, получите шестьдесят процентов от чего-то большого.

— Насколько большого?

— Сложный вопрос, Айрис, хотя я припоминаю, что вы обычно задаете сложные вопросы. Вот что мне всегда в вас нравилось. Сложный вопрос, на который я, если честно, не готов ответить, поскольку никто не может предугадать решение присяжных. Присяжные могут увидеть всю правду о крейоксе, разозлиться на «Веррик» и выдать вам миллион долларов. Или присяжные могут поверить лжи, которую сочинит «Веррик» и ее хитрые юристы, и вам ни-

чего не достанется. Что касается меня, то я склоняюсь к тому, что можно выиграть около миллиона долларов, Айрис. Но поймите: я ничего вам не обещаю. — Он обратился к Дэвиду: — Ведь правильно, Дэвид, мы не можем давать обещаний по таким делам? Нет никаких гарантий.

— Все правильно, — с авторитетным видом произнес Дэвид, новоиспеченный специалист по массовым гражданским искам.

Айрис еще раз прополоскала рот соленой водой и установилась на Уолли.

— Мне быгодились кое-какие средства, — призналась она. — Мы с Клинтом остались вдвоем, но он в последнее время работает на полставки. — Уолли и Дэвид делали пометки и кивали, как будто точно знали, кто такой Клинт. Она не потрудилась просветить их. — Я живу на пособие в тысячу двести долларов в месяц, поэтому какие бы деньги вы ни выиграли, они мне пригодятся.

— Мы заработаем что-нибудь для вас, Айрис. Я в этом уверен.

— Когда это может произойти?

— Очередной сложный вопрос, Айрис. По одной версии «Веррик» придется настолько туго с делами по крейоксу, что компания сдастся и выплатит огромную компенсацию для заключения мирового соглашения. Многие юристы, я в том числе, ожидают, что это произойдет в течение следующих двадцати четырех месяцев. По другой версии «Веррик» доведет пару дел до суда, желая, так сказать, прощупать почву по стране и посмотреть, что присяжные думают об их лекарстве. Если это случится, нам потребуется больше времени на получение компенсации.

Даже Дэвид, имеющий ученую степень по праву и пятилетний опыт работы, начинал верить, что Уолли знает, о чем говорит. Младший партнер продолжал:

— Если удастся договориться о компенсации, а мы, конечно, считаем, что так и будет, в первую очередь будут обсуждаться случаи со смертельным исходом. Потом «Веррик» отчаянно возьмется за несмертельные случаи вроде вашего.

— Я — несмертельный случай? — смущенно спросила она.

— Пока — да. Результаты научных исследований еще не вполне ясны, но весьма высока вероятность того, что именно крейокс ослабил сердца многих людей, здоровых во всех других отношениях. — Как, глядя на Айрис, можно было думать, что она здорова, оставалось загадкой, по крайней мере для Дэвида.

— Спасибо! — сказала она, и ее глаза увлажнились. — Единственное, что мне нужно, — это очередная порция сердечных проблем.

— Не волнуйтесь об этом сейчас, — проговорил Уолли, даже не пытаясь ободрить ее. — Мы вернемся к вашему случаю позже. Самое важное — внести в список имя Перси. Вы его вдова и главная наследница. Поэтому вам следует нанять меня и действовать в качестве его представителя. — Из своего мягкого пиджака он достал свернутый листок бумаги и положил его перед Айрис.

— Это контракт на оказание юридических услуг. Вы уже подписывали подобный договор раньше в связи с разводом, когда приходили ко мне в офис с Перси.

— Не помню, чтобы мы что-то подписывали.

— В нашем архиве договор есть. Вам нужно подписать новый, тогда я смогу подать ваш иск против «Веррик».

— А вы точно знаете, что это законно и все такое? — с сомнением спросила она.

Дэвида поразило, что потенциальный клиент спрашивает юриста, является ли документ «законным». Уолли же

не был воплощением строгих этических стандартов. Ее вопрос не озадачил его.

— Все наши клиенты по делу о крейоксе это подписывают, — заметил Уолли, выдавая желаемое за действительное. Ведь Айрис должна была стать первой в своей категории, кто согласился бы это подписать. В пруду были и другие рыбы, но на самом деле такого контракта еще никто не подписывал.

Она прочитала и подписала его.

Сунув документ в карман, Уолли сказал:

— А теперь послушайте, Айрис. Мне нужно ваше содействие. Я хотел бы, чтобы вы помогли открыть другие дела по крейоксу. Друзья, члены семьи, соседи — все, кто мог пострадать от этого лекарства. Наша фирма выплачивает вознаграждение за привлечение в размере пятисот долларов за смертельный случай и двухсот — за несмертельный. Наличными.

Ее слезы тут же высохли. Глаза сузились, а углы рта изогнулись в едва заметной улыбке. Она уже думала о других.

Дэвиду удавалось сохранять вид серьезного юриста, пока он писал бесполезную чушь в своем блокноте и пытался переварить то, что услышал. Этично ли это? Законно ли? Подкуп для привлечения новых клиентов?

— Вам известно о других случаях смерти от крейокса? — спросил Уолли.

Айрис едва не сказала что-то, но сдержалась. Стало очевидно: кто-то был у нее на уме.

— Пятьсот долларов, верно? — произнесла она, переводя глаза с Дэвида на Уолли.

— Таковы условия сделки. Кто это?

— Есть один человек, живет в двух кварталах отсюда, раньше играл в покер с Перси, умер в душе через два месяца, после того как скончался мой Перси. Я точно знаю, что он сидел на крейоксе.

Глаза Уолли расширились.

— Как его зовут?

— Вы сказали «наличными», верно? Пятсот наличными. Мне хотелось бы их увидеть, мистер Фигг, прежде чем я обеспечу вам еще одно дело. Мне эти деньги уж точно пригодятся.

Уолли застыл на секунду, но быстро оправился и выдал убедительную ложь:

— Что ж, как правило, мы берем деньги из счета фирмы, предназначенного для судебных разбирательств, так бухгалтерам легче работать, понимаете?

Она сложила свои столбообразные руки на груди, выпрямила спину, прищурилась и сказала:

— Ладно. Идите и снимите их со счета, а мне принесите наличные. И тогда я назову вам его имя.

Уолли потянулся за кошельком.

— Ну, я не уверен, что у меня с собой столько денег. Дэвид, а как у тебя с деньгами?

Дэвид инстинктивно потянулся за кошельком. Айрис с большим подозрением наблюдала за тем, как юристы пытаются наскрести нужную сумму. Уолли, достав три двадцатидолларовые банкноты и одну пятидолларовую, с надеждой посмотрел на Дэвида, который собрал двести двадцать долларов разными купюрами. Если бы они не остановились у Абнера оплатить счет, у них осталось бы еще пятнадцать долларов после оплаты гонорара Айрис за привлечение нового клиента.

— Я думала, у юристов полно денег, — заметила Айрис.

— Мы храним их в банке, — парировал Уолли, не желая уступать. — Похоже, у нас около двухсот восьмидесяти пяти долларов. Завтра я довезу остальное.

Айрис покачала головой.

— Да ладно вам, Айрис, — упрасивал Уолли. — Вы теперь наш клиент. Мы в одной команде. Мы рассчитываем на огромную компенсацию в один прекрасный день, а вы нам двести баксов не доверяете?

— Я возьму с вас расписку, — заявила она.

На этом этапе Дэвид предпочел бы проявить твердость, продемонстрировать хоть какую-то гордость, сгрести деньги со стола и попрощаться. Но Дэвид не был уверен в себе и знал, что сейчас не его очередь выступать. Уолли, напротив, вел себя весьма агрессивно. Он быстро нацарапал долговую расписку в своем блокноте, указал имя, фамилию и толкнул ее через стол. Айрис медленно прочитала с явно недовольным видом, потом подала ее Дэвиду:

— Вы тоже подпишите.

Впервые с момента своего великого побега Дэвид Зинк усомнился в собственной мудрости. Приблизительно сорок восемь часов назад он работал над сложной схемой «переупаковки» высокорейтинговых облигаций, продаваемых правительством Индии. Общая сумма сделки составляла около пятнадцати миллиардов долларов. Теперь же, когда для него началась новая жизнь уличного юриста, он испугался женщины весом в четыреста фунтов, просившей его подписать бесполезную бумажку.

Он глубоко вдохнул и, бросив на Уолли недоуменный взгляд, расписался.

Обветшалый район принимал все более жуткий вид, по мере того как они углублялись в него. «Два квартала», упомянутые Айрис, оказались пятью, и когда наконец они нашли дом и припарковались около него, Дэвид забеспокоился, не опасно ли это.

Крошечная обитель вдовы Коузарт походила на крепость — маленький кирпичный дом на узком участке, огороженном восьмифутовым забором из цепей. По словам

Айрис, Герб Коузарт воевал с черными тинейджерами-головорезами, которые бродили по улицам. Большую часть дня он сидел на крыльце с дробовиком в руках, высматривая панков и проклиная их, если они подбирались слишком близко. Когда Герб умер, кто-то привязал к забору праздничные шарiki. А кто-то другой накидал хлопушек на их газон посреди ночи. По словам Айрис, миссис Коузарт собиралась переезжать.

Выключив зажигание, Дэвид бросил взгляд на улицу и пробормотал:

— О Боже!

Уолли посмотрел в том же направлении и сказал:

— Это может быть интересно.

Пятеро черных тинейджеров мужского пола, все в соответствующей рэперской экипировке, заметили сверкающую «ауди» и глазели на нее, стоя на расстоянии пятидесяти ярдов.

— Пожалуй, я останусь в машине, — заявил Дэвид. — Там ты и один справишься.

— Хорошая мысль. Я быстро. — Уолли выбрался из салона, прихватив портфель. Айрис уже предупредила знакому, и миссис Коузарт стояла на крыльце.

Компания направлялась к «ауди». Дэвид запер двери и подумал, как мило было бы, если бы у него с собой оказался какой-нибудь пистолет просто для защиты. Что-то, что можно было бы показать мальчикам, чтобы они устроили себе развлечение в другом месте. Но, вооруженный лишь сотовым телефоном, он приложил его к уху и притворился, что увлеченно беседует, по мере того как шайка подходила все ближе и ближе. Они окружили машину, болтая без остановки, хотя Дэвид не мог понять, о чем они говорили. Шли минуты, и Дэвид ждал, когда кирпич разобьет лобовое стекло. Парни перегруппировались у переднего бампера и все пятеро расслабленно облокотились на него, как

будто машина принадлежала им и они решили на ней отдохнуть. Они легонько покачивали ее, стараясь при этом не поцарапать и не испортить. Потом один из них зажег самокрутку с марихуаной, и они пустили ее по кругу.

Дэвид подумал, что стоит завести машину и попытаться уехать, но это привело бы к ряду проблем, и бедный Уолли остался бы один в затруднительном положении. Его посетила и другая мысль: опустить стекло и завязать с ребятами дружеский разговор, но вид их не располагал к этому.

Краем глаза Дэвид увидел, как входная дверь миссис Коузарт распахнулась и Уолли вылетел из дома. Потянувшись к портфелю, он выхватил оттуда огромный черный револьвер и завопил:

— ФБР! Отойдите от этой чертовой машины!

Потрясенные парни не могли пошевелиться, так что Уолли прицелился в облака и произвел выстрел, который прогремел, словно пальнули из пушки. Пятеро дернулись, кинулись врассыпную и исчезли.

Уолли спрятал револьвер в портфель и захлопнул дверь.

— Поехали отсюда, — сказал он.

Дэвид уже жал на газ.

— Панки, — прошипел Уолли.

— Ты всегда носишь с собой револьвер? — спросил Дэвид.

— У меня есть разрешение. Да, я всегда ношу с собой револьвер. В нашем деле он может пригодиться.

— И многие адвокаты носят пистолеты?

— Мне все равно, что делают многие адвокаты, ясно? И не моя работа — защищать многих адвокатов. В этом городе меня уже дважды ограбили, и я не допущу, чтобы это произошло еще раз.

Дэвид вписался в изгиб дороги и понесся вперед.

Уолли продолжил:

— Сумасшедшая дамочка хочет денег. Айрис, конечно, позвонила и сказала, что мы приедем, и, разумеется, сообщила миссис Коузарт о плате за привлечение нового клиента, но поскольку старушка не в себе, она усвоила только информацию о пяти сотнях баксов.

— Ты подписал с ней контракт?

— Нет. Она потребовала наличных и поступила весьма глупо, ведь Айрис знала, что забрала все наши деньги.

— И куда мы едем сейчас?

— К нам в офис. Она даже не сообщила мне имя супруга, так что, полагаю, нам придется провести небольшое расследование и выяснить все самим. Почему бы тебе не заняться этим, когда мы доберемся до офиса?

— Но он не наш клиент.

— Верно, к тому же он умер. А поскольку его жена сумасшедшая — я не шучу, говоря, что она не в себе, — мы можем добиться, чтобы назначенный судом администратор одобрил его иск. Не мытьем, так катаньем, Дэвид. Ты научишься.

— О, уже учусь. Разве не противозаконно стрелять в пределах города?

— Ну-ну, это ты в Гарварде усвоил? Да, это так, а еще противозаконно выпускать пулю, которая попадает в голову другому человеку. Это называется убийством и происходит в Чикаго по крайней мере два раза в день. И поскольку здесь так много убийств, полиция перегружена работой и у нее нет времени возиться с огнестрельным оружием, мирно палящим в небо. Ты думаешь меня сдать, или что?

— Нет. Мне просто любопытно. Оскар тоже носит с собой револьвер?

— Наверное, нет, но он хранит его в ящике стола. На Оскара как-то напал прямо в кабинете один взбешенный клиент, обратившийся за помощью при разводе. Это был

обычный развод без обвинений, не подлежащий никакому оспариванию, но Оскар каким-то образом умудрился проиграть дело.

— Как можно проиграть развод, не подлежащий оспариванию?

— Не знаю, но не спрашивай Оскара, ладно? Это до сих пор для него большая тема. Так или иначе, он сообщил клиенту, что им придется подать иск заново и пройти весь процесс сначала, клиент взбесился и устроил Оскару взбучку.

— У Оскара такой вид, будто может за себя постоять. Похоже, это был плохой парень.

— Кто сказал, что это был парень?

— Неужели женщина?

— Ага. Очень большая и злобная женщина, но все же женщина. Она одержала над ним верх, швырнув в него кофейную чашку, керамическую, не бумажную, прямо между глаз. Потом схватила зонт Оскара и начала колотить его. Четырнадцать швов. Клиентку звали Велли Пеннибейкер, никогда ее не забуду.

— Кто положил этому конец?

— Рошель наконец добралась до кабинета. Оскар клянется, что на это у нее ушла целая вечность. Она оттащила от него Велли и успокоила ее. Потом позвонила копам, они уволокли Велли и обвинили ее в нападении сотягчающими обстоятельствами. Она подала встречный иск за некомпетентность. Потребовалось два года и около пяти тысяч баксов, чтобы все уладить. Теперь Оскар держит одну такую штуку у себя в столе.

Что бы об этом сказали в «Рогане Ротберге»? — задал себе вопрос Дэвид. Юристы, которые носят с собой оружие. Юристы, которые называют себя агентами ФБР и палят в воздух. Юристы, которых избивают до крови недовольные клиенты.

Он едва не спросил Уолли, подвергался ли и он нападению клиента, но придержал язык. Дэвид был почти уверен, что и так знает ответ.

ГЛАВА 12

Они вернулись в явно более безопасный офис к 16.30. Принтер выплевывал очередной лист бумаги. Рошель сидела за столом, сортируя и раскладывая стопки писем.

— Что ты сделал с Дианой Наксхолл? — спросила она Уолли.

— Скажем, ее развод отложили до тех пор, пока она не изыщет возможность расплатиться со своим адвокатом. А что?

— Она звонила три раза, вся в рыданиях и переживаниях. Хотела узнать, когда вы вернетесь. Жаждет увидеть вас.

— Отлично. Значит, она нашла деньги.

Уолли просматривал письма, которые вытащил из стопки на столе. Он протянул одно из них Дэвиду, тот взял его и начал читать. Его внимание сразу привлекло заглавие «Опасайтесь крейкса!».

— Начинаем подписывать, — произнес Уолли. — Я хочу, чтобы они ушли на почту сегодня днем. Часы тикают.

Письма, напечатанные на бланке «Финли энд Фигг», отправлялись от имени почтенного Уоллиса Т. Фигга, адвоката и поверенного в суде. После слов «Искренне ваш» оставалось место лишь для одной подписи.

— И что я должен делать? — спросил Дэвид.

— Расписаться за меня, — ответил Уолли.

— Не понял.

— Распишись за меня. Ты что, думаешь, я подпишу три тысячи писем?

— Значит, я должен подделать твою подпись?

— Нет, я уполномочиваю тебя расписаться на этих письмах, — ответил Уолли так, будто разговаривал с идиотом. Посмотрев на Рошель, он добавил: — И вас тоже.

— Я уже сотню подписала, — сообщила она, протягивая Дэвиду еще одно письмо. — Взгляните на эту подпись. Первокласник и то написал бы лучше.

И она была права. Подпись являла собой небрежную загогулину, которая начиналась с кудрявого завитка, вероятно, символизировавшего букву W, а затем резко переходила в острый шип, обозначающий либо T, либо F. Дэвид взял одно из писем, которые только что подписал Уолли, и сравнил его подпись с подделкой Рошель. В них прослеживалось некое сходство, но обе казались неразборчивыми и непонятными.

— Да, плоховато выглядит, — заметил Дэвид.

— Не важно, что вы там нацарапаете. Все равно никто ничего не сможет прочесть, — пояснила Рошель.

— Полагаю, у меня выдающаяся подпись, — сказал Уолли, с упоением подписывая письма. — Может, теперь займемся делом?

Дэвид сел и начал экспериментировать с каракулями. Рошель складывала письма, помещала их в конверты и наклеивала марки. Через пару минут Дэвид спросил:

— Кто эти люди?

— Они из нашей клиентской базы, — ответил Уолли с чрезвычайно важным видом. — Там более трех тысяч имен.

— И за какой период они собраны?

— Примерно за двадцать лет, — мгновенно отреагировала Рошель.

— Так о некоторых из этих парней ничего не слышно уже много лет, верно?

— Верно, — согласилась она. — Кто-то, возможно, уже умер. Кто-то переехал. Многие не обрадуются, получив письмо из «Финли энд Фигг».

— Если они и умерли, то будем надеяться, что от крейокса. — Уолли разразился смехом. Ни Дэвид, ни Рошель шутку не оценили.

Пара минут прошла в полной тишине. Дэвид думал о кабинете наверху и обо всем, что там нужно сделать. Рошель поглядывала на часы в ожидании пяти вечера. Уолли с радостью закидывал невод все шире и шире, надеясь поймать новых клиентов.

— А какого ответа ты ждешь? — спросил Дэвид.

Рошель закатила глаза, как будто хотела сказать: «Никакого».

Уолли на секунду замялся, потом потряс рукой, которой подписывал письма.

— Отличный вопрос. — Он почесал подбородок и уставился в потолок, словно, кроме него, никто не мог ответить на такой сложный вопрос. — Давай предположим, что один процент взрослого населения страны принимает крейокс. Тогда...

— Откуда ты взял один процент? — перебил его Дэвид.

— Из результатов исследований. Это есть в деле. Захвати его сегодня домой и изучи факты. Так, я говорил, что один процент охваченной нами группы — это около тридцати человек. Если двадцать процентов из группы сталкивались с сердечными приступами или инсультами, то мы можем рассчитывать на пять или, скажем, шесть случаев. Возможно, даже семь или восемь, кто знает. А если мы считаем, что каждый случай, особенно со смертельным исходом, стоит пару миллионов, то нас ждет очень неплохой

гонорар. У меня чувство, что здесь никто мне не верит, но спорить я не собираюсь.

— Я и слова не сказала, — возразила Рошель.

— Мне просто любопытно, вот и все, — заметил Дэвид. Через несколько минут он спросил: — Так когда мы подадим какой-нибудь крупный иск?

Уолли, как эксперт, откашлялся, подготовившись к мини-семинару.

— Очень скоро. Айрис Клопек уже подписала контракт, так что мы можем подать его хоть завтра, если захотим. Я собираюсь ангажировать вдову Честера Марино сразу после похорон. Письма отправятся в путь сегодня же. Телефоны начнут звонить через день-другой. Если нам немного повезет, то, возможно, за неделю мы наберем полдюжины дел и тогда подадим иск. Завтра я начну составлять проект искового заявления. В этих коллективных процессах важно быстро подавать иски. Мы взорвем первую бомбу здесь, в Чикаго. О нас напишут в газетах, и все, кто сидит на крейоксе, перестанут его принимать и начнут звонить нам.

— О Боже! — воскликнула Рошель.

— Вот именно что «о Боже». Подождите, пока мы получим компенсацию. И тогда я покажу вам еще одно «о Боже».

— В суде штата или федеральном суде? — спросил Дэвид, быстро пресекая назревающую перепалку.

— Хороший вопрос, и я хотел бы, чтобы ты провел исследование по этому вопросу. Если мы обратимся в суд штата, то сможем также засудить докторов, которые прописывали крейокс нашим клиентам. Таким образом, в процессе будет участвовать больше влиятельных адвокатов со стороны защиты, и это создаст дополнительные трудности. Откровенно говоря, у «Веррик лабз» хватит денег на то, чтобы осчастливить нас всех. Поэтому я скло-

няюсь к тому, чтобы не связываться с докторами. Что касается иска в федеральный суд, поскольку разбирательство по крейоксу пройдет в общенациональном масштабе, мы можем внедриться в сеть коллективных гражданских исков и воспользоваться покровительством сильнейших. Никто на самом деле и не ждет, что эти дела будут рассматриваться судом, и к тому моменту, как начнутся переговоры по заключению мирового соглашения и выплате компенсации, мы уже должны работать в связке с важными парнями.

Опять Уолли говорил с видом настолько умудренного опытом человека, что Дэвиду захотелось ему поверить. Но он уже проработал в фирме достаточно долго, чтобы знать: Уолли никогда не вел дел по коллективным гражданским искам. Как и Оскар.

Дверь Оскара открылась, и он вошел, как обычно хмурый, с усталым лицом.

— Что это, черт возьми, такое? — осведомился Оскар.

Никто ему не ответил. Он подошел к столу, взял письмо и скоро бросил его. Он собирался что-то сказать, когда входная дверь распахнулась и высокий, толстый, крепкий, татуированный филистимлянин протопал внутрь и прокричал на весь коридор:

— Который из вас Фигг?

Оскар, Дэвид и Рошель указали на Уолли. Тот застыл на месте. Глаза его выразили испуг. За злоумышленником стояла распутного вида женщина в желтом платье — Диана Наксхолл из суда по разводам. Она завопила:

— Вот он, Трип, толстый коротышка!

Трип с угрожающим видом шагнул к Уолли, словно собираясь его убить. Остальные отпрянули от стола, предоставив Уолли возможность постоять за себя самому. Трип сжал кулаки, навис над Уолли и сказал:

— Послушай, Фигг, ты, маленький хорек! Мы женимся в субботу, так что моей девушке нужно получить развод завтра. В чем проблема?

Уолли, оставаясь на месте и сжавшись в ожидании удара, пролепетал:

— Я хотел бы получить плату за свои услуги.

— Она пообещала заплатить тебе позже, разве нет?

— Конечно, пообещала, — вставила Диана, надеясь, что это поможет.

— Если вы хоть пальцем меня тронете, я добьюсь, чтобы вас арестовали, — заявил Уолли. — Вы не сможете жениться в тюрьме.

— Я тебе говорила, что он хитрый, — сказала Диана.

Трипу нужно было что-то сокрушить, но он пока не был готов устроить взбучку Уолли, потому схватил стопку писем о крейксе и расшвырял их вокруг.

— Организуй развод, ладно, Фигг? Завтра я буду в суде, и если моя девушка к тому времени не получит развод, я взгрею твою толстую задницу прямо в зале суда.

— Звоните в полицию! — рявкнул Оскар, обращаясь к Рошель, слишком испуганной, чтобы пошевелиться.

Желая сделать что-то еще более эффектное, Трип схватил со стола толстый юридический справочник и бросил его в окно. Стекло разбилось, и осколки посыпались на крыльцо. Эй-Си заскулил и удалился в укромное место под столом Рошель.

Глаза Трипа светились стеклянным блеском.

— Я сломаю тебе шею, Фигг. Ясно?

— Ударь его, Трип, — подначивала Диана.

Дэвид бросил взгляд на диван и увидел портфель Уолли. Он подвинулся ближе.

— Завтра мы будем в суде, Фигг. Ты придешь? — Трип шагнул вперед. Уолли приготовился к атаке. Рошель потя-

нулась к столу, и это удержало Трипа. — Не шевелись. Ты не станешь звонить копам!

— Звоните в полицию! — снова рывкнул Оскар, даже не пытаясь сделать это сам. Дэвид подобрался еще ближе к портфелю.

— Поговори со мной, Фигг, — потребовал Трип.

— Он унизил меня на открытом судебном заседании, — захныкала Диана. Стало очевидно, что она жаждет крови.

— Ты слизняк, Фигг, тебе это известно?

Уолли собирался что-то сказать, когда Трип наконец дошел до рукоприкладства. Он толкнул Уолли. Это был довольно легкий толчок, слишком слабый для комплекции юриста, но это считалось нападением.

— Эй, смотри! — заорал Уолли, ударив Трипа по руке.

Дэвид быстро открыл портфель и достал длинный черный «кольт-магнум». Он не помнил, случалось ли ему когда-нибудь прикасаться к револьверу, не знал, удержит ли он его, не отстрелив себе руку, но был уверен в том, что следует держать пальцы подальше от курка.

— Возьми, Уолли, — сказал он, положив револьвер на стол. Уолли схватил его, вскочил со стула, и расстановка сил резко изменилась.

Трип выпалил «Вот те раз!» писклявым голосом и отступил. Диана попятилась. Рошель и Оскара вид оружия изумил не меньше, чем Трипа. Уолли ни в кого не целился, во всяком случае, так, чтобы это было очевидно. Но держал револьвер таким образом, что не оставалось сомнений: он сможет выпустить пару пуль за считанные секунды.

— Во-первых, я требую извинений, — произнес он, шагнув к Трипу, который тут же присмирел. — Можно много чего требовать и заявлять, когда твоя девушка не хочет платить по счетам.

Трип, несомненно, разбирался в оружии, поэтому, уставившись на «кольт», послушно сказал:

— Ты, конечно, прав, старина.

— Позвоните в полицию, миз Гибсон, — сказал Уолли, и она набрала 911. Эй-Си высунул голову из-под стола и зарычал на Трипа. — Я хочу триста долларов за развод и двести за окно, — потребовал Уолли. Трип продолжал пятиться, а Диана почти скрылась за его спиной.

— Спокойно, дружище. — Трип выставил обе ладони перед собой.

— О, я очень спокоен.

— Сделай что-нибудь, малыш, — просила Диана.

— Что, например? Видишь, какого размера эта штука?

— Разве мы не можем просто уйти? — взмолилась она.

— Нет, — отрезал Уолли. — До тех пор, пока не приедут копы. — Он поднял револьвер на пару дюймов, стараясь не целиться непосредственно в Трипа.

Рошель отошла от стола и отправилась на кухню.

— Успокойся, старина, — попросил Трип. — Мы уходим.

— Никуда вы не пойдете.

Полиция приехала через пару минут. На Трипа надели наручники, потом посадили на заднее сиденье патрульной машины. Диана, всплакнув, попыталась пофлиртовать с копами — здесь ее ждал больший успех. В конце концов Трипа все же увезли, чтобы предъявить обвинения в нападении и вандализме.

Когда страсти улеглись, Рошель и Оскар пошли домой, оставив Уолли и Дэвида подметать с пола осколки стекла и подписывать письма по крейоксу. Они работали час, бездумно рисуя подпись Уолли и обсуждая, что делать с разби-

тым стеклом. Его не удалось бы заменить до завтра, а офис не пережил бы ночь с открытым окном. Окрестности Престон-авеню не считались опасным районом, но там никто не оставлял двери незапертыми, а ключи — в замке зажигания. Уолли решил переночевать в офисе на диване у стола, в обществе Эй-Си и с «кольцом» на расстоянии вытянутой руки, когда распахнулась входная дверь и Диана явилась во второй раз.

— Что вы здесь делаете? — строго спросил Уолли.

— Нам нужно поговорить, Уолли, — неуверенно, почти нежно ответила она, садясь на стул у стола Рошель и скрестив ноги, чтобы обнажить как можно больше тела. На ее очень длинных ногах красовались те же вызывающие босоножки, в которых она щеголяла с утра в суде.

— О-ля-ля, — выдохнул Уолли. — И о чем вы хотите поговорить?

— Думаю, она выпила, — прошептал Дэвид, продолжая подписывать письма.

— Не уверена, что мне следует выходить замуж за Трипа, — призналась Диана.

— Он животное, настоящий неудачник. Вы можете найти себе кого-то получше.

— Но я хочу развестись, Уолли, вы же не откажетесь мне в этом помочь?

— С радостью, только оплатите мои услуги.

— Я не могу раздобыть деньги до завтрашнего суда. Клянусь, это правда.

— Тем хуже для вас.

Дэвид решил, что если бы вел это дело, то сделал бы все возможное, чтобы добиться развода для Дианы и навсегда позабыть о Трипе. Лишние триста долларов не стоили таких хлопот.

Она переложила ноги, так что юбка задралась еще на пару дюймов.

— Я тут подумала, Уолли, может, нам удастся договориться по-другому. Только вы и я, понимаете?

Уолли вздохнул, оглядел ее ноги, на секунду задумался и произнес:

— Не могу. Сегодня я буду ночевать здесь, потому что один осел разбил окно.

— Тогда и я останусь, — проворковала она, облизывая ярко-красные губы.

Уолли никогда не находил в себе сил избегать подобных ситуаций, хотя и не часто в них оказывался. Клиенты редко вели себя столь распушенно. На самом деле он не мог в тот ужасный, но волнующий момент вспомнить, когда в последний раз это происходило так легко.

— Возможно, мы что-то и придумаем, — пробормотал он, бросив хитрый взгляд на Диану.

— Я пошел. — Дэвид встал и схватил портфель.

— Можете остаться, — сказала она.

Перед ним тут же возникла омерзительная сцена: счастливо женатый, он кувыркается на диване со смазливой девицей, у которой за спиной столько же разводов, сколько у ее пухлого голого юриста. Дэвид рванул к двери и хлопнул ее за собой.

До их любимого бистро, работавшего до поздней ночи, от их дома в Линкольн-парке можно было добраться пешком. Они часто встречались там, чтобы быстро поужинать перед тем, как в 23.00 закроется кухня. Именно в это время Дэвид возвращался домой после очередного изнурительного дня в офисе. Сегодня же, прибыв довольно рано, они обнаружили, что там полно народу. Их столик находился в углу.

На каком-то этапе, примерно в середине своей пятилетней карьеры в «Рогане Ротберге», Дэвид решил никогда не обсуждать свою работу, никогда не приносить ее до-

мой. Она была так неприятна, безвкусна и отчаянно скучна, что он просто не мог вовлекать в это Хелен. Она приветствовала такое решение, и обычно они говорили о ее учебе или о том, как дела у друзей. Но вдруг все изменилось. Большая фирма осталась в прошлом, как и обезличенные клиенты с их занудными делами. Теперь Дэвид работал с настоящими людьми, совершавшими невероятные поступки, о которых стоило рассказывать в мельчайших подробностях. Взять, например, две стычки почти с применением оружия, которые Дэвид пережил вместе со своим закадычным другом Уолли. Сначала Хелен категорически отказывалась верить, что Уолли действительно выстрелил в воздух, желая напугать уличных головорезов, но в конце концов уступила Дэвиду, который говорил без устали. В историю с Трипом она тоже поверила не сразу. Не менее скептически Хелен отнеслась к публичному вымогательству денег у Дианы Наксхолл на открытом судебном заседании. Она с подозрением выслушала признание в том, что ее муж отдал все деньги Айрис Клопек и даже написал долговую расписку. А вот нападение на Оскара разъяренного клиента (женского пола) показалось чуть более правдоподобным.

Оставив самое интересное напоследок, Дэвид завершил повествование о своем незабываемом первом дне работы в «Финли энд Фигг» фразой:

— И, дорогая, пока мы с тобой разговариваем, Уолли и Диана кувыркаются на диване в кабинете с открытым окном в присутствии собаки, и долг клиента закрывается самым невероятным образом.

— Ты врешь!

— Хотел бы я, чтобы это было ложью. О трехстах долларах забудут. И завтра к полудню Диана получит развод.

— Какая мерзость!

— Кто именно из них двоих мерзок?

— Как насчет обоих? И многие ваши клиенты расплачиваются таким способом?

— Сомневаюсь. Я упомянул Айрис Клопек. Подозреваю, она больше соответствует собирательному образу клиента фирмы. Диван, на котором производится оплата, просто не выдержал бы таких скачков.

— Ты не можешь работать на этих людей, Дэвид. Уйди из «Рогана», если хочешь, но давай найдем какую-нибудь другую фирму. Эти двое клоунов — просто парочка жуликов. Как у них вообще с этикой?

— Едва ли они посвящают много времени обсуждению этических вопросов.

— Почему бы тебе не найти надежную среднюю фирму, где работают приятные люди, которые не носят с собой оружие, не гоняются за машинами «скорой помощи» и не обменивают труд на секс?

— А на чем я специализируюсь, Хелен?

— На чем-то связанном с акциями.

— Точно. Я много знаю о высокодоходных долгосрочных облигациях, выпускаемых зарубежными правительствами и корпорациями. Это единственное, что я знаю о праве, так как это единственное, чем я занимался последние пять лет. Укажи это в резюме, и мне позвонит горстка яйцеголовых из других крупных фирм вроде «Рогана», которым может пригодиться кто-то вроде меня.

— Но ты можешь научиться.

— Конечно, могу, но никто не захочет нанимать юриста с пятилетним опытом работы за нормальные деньги и отправлять его в детский сад. Все требуют опыта, а у меня его нет.

— Значит, «Финли энд Фигг» — единственное место, где ты можешь работать?

— Или что-то в этом роде. Я похожу туда, как на семинар, годик-другой, а потом, быть может, открою собственное дело.

— Отлично. Поработал там один день и уже думаешь о том, чтобы уйти.

— На самом деле — нет. Мне нравится это место.

— Ты сошел с ума.

— Да, и это так окрыляет.

ГЛАВА 13

Массовая рассылка Уолли оказалась напрасной. Половину писем почтовая служба вернула по ряду причин. Правда, в последующую неделю возросло количество звонков, большая часть которых поступала от бывших клиентов, требующих, чтобы их удалили из списка рассылки «Финли энд Фигг». Не утратив мужества, Уолли подал иск в окружной суд по Северному округу штата Иллинойс, указав Айрис Клопек и Честера Марино, как и «других, чьи имена будут предоставлены позднее» в качестве истцов, и заявив, что близкие им люди были убиты лекарством крейокс, которое производится «Веррик лабз». Уолли наобум запросил круглую сумму в сто миллионов долларов в качестве компенсации и потребовал рассмотрения дела присяжными заседателями.

Подача иска прошла не так ярко, как он хотел. Уолли отчаянно пытался привлечь внимание средств массовой информации к готовящемуся иску, но почти никто не проявлял интереса. Вместо того чтобы тихо подать иск в Интернете, они с Дэвидом, облачившись в свои лучшие темные костюмы, приехали в Дом правосудия имени Эверетта М. Дирксена* в центре Чикаго и вручили исковое заявление на двадцати страницах клерку. Не увидев ни ре-

* Сенатор от Иллинойса в 1951—1969 гг., некоторое время был лидером меньшинства в сенате США.

портеров, ни фотографов, Уолли расстроился. Он попросил заместителя секретаря запечатлеть юристов, с серьезным видом подающих иск. Вернувшись в офис, Уолли отправил исковое заявление и фотографию в «Трибюн», «Сан таймс», «Уолл-стрит джорнал», «Тайм», «Ньюсуик» и дюжину других изданий.

Дэвид молился, чтобы фотография осталась незамеченной, но удача оказалась на стороне Уолли. Репортер из «Трибюн» позвонил в офис, и его тут же соединили с исполненным восторга адвокатом Фиггом. На них обрушилась лавина популярности.

На первой странице следующим утром вышла статья под заголовком «Чикагский адвокат атакует «Веррик лабз» из-за крейкса». В статье кратко излагалась суть иска и говорилось, что местный адвокат Уолли Фигг «называет себя специалистом по коллективным гражданским искам». «Финли энд Фигг» была представлена как «фирма-бутик», которая уже давно борется с крупными компаниями, производящими лекарства. Репортер все же кое-что разнюхал и процитировал двух известных адвокатов, представлявших интересы истцов. Те утверждали, что никогда не слышали о такой фирме. К тому же за последние десять лет не было зарегистрировано подобных исков, поданных «Финли энд Фигг». «Веррик» отреагировала довольно агрессивно, высказавшись в защиту своего продукта и пообещав дать истцам мощный отпор. В компании отметили, что «с нетерпением ждут справедливого суда с участием беспристрастной коллегии присяжных, которая вернет компании доброе имя». Фотография, сопровождавшая статью, оказалась довольно большой. Это радовало Уолли и смущало Дэвида. Вместе они смотрелись нелепо: лысеющий, пухлый и ярко одетый Уолли и высокий, опрятный Дэвид, который к тому же выглядел намного моложе.

Историю подхватили в Интернете, и телефон стал звонить без остановки. Временами Рошель просто не справлялась, и Дэвид помогал ей. Иногда звонили репортеры, иногда — юристы, которые надеялись выведать какие-то сведения, но большей частью — люди, принимавшие крейокс, в смятении и ужасе. Дэвид толком не знал, что им отвечать. Стратегия фирмы, если ее можно так назвать, заключалась в том, чтобы отфильтровать все потенциальные дела и выбрать случаи со смертельным исходом, а потом — на каком-то другом этапе — привлечь «несмертельных» клиентов и включить их в массовый иск. Объяснить это по телефону было невозможно, потому что Дэвид сам не вполне это понимал.

По мере того как телефоны продолжали звонить и всеобщее волнение продолжалось, даже Оскар вышел из кабинета и проявил интерес к происходящему. В его маленькой фирме никогда не наблюдалось такой активности, и, возможно, действительно пробил их звездный час. Возможно, Уолли наконец-то оказался прав. Возможно, просто возможно, это приведет их к большим деньгам, а это означало, что, выйдя на пенсию, он наконец-то позволит себе развестись.

Трое юристов собрались за столом во второй половине дня, чтобы поделиться впечатлениями. Уолли был взволнован и даже вспотел. Он размахивал своим большим блокнотом и говорил:

— У нас тут четыре смертельных случая, совершенно новых, нам нужно немедленно заключить с ними контракт. Оскар, ты в деле?

— Разумеется. Одного я возьму на себя. — Оскар постарался изобразить нежелание чем-либо заниматься, как делал всегда.

— Спасибо. Итак, миз Гибсон, есть одна чернокожая дама, которая живет на Девятнадцатой улице, недалеко

от вас. Бассит-тауэрс, дом три. Она говорит, там вполне безопасно.

— Я не пойду в Бассит-тауэрс, — заявила Рошель. — Даже у меня дома слышно, как стреляют в том районе.

— К этому я и клоню. Это на соседней с вами улице. Вы могли бы к ней заглянуть по дороге домой.

— Даже не собираюсь.

Уолли шлепнул на стол свой блокнот.

— Разве вы не видите, что здесь происходит, черт возьми? Эти люди умоляют нас взять их дела, и эти дела тянут на миллионы баксов. В течение года мы можем получить огромную компенсацию. Перед нами маячит крупный процесс, а вам, как всегда, все равно.

— Я не намерена рисковать жизнью ради этой юридической фирмы.

— Отлично. Значит, когда «Веррик» выплатит компенсацию и деньги польются рекой, мы придержим вашу часть премии. Вы это хотите сказать?

— Какой еще премии?

Уолли начал рассказывать туда-сюда от входной двери к столу.

— Ну-ну, короткая у вас память. Помните дело Шермана в прошлом году? Премиленская автомобильная авария, наезд сзади. Государственная фирма выплатила шестьдесят тысяч. Мы забрали треть — недурственный доход в двадцать тысяч для доброй старой фирмы «Финли энд Фигт». Мы оплатили кое-какие счета. Я забрал семь тысяч, Оскар тоже взял семь, а вам мы отдали тысячу в конверте, разве нет, Оскар?

— Да, мы и раньше так делали, — подтвердил Оскар.

Рошель считала в уме, пока Уолли говорил. Было бы обидно упустить такой кусок пирога. Что, если Уолли хоть раз в жизни окажется прав? Он замолчал, и на мгновение

атмосфера накалилась, возникла пауза. Эй-Си встал и зарычал. Прошли секунды, потом вдалеке послышался вой сирен «скорой помощи». Звук нарастал, но, как ни странно, никто не пошевелился, никто не подбежал к окну и не вышел на крыльцо.

Они уже потеряли интерес к своему хлебу насущному? Маленькая «фирма-бутик» выросла из дел по автокатастрофам и переместилась в более прибыльную сферу?

— И какая будет премия? — спросила она.

— Да ладно вам, миз Гибсон, — раздраженно произнес Уолли. — Понятия не имею.

— И что я должна сказать этой бедной женщине?

Уолли взял блокнот.

— Я говорил с ней час назад, ее зовут Полин Саттон, ей шестьдесят два года. Ее сорокалетний сын Джермейн умер от сердечного приступа семь месяцев назад. Он был немного полноват и принимал крейокс четыре года, чтобы понизить холестерин. Очаровательная леди и безутешная мать. Возьмите один из наших новеньких контрактов на юридические услуги по делу о крейоксе, объясните ей все и уговорите подписать. Вот вам и кусок пирога.

— А что, если она начнет задавать вопросы об иске и компенсации?

— Запишите ее к нам на прием. Я отвечу на все вопросы. Сейчас важно подписать с ней контракт. Мы разворошили осиное гнездо здесь, в Чикаго. Каждый полоумный любитель побегать за «скорой помощью» теперь рыщет по улицам в поисках жертв крейокса. Сейчас главное — не упустить время. Вы сможете это сделать, миз Гибсон?

— Полагаю, да.

— Благодарю вас. А теперь предлагаю всем отправиться на улицу.

* * *

Их первой остановкой стала пиццерия со шведским столом недалеко от офиса. Заведение принадлежало одной сети, которая обрела дурную славу, после того как приняла журналистов, которые разгромили в пух и прах их возмутительное меню. Ведущий журнал о здоровье проанализировал предлагаемую пищу и объявил, что вся она опасна для человека и непригодна к употреблению. Все плавало в жире, масле и прочих субстанциях, и никто не предпринимал никаких усилий для того, чтобы приготовить хоть что-нибудь мало-мальски полезное. Готовую еду раскладывали по тарелкам на шведском столе и предлагали по невероятно низким ценам. Название сети ассоциировалось теперь с ордами болезненно толстых людей, которые кормились из буфетных корыт. Прибыли росли огромными темпами.

Ассистент управляющего, пухлый молодой человек по имени Адам Гранд, попросил их подождать десять минут, пока он освободится. Дэвид и Уолли нашли огороженную «кабинку», расположенную поодаль от шведского стола, но это оказалось не так уж далеко. Кабинка была просторной и широкой, и Дэвид осознал, что все в этом заведении слишком большое: тарелки, стаканы, салфетки, столы, стулья. Уолли говорил по мобильному, стараясь организовать встречу с потенциальным клиентом. Дэвид разглядывал тучных людей, копавшихся в кусках толстой пиццы. Он почти сочувствовал им.

Проскользнув к ним, Адам Гранд, сел рядом с Дэвидом и сказал:

— У вас есть пять минут. Мой босс там, сзади, кричит не своим голосом.

Уолли не стал терять времени даром.

— По телефону вы сказали мне, что ваша мать скончалась шесть месяцев назад от сердечного приступа. Ей было

шестьдесят шесть, и она пару лет принимала крейокс. Как насчет вашего отца?

— Он умер три года назад.

— Мои соболезнования. Вероятно, из-за крейокса?

— Нет, рак толстой кишки.

— Братья, сестры?

— Один брат живет в Перу. Он не будет во всем этом участвовать.

Дэвид и Уолли увлеченно записывали. Дэвид чувствовал: ему следует сказать что-то важное, но на ум ничего не приходило. Он находился здесь в качестве шофера. Уолли собирался задать очередной вопрос, когда Адам сделал ход конем:

— Еще могу сказать, что я недавно говорил с другим юристом.

Уолли выпрямился, его глаза расширились.

— О, правда? Как его зовут?

— Он представился как эксперт по крейоксу и сказал, что может заработать для нас миллион баксов без всяких усилий. Это правда?

Уолли приготовился к битве.

— Он лжет. Если пообещал вам миллион баксов, значит, он идиот. Мы ничего не можем обещать в плане денег. Мы можем пообещать только то, что обеспечим вам лучшее юридическое сопровождение, какое только можно найти.

— Конечно, конечно. Но мне нравится, когда юрист говорит мне, сколько я могу получить, понимаете, о чем я?

— Мы сможем заработать для вас куда больше миллиона баксов, — пообещал Уолли.

— Вот это разговор. И сколько времени это займет?

— Год, быть может, два. — Уолли подтолкнул к нему через стол контракт. — Просмотрите этот документ. Это контракт между вами и нашей фирмой на представление

интересов вашей матери в материально-правовой плоскости.

Адам быстро просмотрел его и сказал:

— Ничего не оплачивается заранее, верно?

— О нет, судебные издержки оплачиваются.

— Сорок процентов для вас, ребята, — это многовато.

Уолли покачал головой:

— Это средняя ставка. Стандартный вариант. Любой юрист, который занимается коллективными гражданскими исками и чего-то стоит, забирает сорок процентов. Некоторые требуют пятьдесят, но не мы. По-моему, брать пятьдесят — неэтично. — Он посмотрел на Дэвида, чтобы тот подтвердил его слова. Дэвид кивнул и нахмурился, словно подумал о тех недобропорядочных юристах, этические принципы которых можно поставить под сомнение.

— Наверное, вы правы, — согласился Адам и расписался. Уолли выхватил контракт.

— Отлично, Адам, правильное решение, и добро пожаловать на борт. Мы добавим ваше дело к нашему иску и примемся за работу. Вопросы есть?

— Да. Что мне сказать другому юристу?

— Скажите, что вы выбрали лучшее — «Финли энд Фигг».

— Вы в хороших руках, Адам, — торжественно заверил Дэвид и тут же понял, что это прозвучало как плохая реклама. Уолли метнул на него взгляд, говорящий: «Правда, что ли?»

— А это мы еще увидим, не правда ли? — спросил Адам. — Мы все узнаем, когда придут большие деньги. Вы обещали больше миллиона, мистер Фигг, и я поверил вам на слово.

— Вы не пожалеете.

— До встречи. — И Адам исчез.

Заталкивая блокнот в портфель, Уолли констатировал:

— Это было легко.

— Ты только что пообещал парню вознаграждение свыше миллиона. Это разумно?

— Нет. Но если это нужно для достижения цели, от этого никуда не денешься. Вот как все работает, юный Дэвид: ты подписываешь с ними контракт, затаскиваешь их на борт, следишь, чтобы они были счастливы, а когда появляются деньги, они забывают, о чем ты говорил вначале. Скажем, например, через год «Веррик» надоест заварушка с крейоксом, и фирма решит уладить это дело. Предположим, нашему новому другу Адаму выпишут чек на сумму меньше миллиона, например, на семьсот пятьдесят тысяч. Ты действительно думаешь, что этот неудачник откажется от таких денег?

— Вероятно, нет.

— Именно. Он будет так счастлив, что даже не вспомнит о нашем сегодняшнем разговоре. Только так это и работает. — Уолли бросил долгий голодный взгляд на буфет. — Какие у тебя планы на ужин? Я голоден как волк.

У Дэвида планов не было, но перекусывать здесь он не собирался.

— Жена ждет меня на ужин.

Уолли снова посмотрел на корыта и стада тучных людей, которые паслись возле них. Застыв на мгновение, он выдавил улыбку.

— Отличная мысль, — произнес он.

— Не понял?

— Взгляни на этих людей! Какой у них в среднем вес?

— Даже не представляю.

— Я тоже, но если я в некотором роде упитанный при весе в двести сорок фунтов, то эти ребята весят намного больше четырехсот.

— Говори яснее, Уолли.

— Посмотри на очевидное, Дэвид. Здесь полно людей с ожирением, и многие, вероятно, сидят на крейксе. Держу пари. Если я сейчас прокричу: «Кто принимает крейкс?» — половина этих бедных ублюдков поднимет руки.

— Не делай этого.

— И не собираюсь. Но ты не понял, к чему я клоню.

— Хочешь раздать им визитные карточки?

— Нет, умник. Но должен быть способ проверить, принадлежат ли эти люди к тем, кто принимает крейкс.

— Но они еще не умерли.

— Ждать осталось недолго. К тому же мы можем добавить их к нашему второму иску по случаям с несмертельным исходом.

— Я чего-то не понимаю, Уолли. Помоги мне. Разве нам на каком-то этапе не потребуется доказать, что лекарство действительно причиняет вред здоровью?

— Разумеется, и мы докажем это позже. Когда найдем экспертов. Сейчас важнее всего заключить со всеми контракты. Это лошадиные скачки, Дэвид. Нам нужно найти способ проверить этих ребят и заключить с ними контракты.

Время близилось к шести часам, и в ресторане становилось все многолюднее. Только Дэвид и Уолли сидели и не ужинали. К ним приблизилась семья из четырех тучных человек, каждый держал две тарелки с кусками пиццы. Они остановились у их стола и с угрожающим видом уставились на двух юристов. Дело было серьезное.

Следующую остановку они сделали у двухквартирного дома близ аэропорта Мидуэй. Дэвид припарковался у бордюра за древним «фольксвагеном-жуком» на стоянке. Уолли сказал:

— Лейдеру Шмидту было пятьдесят два, когда он скончался в прошлом году от обширного инсульта. Я говорил с его вдовой, Агнес.

Но Дэвид слушал вполуха. Он пытался убедить себя, что действительно этим занимается: рыщет по неблагополучным районам юго-восточного Чикаго вместе со своим новым боссом, который не может сидеть за рулем из-за ряда проблем, в темноте, спасаясь от уличных головорезов, стуча в незнакомые двери грязных домов, не зная, что там внутри, — все с целью заманить клиентов, прежде чем у них на пороге появится другой юрист. Что подумали бы об этом его друзья с юридического факультета Гарварда? Сильно бы они смеялись? Но Дэвид решил, что на самом деле ему все равно. Любая работа в сфере юриспруденции лучше его прежней работы, а большинство его друзей с юридического факультета чувствовали себя несчастными. Он же, напротив, чувствовал себя свободным.

Агнес Шмидт либо пряталась, либо отсутствовала. Никто не подошел к двери, и юристы поспешили ретироваться. По дороге Дэвид сказал:

— Послушай, Уолли. Я в самом деле хотел бы попасть домой повидать жену. Я почти не видел ее последние пять лет. Пора мне это исправить.

— Она очень хорошенькая. Так что мне не в чем тебя упрекнуть.

ГЛАВА 14

В течение недели после подачи иска фирма нашла восемь дел со смертельным исходом — весьма внушительная цифра. На этом они уж точно могли бы разбогатеть. Поскольку Уолли так часто повторял это, вся фирма почти по-

верила, что каждое дело принесет почти полмиллиона долларов чистой прибыли «Финли энд Фигг». Его расчеты представлялись сомнительными и основывались на утверждениях, которые в реальности можно было поставить под вопрос, по крайней мере на предварительном этапе судебного разбирательства, но все три юриста и Рошель уже мечтали о таких суммах. Новости о крейоксе распространились по стране, причем исключительно негативные, и дальнейшее будущее «Веррик лабз» выглядело зловеще.

Фирма усердно работала над привлечением новых дел, поэтому все сотрудники пришли в ужас, осознав, что фактически могут потерять одно из них. Как-то утром Милли Марино приехала в офис в плохом настроении и потребовала встречи с мистером Фиггом. Она наняла его для утверждения завещания ее супруга в отношении недвижимости, а потом неохотно согласилась участвовать в иске по крейоксу после его смерти. В кабинете Уолли за закрытой дверью она объяснила, что не может смириться с тем, что один юрист фирмы — Оскар — подготовил завещание, по которому весьма дорогостоящее имущество усопшего (коллекция бейсбольных карточек) досталось не ей, и теперь другой юрист — Уолли — утверждал то же самое завещание. По ее мнению, это представляло собой возмутительный конфликт интересов и низжайшую подлость. Расстроившись, она залилась слезами.

Уолли попытался объяснить, что юристы связаны требованием соблюдать конфиденциальность. Когда Оскар готовил завещание, ему приходилось выполнять пожелания Честера, а Честер хотел, чтобы бейсбольные карточки прятали до его смерти, а потом отдали его сыну Лайлу; значит, только так и могло быть. С этической точки зрения Оскар не имел права разглашать какую бы то ни было информацию другим лицам о Честере и его завещании.

Милли все представляла себе иначе. Как жена она имела право знать все о его имуществе, особенно о таком ценном, как бейсбольные карточки. Она уже поговорила с дилером. Одна только карта Босоногого Джо стоила не меньше ста тысяч долларов. А вся коллекция могла принести сто пятьдесят тысяч.

На самом деле Уолли было наплевать на карточки и на имущество покойного, если уж на то пошло. Гонорар в пять тысяч долларов, который когда-то соблазнял его, теперь казался ничтожным. Его ждало дело о крейоксе, и он готов был сделать все, что угодно, лишь бы сохранить это дело.

— Откровенно говоря... — серьезно начал он, бросив взгляд на дверь. — Между нами: я бы отнесся к этому делу иначе, но мистер Финли — юрист старой школы.

— И что это значит? — спросила Милли.

— Он настоящий шовинист. Муж — глава дома, хранитель всего имущества, единственный член семьи, который может принимать решения. Вам знаком такой тип людей. Если мужчина хочет скрыть что-то от жены, в этом нет ничего плохого. Я же придерживаюсь более свободных взглядов. — Уолли издал нервный смешок, который еще больше сбивал с толку.

— Но уже слишком поздно, — сказала она. — Завещание составлено. Теперь его утвердят.

— Это так, Милли, но все образуется. Ваш муж оставил коллекцию бейсбольных карточек сыну, зато вам он оставил прекрасный иск.

— Прекрасный — что?

— Ну, вы понимаете, дело о крейоксе.

— А, это... Да, это тоже не очень меня радует. Я говорила с другим юристом, и он утверждает, что вы влипли по уши, потому что никогда не вели подобных дел.

Уолли глотнул воздуха, потом через силу выдавил:

— А по какой причине вы общаетесь с другими юристами?

— По такой, что он сам позвонил мне накануне вечером. Я нашла его в Интернете. Он из крупной фирмы с филиалами по всей стране, и они занимаются только одним — судятся с фармацевтическими компаниями. Я думаю нанять его.

— Не делайте этого, Милли. Эти парни славятся тем, что заключают контракты на тысячи дел, а потом кидают клиентов. Вы никогда больше не увидите его снова, только какого-нибудь помощника юриста в подсобке. Это афера, клянусь вам. А мне вы всегда можете позвонить.

— Я не хочу ни звонить вам, ни общаться с вами лично. — Она встала и взяла сумку.

— Пожалуйста, Милли...

— Я подумаю об этом, Фигг, но мне это не очень нравится.

Через десять минут после ее ухода позвонила Айрис Клопек и попросила пять тысяч долларов в долг в счет ее компенсации по делу о крейоксе. Уолли сидел за столом, обхватив голову руками, и размышлял, что же будет дальше.

Иск Уолли передали на рассмотрение почтенному Гарри Сирайту, назначенному еще при Рейгане и просидевшему на месте федерального судьи почти тридцать лет. Ему был восемьдесят один год, он ожидал выхода на пенсию и не слишком радовался перспективе рассмотрения иска, который мог затянуться на несколько лет и заполнить собой весь календарь слушаний. Но его терзало любопытство. Любимый племянник Гарри принимал крейокс несколько лет, весьма успешно и без каких бы то ни было побочных эффектов. Неудивительно, что судья

Сирайт никогда не слышал о юридической фирме «Финли энд Фигг». Он поручил клерку проверить фирму и получил от него по электронной почте следующее: «Провинциальная фирма из двух человек на улице Престон в юго-восточном районе; рекламирует услуги по быстрому разводу, вождению в нетрезвом виде, стандартным уголовным, семейным делам и делам о травмах. За последние десять лет обращений в федеральный суд не зарегистрировано. За последние двадцать лет судов с участием присяжных заседателей в суде штата не зарегистрировано, деятельности в коллегии адвокатов не отмечается. Зато они периодически появляются в суде сами: за последние двенадцать лет Фигга два или три раза привлекали за вождение в нетрезвом виде; однажды фирме предъявили иск в связи с сексуальными домогательствами, дело закрыли после заключения мирового соглашения.

Сирайт едва верил, что такое возможно. Он написал клерку: «У этих парней нет судебного опыта, и они подают иск на сто миллионов долларов против третьей по величине фармацевтической компании в мире?»

Клерк ответил: «Точно».

Судья Сирайт: «Это же безумие! Что за этим стоит?»

Клерк: «Массовая паника по поводу крейокса. Это самое новое и популярное из плохих лекарств в стране. Коллегия адвокатов по коллективным гражданским искам в бешенстве. «Финли энд Фигг», вероятно, надеются урвать кусок пирога в случае мирового соглашения».

Судья Сирайт: «Продолжай копать».

Позже клерк сообщил: «Иск подан от имени «Финли энд Фигг», но в деле участвует и третий юрист — Дэвид Э. Зинк, бывший младший юрист «Рогана Ротберга». Я позвонил другу, который работает там, он сказал, что Зинк сломался, сбежал десять дней назад и каким-то образом

приземлился в «Ф энд Ф». Опыта ведения дел в суде нет. Видимо, он нашел подходящее место».

Судья Сирайт: «Предлагаю внимательно наблюдать за этим делом».

Клерк: «Как всегда».

Головной офис «Веррик лабз» располагался в здании странной конструкции из стекла и металла — в лесу близ Монтвилла, в штате Нью-Джерси. Весь комплекс был построен по проекту когда-то известного архитектора, который уже успел отрестить от своего детища. Периодически его хвалили как постройку дерзкую и футуристическую, но чаще ругали, называя скучным, уродливым, бункероподобным, выполненным в советском стиле, и клеймили другими нехорошими эпитетами. Отчасти здание напоминало крепость, окруженную деревьями, удаленную от дорог и людей, надежно защищенную. Поскольку на «Веррик» часто подавали в суд, такой головной офис подходил ей как нельзя лучше. Компания засела в лесах, приготовившись к следующей атаке.

Генеральный директор компании Ройбен Мэсси руководил «Веррик» много лет, и не в самые спокойные времена, и всегда обеспечивал хорошую прибыль. «Веррик» постоянно находилась в состоянии войны с коллегией адвокатов по коллективным гражданским делам, и тогда как другие фармацевтические гиганты сдавали позиции под натисками судебных исков, Мэсси умудрялся радовать акционеров. Он знал, когда следует сражаться, когда заключать мировое соглашение, как разойтись с миром и подешевле и как воззвать к жадности юристов, экономя для своей компании кучу денег. За время его работы «Веррик» пережила: 1) выплату компенсаций в размере 400 миллионов долларов в связи с производством крема для фиксации зубных протезов, который способствовал отравлению

цинком; 2) выплату компенсаций в размере 450 миллионов долларов в связи с производством слабительного, которое давало противоположный эффект и вызывало запор; 3) выплату компенсаций в размере 700 миллионов долларов в связи с производством препарата для разжижения крови, который наносил вред печени; 4) выплату компенсации в размере 1,2 миллиарда долларов в связи с производством лекарства от мигрени, которое якобы повышало кровяное давление; 5) выплату компенсации в размере 2,2 миллиарда долларов в связи с производством таблеток для понижения давления, которые будто бы вызывали мигрень; 6) выплату компенсации в размере 2,3 миллиарда долларов в связи с производством обезболивающего, к которому возникало мгновенное привыкание, и что самое худшее — 7) выплату компенсации в размере 3 миллиардов долларов в связи с производством таблеток для похудения, которые вызывали слепоту.

Это был длинный печальный список, и «Веррик лабз» дорого платила в суде за общественное мнение. Ройбен Мэсси, однако, постоянно напоминал своим воинам о сотнях инновационных и эффективных препаратов, которые они создавали и продавали по всему миру. О чем он не говорил (за исключением тех моментов, когда сидел в зале заседания совета директоров), так это о том, что «Веррик» получала прибыли с каждого лекарства, которое становилось объектом нападков юристов, представляющих сторону истцов. Пока компания выигрывала эту войну, даже после выплаты огромных компенсаций.

С крейоксом, однако, все могло сложиться иначе. Уже было подано четыре иска: один в Форт-Лодердейле, второй в Чикаго, а теперь еще два — в Техасе и Бруклине. Мэсси внимательно следил за работой и обсуждениями коллегии адвокатов по коллективным гражданским делам. Он каждый день встречался со своими корпоративными юрис-

тами, изучал исковые заявления, читал вестник коллегии, новостные письма и блоги и разговаривал с юристами из крупных фирм по всей стране. Самым явным сигналом грядущей войны была телевизионная реклама. Когда юристы начинали наводнять телеэфир отвратительными роликами с призывами к быстрому обогащению, Мэсси знал: «Веррик» стоит на пороге очередного дорогостоящего скандала.

Объявления о крейоксе всплывали повсюду. Безумие началось.

Мэсси беспокоило и несколько других потенциально опасных продуктов «Веррик». Таблетки от мигрени стали большой ошибкой, и он до сих пор ругал себя за то, что тратил деньги на их исследование и получение одобрений. Из-за разжижителя крови его чуть не уволили. Но он никогда не сомневался в крейоксе, у него и мысли такой не возникало. «Веррик» потратила 4 миллиарда долларов на разработку препарата. Его активно тестировали в клинических условиях и странах «третьего мира», результаты оказались великолепными. Исследования были проведены тщательно и безупречно. История его происхождения была идеальна. Крейокс способствовал инсультам и сердечным приступам не больше, чем какой-нибудь витамин, и у «Веррик» имелась тому целая гора доказательств.

Ежедневная встреча с юристами проводилась ровно в 9.30 в зале заседаний «Веррик» на пятом этаже здания, напминавшего канзасское зернохранилище. Ройбен Мэсси был пунктуален, и его восемь корпоративных юристов сидели на местах к 9.15. Командой руководил Николас Уокер, бывший адвокат США, ранее занимавшийся судебной деятельностью на Уолл-стрит, выдающийся ум, стоявший за каждой защитной стеной, которую возводила «Веррик», чтобы обезопасить себя. Когда иски посыпались на них, как кассетные бомбы, Уокер и Ройбен Мэсси проводили

вместе целые часы, хладнокровно рассуждая, анализируя, планируя и направляя контратаки по необходимости.

Мэсси прошел в кабинет в 9.25, взял в руки повестку дня и спросил:

— Что нового?

— По крейоксу или фаладину? — спросил Уокер.

— Боже. Я почти забыл про фаладин. Давайте пока остановимся на крейоксе. — Фаладин был кремом от морщин, который якобы вызывал их появление. Если верить парочке крикливых юристов с Западного побережья, судебное разбирательство еще только набирало силу, главным образом потому, что юристы испытывали сложности с оценкой количества морщин до и после.

Николас Уокер сказал:

— Путь открыт. С горы несется лавина. Выбирай какую хочешь метафору. Ворота ада разверзлись. Вчера я поболтал с Алисандросом в «Зелл энд Поттер», их просто завалили новыми делами. Он планирует добиться разбирательства по взаимосвязанным искам во Флориде* и держать руку на пульсе.

— Алисандрос. Почему одни и те же воры сбегаются на каждый грабеж? — спросил Мэсси. — Разве мы не достаточно им заплатили за последние двадцать лет?

— Видимо, нет. Он построил собственную площадку для гольфа, исключительно для юристов «Зелл энд Поттер» и пары счастливых друзей, и пригласил меня приехать поиграть. На восемнадцать лунок.

— Пожалуйста, съезди. Ник. Мы должны посмотреть, как мудро эти бандиты инвестируют наши деньги.

* Обычное в американской судебной практике разбирательство по искам, поданным по одному поводу в суды разных территориальных (окружных) юрисдикций с тем, чтобы иск был квалифицирован как коллективный и объединен.

— Обязательно. Вчера днем мне позвонила Аманда Петрочелли из Рино и сказала, что нашла несколько смертельных случаев. Сейчас она совмещает все случаи в коллективный иск и собирается подать его сегодня либо завтра. Я ответил ей, что нам на самом деле все равно, когда она подаст его. На этой и следующей неделе на нас и так обрушится целая волна исков.

— Крейокс не способствует инсультам и сердечным приступам, — заявил Мэсси. — Я верю в этот препарат.

Восемь юристов закивали в знак согласия. Ройбен Мэсси был не из тех, кто делает громкие заявления или высказывает ложные утверждения. Насчет фаладина у него были сомнения, и «Веррик» в конечном счете пришлось выплатить пару миллионов в качестве компенсации задолго до начала суда.

Номером два в юридической команде была дама по имени Джуди Бек, еще один ветеран войны с коллективными исками. Она сказала:

— У всех нас такие же чувства, Ройбен. Наши исследования лучше, чем их, если они вообще их проводили. Наши эксперты лучше. Наши доказательства лучше. Наши юристы будут лучше. Вероятно, пора перейти в контратаку и бросить все, что у нас есть, в лицо врагу.

— Читаешь мои мысли, Джуди, — кивнул Мэсси. — У вас, ребята, есть стратегия?

Николас Уокер ответил:

— Мы пока ее разрабатываем. Одновременно мы совершаем такие же движения, как всегда, даем такие же комментарии, наблюдаем и выжидаем, чтобы понять, кто подает какой иск и где. Мы смотрим исковые заявления, изучаем судей и юрисдикции и выбираем место разбирательства. Когда звезды сойдутся: идеальный истец, идеальный город, идеальный судья, — мы найдем лучшего «стрелка» в городе и активно возьмемся за процесс.

— Здесь есть свои минусы, знаешь ли, — заметил Мэсси. — Не забывай о клайвейле. Это обошлось нам в два миллиарда.

Их чудодейственная таблетка для снижения давления должна была прославиться на века, однако потом у тысяч принимавших ее людей развилась страшнейшая мигрень. Они — Мэсси и его юристы — верили в это лекарство и решили рискнуть, согласившись на первый суд с участием присяжных заседателей, который предполагали выиграть без проблем. Ошеломляющая победа могла бы охладить пыл коллегии адвокатов и сэкономить «Веррик» кучу денег. Присяжные же решили иначе и присудили истцу 20 миллионов долларов.

— Это не клайвейл, — сказал Уокер. — Сам по себе крейокс гораздо лучше как лекарство, а позиции истцов значительно слабее, чем в тот раз.

— Согласен, — ответил Мэсси. — Мне нравится ваш план.

ГЛАВА 15

По крайней мере два раза в год, а если получалось, то и чаще, почтенный Андерсон Зинк и его милая жена Кэролайн отправлялись из своего дома в городе Сент-Пол в Чикаго повидать единственного сына и его симпатичную жену Хелен. Судья Зинк, главный судья Верховного суда Миннесоты, достойно трудился на этом посту четырнадцать лет. Кэролайн Зинк преподавала искусство и фотографию в частной школе в Сент-Поле. Две их младшие дочери учились в колледже.

Отец судьи Зинка и дед Дэвида, живая легенда, восьмидесятидвухлетний Вудроу Зинк, до сих пор работал и ру-

ководил юридической фирмой со штатом в двести человек, основанной им пятьдесят лет назад в Канзас-Сити. Зинки глубоко пустили корни в этом городе, но все же не настолько глубоко, чтобы это помешало Андерсону Зинку и его сыну бежать из суровой рабочей атмосферы, которую создавал старый Вудроу. Не желая быть частью его фирмы, они покинули Канзас-Сити, что вызвало большой скандал, и отношения стали налаживаться только сейчас.

Назревал другой конфликт. Судья Зинк не понимал, почему его сын так резко изменил направление карьеры, и хотел докопаться до правды. Он и Кэролайн приехали к позднему обеду в субботу днем и были приятно удивлены, застав сына дома. Обычно он сидел в офисе, в высоком здании в центре города. Приехав в прошлом году, родители почти не видели его. Он вернулся домой после полуночи в субботу, а через пять часов уехал в офис.

Сегодня же Дэвид стоял на лестнице и чистил водосточный желоб. Он спрыгнул вниз и поспешил приветствовать родителей.

— Отлично выглядишь, мам. — Дэвид поднял и закружил мать.

— Опустите меня на землю, — сказала она. Дэвид пожал руку отцу, но они не обнялись. Мужчины в семье Зинков не делали этого. Из подземного гаража появилась Хелен и поздоровалась с родственниками. Они с Дэвидом весело улыбались чему-то. Наконец Дэвид сообщил:

— У нас важная новость!

— Я беременна! — сказала Хелен.

— Вы, старики, скоро станете дедушкой и бабушкой, — улынулся Дэвид.

Судья и миссис Зинк хорошо восприняли новость. В конце концов, им было далеко за пятьдесят, и многие их друзья уже обзавелись внуками. Хелен исполнилось тридцать два (она была на два года старше Дэвида), так что

время пришло. Обдумав эту потрясающую новость, они оживились, поздравили детей и потребовали подробностей. Хелен болтала без умолку, пока Дэвид разгружал вещи родителей. Все вошли в дом.

За обедом разговор о детях в конце концов прекратился, и судья Зинк перешел к делу.

— Расскажи мне о твоей новой фирме, Дэвид, — попросил он. Дэвид прекрасно знал, что отец копал, копал и собрал все скудные сведения о «Финли энд Фигг».

— О, Энди, не заводи свою шарманку, — попросила Кэролайн, подразумевая под «шарманкой» болезненную тему, которой следовало избегать. Кэролайн считала, что муж прав и Дэвид совершил серьезную ошибку, но новость о беременности Хелен все изменила, во всяком случае, для будущей бабушки.

— Я же рассказал вам все по телефону, — напомнил Дэвид, желая немедленно все обсудить и покончить с этим. Он был готов защищаться и бороться, если понадобится. Его отец выбрал не ту карьеру, о которой мечтал для него старый Вудроу. Дэвид поступил так же. — Эта маленькая фирма из двух человек занимается общей практикой. Я работаю по пятьдесят часов в неделю, и у меня остается время повалять дурака с женой, так чтобы слово «семья» не оставалось пустым звуком. Вы должны мной гордиться.

— Я счастлив, что Хелен беременна, но не уверен, что понимаю твое решение. «Роган Ротберг» — одна из самых престижных юридических фирм в мире. Они выпустили много судей, правоведов, дипломатов, руководителей коммерческих и правительственных организаций. Как можно просто так от этого уйти?

— Я не ушел, папа, а убежал. И не вернусь. Мне ненавистны даже воспоминания о «Рогане Ротберге», а о тамошних сотрудниках я думаю еще хуже.

Они ели, продолжая разговаривать. Атмосфера царила самая теплая. Энди пообещал Кэролайн не устраивать скандал. Дэвид пообещал Хелен не участвовать в таковом.

— Значит, в этой новой фирме два партнера? — спросил судья.

— Два партнера, и теперь три юриста. Плюс Рошель — секретарь, сотрудник ресепшен, офис-менеджер и исполнитель многих других функций.

— Вспомогательный персонал? Клерки, помощники юристов, интерны?

— Всем этим занимается Рошель. У нас маленькая фирма, где мы сами по большей части печатаем документы и проводим расследования.

— Он в самом деле успевает домой к ужину, — добавила Хелен. — Никогда прежде я не видела его таким счастливым.

— Вы отлично выглядите, — заметила Кэролайн. — Вы оба.

Судья не привык, чтобы его обходили с фланга.

— Эти двое партнеров судебные юристы?

— Они утверждают, что так и есть, но я в этом сомневаюсь. На деле это парочка любителей погоняться за «скорой помощью», они активно рекламируют свои услуги и выживают за счет автомобильных аварий.

— Что заставило тебя выбрать именно их?

Дэвид бросил взгляд на Хелен, а она с улыбкой отвернулась.

— Это долгая история, папа, я не хочу, чтобы ты уснул от скуки.

— Зато история отнюдь не скучная, — вставила Хелен, едва сдерживая смех.

— И какие суммы они зарабатывают? — поинтересовался судья.

— Я работаю там три недели. Бухгалтерскую отчетность не видел, но партнеры точно не богаты. Уверен, ты хочешь знать, сколько зарабатываю я. Ответ такой же: не знаю. Получаю часть того, что приношу фирме, но понятия не имею, что может случиться завтра.

— И ты занялся семьей?

— Да, и собираюсь ужинать дома с семьей, и успевать на детский бейсбол, в клуб каб-скаутов*, на школьные постановки и все остальные чудесные мероприятия, которые родители посещают вместе с детьми.

— Я всегда приходил, Дэвид, редко что-то пропускал.

— Да. Приходил, но ты никогда не работал на потогонном производстве вроде «Рогана Ротберга».

Воцарилось молчание. Наконец Дэвид сказал:

— Мы много накопили. Мы справимся, подожди, сам увидишь.

— Уверена, что справитесь, — кивнула его мать, перебежав на другую сторону, так что теперь они выступали против ее супруга единым фронтом.

— Я еще не начала отделять детскую, — сообщила Хелен Кэролайн. — Если хотите, можем пойти в отличный магазин за углом и посмотреть обои.

— Прекрасно!

Судья коснулся уголков губ салфеткой.

— Школа выживания для младших юристов — норма в наши дни, Дэвид. Ты это переживешь, станешь партнером, и жизнь наладится.

— Я не подписывался на службу в морской пехоте, а жизнь в огромной юридической фирме вроде «Рогана» никогда не наладится, потому что партнеры не могут зарабатывать достаточно денег. Я знаю этих партнеров. Я их видел. В основном это великие юристы и несчастные люди. Я бросил это дело. И не вернусь. Оставь эту тему. — Это была

* Младшая возрастная группа скаутов.

первая вспышка гнева за весь обед, и Дэвид уже жалел, что не сдержался. Он выпил немного минеральной воды и попробовал салат с курицей.

Улыбнувшись, отец взял салат и долго жевал его. Хелен спросила, как дела у сестер Дэвида, и Кэролайн охотно воспользовалась возможностью сменить тему.

За десертом старший Зинк спросил:

— И какой работой ты занимаешься?

— Да много интересного. На прошлой неделе я готовил завещание для леди, которая скрывает свое имущество от детей. Они подозревают, что она унаследовала деньги от третьего супруга, и это соответствует действительности, но не могут найти их. Она хочет оставить все курьеру из «Федэкс». Еще я представляю интересы пары геев, которые пытаются усыновить ребенка из Кореи. Я веду два дела о депортации с участием двух мексиканцев-нелегалов, обвиняемых в том, что они участвуют в наркосиндикате. Кроме того, я занимаюсь делом семьи одной четырнадцатилетней девочки, которую посадили на крэк два года назад. При этом ее никак не могут отправить в реабилитационную клинику. Плюс пара клиентов, лишенных прав за вождение в нетрезвом виде.

— Ерунда какая-то, — отозвался судья.

— Вовсе нет. Это реальные люди с реальными проблемами, и все они нуждаются в помощи. Достоинства уличного права в том, что встречаешься с клиентами лицом к лицу, узнаешь их, и если все складывается благополучно, даже помогаешь им.

— Если не умираешь при этом с голоду.

— Я не умру с голоду, папа, обещаю. Кроме того, периодически эти ребята срывают куш.

— Знаю, знаю. Я видел, как они работают, и сейчас вижу, как их дела проходят по апелляциям. На прошлой неделе мы утвердили вердикт присяжных на девять миллионов

долларов — ужасное дело с участием ребенка с повреждением мозга: он получил отравление свинцом от каких-то игрушек. Его юрист был единственным практикующим адвокатом, который вел дело его матери о вождении в нетрезвом виде. Он получил дело, привлек к его рассмотрению одного головореза, и теперь они делят сорок процентов от девяти миллионов.

Эти цифры словно прыгали по столу еще пару минут.

— Кто-нибудь хочет кофе? — спросила Хелен. Все отказались, и они перебрались в гостиную. Через пару минут Хелен с Кэролайн пошли осмотреть комнату, предназначенную для детской.

Когда они удалились, судья пустился в последнюю атаку.

— Один из моих клерков наткнулся на историю о суде по крейксу. Увидел твою фотографию в Интернете, ту самую, из «Трибюн», на которой ты с мистером Фиггом. Он порядочный парень?

— Не очень-то, — признался Дэвид.

— Он и не похож на порядочного.

— Я просто скажу, что Уолли — сложный человек.

— Не уверен, что твоя карьера пойдет в гору, если ты будешь общаться с этими парнями.

— Возможно, ты и прав, папа, но сейчас мне весело. Я с удовольствием иду в офис. Мне нравятся мои клиенты, те немногие, которые у меня есть, и я испытываю неимоверное облегчение от того, что сбежал с потогонного конвейера. Просто успокойся ненадолго, ладно? Если это не сработает, я попробую что-то еще.

— Как ты впутался в этот суд по крейксу?

— Мы нашли кое-какие дела. — Дэвид улыбнулся, подумав о том, что сказал бы отец, узнав, как они ищут клиентов. Уолли и его «магнум» 44-го калибра. Уолли, предла-

гающий взятку за рекомендацию нового клиента. Уолли, бегающий по похоронным бюро. Нет, кое о чем судье знать не стоит.

— Вы исследовали крейокс? — спросил судья.

— Мы как раз этим занимаемся. А вы?

— На самом деле — да. В Миннесоте крутят рекламу по телевизору. Лекарство привлекает всеобщее внимание. По мне, это все походит на очередное жульничество с массовыми гражданскими исками. Копить иски, пока перед фармацевтической компанией не замаячит перспектива банкротства, затем выбить огромную компенсацию, которая обогатит юристов и позволит производителю остаться в бизнесе. Во всей этой суматохе забывается вопрос об ответственности, а о том, что лучше всего для потребителя, вообще незачем думать.

— Вполне справедливые слова, — согласился Дэвид.

— Так ты еще не убедился в обоснованности этого дела?

— Пока нет. Я пролистал тысячу страниц и до сих пор ищу явные улики, указывающие на то, что лекарство действительно вредит людям. Уверен, так и есть.

— Тогда почему ты подписал исковое заявление?

Дэвид на мгновение задумался.

— Уолли попросил меня, а я, как новый человек в фирме, почувствовал себя обязанным присоединиться. Послушай, папа, некоторые авторитетные юристы в стране подали такие же иски, тоже считая, что это плохой препарат. Уолли не внушает особого доверия, зато его внушают другие юристы.

— Значит, вы просто собираетесь загребать жар чужими руками?

— И бороться за существование.

— Смотрите не ушибитесь.

Женщины вернулись и начали собираться в магазин. Вскочив, Дэвид заявил, что его интересует выбор новых обоев. Судья неохотно потащился следом.

Дэвид почти заснул, когда Хелен подкатилась к нему и спросила:

— Ты не спишь?

— Пока нет. А что?

— Твои родители странные.

— Да, и моим родителям пора ехать домой.

— Это дело, о котором упомянул твой отец, о маленьком мальчике и отравлении свинцом...

— Хелен, уже пять минут первого.

— Свинец ведь попал в организм от игрушки и повлиял на мозг, правильно?

— Насколько я помню, да. К чему это все, дорогая?

— Со мной на занятия ходит одна дама, Тони, и на прошлой неделе мы перекусили в студенческом центре. Она на пару лет старше меня, ее дети ходят в среднюю школу, и у нее домработница из Бирмы*.

— Это все очень интересно. Но мы будем спать?

— Послушай! У домработницы есть внук, маленький мальчик, который сейчас лежит в больнице с повреждением мозга. Он в коме, дышит через респиратор, положение очень тяжелое. Доктора подозревают, что у него отравление свинцом, и они попросили домработницу обыскать все на предмет содержания свинца. Прежде всего он может содержаться в детских игрушках.

Сев в постели, Дэвид включил свет.

* Автор намеренно использует название «Бирма» и прилагательное «бирманский» вместо принятых сейчас «Мьянма», «мьянманский».

ГЛАВА 16

Рошель сидела за столом, усердно изучая новости о распродаже постельного белья в ближайшем магазине скидок, когда раздался звонок. Некий мистер Джерри Алисандрос из Форт-Лодердейла хотел поговорить с мистером Уолли Фиггом. Тот был у себя в кабинете, поэтому Рошель перевела звонок и вернулась к своим делам в Интернете.

Через пару минут Уолли выбежал из кабинета со своим обычным самодовольным видом.

— Миз Гибсон, не проверите ли расписание рейсов до Лас-Вегаса в эти выходные на самолеты, которые улетают начиная с полудня пятницы?

— Конечно. Кто летит в Лас-Вегас?

— А что, кто-то еще интересовался поездкой в Лас-Вегас? Я, кто же еще! В эти выходные в «Эм-джи-эм-гранд» состоится неофициальная встреча юристов по крейоксу. Это звонил Джерри Алисандрос. Быть может, крупнейший специалист по коллективным искам в стране. Говорит, мне надо быть там. Оскар здесь?

— Да, думаю, он уже проснулся.

Уолли постучал в дверь и толкнул ее.

— Заходи, — сказал Оскар, отодвинув стопку бумаг на столе.

Уолли опустился в большое кожаное кресло.

— Мне только что позвонили из «Зелл энд Поттер» в Форт-Лодердейле. Они хотят, чтобы я приехал в Вегас в выходные на встречу, связанную со стратегией по крейоксу, неофициально. Все большие ребята будут там, чтобы спланировать атаку. Это очень важно. Они будут обсуждать разбирательство по взаимосвязанным искам, какой иск пойдет первым и, что самое важное, компенсацию. Джерри думает, что «Веррик», возможно, захочет побыстрее с этим покончить. — Уолли потирал руки, пока говорил.

— Джерри?

— Алисандрос, легендарный юрист по гражданским искам. Его фирма только на одном фен-фене* заработала миллиард.

— Так ты хочешь поехать в Лас-Вегас?

Уолли пожал плечами, делая вид, что ему все равно.

— Не важно, кто поедет, Оскар, но кто-то из нашей фирмы обязательно должен там показаться. Может зайти речь о деньгах, о компенсациях, это большие деньги, Оскар. Все, вероятно, ближе, чем мы полагали.

— И ты хочешь, чтобы фирма оплатила твою поездку в Вегас?

— Разумеется. Это вполне оправданные затраты на ведение дела в суде.

Оскар покопался в бумагах и нашел то, что искал. Он вытащил один лист и почти помахал им перед младшим партнером.

— Ты видел заключение Дэвида? Он закончил его вчера вечером. То самое, где говорится о предполагаемых расходах на суд по крейоксу.

— Нет, я не знал, что он...

— Этот парень очень умен, Уолли. Он делает домашнюю работу, которую должен делать ты. Тебе следует на это взглянуть, потому что это чертовски страшно. Нам нужно нанять не менее трех экспертов, хотя пока еще есть время. На самом деле необходимо было найти их до подачи иска. Первый эксперт — кардиолог, который установит причину смерти каждого из наших любимых клиентов. Привлечение такого специалиста обойдется в двадцать тысяч долларов, и это только для первичной оценки и дачи письменных показаний. Если кардиолог будет свидетельствовать в суде, добавь еще двадцать тысяч.

* Средство, в состав которого входят фенфлюрамин и фентермин; применяется для подавления аппетита.

— Суда не будет.

— Это ты так говоришь. Номер два — фармаколог, способный в мельчайших подробностях объяснить присяжным, как лекарство убило наших клиентов. Что оно сделало с их сердцами? Этот парень еще дороже — двадцать пять тысяч на начальном этапе и столько же, если он даст показания в суде.

— Мне кажется, это большой гонорар.

— Все эти гонорары кажутся большими. Номер три — это исследователь, который предъявит присяжным результаты своего исследования. А они покажут, при перевесе доказательств, что по статистике вероятность причинить вред сердцу гораздо выше при приеме крейокса, чем при приеме любого другого лекарства для снижения холестерина.

— Я знаю подходящего парня.

— Макфадден?

— Да, он.

— Отлично. Он написал доклад, после которого началось все это безумие, и теперь не очень хочет участвовать в суде. Однако если юридическая фирма предложит ему для начала пятьдесят тысяч долларов, возможно, он поможет этой фирме и поработает в кредит.

— Возмутительно!

— Все это возмутительно. Пожалуйста, посмотри заключение Дэвида, Уолли. В нем он вкратце излагает возможную реакцию на доклад Макфаддена и вероятные последствия. Существуют весьма серьезные сомнения в том, действительно ли это лекарство наносит вред здоровью.

— Что Дэвид знает о суде?

— А что мы знаем о суде, Уолли? Ты разговариваешь со мной, своим давним партнером, а не потенциальным клиентом. Мы лаем и рычим, пытаюсь затащить плохих парней в зал суда, но ты знаешь правду: мы всегда идем на мировое соглашение.

— Мы добьемся мирового соглашения и на этот раз, Оскар. Поверь мне. Я буду знать намного больше, когда вернусь из Вегаса.

— Во сколько это обойдется?

— Семечки на фоне общих сумм.

— Мы и так по уши в долгах, Уолли.

— Вовсе нет. Мы сядем на хвост большим парням и заработаем целое состояние, Оскар.

Рошель нашла дешевый номер в мотеле «Душа Рио». На фотографиях на веб-сайте красовались шикарные виды бульвара Лас-Вегаса, и складывалось впечатление, что гости отеля находятся в гуще событий. Однако на деле это было не так. Уолли понял это, когда рейсовый автобус из аэропорта наконец остановился. Высокие роскошные отели-казино еще не скрылись из виду, но остались позади в пятнадцати минутах езды. Уолли проклинал Рошель, ожидая в похожем на сауну фойе, пока его зарегистрируют. Стандартный номер в «Эм-джи-эм-гранд» стоил 400 долларов в сутки. Номер в этой дыре обходился в 125 долларов в сутки, так что разница почти покрыла стоимость билета. «Я считаю центы в ожидании богатства», — мысленно повторял Уолли, преодолевая два лестничных пролета на пути к маленькому номеру.

Он не мог арендовать машину, поскольку был признан виновным в вождении в нетрезвом виде и не имел действующих прав. Наведя справки, Уолли узнал, что из «Души Рио» автобусы отправляются на бульвар каждые полчаса. Он поиграл в игровые автоматы в фойе и заработал сто долларов. Возможно, у него выдались удачные выходные.

Автобус был битком набит полными пенсионерами. Уолли не нашел места, поэтому стоял, держась за поручни, и тряся рядом с потными людьми. Оглядываясь, он прикидывал, сколько среди них может быть жертв крейокса.

Тут явно наблюдался высокий холестерин. У Уолли в карманах, как всегда, лежали визитки, но он решил не раздавать их.

Он немного побродил по казино, внимательно наблюдая за удивительно разношерстной публикой, игравшей в блэкджек, рулетку, кости — то, во что Уолли никогда не играл и не имел желания играть сейчас. Какое-то время он провел у игровых автоматов и дважды отказал симпатичной официантке, разносившей коктейли. Уолли начинал понимать, что казино — паршивое место для выздоравливающего алкоголика. В 19.00 он нашел дорогу в банкетный зал в мезонине. Два охранника преградили ему вход, и Уолли испытал облегчение, когда они нашли его имя в списке гостей. Внутри он увидел дюжины две хорошо одетых мужчин и трех женщин. Все они непринужденно болтали, угощаясь напитками. У дальней стены расставляли блюда на шведском столе. Некоторые юристы знали друг друга, но Уолли оказался не единственным новичком в этом собрании. Казалось, всем известно его имя и все осведомлены о его иске. Вскоре Уолли начал осваиваться. Джерри Алисандрос нашел его, и они обменялись рукопожатиями, как старые друзья. Люди собирались небольшими группками, там и сям завязывались разговоры. Говорили об исках, политике, последних моделях частных самолетов, домах на Карибском море, о браках и разводах. Уолли не мог ничего добавить, но, активно участвуя в происходящем, показал, что умеет слушать. Судебные юристы предпочитали говорить и иногда говорили все вместе. Уолли радостно улыбался, внимал им и потягивал содовую.

После быстрого ужина Алисандрос встал и начал свое выступление. План состоял в том, чтобы встретиться завтра утром в девять в том же месте и приступить к делу. К полудню они должны были закончить. Он несколько раз беседовал с Николасом Уокером из «Веррик» и заметил,

что компания в шоке. За всю долгую историю судебных разбирательств на них ни разу не обрушивалось так много исков за столь короткое время. Они пытались хотя бы приблизительно оценить размер ущерба. Если верить экспертам, нанятым Алисан드로м, количество пострадавших или погибших могло дойти до полумиллиона человек.

Сообщение о столь многочисленных страдальцах за столом восприняли благосклонно.

Потенциальные расходы «Веррик», по словам еще одного эксперта, привлеченного Алисан드로м, должны были составить не меньше 5 миллиардов. Уолли не сомневался, что не он один за столом быстро выполнил в уме нехитрую операцию: подсчитал сорок процентов от пяти миллиардов. Однако остальные, похоже, отнеслись к этому спокойно. Очередное лекарство, очередная война с фармацевтическим гигантом, очередная громадная компенсация, которая сделает их еще богаче. Они купят еще больше самолетов, домов, заведут новых жен с внешностью моделей, приобретут активы, которые Уолли казались совсем неинтересными. Он мечтал только о солидной сумме в банке, чтобы зажить приятной жизнью и избавиться от рутинной мясорубки.

При таком скоплении самодовольных эгоцентриков было очевидно, что кто-то еще захочет взять слово. Дадли Брилл из Лаббока в сапогах и соответствующей экипировке пересказал недавний разговор с одним из сильнейших юристов «Веррик». Тот усиленно намекал, что компания не намерена выплачивать компенсации, до тех пор пока недостатки препарата не будут подтверждены перед несколькими коллегиями присяжных. Таким образом, основываясь на анализе разговора, о котором не знал больше никто в зале, Брилл выражал твердую уверенность в том, что он, Дадли Брилл из Лаббока, штат Техас, должен отправиться в суд первым и сделать это в своем родном го-

роде, где присяжные уже выказали ему расположение и будут рады присудить крупную сумму, если он за ней обратится. Брилл явно выпил, как и все, кроме Уолли, и его своекорыстный анализ способствовал ожесточенным дебатам за столом. Вскоре начались перепалки со вспышками гнева и обменом оскорблениями.

Джерри Алисандросу удалось навести порядок.

— Я надеялся, мы оставим это на завтра, — дипломатично произнес он. — Давайте разойдемся по своим углам и вернемся завтра, протрезвевшие и отдохнувшие.

Судя по виду собравшихся следующим утром, не все судебные юристы разошлись по своим номерам и постелям. Опухшие веки, красные глаза, руки, хватающие стаканы с холодной водой и кофе, — все признаки были налицо. В страдавших от похмелья тоже недостатка не было. К тому же собралось не так много юристов, и по мере того, как дело близилось к середине дня, Уолли начал понимать, что много дел решилось за распитием спиртного вчера вечером. Сделки были заключены, коалиции — организованы, удары в спину — сделаны. Уолли задался вопросом, где же был он.

Два эксперта поведали о крейоксе и самых последних исследованиях. Каждый юрист потратил пару минут на рассказ о своем иске: о количестве клиентов, количестве потенциальных дел со смертельным исходом по сравнению с делами пострадавших, о судьях, об адвокате противника и о тенденциях принятия вердиктов в данной юрисдикции. Уолли справился неплохо, стараясь говорить как можно меньше.

Невероятно скучный эксперт исследовал финансовое здоровье «Веррик лабз» и сделал вывод, что компания достаточно сильна, чтобы перенести большие потери в связи с выплатой компенсаций по крейоксу. Слово «компенса-

ция» произносилось часто и постоянно звенело в ушах у Уолли. Речь того же эксперта зазвучала еще зануднее, когда он анализировал различные страховые программы, в которых участвовала «Веррик».

Через два часа Уолли понадобилось сделать перерыв. Он бочком вышел из зала и отправился на поиски туалета. Когда он вернулся, Джерри Алисандрос ждал его у двери.

— Когда вы собираетесь в Чикаго? — спросил он.

— Утром, — ответил Уолли.

— На коммерческом перевозчике?

«Конечно, — подумал Уолли. — У меня пока нет личного самолета, поэтому, как большинство бедных американцев, я вынужден платить за билет на самолет, принадлежащий кому-то еще».

— Разумеется, — улыбнулся он.

— Послушайте, Уолли, сегодня днем я направляюсь в Нью-Йорк. Почему бы вам не полететь с нами? Моя фирма только что купила новый «Гольфстрим-джи-650». Мы пообедаем в самолете, а потом высадим вас по пути в Чикаго.

За это придется заплатить и пойти на какую-то сделку, но Уолли как раз этого и ждал. Он читал о богатых судебных юристах и их частных самолетах, но ему никогда не приходило в голову, что он может оказаться в одном из них.

— Это очень благородное предложение, — произнес он. — Конечно, я согласен.

— Встретимся в фойе в час дня, идет?

— Договорились.

На взлетном поле для общегражданских судов в аэропорту Маккарран выстроилось около дюжины частных самолетов. Следуя за своим новым другом Джерри, Уолли размышлял, сколько из них принадлежит другим ребятам,

специализирующимся на коллективных исках. Добравшись до самолета Джерри, он поднялся по трапу, вздохнул и оказался на борту сияющего «гольфстрима». Восхитительная девушка-азиатка взяла его пальто и спросила, что он желает выпить. Только содовую.

Джерри Алисандрос путешествовал с небольшой свитой: юрист, два помощника юриста и какой-то ассистент. Они быстро ретировались в хвост самолета, и Уолли, усаживаясь в шикарное кожаное кресло, подумал об Айрис Клопек, Милли Марино и тех чудесных вдовах, чьи усопшие мужья привели его в мир коллективных гражданских исков, а теперь еще и сюда. Стюардесса подала Уолли меню. Через коридор, в отдалении, виднелись кухня и повар, который стоял в ожидании указаний. Когда они поехали по взлетной полосе, Джерри пробрался вперед и сел напротив Уолли.

— Что скажете? — спросил он, имея в виду самолет, свою последнюю игрушку.

— Это уж точно лучше коммерческих авиалиний, — признался Уолли. Джерри застонал от смеха. Он явно не слышал ничего более смешного.

Объявили о взлете, и все пристегнули ремни. Когда самолет оторвался от взлетной полосы и взмыл ввысь, Уолли закрыл глаза, чтобы насладиться моментом. Возможно, это больше никогда не повторится.

Как только они выровнялись, Джерри вернулся к жизни. Он включил свет и откинул от стены столик из красного дерева.

— Поговорим о деле, — сказал он.

«Это же ваш самолет», — подумал Уолли.

— Конечно.

— На какое количество дел вы можете подписать контракты, если оценивать ситуацию реально?

— Мы можем получить десять дел со смертельным исходом, сейчас у нас таких восемь. Насчет несмертельных случаев я не уверен. У нас есть на примете пара сотен потенциальных дел, но мы пока не все проверили. — Джерри нахмурился, как будто этого было не достаточно и у него зря отняли время. Уолли задался вопросом, не попросит ли он пилотов повернуть назад или открыть где-нибудь люк.

— Вы думали о том, чтобы объединить усилия с более крупной фирмой? — спросил Джерри. — Я знаю, что у вас, ребята, небольшой опыт работы с коллективными гражданскими исками.

— Конечно, этот вопрос открыт для обсуждения, — ответил Уолли, пытаясь скрыть волнение. Таков и был его план с самого начала. — Наши контракты предусматривают гонорар в размере сорока процентов. Сколько вы хотите?

— Обычно мы берем на себя расходы, а такие дела требуют больших затрат. Мы ищем докторов, экспертов, всех, кого нужно, и это обходится недешево. Мы берем половину гонорара, двадцать процентов, но расходы компенсируют нам до того, как гонорар будет поделен.

— Вполне справедливо. Какова наша роль?

— Все просто. Вы должны найти еще больше дел, как со смертельным исходом, так и без. Собрать все воедино. Я отправлю проект соглашения в понедельник. Я пытаюсь объединить как можно больше дел. Следующий важный шаг — организация разбирательства по взаимосвязанным искам. Суд назначит судебную комиссию истца, обычно туда входят пять или шесть опытных юристов, которые контролируют судебный процесс. Эта группа имеет право на дополнительный гонорар, обычно в размере шести процентов, и он выплачивается сверх установленных сумм и вычитается из того, что остается для юристов.

Уолли закивал. Он уже провел кое-какие исследования и знал ряд особенностей ведения подобных процессов, во всяком случае, большую часть.

— Вы войдете в судебную комиссию? — спросил он.

— Вероятно. Обычно вхожу.

Стюардесса принесла освежающие напитки. Джерри отхлебнул вина и продолжил:

— Когда начнется предоставление документов, мы отправим кого-нибудь, кто поможет взять письменные показания ваших клиентов. Ничего особенного. Совершенно рутинная юридическая работа. Помните, Уолли, что юридические фирмы тоже видят в этом золотую жилу, поэтому усердно работают над поиском дел. Я найду в Чикаго кардиолога, которому можно доверять и который обследует ваших клиентов на предмет вреда, причиненного их здоровью. Мы заплатим ему из нашего фонда на судебные разбирательства. Вопросы есть?

— Пока нет, — ответил Уолли. Его не очень радовала перспектива расставания с половиной гонорара, но он был счастлив сотрудничать с опытной и богатой фирмой, специализирующейся на гражданских исках. Для «Финли энд Фигг» и так останется много денег. Он подумал об Оскаре, ему не терпелось рассказать ему о «гольф-стриме».

— О каких сроках, по вашему мнению, идет речь? — спросил Уолли. Другими словами: «Когда я получу хоть какие-то деньги?»

Долгий упоительный глоток вина, и:

— Исходя из моего опыта, а он, как вам известно, Уолли, весьма богат, могу сказать, что мы заключим мировое соглашение через двенадцать месяцев и тут же начнем раздавать деньги. Кто знает, Уолли, быть может, через год-другой у вас будет собственный самолет.

ГЛАВА 17

Николас Уокер полетел в Чикаго с Джуди Бек и двумя другими юристами «Веррик» на одном из корпоративных самолетов компании, «Гольфстриме-джи-650», почти таком же новом, как тот, что недавно поразил Уолли. Цель их поездки состояла в том, чтобы рассчитаться со старыми внешними юристами и нанять новых. Уокер и его босс, Ройбен Мэсси, продумали подробности генерального плана действий для решения проблемы с крейоксом, и первая битва должна была состояться в Чикаго. Однако сначала им требовалось найти правильных людей на местах.

Неправильные люди работали в фирме, которая представляла «Веррик лабз» уже десять лет, и всегда считалось, что они работают превосходно. Они оказались неугодными не по своей вине. Если верить результатам всестороннего исследования, проведенного Уокером и его командой, в городе была другая фирма, которую связывали более тесные узы с судьей Гарри Сирайтом. И чисто случайно в этой фирме нашелся партнер, считавшийся лучшим адвокатом в городе.

Ее звали Надин Керрос, ей был сорок один год, и она была партнером, специализировавшимся на судебных разбирательствах. За десять лет она ни разу не проигрывала дела перед судом присяжных. Чем чаще она выигрывала, тем более сложными становились ее дела и тем более впечатляющими — ее победы. Поболтав с дюжиной юристов, которые столкнулись с ней в суде и проиграли, Ник Уокер и Ройбен Мэсси решили, что миз Керрос возглавит защиту по крейоксу. И для них не имело значения, сколько это будет стоить.

Сначала, однако, нужно было ее убедить. На долгой телеконференции она словно сомневалась, стоит ли брать на себя ответственность за крупное дело, которое с каждым

днем затрагивало все больше людей. Неудивительно, Надин и так хватало работы, ее календарь слушаний был расписан и так далее. Она никогда еще не участвовала в рассмотрении коллективного гражданского иска. Хотя для нее, как для судебного юриста, это не было особым препятствием. Уокер и Мэсси слышали о череде последних побед миз Керрос в зале суда, которые включали иски в самых разных областях: загрязнение грунтовых вод, халатность больничных врачей, столкновение в воздухе самолетов местных авиалиний. Как элитный судебный защитник, Надин Керрос могла провести любое дело перед судом присяжных.

Она была партнером в отделе судопроизводства «Рогана Ротберга» на восемьдесят пятом этаже Траст-тауэр и сидела в угловом кабинете с видом на озеро, хотя редко им любовалась. С делегацией от «Веррик» она встретилась в большом конференц-зале на восемьдесят шестом этаже. Быстро восхитившись озером Мичиган, все расселись по местам в преддверии переговоров, которые обещали продлиться как минимум часа два. Миз Керрос сидела в окружении молодых юристов и помощников юристов — настоящего сборища фаворитов, готовых спросить: «Какую высоту брать?» — в ответ на ее команду: «Прыжок!» Справа от нее сидел партнер по направлению работы в суде по фамилии Хотчкин, ее правая рука.

Позже, в телефонном разговоре с Ройбеном Мэсси, Николас Уокер отметит:

— Она очень привлекательна, Ройбен, длинные темные волосы, волевой подбородок и великолепные зубы, красивые светло-карие глаза с таким теплым и притягивающим взглядом, что думаешь: «Такую женщину я хотел бы отвезти домой и познакомить с мамой». Приятна в общении, щедра на улыбки. Восхитительный глубокий голос, как у

оперной певицы. Легко понять, почему присяжные так очарованы ею. При этом она нестигаема, в этом можно не сомневаться, Ройбен. Берет на себя ответственность и раздает указания. Складывается впечатление, что все окружение безоговорочно предано ей. Я бы не хотел столкнуться с этой дамой в суде, Ройбен.

— Значит, она — то, что нужно? — спросил Ройбен.

— Определенно. Я поймал себя на мысли: теперь я с нетерпением жду суда лишь потому, что хочу увидеть ее в действии.

— Ноги?

— О да! Полный набор. Стройная, одета так, словно сошла со страниц какого-нибудь журнала. Тебе нужно как можно скорее с ней встретиться.

Миз Керрос, находясь на своей территории, тут же перехватила инициативу. Она кивнула Хотчкину и сказала:

— Мистер Хотчкин и я представили ваше предложение на рассмотрение в наш комитет по вознаграждениям. Моя ставка составит тысячу долларов в час за пределами суда, две тысячи — в суде, плюс залог в пять миллионов долларов, который, разумеется, возврату не подлежит.

Николас Уокер обсуждал гонорары элитных юристов уже двадцать лет, поэтому его ничто не удивляло.

— Сколько для других партнеров? — спокойно спросил он, как будто его компания могла заплатить любую названную сумму, хотя на деле так оно и было.

— Восемьсот долларов в час. Пятьсот для обычных юристов.

— По рукам, — сказал он. Все в зале знали, что защита обойдется им в миллион. На самом деле Уокер и его команда уже имели приблизительную оценку расходов около 25—30 миллионов долларов. Семечки, когда ты знаешь, что тебя могут приговорить к выплате миллиардов.

Определившись со стоимостью, они перешли к следующему важному вопросу. Николас Уокер взял слово.

— Наша стратегия проста и одновременно сложна, — начал он. — Простота ее в том, что мы выбираем дело из мириад поданных против нас и добиваемся суда. Мы жаждем суда. Мы не боимся суда, потому что верим в наше лекарство. Верим и можем доказать, что исследования, на которые опираются спецы по коллективным гражданским искам, ошибочны. Мы убеждены, что крейокс делает то, что должен делать, и он не повышает риск возникновения сердечного приступа или инсульта. Мы в этом настолько уверены, что требуем рассмотрения иска судом присяжных здесь, в Чикаго. Мы хотим, чтобы они рассмотрели наши доказательства, и поскорее. Мы убеждены, что присяжные нам поверят, а когда присяжные отразят атаку на крейокс, когда примут решение в нашу пользу, расстановка сил на поле боя резко изменится. Откровенно говоря, мы думаем, что армия юристов по коллективным гражданским искам разлетится, как листья по ветру. Они скроются. Возможно, для этого потребуется еще один процесс, еще одна победа, но я в этом сомневаюсь. Короче говоря, миз Керрос, мы нанесем им быстрый и жесткий удар судом с участием присяжных, а когда выиграем, они разойдутся по домам.

Она слушала не записывая. Когда он закончил, миз Керрос произнесла:

— В самом деле, довольно просто, но совершенно неоригинально. Почему Чикаго?

— Из-за судьи. Гарри Сирайт. Мы изучили каждого судью по каждому иску по крейоксу, который уже был подан, и считаем, что Сирайт — наш человек. Он не особенно терпелив, когда дело касается коллективных гражданских исков. Он презирует необоснованные иски и ничего не стоящие обращения. Он использует «ракетный» список дел к слушанию, допускающий ускоренное судопроизводство.

Быстро проводится обмен документами, и начинается сам процесс. Он не допускает, чтобы дела собирали пыль. Его любимый племянник принимает крейокс. И, что самое важное, его близкий друг — бывший сенатор Пакссон, чей кабинет, как мне известно, располагается на восемьдесят третьем этаже в этом здании, в фирме «Роган Ротберг».

— Вы намекаете на то, что мы могли бы каким-то образом повлиять на федерального судью? — спросила она, слегка изогнув левую бровь.

— Разумеется, нет. — Уокер отвратительно ухмыльнулся.

— Какова сложная часть вашего плана?

— Блеф. Мы создаем впечатление, что собираемся пойти на мировое соглашение и выплатить компенсации по делам о крейоксе. Мы уже это проходили, так что, поверьте, немало знаем о компенсациях по коллективным гражданским искам. Мы понимаем всю жадность коллегии юристов по коллективным гражданским делам, их размах трудно даже вообразить. Как только они поверят, что вскоре на них обрушатся миллиарды, всеобщее буйство только усилится. На фоне грядущей выплаты компенсации подготовка к основному процессу померкнет. Зачем беспокоиться о подготовке дела, когда на горизонте маячит мировое соглашение? Мы же — а с другой стороны вы — будем усиленно работать над подготовкой к процессу. По нашей схеме судья Сирайт щелкнет хлыстом, и дело тут же начнется. В идеально подобранный момент переговоры по заключению мирового соглашения сорвутся, в коллегии юристов по коллективным гражданским искам воцарится хаос, а начало процесса будет назначено на определенный день, и Сирайт откажется изменить эту дату.

Надин Керрос кивала и улыбалась, явно одобряя такой вариант действий.

— Вижу, вы уже прокрутили все дело в уме, — заметила она.

— О да. В нем будет участвовать некий местный юрист по разводам Уолли Фигг, который подал первое дело по крейоксу здесь, в Чикаго. Его и юристом-то трудно назвать, фирма из трех человек, которая занимается грошовыми делами в юго-восточном районе города. Почти нулевой опыт работы в суде и никакого на арене коллективных гражданских исков. Теперь он объединился с юристом из Форт-Лодердейла по имени Джерри Алисандрос. Это наш давний заклятый враг, преследующий цель хотя бы раз в год подавать в суд на «Веррик». Алисандрос — это сила.

— Он может провести разбирательство в суде? — спросила Надин, уже подумав о процессе.

— Его фирма называется «Зелл энд Поттер», и у них есть несколько компетентных юристов-судебников, но они редко доводят дело до суда. Они специализируются на том, чтобы заставить компанию пойти на мировое соглашение и выплатить компенсацию, а сами загребают огромные гонорары. На этом этапе мы понятия не имеем, кого могут направить на ведение процесса они. Возможно, они привлекут местного юриста.

Сидевшая слева от Уокера Джуди Бек откашлялась и несколько нервно начала:

— Алисандрос уже подал ходатайство о консолидации всех дел по крейоксу в РВИ, разбирательство по взаимосвязанным искам, и...

— Мы понимаем, что такое РВИ, — резко вставил Хотчин.

— Разумеется. У Алисандроса есть любимый федеральный судья в южной Флориде, и его метод работы состоит в том, чтобы организовать РВИ, потом добиться назначе-

ния в судебную комиссию истца и контролировать судопроизводство. Естественно, он получает дополнительные деньги за участие в деятельности комиссии.

Ник Уокер подхватил:

— Изначально мы противостояли всякой попытке консолидировать иски. Наш план заключался в том, чтобы выбрать одного из клиентов господина Фигга и убедить судью Сирайта внести его в свой список к слушанию.

— Что, если судья во Флориде примет решение в пользу консолидации всех исков и захочет рассматривать их там? — спросил Хотчкин.

— Сирайт — федеральный судья, — ответил Уокер. — Иск был подан в его суд. Если он хочет рассматривать его здесь, никто, даже Верховный суд, не может заставить его поступить иначе.

Надин Керрос просматривала краткий план действий, который раздала команда «Веррик». Она сказала:

— Так, если я правильно понимаю, мы выбираем одного из покойных клиентов мистера Фигга и убеждаем судью Сирайта выделить его дело из группы. Затем, при условии, что судья так и сделает, мы направим спокойный отзыв на исковое заявление, ничего не признаем, вяло отвергнем обвинения, легко согласимся с требованием о раскрытии информации, потому что не хотим замедлять процесс, снимем показания с пары свидетелей, предоставим все документы, которые у нас попросят, и, так сказать, будем стелить для них красную ковровую дорожку, до тех пор пока они не поймут, что перед ними маячит реальный суд. Тем временем вы создадите у них ложное чувство спокойствия при помощи иллюзорного джекота.

— Правильно, — кивнул Ник Уокер. — Совершенно верно.

* * *

Они провели почти час, обсуждая покойных клиентов мистера Фигга — Честера Марино, Перси Клопека, Ванду Гранд, Лейдера Шмидта и четырех других. Как только на вопросы по иску были получены ответы, миз Керрос и ее команда решили разобрать по косточкам законных представителей покойной восьмерки. Едва у них появится возможность провести наблюдение и изучить материалы, они примут решение о том, кого из них стоит отделить от других и отправить в суд.

Проблема с молодым Дэвидом Зинком решилась быстро. Да, он пять лет проработал в «Рогане Ротберге», но больше не входил в ряды их сотрудников. Конфликт интересов не имел места, потому что в то время их фирма не представляла «Веррик», а Зинк не представлял покойных клиентов. Надин Керрос никогда с ним не встречалась. На самом деле только один юрист по ее сторону стола вспомнил, кто он вообще такой. Зинк работал в международных финансах, совершенно ином мире, отличном от судопроизводства.

Теперь же Зинк работал в мире уличного права и радовался тому, что еще больше удалился от международных финансов. В последние дни его мысли все интенсивнее занимали бирманская домработница и ее внук, отравленный свинцом. Он знал имя, номер телефона и адрес, но вступить с ней в контакт оказалось сложно. Тони, подруга Хелен, посоветовала бабушке, чтобы ее семья проконсультировалась с юристом, но это напугало бедную женщину до слез. Эмоционально измотанная, она очень смутилась и какое-то время не хотела разговаривать. Ее внук был по-прежнему подключен к аппарату поддержки жизнедеятельности.

Дэвид, рассмотрев возможность передачи дела двум партнерам, решил воздержаться. Уолли мог отправиться с обвинениями в больницу и напугать кого-нибудь до смерти. Оскар мог заявить, что позаботится о деле, а потом потребовать дополнительный гонорар в случае компенсации. Как узнал Дэвид, оба его партнера не делили деньги поровну, а, если верить Рошель, сражались за гонорары. Очки начислялись тому юристу, который первым заключил контракт, еще больше доставалось тому, кто вел дело, и так далее. По словам Рошель, Оскар и Уолли ссорились по поводу разделения денег при каждой приличной автокатастрофе.

Дэвид сидел за столом и составлял простое завещание для нового клиента. Он печатал его сам, поскольку пару недель назад Рошель сообщила, что три юриста слишком много для одного секретаря. В этот момент звуковой сигнал известил его о том, что получено электронное письмо от клерка федерального суда. Дэвид открыл почту и увидел отзыв на их дополненное исковое заявление. Его взгляд опустился на список адвокатов, и он наткнулся на имя Надин Керрос из «Рогана Ротберга». Ему стало плохо.

Дэвид никогда не встречался с ней, но знал о ее репутации. Она славилась на всю коллегия адвокатов Чикаго. Она вела и выигрывала в суде самые крупные дела. Он же не проронил в суде ни слова, которое было бы где-то записано. Но вот их имена значились в одном документе, как будто они были равны. От имени истца — Уоллис Т. Фигг, Б. Оскар Финли, Дэвид Э. Зинк из фирмы «Финли энд Фигг» вместе с С. Джерри Алисандром из фирмы «Зелл энд Поттер». А от имени «Веррик лабз» — Надин Л. Керрос и Р. Лютер Хотчкин из фирмы «Роган Ротберг». На экране для Дэвида все выглядело так, как будто он и правда в игре.

Он медленно прочитал отзыв. Очевидные факты признавались, всякая материальная ответственность отрицалась. В целом это был прямолинейный, почти мягкий отзыв на иск по 100 миллионам, и они ждали отнюдь не этого. По словам Уолли, первый ответ из «Веррик» должен был выглядеть как ходатайство об отклонении иска, подкрепленное увесистым письмом, подготовленным выпускниками «Лиги плюща»*, которые трудились в исследовательском отделе фирмы. Ходатайство об отклонении могло бы послужить поводом к большой перепалке, но они все равно выиграли бы, потому что такие ходатайства редко удовлетворялись, по словам Уолли.

Наряду с отзывом защита подала базовые анкеты для заполнения по восьмерым покойным клиентам и их семьям и запросила имена и общие показания экспертов-свидетелей. Насколько знал Дэвид, экспертов только предстояло нанять, хотя предполагалось, что этим займется Джерри Алисандрос. Миз Керрос также хотела как можно быстрее получить показания восьми свидетелей.

Как написал клерк, бумажная версия ответа и других поданных документов направлена по почте.

Дэвид услышал на лестнице тяжелые шаги Уолли. Он вошел, задыхаясь, и спросил:

— Ты видел, что они подали?

— Только что прочитал, — ответил Дэвид. — Весьма скромный ответ, тебе не кажется?

— Что ты знаешь о судопроизводстве?

— Ой-ой.

— Прости. Что-то назревает. Надо позвонить Алисандросу и с этим разобраться.

— Это всего лишь простой отзыв и истребование кое-каких документов. Пока нет причин для паники.

* Объединение восьми старейших привилегированных учебных заведений на северо-востоке США.

— А кто паникует? Ты знаешь эту женщину из твоей старой юридической фирмы?

— Никогда с ней не встречался, но считается, что она просто невообразима в зале суда.

— Да, что ж, как и Алисандрос. Но в суде мы не окажемся, — заявил он, впрочем, не очень убедительно. Уолли вышел из кабинета, что-то бормоча себе под нос, и затопал по ступенькам. Прошел месяц с тех пор, как они подали иск, и мечты Уолли о быстром обогащении начинали таять. Казалось, что им придется немного поработать, прежде чем начнутся переговоры о мировом соглашении.

Через десять минут Дэвид получил электронное письмо от младшего партнера. Тот спрашивал: «Можешь начать с этими анкетами? Мне надо бежать в похоронное бюро».

«Разумеется, Уолли. С удовольствием».

ГЛАВА 18

Мелкие обвинения в адрес Трипа в конце концов были сняты в связи с отсутствием интереса, хотя суд все же потребовал, чтобы он подписал заявление, в котором обещал бы держаться подальше от фирмы «Финли энд Фигг» и ее юристов. Трип исчез, зато его бывшая подружка — нет.

Диана явилась за пару минут до пяти вечера, как обычно. Сегодня она была одета в ковбойском стиле: облегающие джинсы, сапоги с заостренными мысками, облегающая красная блузка, на которой Диана забыла застегнуть три верхние пуговицы.

— Уолли у себя? — обратилась она к Рошель, не выносившей ее. Вместе с Дианой в коридор влетел тяжелый запах духов, так что Эй-Си засопел, потом зарычал и залез еще дальше под стол.

— У себя, — миролюбиво ответила Рошель.

— Спасибо, дорогая. — Диана явно стремилась разозлить Рошель. Она с важным видом направилась к кабинету Уолли и вошла без стука. Неделью назад Рошель просила ее сидеть и ждать, как делают все другие клиенты. Но становилось очевидно, что Диана имела гораздо большее влияние, чем другие клиенты, по крайней мере на Уолли.

Войдя в кабинет, Диана попала в объятия своего юриста и после долгого поцелуя с объятиями и обмена ласками Уолли сказал:

— Отлично выглядишь, детка.

— Все ради тебя, малыш.

Убедившись, что дверь заперта, Уолли вернулся на свой крутящийся стул.

— Мне нужно сделать два звонка, а потом мы сбежим отсюда, — проговорил он.

— Как скажешь, дорогой. — Диана села и вытащила гламурный журнал. Больше она ничего не читала и отличалась исключительной тупостью, но Уолли не было до этого дела. Он не желал ее судить. Она сменила четырех мужей. Он — четырех жен. Вправе ли он судить ее? На данном этапе они занимались тем, что пытались убить друг друга в постели, и Уолли никогда не чувствовал себя счастливее.

По ту сторону двери Рошель убирала стол, чтобы уйти сейчас, пока «эта шлюха» находится в кабинета мистера Фигга и никто наверняка не знает, чем они там занимаются. Дверь кабинета Оскара открылась, и появился он сам с документами в руках.

— Где Фигг? — спросил он, глядя на закрытую дверь Фигга.

— Он там с клиентом, — ответила Рошель. — Дверь заперта на засов.

— Неужели?

— Ага. Третий день подряд.

— И они до сих пор обсуждают его гонорар?

— Не знаю. Должно быть, он увеличил его.

Хотя гонорар был маленький, как за стандартный развод «без вины», Оскару причиталась какая-то часть. Однако он не вполне представлял, как получит свою долю, если половина суммы оплачена на диване. Мгновение он смотрел на дверь Уолли, как будто ждал, что из-за нее донесутся сладострастные стоны, но, ничего не услышав, повернулся к Рошель и помахал бумагами:

— Вы это читали?

— Что это?

— Это наш договор с Джерри Алисандросом и «Зелл энд Поттер». Восемь страниц текста, множество пунктов — мелким шрифтом. На договоре уже стоит подпись моего младшего партнера, который явно не прочел его целиком. Здесь сказано, что мы должны внести двадцать пять тысяч долларов в бюджет расходов на судопроизводство. Фигт никогда об этом не упоминал.

Рошель пожала плечами. Это было дело юристов, а не ее.

Но Оскар продолжал:

— Далее говорится, что мы получим гонорар в размере сорока процентов по каждому делу, половина которого отправится в «Зелл энд Поттер». Но мелким шрифтом указано, что гонорар в размере шести процентов будет выплачен Комиссии по судопроизводству от истцов в качестве небольшой премии за их тяжелую работу и эти шесть процентов вычитаются из общей суммы компенсационной выплаты и нашей части тоже. Таким образом, насколько я понимаю, мы потеряем шесть процентов от всей суммы, и останется тридцать четыре процента, которые мы разделим с Алисандросом, а он, разумеется, урвет еще шесть процентов. Вам это кажется логичным, миз Гибсон?

— Нет.

— Так вот, мне тоже. Нас обдирают направо и налево, и мы должны вложить еще двадцать пять тысяч долларов в расходы на судопроизводство. — Щеки Оскара побагровели, и он уставился на дверь Уолли, но внутри тот находился в полной безопасности.

Дэвид спустился по лестнице как раз в разгар обсуждения.

— Ты это читал? — злобно спросил Оскар, размахивая контрактом.

— Что это?

— Наш контракт с «Зелл энд Поттер».

— Я посмотрел его, — ответил Дэвид. — В основном в нем все четко и ясно изложено.

— О, правда? Ты читал ту часть, где говорится о двадцати пяти тысячах для бюджета на судопроизводство?

— Да, и я спросил об этом Уолли. Он сказал, что нам, вероятно, придется пойти в банк и взять эти деньги в счет кредитной линии, а потом вернуть их, когда мы получим компенсацию.

Оскар и Рошель обменялись взглядами. Оба подумали: «Какая еще кредитная линия?»

Оскар хотел что-то сказать, но резко развернулся и retirовался в свой кабинет, захлопнув за собой дверь.

— В чем дело? — спросил Дэвид.

— У нас нет никакой кредитной линии, — пояснила Рошель. — Мистер Финли беспокоится, что разбирательство по крейоксу обернется против нас и мы разоримся. Из проектов Уолли этот будет не первым, что взлетит на воздух у нас перед глазами, но самым крупным.

Дэвид осмотрелся и шагнул ближе.

— Можно задать вам один вопрос конфиденциально?

— Не знаю, — ответила Рошель, осторожно отступая назад.

— Эти ребята в игре уже довольно долго. Тридцать с небольшим лет — Оскар и двадцать с небольшим — Уолли. У них есть хоть какие-то сбережения? В офисе их точно нет, поэтому я подумал, наверняка они что-то припрятали.

Рошель тоже огляделась и ответила:

— Не знаю, куда отправляются деньги, когда покидают офис. Сомневаюсь, что у Оскара есть хоть десять центов, потому что его жена все тратит. Она считает себя выше других и хочет жить соответственно. Уолли... Кто знает? Подзреваю, что он такой же нищий, как и я. Но они владеют зданием без всяких обременений и долгов.

Дэвид, не удержавшись, посмотрел на трещины в штукатурке на потолке. Ну и Бог с ним, сказал он себе.

— Мне просто любопытно, — пояснил Дэвид.

Из кабинета мистера Фигга донесся женский визг и хохот.

— Я ухожу. — Дэвид схватил свое пальто.

— Я тоже, — сказала Рошель.

Все уже ушли, когда появился Уолли с Дианой. Они быстро выключили свет, заперли входную дверь и сели в ее машину. Уолли приводило в восторг не только то, что теперь ему было кого потискать, но и то, что этот кто-то с готовностью садился за руль. До окончания срока, на который его лишили прав, оставалось шесть недель. А в разгаре процесса по крейоксу ему требовалась мобильность. Диана отчаянно ухватилась за возможность заработать на привлечении новых клиентов: 500 долларов наличными за дело со смертельным исходом и 200 — за дело по ущербу здоровью. Но больше всего ее волновали рассказы Уолли о том, как «Веррик лабз» заставят выплатить громадную компенсацию, которая принесет огромные прибыли ему и, вероятно, ей, хотя пока этот вопрос оставался открытым. Как правило, их постельные разговоры уплывали в мир крейок-

са и все, что было с этим связано. Третий супруг Дианы возил ее на остров Мауи, и пляж ей понравился. Уолли уже пообещал поездку в рай.

На этой стадии разбирательства Уолли мог пообещать Диане что угодно.

— Куда поедем, дорогой? — спросила она и рванула с места. Диана была опасным водителем и путешествовала на маленькой «мазде» с открытым верхом. Уолли знал, что в случае аварии его шансы выжить будут невелики.

— Расслабься, — сказал он, защелкивая ремень безопасности. — Поедем на север, по направлению к Эванстону.

— Местные жители тоже к нам обращаются? — спросила она.

— О да. Нам многие звонят. — Уолли не лгал: его телефон разрывался от звонков людей, подобравших его маленькую брошюру «Берегитесь крейокса!». Он напечатал десять тысяч экземпляров и уже начал засорять ими Чикаго. Уолли развешивал их на досках объявлений в помещениях, где встречались люди, объединенные целью похудеть, в клубах ветеранов иностранных войн, в залах для игры в бинго, приемных покоях больниц и туалетах ресторанов, где подавали фаст-фуд, — везде, где, по мнению проникательного Уолли Фигга, могли оказаться люди, борющиеся с повышенным уровнем холестерина.

— И сколько у нас дел?

Уолли прекрасно слышал слово «мы» в ее вопросе. Он не собирался говорить ей правду.

— Восемь дел со смертельным исходом, несколько сотен дел с несмертельным исходом, но их надо проверить. И я не уверен, что каждое «несмертельное» дело в действительности является делом. Нужно установить, какой вред был нанесен сердцу, прежде чем мы возьмемся за конкретное дело.

— Как вы будете это делать? — Они летели по Стивенсон, едва вписываясь в поток, и казалось, что других машин Диана просто не замечала. Уолли подпрыгивал всякий раз, когда они чудом избегали аварии.

— Расслабься, Диана, мы не спешим.

— Ты всегда бесишься от того, как я вожу машину, — заявила она, одарив его долгим печальным взглядом.

— Просто следи за дорогой. И сбавь скорость.

Отпустив педаль газа, она надулась.

— Так мы говорили о том, как узнать, пострадали эти люди или нет?

— Мы найдем доктора, чтобы он их обследовал. Крейокс ослабляет сердечные клапаны, и существует ряд тестов, позволяющих узнать, пострадал ли клиент от употребления лекарства.

— И сколько стоят такие тесты? — спросила она.

Уолли заметил, что ее интерес к финансовому аспекту разбирательства по крейоксу растет, и это несколько раздражало его.

— Около тысячи баксов за каждого, — ответил он, хотя на самом деле понятия не имел сколько. Джерри Алисандрос заверил его, что «Зелл энд Поттер» уже прибегли к услугам нескольких докторов, которые проверяли клиентов. Этих же докторов направят в «Финли энд Фигт» в ближайшем будущем, и как только начнется обследование, круг клиентов с несмертельным исходом существенно расширится. Алисандрос каждый день летал по стране на своем самолете и встречался с юристами вроде Уолли, объединяя иски там и сям, нанимая экспертов, разрабатывая стратегию разбирательства и, что самое главное, наседая на «Веррик» и ее юристов. Уолли чувствовал, что ему выпала большая честь: участвовать в игре с такими высокими ставками.

— Это куча денег, — заключила Диана.

— Почему тебя так волнуют деньги? — возмутился Уолли, оглядывая ее расстегнутую ковбойскую рубашку.

— Прости, Уолли. Ты же знаешь, я любопытная. Это интересно, и все такое, и было бы здорово, если бы «Веррик» начала выписывать эти огромные чеки.

— До этого еще очень далеко. Предлагаю пока сосредоточиться на том, чтобы собрать клиентов.

Оскар и его жена Пола смотрели дома повтор сериала «Военно-полевой госпиталь, М.Э.Ш.» по кабельному телевидению, как вдруг перед ними возникло озабоченное лицо юриста по фамилии Бош с визгливым голосом. В рекламе на кабельных каналах Чикаго он появлялся не так уж редко. Долгие годы Бош занимался автомобильными авариями, жертвами несчастных случаев с автопоездами и делами, связанными с асбестом и другими веществами, а теперь, очевидно, Бош стал экспертом по крейоксу. Он бушевал из-за опасности лекарства и говорил мерзости о «Веррик лабз». На протяжении тридцати секунд его телефонный номер мигал внизу экрана.

Оскар смотрел с большим любопытством, но ничего не говорил.

Пола сказала:

— Ты когда-нибудь думал о рекламе по телевизору, Оскар? Похоже, твоей фирме надо что-то предпринять, чтобы получить больше дел.

Эта тема новизной не отличалась. Тридцать лет Пола давала советы по управлению юридической фирмой — бизнесом, который никогда не мог принести доход, способный удовлетворить ее.

— Это очень дорого, — заметил Оскар. — Фигг настаивает на этом, а я отношусь к этому скептически.

— Что ж, ты ведь не отправил бы на телевидение Фигга, правда? Это распугало бы всех потенциальных клиен-

тов в радиусе ста миль. Не знаю, эти ролики выглядят так непрофессионально.

Пола в своем репертуаре. Реклама на телевидении могла принести новые дела, но вместе с тем казалась непрофессиональной. Она за или против? Ни то ни другое? Оскар не знал и перестал задаваться этим вопросом много лет назад.

— Разве у Фигга нет пары дел по крейоксу? — спросила она.

— Пара есть, — проворчал Оскар. Она не знала, что ее муж, как и Дэвид, подписал исковое заявление и нес ответственность за его рассмотрение. Она не знала, что фирма должна оплатить расходы на судопроизводство. Полу интересовало только жалкое ежемесячное жалование, которое приносил Оскар.

— Что ж, я обсудила это с моим доктором, и, по его словам, лекарство хорошее. Оно не дает моему холестерину подниматься выше двухсот. Я не собираюсь его бросать.

— Ну и не бросай, — сказал Оскар. Если крейокс действительно убивает людей, пусть она сама принимает прописанную дозировку полностью.

— Но иски подают по всей стране, Оскар. Я до сих пор сомневаюсь. А ты?

Она верна препарату, но все же волнуется.

— Фигг убежден, что лекарство причиняет ущерб здоровью. Многие крупные фирмы с этим согласны, поэтому подают в суд на «Веррик». В целом складывается впечатление, что компания пойдет на мировое соглашение до начала процесса. Слишком много поставлено на карту.

— Если будет заключено мировое соглашение, что произойдет с делами Фигга?

— У него все дела со смертельным исходом, во всяком случае, пока. Восемь дел. Если они выплатят компенсации, мы получим неплохой гонорар.

— Насколько неплохой?

— Сложно сказать. — Оскар уже строил планы. Когда и если начнутся серьезные переговоры по мировому соглашению, он возьмется за дело и подаст на развод, а потом постарается не подпустить ее к своим деньгам от крейокса. — Но я сомневаюсь, что они пойдут на мировое соглашение, — сказал он.

— Почему нет? Бош утверждает, что будет выплачена большая компенсация.

— Бош — идиот, и каждый день это доказывает. Эти большие фармацевтические компании обычно пару раз ходят в суд, чтобы прощупать почву. Если присяжные принимают решение против них, они начинают выплачивать компенсации. Если они выигрывают, то продолжают судиться, пока юристы истцов не отступят. Это может продолжаться годами.

«Надежда умирает последней, дорогая».

Дэвид и Хелен Зинк купались в любви почти так же, как Уолли с Дианой. Когда Дэвид стал меньше работать и у него появилось больше сил, они зачали ребенка меньше чем за неделю. Теперь, когда Дэвид каждый вечер появлялся дома в нормальное время, они восполняли упущенное. Сейчас, отдыхая от любовных утех, они лежали в постели и смотрели на телевизионный экран. В эту минуту там появился Бош.

Когда он исчез, Хелен сказала:

— Безумие какое-то.

— О да! Уолли тоже сейчас где-то рыщет и заваливает улицы брошюрами. Было бы проще дать рекламу по телевизору, но мы не можем себе этого позволить.

— И слава Богу. На самом деле мне не хочется смотреть по телевизору, как ты сражаешься с кем-то вроде Бенни Боша.

— Полагаю, я стал бы прекрасным телевизионным юристом. «Вы пострадали? Мы будем за вас бороться. Страховые компании нас боятся». Что ты думаешь об этом?

— Думаю, твои друзья в «Рогане Ротберге» лопнули бы от смеха.

— У меня не осталось там друзей. Только плохие воспоминания.

— Ты уволился когда? Месяц назад?

— Шесть недель и два дня, и мне ни на минуту не захотелось вернуться.

— И сколько ты заработал в своей новой фирме?

— Шестьсот двадцать долларов, и это еще не все.

— Что ж, у нас ожидается пополнение. Ты думал о том, как станешь зарабатывать в будущем? Ты сам отказался от трехсот тысяч в год, так и быть. Но мы не можем жить на шестьсот долларов в месяц.

— Ты сомневаешься во мне?

— Нет, но не помешало бы меня ободрить.

— Ладно. Обещаю заработать достаточно денег, чтобы мы были здоровы и счастливы. Все трое. Или пятеро, или четверо, как там дальше сложится.

— И как ты собираешься это сделать?

— С помощью телевизора. Я выйду в эфир в поисках жертв крейкса, — рассмеялся Дэвид. — Вместе с Бошем. Что скажешь?

— Скажу, что ты сумасшедший.

И они засмеялись и обнялись.

ГЛАВА 19

Официально встреча называлась конференцией по раскрытию документов и обычно представляла собой недолгое совещание юристов перед судьей с целью обсудить начальную стадию процесса. Никаких протоколов не велось, клерк делал неофициальные пометки для себя. Часто, осо-

бенно когда дело рассматривалось под председательством Гарри Сирайта, сам судья отпрашивался и посылал себе на замену магистрата*.

Сегодня, однако, Сирайт явился сам. Как старший судья по Северному округу штата Иллинойс, он заседал в большом зале суда, великолепном и просторном помещении на двадцать третьем этаже здания госучреждения имени Эверетта Дирксена на Диарборн-стрит в центре Чикаго. Стены зала суда были обшиты темными дубовыми панелями, и в нем стояло много больших кожаных кресел. Справа, по левую руку судьи, расположились истцы: Уолли Фигг и Дэвид Зинк. Слева, по правую руку судьи, сидела команда из дюжины (или около того) юристов «Рогана Ротберга», которые неустанно трудились над делом со стороны «Веррик лабз». Возглавляла их, разумеется, Надин Керрос, единственная женщина-юрист в зале. По этому случаю она надела классический темно-синий костюм от Армани, с юбкой чуть выше колен, и дизайнерские лодочки на четырехдюймовом каблуке.

Уолли не мог оторвать глаз от ее туфель. Его завораживал облик Надин.

— Возможно, нам стоит чаще появляться в федеральном суде, — шутливо прошептал он Дэвиду, но тот был настроен серьезно. Как, впрочем, и сам Уолли. Для них обоих это был первый визит в федеральный зал суда. Уолли постоянно утверждал, что ему случалось вести дела в федеральном суде, но Дэвид в этом сомневался. Оскар, старший партнер, должен был прийти с ними и встретиться ли-

* Судья первой инстанции, избираемый в городских районах и рассматривающий дела о нарушениях правил дорожного движения и мелких преступлениях, а также мелкие гражданские иски. Магистраты могут также проводить предварительное расследование крупных преступлений и принимать решение о передаче дела в вышестоящие судебные инстанции.

цом к лицу с голиафами-близнецами в виде «Рогана Ротберга» и «Веррик», но позвонил и сказал, что заболел.

Не только Оскар не появился. Великий Джерри Алисандрос и его команда первоклассных юристов-судебников уже готовились к триумфальному налету на Чикаго, чтобы продемонстрировать силу, но в последнюю минуту экстренное слушание в Бостоне показалось им более важным. Уолли разволновался, когда ему позвонил один из подчиненных Алисандроса.

— Это всего лишь конференция по раскрытию, — сказал молодой человек.

По пути в суд Уолли отозвался о «Зелл энд Поттер» весьма скептически.

Дэвид чувствовал себя крайне неуютно. Он сидел в зале суда в первый раз, зная, что не скажет ни слова, ибо понятия не имеет, о чем говорить. Ему противостояла команда хорошо одетых и высококвалифицированных юристов из фирмы, которой он когда-то был верен, фирмы, которая наняла его, обучила, платила огромную зарплату и обещала прекрасную карьеру, фирмы, которую он бросил и отверг. Ради... «Финли энд Фигг»? Дэвид почти слышал, как они хихикают, склонившись над блокнотами. Со своим происхождением и дипломом Гарварда он должен был стоять с ними и брать за свою работу почасовую плату, а не выступать на стороне истца, представляя контору, служащие которой ошиваются по улицам в поисках клиентов. Дэвид не хотел находиться там, где находился. Как и Уолли.

Судья Сирайт устроился на скамье и тут же приступил к делу.

— Где мистер Алисандрос? — осведомился он, посмотрев на Уолли и Дэвида.

Уолли вскочил и подобострастно улыбнулся:

— Он в Бостоне, сэр.

— Значит, сегодня его здесь не будет?

— Верно, ваша честь. Он собирался сюда, но ему пришлось изменить маршрут из-за какого-то срочного дела в Бостоне.

— Понятно. Он адвокат со стороны истца по этому делу. В следующий раз, когда мы соберемся, я требую, чтобы он явился. Я оштрафую его на тысячу долларов за то, что пропустил конференцию.

— Да, сэр.

— А вы мистер Фигг?

— Верно, ваша честь, и это мой младший юрист Дэвид Зинк.

Дэвид попытался улыбнуться. Он уже почти видел, как юристы «Рогана Ротберга» вытянули шеи, чтобы взглянуть на него.

— Добро пожаловать в федеральный суд, — с сарказмом произнес судья. Посмотрев на представителей защиты, он спросил:

— Полагаю, вы миз Керрос?

Надин встала, и все взгляды в зале суда устремились на нее.

— Да, ваша честь. А это мой коллега Лютер Хотчкин.

— А кто все остальные люди?

— Это наша команда со стороны защиты, ваша честь.

— Вам действительно было необходимо приводить столько людей на простую конференцию по раскрытию?

Пусть идут к черту, подумал Уолли, таращась на ее юбку.

— Да, ваша честь. Это крупное и сложное дело.

— Так я и слышал. Садитесь и оставайтесь на своих местах до конца этого слушания. — Судья Сирайт взял какие-то записи и поправил очки для чтения. — Итак, я поговорил с двумя коллегами во Флориде, и мы не уверены, что эти дела могут быть объединены в разбирательство по вза-

имосвязанным искам. Похоже, у юристов истца какие-то проблемы с организацией. Похоже, каждый хочет урвать большой кусок пирога, что неудивительно. В любом случае мы должны приступить к раскрытию документов по этому делу. Мистер Фигг, кто выступает вашим экспертом?

У мистера Фигга не было экспертов, и он понятия не имел, когда они появятся. Он полагался на становившегося все более ненадежным Джерри Алисандроса в поиске экспертов, потому что тот обещал это сделать. Уолли встал, понимая, что любое замешательство будет истолковано не в их пользу.

— Мы назовем их на следующей неделе, ваша честь. Как вам известно, мы партнеры известной юридической фирмы «Зелл энд Поттер», которая специализируется на коллективных гражданских исках. При суматохе, поднявшейся в стране, трудно привлечь лучших экспертов. Но мы, несомненно, делаем успехи.

— Это прекрасно. Пожалуйста, садитесь. Так вы фактически подали иск прежде, чем проконсультировались с экспертами?

— Да, ваша честь, но это не так необычно.

Судья Сирайт сомневался, знает ли мистер Фигг, что обычно, а что — нет, но решил не смущать парня в самом начале игры. Он взял ручку и сказал:

— У вас есть десять дней, чтобы назначить экспертов, и потом защита получит разрешение незамедлительно снять с них показания.

— Да, сэр. — Уолли рухнул на стул.

— Спасибо. Итак, у нас восемь случаев со смертельным исходом, значит, мы имеем дело с восемью семьями. Для начала я хочу, чтобы вы получили показания под присягой от личных представителей всех восьми семей. Мистер Фигг, когда вы сможете привести этих людей?

— Завтра.

Судья обратился к Надин Керрос:

— Это достаточно быстро для вас?

Она улыбнулась:

— Мы предпочитаем получать уведомления в разумные сроки, ваша честь.

— Уверен, ваш календарь слушаний расписан по минутам, миз Керрос.

— Как обычно, да.

— И вы располагаете неограниченными ресурсами. Я насчитал одиннадцать юристов, которые сейчас сидят и что-то пишут, и уверен, в фирме остались еще сотни. Это всего лишь показания под присягой, ничего сложного, так что в среду на следующей неделе вы снимете показания с четырех истцов, а в четверг мы примем еще четырех. По два часа на одного истца максимум. Если вам нужно больше времени, мы доделаем это позже. Если вы не сможете присутствовать лично, миз Керрос, выберите пять или шесть человек из своей команды, и я уверен, они смогут снять показания.

— Я буду присутствовать при этом лично, ваша честь, — холодно произнесла она.

— Мистер Фигг?

— Мы тоже будем.

— Я поручу своему клерку уточнить время, расписание, детали, и завтра мы разошлем информацию по электронной почте. Потом, как только мистер Фигг назначит экспертов, установим расписание для записи их показаний. Миз Керрос, когда вы определитесь со своими экспертами, пожалуйста, предоставьте необходимую информацию, и это станет нашей отправной точкой. Я хочу разобраться с первоначальными показаниями за шестьдесят дней. Вопросы есть?

Вопросов не последовало. Он продолжил:

— Далее, я рассмотрел три других иска с участием этого ответчика в отношении производимых им продуктов, и, откровенно говоря, у меня сложились неблагоприятные впечатления об открытости «Веррик» или ее способности соблюдать правила раскрытия информации. Похоже, компания испытывает проблемы с передачей документов другой стороне. Ее поймали с поличным, когда сотрудники пытались скрыть кое-какую документацию. Ее штрафовали судьи на уровне штата и федеральном уровне. Она попадала в неловкое положение перед присяжными и выплачивала огромные суммы по крупным вердиктам, но все равно продолжает прятать документы. По крайней мере три раза ее руководство обвинялось в лжесвидетельстве. Миз Керрос, каким образом вы можете убедить меня, что ваш клиент будет играть по правилам?

Она метнула взгляд на судью, на мгновение замялась, пока они смотрели друг другу в глаза, потом сказала:

— Я не была адвокатом «Веррик лабз» по этим делам, ваша честь, и мне неизвестно, что там происходило. Я не хочу, чтобы на меня падала тень исков, к которым я не имею никакого отношения. Я знаю правила вдоль и поперек, и мои клиенты всегда играют по правилам.

— Посмотрим. Вашего клиента нужно предупредить, что я буду внимательно за этим следить. При первом намеке на нарушение при раскрытии я приведу их генерального директора в этот зал суда и пушу ему кровь. Вам понятно, миз Керрос?

— Понятно.

— Мистер Фигг, вы еще не направили запрос о предоставлении документов. Когда это произойдет?

— Мы сейчас над этим работаем, ваша честь, — произнес Уолли, стараясь, чтобы его голос звучал уверенно. — У нас будет список через пару недель. — Алисандрос пообещал предоставить обширный список документов, ко-

торые надлежит истребовать у «Веррик», но пока ничего не прислал.

— Я жду вас, — произнес Сирайт. — Это ваш иск. Вы его подали, теперь давайте им заниматься.

— Да, сэр, — нервно ответил Уолли.

— Что-нибудь еще?

Большинство юристов покачали головами. Его честь, похоже, расслабился, пожевывая колпачок ручки. Он сказал:

— Полагаю, это дело можно рассмотреть по Местному постановлению 83:19. Вы обдумывали такой вариант, мистер Фигг?

Мистер Фигг не обдумывал, потому что не знал Местного постановления 83:19. Он открыл было рот, но не смог ничего ответить. Дэвид быстро перехватил инициативу и произнес свои первые слова в суде:

— Мы обдумывали этот вариант, ваша честь, но пока не обсуждали это с мистером Алисандросом. Мы должны принять решение на следующей неделе.

Сирайт посмотрел на Надин Керрос:

— Каков ваш ответ?

— Мы представляем защиту, ваша честь, и никогда не горим желанием доводить дело до разбирательства.

Ее честность развеселила судью. Уолли прошептал Дэвиду:

— Что такое Местное постановление 83:19, черт возьми?

Дэвид тихо ответил:

— «Ракетный» список дел к слушанию. Упрощенное рассмотрение дела. В супербыстром режиме.

— Нам это не нужно, правда? — прошипел Уолли.

— Да. Мы хотим заключить мировое соглашение и обогатиться.

— Нет никакой необходимости подавать ходатайство, мистер Фигг, — заявил судья. — Я присваиваю делу статус

по Местному постановлению 83:19. Мы будем рассматривать его быстро, мистер Фигг, так что поторопитесь.

— Да, сэр, — ответил Уолли.

Судья Сирайт стукнул молотком и сказал:

— Встретимся снова через шестьдесят дней, и я жду здесь мистера Алисандроса. Заседание закрыто.

Пока Дэвид и Уолли распихивали документы и блокноты по портфелям в надежде ретироваться побыстрее, Надин Керрос вальяжно подошла к ним, чтобы поздороваться.

— Рада познакомиться, мистер Фигг, мистер Зинк, — произнесла она с улыбкой, от которой беспокойное сердце Уолли забилось быстрее.

— Взаимно, — ответил он.

Дэвид улыбнулся и пожал ей руку.

— Мы на пороге долгой и болезненной схватки, — сказала она. — И на кону много денег. Я пытаюсь сохранить общение на профессиональном уровне и свести неприятные чувства к минимуму. Уверена, ваша фирма относится к этому так же.

— О да, — выдохнул Уолли и чуть не пригласил ее выпить. Манипулировать Дэвидом было не так легко. Он видел ее красивое лицо и дружеское расположение, но знал, что за этим фасадом скрывается безжалостный боец, который с радостью будет наблюдать за тем, как ты истечешь кровью на открытом судебном заседании.

— Полагаю, увидимся в следующую среду, — проговорила она.

— Если не раньше, — сказал Уолли, сделав вялую попытку пошутить.

Когда Надин удалилась, Дэвид схватил Уолли под руку и сказал:

— Пошли отсюда.

ГЛАВА 20

Теперь, когда Хелен забеременела и поняла, что ближайшее будущее займет ребенок, учеба в Северо-западном университете казалась менее важной. Одно занятие она пропускала из-за тошноты по утрам, другое — из-за недостаточной мотивации. Дэвид деликатно намекал, что не стоит забрасывать учебу, но она хотела взять тайм-аут. Ей было почти тридцать четыре, и, охваченная восторгом в преддверии грядущего материнства, она быстро начала терять интерес к докторской диссертации по истории искусств.

Одним очень холодным мартовским днем они обедали в кафе у кампуса, когда Тони Вэнс, учившаяся вместе с Хелен, случайно проходила мимо. Дэвид видел ее лишь один раз. Она была на десять лет старше и воспитывала двух подростков и мужа, который занимался чем-то вроде отправки грузов в контейнерах. Это у нее была домработница-бирманка, бабушка мальчика, который получил серьезные повреждения мозга. Дэвид упраскивал Хелен надавить на Тони и устроить им встречу, но домработница не желала сотрудничать. Используя метод слежки, но не нарушая законов и права на частную жизнь, Дэвид выяснил, что мальчику пять лет и последние два месяца он находится в отделении интенсивной терапии в детской больнице «Лейкшор» на севере Чикаго. Его звали Туяя Хаинг, и он родился в Сакраменто, поэтому был гражданином США. А вот иммиграционный статус его родителей оставался для Дэвида загадкой. У Зоу, домработницы, судя по всему, имелся вид на жительство.

— Думаю, теперь Зоу поговорит с вами, — сказала Тони, потягивая эспresso.

— Когда и где? — спросил Дэвид.

Она взглянула на часы:

— Мое следующее занятие заканчивается в два, потом я поеду домой. Почему бы вам ко мне не заглянуть?

В 14.30 Дэвид и Хелен припарковались за «ягуаром» на подъездной аллее шикарного нового дома в Оук-Парке. Что бы ни делал мистер Вэнс с грузом в контейнерах, он делал это хорошо. Местами, наверху и внизу, дом имел выступы, конструкция изобиловала стеклом и мрамором и отличалась причудливым дизайном. Архитектор явно стремился создать нечто уникальное, и ему это удалось. Наконец они нашли входную дверь, у которой их встретила Тони. Она переоделась и уже не пыталась изображать двадцатилетнюю студентку. Тони провела их на застекленную террасу, откуда открывались прекрасные виды, и через пару минут вошла Зоу. Она принесла поднос с чашками кофе. Всех представили друг другу.

Дэвид никогда не встречал бирманок, но предположил, что ей около шестидесяти. В форме горничной она казалась миниатюрной. У нее были короткие седеющие волосы, а на лице словно застыла вечная улыбка.

— Зоу очень хорошо говорит по-английски, — сказала Тони. — Пожалуйста, присоединяйтесь к нам, Зоу. — Та смущенно села на маленький табурет рядом с хозяйкой.

— Давно вы живете в Соединенных Штатах? — спросил Дэвид.

— Двадцать годов.

— У вас есть здесь родственники?

— Мой муж здесь, работать в «Сирс». Мой сын тоже. Работать на деревянную компанию.

— И он отец вашего внука, который сейчас в больнице?

Она кивнула. Улыбка исчезла при упоминании мальчика.

— Да.

— У мальчика есть братья и сестры?

Она выставила два пальца.

— Два сестры.

— Они тоже больны?

— Нет.

— Расскажите мне, что произошло, когда мальчик заболел?

Она посмотрела на Тони, и та сказала:

— Все хорошо, Зоу. Вы можете доверять этим людям. Мистеру Зинку нужно услышать эту историю.

Зоу кивнула и начала говорить, уставившись в пол:

— Он все время уставать, много спать, потом появиться сильная боль здесь. — Она стукнула себя по животу. — Он так громко кричать от боли. Потом он начать рвать, каждый день его рвать, он похудеть, стать очень тощий. Мы возить его к доктору. Они положить его в больницу, и там он уснуть. — Она дотронулась до головы. — Они думать, у него проблема с мозгом.

— Доктор сказал, что это отравление свинцом?

Она кивнула:

— Да. — Сомнений не было.

Дэвид тоже кивнул, обдумывая услышанное.

— Внук живет с вами?

— По соседству. В квартире.

Дэвид спросил Тони:

— Вы знаете, где она живет?

— В Роджерс-Парке. Это старый комплекс многоквартирных домов. Думаю, там все из Бирмы.

— Зоу, мне можно осмотреть квартиру, где живет мальчик?

Она кивнула:

— Да.

— Зачем вам осматривать квартиру? — спросила Тони.

— Чтобы найти источник свинца. Он может содержаться в краске, которой покрыты стены, или в каких-то игрушках. Он может быть в воде. Мне надо на это взглянуть.

Зоу тихо встала и сказала:

— Извините, пожалуйста.

Через пару секунд она вернулась с маленьким пластиковым пакетом, из которого достала игрушечные челюсти с розовыми пластмассовыми зубами и двумя большими вампирскими клыками.

— Он их любить, — пояснила Зоу. — Он пугать сестры, делать смешной звук.

Дэвид взял дешевую игрушку. Пластмасса была твердой, и кое-где краска, или покрытие, облупилась.

— Вы видели, как он с ними играл?

— Да. Много разов.

— Когда ему их подарили?

— Прошлый год. Хеллоуин, — сказала она, не произнеся звук «Х». — Не знаю, от них ли он заболеть, но он играть с ними все время. Розовые, зеленые, черные, голубые, разные цвета.

— Значит, у вас есть целый набор?

— Да.

— Где остальные?

— На квартире.

Когда Дэвид и Хелен отыскиали в темноте комплекс многоквартирных домов, пошел снег. Перед ними были двухэтажные строения 1960-х годов. Некоторые стояли с заколоченными окнами, в них явно никто не жил. Поблизости было припарковано несколько автомобилей — все древние японские иномарки. Складывалось впечатление, что это место давно сровняли бы с землей бульдозерами, если бы не героические усилия бирманских иммигрантов.

Зоу ждала у квартиры 14-Би и провела их через пару ступенек к 14-Си. На вид родителям Туйи было около двадцати, на самом деле — ближе к сорока. Они казались изможденными, их глаза выражали грусть и страх, что было вполне естественно в подобной ситуации. Они были благодарны, что настоящий юрист пожаловал к ним домой, хотя очень боялись судебной системы и ничего в ней не смыслили. Мать, Луин, приготовила и подала чай. Отца, сына Зоу, звали Сои. Единственный мужчина в доме, он говорил больше всех. Сои говорил по-английски хорошо, гораздо лучше жены. Как рассказала Зоу, он работал в компании, специализировавшейся на деревообработке. Его жена убирала офисы в центре города. Дэвиду и Хелен стало очевидно, что их появлению предшествовали неоднократные семейные дискуссии.

Квартира, скудно меблированная, отличалась опрятностью и чистотой. Единственным намеком на декор была большая фотография Аунг Сан Су Чжи, лауреата Нобелевской премии 1991 года и самой известной диссидентки в Бирме. На плите в кухне что-то готовилось, судя по пикантному запаху, похожее на лук. В машине Зинки поклялись не оставаться на ужин, даже если их пригласят. Двух сестер Туйи не было ни видно, ни слышно.

В крошечных чашечках был подан желтоватый чай, и, сделав пару глотков, Сои спросил:

— Почему вы хотите говорить с нами?

Дэвид сделал первый глоток, надеясь, что он же станет последним.

— Потому что ваш сын отравлен свинцом, и если свинец содержится в игрушке или где-то в квартире, тогда вы можете, и я подчеркиваю слово «можете», подать иск против производителя опасного продукта. Я хотел бы расследовать этот вопрос, но пока ничего не обещаю.

— Вы хотите сказать, мы могли бы получить деньги?

— Вероятно. Такова цель разбирательства, но сначала нам нужно копнуть чуть глубже.

— Сколько денег?

Ну разумеется, Уолли пообещал бы им что угодно. Дэвид уже слышал, как он обещал, почти гарантировал, миллион и даже больше нескольким своим клиентам по крейоксу.

— Я не могу ответить на этот вопрос, — сказал Дэвид. — Пока еще слишком рано. Я должен провести расследование, посмотреть, получится ли у нас построить дело, а дальше мы будем двигаться поэтапно.

Хелен наблюдала за мужем с восхищением. Он великолепно держался, хотя ничего не знал о подобных делах и не имел в них опыта. В «Рогане Ротберге» он даже искового заявления в глаза не видел.

— Ладно, — сказал Сои. — Что потом?

— Два момента, — пояснил Дэвид. — Во-первых, я хотел бы взглянуть на вещи вашего сына — игрушки, книги, кровать — все, где может содержаться свинец. Во-вторых, нужно, чтобы вы подписали кое-какие бумаги, которые позволят мне начать собирать его медицинскую документацию.

Сои кивнул Луин, та достала из маленькой коробочки пластиковый пакет на замочке, открыла его, и на маленьком кофейном столике выстроились в ряд пять пар фальшивых зубов с клыками: голубые, черные, зеленые и красные. Зоу добавила розовые, которые показывала им днем, и теперь перед ними предстал полный набор.

— Они называются «страшные клыки», — сказал Сои.

Дэвид устался на ряд «страшных клыков» и впервые ощутил волнение в преддверии возможного крупного иска. Он взял зеленые, сделанные из прочной, но мягкой пластмассы и достаточно гибкие, чтобы легко открывать и закрывать рот. Дэвид тут же представил, как

надоедливый маленький мальчик, держа их во рту, рычал и пугал сестер.

— Ваш сын с ними играл? — спросил Дэвид. Луин печально кивнула.

Сои сказал:

— Он их любил. Держал во рту. Пытался как-то вечером есть в них ужин.

— Кто их купил? — поинтересовался Дэвид.

— Я, — ответил Сои. — Я купил пару игрушек на Хеллоуин. Не особо дорогих.

— Где вы их купили? — спросил Дэвид, затаив дыхание. Он надеялся услышать ответ «Уолл-март», «Кеймарт», «Таргет», «Сирс», «Маршалл Филдс» — какую-нибудь крупную сеть с большими карманами.

— На рынке, — ответил Сои.

— На каком рынке?

— Большой развал. Около Логан-сквер.

— Наверное, «Майти-молл», — предположила Хелен.

Волнение Дэвида несколько улеглось. В «Майти-молл» металлические здания, пещеры, соединялись с лабиринтом из ларьков и киосков, где было все, что представляло интерес с юридической точки зрения, и множество вещей с черного рынка. Дешевая одежда, хозяйственные товары, старые альбомы, спортивный инвентарь, пиратские компакт-диски, старые книги, поддельные украшения, игрушки и все для разнообразных игр — миллион вещей. Ведение учета и выдача чека там были не в чести.

— Они были в упаковке? — спросил Дэвид. На упаковке значилось бы название фирмы-производителя и, возможно, импортера.

— Да, но ее нет, — ответил Сои. — Ее сразу выбросили.

— Нет упаковки, — добавила Луин.

В квартире было две спальни, в одной спали родители, в другой — дети. Дэвид последовал за Сои, а женщины остались в гостиной. Туйя спал на маленьком матрасе на полу рядом с сестрами. У детей был маленький дешевый книжный шкаф с раскрасками и книгами в мягких обложках. Рядом с ним стоял пластиковый контейнер, набитый игрушками мальчика.

— Это его, — сказал Сои, указывая на контейнер.

— Можно взглянуть? — спросил Дэвид.

— Пожалуйста.

Дэвид опустил на колени и начал рассматривать содержимое коробки: персонажи мультфильмов, гоночные машинки, самолеты, пистолет и наручники — стандартный набор недорогих игрушек для пятилетнего мальчика. Вскоре он встал.

— Я посмотрю их позже. Пока проследите, чтобы все осталось на своих местах.

Когда они вернулись в гостиную, «страшные клыки» снова сунули в пакет. Дэвид объяснил, что отправит их эксперту по отравлению свинцом и тот проведет анализ. Если зубы действительно содержат недопустимое количество свинца, то они встретятся снова и обсудят иск. Дэвид предупредил, что, возможно, будет трудно найти производителя игрушек, и просил их не возлагать слишком большие надежды на то, что в один прекрасный день на них свалятся деньги. Все трое — Зоу, Луин и Сои, похоже, были озадачены и встревожены, прощаясь с Зинками, не меньше, чем при встрече с ними. Сои собирался в больницу, чтобы переночевать там с Туйей.

На следующее утро Дэвид отправил срочную посылку с набором «страшных клыков» в лабораторию в Акроне. Ее директор, доктор Бифф Сандрони, был ведущим экспертом по отравлению детей свинцом. Он также отправил чек на

2500 долларов, но не от «Финли энд Фигг», а со своего личного счета в банке. Дэвиду только предстояло обсудить дело с двумя начальниками, и он не собирался этого делать, пока не узнает больше.

Сандрони позвонил через два дня, подтвердил, что получил посылку и чек, и обещал примерно через неделю добраться до исследования клыков. Он очень ими заинтересовался, поскольку никогда еще не видел игрушку, сделанную специально для того, чтобы помещать ее в рот. Хотя практически каждая игрушка, проверенная им, побывала во рту ребенка. Вероятнее всего, игрушка была сделана в Китае, Мексике или Индии, но без упаковки шансы обнаружить импортера и производителя почти сводились к нулю.

Сандрони любил поговорить и пустился в повествование о своих наиболее значительных делах. Он все время давал показания, «любил суд» и брал на себя полную ответственность за вердикты на несколько миллионов долларов. Он называл Дэвида по имени и настаивал, чтобы так же обращались и к нему — Бифф. Слушая его болтовню, Дэвид не мог вспомнить, когда говорил с кем-либо еще по имени Бифф. Его хвастовство беспокоило бы Дэвида, если бы он не провел маленькое расследование в поисках эксперта по отравлению свинцом. Доктор Сандрони был воином с безупречным послужным списком.

В 7.00 в субботу Дэвид и Хелен нашли «Майти-молл» и припарковались на битком забитой стоянке. Машин было много, и на рынке уже царил суета. На улице было тридцать градусов, внутри — ненамного теплее. Они долго стояли в очереди за напитками и, купив два высоких стакана горячего какао, начали бродить по рядам. Каким бы хаотичным ни казался рынок, какой-то порядок в нем все-таки был. Торговцы едой располагались у входа, предлагая

навынос такие деликатесы, как корн-доги*, пончики и сахарная вата. Потом следовал ряд ларьков, где продавалась недорогая одежда и обувь. Вдоль другого длинного коридора растянулись палатки с книгами и бижутерией, потом мебель и автозапчасти.

Покупатели, как и продавцы, были всех видов и мастей. Наряду с английским и испанским слышалось много других языков: азиатские, африканские и даже громкий голос русского.

Дэвид и Хелен двигались вместе с толпой, периодически останавливаясь, чтобы изучить что-то представлявшее интерес. Когда прошел час и горячее какао остыло, они обнаружили отдел хозяйственных товаров, а потом — игрушки. В лавках предлагали тысячи дешевых игровых устройств и наборов, ни один из которых даже отдаленно не напоминал «страшные клыки». Зинки прекрасно понимали, как много месяцев отделяло их от Хеллоуина, поэтому вряд ли им посчастливится найти костюмы и что-то подобное.

Дэвид взял упаковку с тремя динозаврами, довольно маленькими, чтобы поместиться во рту годовалого ребенка, но слишком большими, чтобы он мог их проглотить. Все три были окрашены в разные оттенки зеленого. Только такой ученый, как Сандрони, мог отскрести краску и проверить ее на содержание свинца, но после месяца изнурительных исследований Дэвид пришел к выводу, что большая часть дешевых игрушек заражена. Динозавров продавала «Ларкетт индастриз, мобайл», из штата Алабама, а производились они в Китае. Он видел название «Ларкетт» в качестве ответчика по нескольким искам.

Держа динозавров в руках, Дэвид задумался над абсурдностью происходящего. Дешевая игрушка делается в пяти тысячах миль отсюда, за смешные деньги, раскрашивает-

* Сосиска, покрытая толстым слоем кукурузного теста.

ся свинцовой краской, импортируется в Соединенные Штаты, проходит по дистрибьюторским каналам и в итоге оседает здесь, на гигантском блошином рынке, где ее продают за 1 доллар 99 центов, и покупают самые бедные покупатели, несут домой, дарят ребенку, тот сует ее в рот и попадает в больницу с поражением мозга, и его жизнь летит под откос. Где все эти законы о защите прав потребителей, где инспекторы, бюрократы? Не говоря уже о сотнях тысяч долларов, необходимых для лечения ребенка и его поддержки на протяжении всей дальнейшей жизни.

— Брать будете? — спросила миниатюрная испанка.

— Нет, спасибо, — ответил Дэвид, возвращаясь к реальности. Он положил игрушку назад и отвернулся.

— Есть хоть какие-то следы «страшных клыков»? — спросил он, шагнув к Хелен, стоявшей к нему спиной.

— Ничего похожего не вижу.

— Я замерз. Давай выбираться отсюда.

ГЛАВА 21

В соответствии с расписанием клерка судьи Сирайта клиенты «Финли энд Фигг» по крейоксу начали давать показания ровно в 9.00 в танцевальном зале отеля «Марриотт» в центре города. Поскольку счет оплачивал ответчик — «Веррик лабз», они не поскупились на рулетку и печенье вкуче с кофе, чаем и соком. В помещении был установлен длинный стол с видеокамерой на одном конце и стулом для свидетеля на другом.

Айрис Клопек была первым свидетелем. За день до этого она набрала 911 и поехала на «скорой помощи» в больницу, где ее начали лечить от аритмии и повышенного кро-

вяного давления. Она очень нервничала и несколько раз сказала Уолли, что не в состоянии продолжать участвовать в процессе. Он неоднократно упомянул, что если она это выдержит, то вскоре получит чек на большую сумму, «вероятно, на миллион долларов», и это несколько помогло. Еще ей помог запас ксанакса*, так что когда Айрис заняла место свидетеля и посмотрела на легион юристов, ее взгляд уже остекленел и она готовилась отбыть в страну грез. И все равно поначалу Айрис на мгновение застыла и беспомощно уставилась на своего юриста.

— Это всего лишь дача показаний, — повторял Уолли. — Там будет много юристов, но в основном это милейшие люди.

Милейшими они, однако, не выглядели. Слева от Айрис расположилась шеренга суровых молодых мужчин в темных костюмах и с хмурым выражением лиц. Они уже что-то увлеченно записывали в своих больших блокнотах, хотя она еще ни слова не проронила. Из юристов ближе всех к ней сидела красивая женщина, которая улыбалась и помогала Айрис устроиться поудобнее. Справа от нее сидел Уолли и двое его друзей.

Женщина сказала:

— Миз Клопек, меня зовут Надин Керрос, и я главный юрист «Веррик лабз». В течение следующих двух часов мы собираемся записывать ваши показания, и я хочу, чтобы вы расслабились. Обещаю, что не буду запутывать вас. Если вы не понимаете вопрос, не отвечайте. Я просто повторяю его. Вы готовы?

— Да, — ответила Айрис, у которой уже начало двоиться в глазах.

Рядом с Айрис появился судебный секретарь и сказал:

— Поднимите правую руку.

* Лекарство для лечения неврозов.

Айрис так и сделала, потом поклялась говорить правду.

Миз Керрос произнесла:

— Итак, миз Клопек, я уверена, ваши адвокаты объяснили, что мы снимаем ваше свидетельство на видео и его используют в суде, если по какой-то причине вы не сможете дать показания. Вам это понятно?

— Думаю, да.

— То есть если вы будете смотреть в камеру, когда говорите, мы прекрасно справимся.

— Я попытаюсь, да. Я смогу это сделать.

— Отлично, миз Клопек. Сейчас вы принимаете какие-либо лекарства?

Айрис уставилась в камеру, как будто ждала, что та подскажет ей нужные слова. Она принимала по одиннадцать таблеток в день для лечения диабета, повышенного кровяного давления, снижения холестерина, аритмии, артрита, камней в почках и пары других недугов, но теперь беспокоилась насчет ксанакса, потому что он мог повлиять на ее душевное состояние. До этого Уолли намекал, что ей следует избегать дискуссий о ксанаксе, если зададут подобный вопрос. И вот Надин Керрос начала копать прямо с порога.

Айрис усмехнулась:

— Конечно, я принимаю много лекарств.

Чтобы вспомнить их все, ушло пятнадцать минут, и даже ксанакс тут не помог, и когда Айрис добралась до конца списка, ей на ум пришло еще одно название.

— И еще раньше я принимала крейокс, но теперь — нет. Эта дрянь вас убьет.

Уолли разразился хохотом. Оскар тоже нашел это замечание забавным. Дэвид сдержал смехок, взглянув через стол прямо на ребят из «Рогана Ротберга» с каменными лицами: ни один из них не позволил себе даже ухмыльнуться. А вот Надин улыбнулась и спросила:

— Это все, миз Клопек?

— Думаю, да, — ответила та колеблясь.

— Так вы полагаете, ничто не повлияло на ясность ваших суждений, память или способность давать правдивые ответы?

Айрис взглянула на Уолли, который спрятался за своим большим блокнотом. На секунду стало очевидно: о чем-то тут хотят умолчать.

— Точно, — подтвердила Айрис.

— Вы ничего не принимаете от депрессии, стресса, приступов паники, тревожных состояний?

Как будто Надин Керрос читала мысли Айрис и знала, что она лжет. Едва не задохнувшись, Айрис выдавила:

— Обычно нет.

Десять минут спустя они все еще бились над этим «обычно нет», и наконец Айрис призналась, что «иногда» принимает таблетку ксанакса. Однако она весьма умело уклонялась от ответа, когда миз Керрос пыталась выбить из нее признание в том, что она употребляет ксанакс. Айрис запнулась, назвав лекарство своей «таблеткой счастья», но продолжила свидетельствовать. Несмотря на заплетающийся язык и тяжелеющие веки, Айрис заверила толпу юристов слева от нее, что находится в здравом уме и твердой памяти.

Адрес, дата рождения, члены семьи, работа, образование — показания быстро превратились в занудный разговор, пока Надин и Айрис разбирались в родственных связях Клопексов, уделяя особое внимание почившему Перси. Айрис выступала все с большей логичностью и даже два раза чуть не задохнулась от слез, говоря о любимом супруге, который умер почти два года назад. Миз Керрос выясняла подробности о состоянии здоровья и привычках Перси: пристрастие к выпивке, курение, занятия спортом, питание. И как Айрис ни пыталась представить старика в

хорошей форме, она описала его с удивительной точностью. Перси представлялся полным больным мужчиной, который питался вредной пищей, пил слишком много пива и редко слезал с дивана.

— Зато он бросил курить, — как минимум дважды добавила Айрис.

Они сделали перерыв через час, и Оскар извинился, сказав, что ему нужно в суд. Но Уолли заподозрил, что он лжет. Он выкрутил руки старшему партнеру, взяв с него обещание присутствовать во время дачи показаний, чтобы продемонстрировать силу перед лицом наземных войск «Рогана Ротберга», хотя едва ли присутствие Оскара Финли привело бы защиту в трепет. Даже когда «Финли энд Фигг» приходили в полном составе, по их сторону стола сидело трое юристов, а теперь на одного меньше. А через десять футов от них по другую сторону стола Уолли насчитал восемь человек.

Семь юристов сидят и записывают, когда один говорит? Нелепо. Но потом Уолли задумался, пока Айрис вяло продолжала, что, вероятно, демонстрация силы — хороший прием. Наверное, «Веррик» так обеспокоилась, что дала указания «Рогану Ротбергу» не экономить. Возможно, «Финли энд Фигг» взяли их на мушку, но сами пока этого не поняли.

Когда они вернулись к записи показаний, Надин попросила Айрис рассказать об истории болезни Перси, и Уолли отвлекся. Он до сих пор злился, что Джерри Алисандрос пропустил очередную судебную процедуру. Сначала Алисандрос строил большие планы, связанные с участием в процессе, записями показаний со своей свитой, когда он эффектно вступит в дело, начав сражение с «Роганом Ротбергом», и отвоюет хоть какой-то участок земли. Но еще одно срочное дело, возникшее в последнюю минуту в Ситле, оказалось более важным.

— Это всего лишь взятие показаний, — заявил Алисандро взволнованному Уолли по телефону за день до этого. — Простейшая процедура.

Действительно простейшая. Айрис рассказывала об одной из давних грыж Перси.

Роль Дэвида была сведена к минимуму. Он присутствовал лишь как живое тело, настоящий юрист, занимающий место в пространстве, и ему было почти нечего делать, разве что писать и читать. Он изучал научную работу Управления по пищевым продуктам и медикаментам по отравлению свинцом у детей.

Периодически Уолли вежливо вставлял:

— Возражаю. Это наводящий вопрос.

Прекрасная миз Керрос умолкала и выдерживала паузу, желая удостовериться, что Уолли закончил, потом говорила:

— Можете отвечать, миз Клопек. — И к тому моменту Айрис уже рассказывала ей все, что она хотела слышать.

Строгий лимит в два часа, установленный судьей Сирайтом, был соблюден. Миз Керрос задала последний вопрос в 10.58, потом любезно поблагодарила Айрис за то, что та была таким хорошим свидетелем. Айрис потянулась к сумке, где лежал ксанакс, Уолли отвел ее к двери и заверил, что она прекрасно справилась.

— Когда, вы думаете, они захотят выплатить компенсацию? — прошептала она.

Уолли приложил палец к губам и выпроводил ее.

Потом пришла Милли Марино, вдова Честера и мачеха Лайла, унаследовавшего коллекцию бейсбольных карточек и первого человека, рассказавшего Уолли о крейксе. Сорокадевятилетняя Милли была привлекательна, довольно подтянута, очень неплохо одета и явно не злоупотребляла лекарствами в отличие от предыдущей свидетельницы. Она пришла дать показания, хотя до сих

пор не верила в иск. Они с Уолли все еще спорили по поводу наследства ее супруга. Милли продолжала угрожать, что откажется от участия в иске и найдет другого юриста. Уолли предложил дать ей письменную гарантию, что она получит компенсацию в размере миллиона долларов.

Миз Керрос задавала те же вопросы. Уолли выдвигал те же возражения. Дэвид читал все тот же документ и думал: «Осталось еще шесть».

Наспех перекусив, юристы собрались снова, чтобы выслушать показания Адама Гранда, ассистента менеджера пиццерии со шведским столом, мать которого умерла в прошлом году, после того как два года пила крейокс. (Это была та же самая пиццерия, которую теперь часто посещал Уолли, исключительно для того, чтобы оставить в туалете свои брошюры «Опасайтесь крейокса!».)

Надин Керрос взяла тайм-аут, и допрос свидетеля проводил ее заместитель Лютер Хотчкин. Надин, очевидно, продиктовала ему свои вопросы, потому что он задавал такие же.

За время своей невыносимой карьеры в «Рогане Ротберге» Дэвид выслушал множество рассказов о ребятах в отделе судопроизводства. Судебники были особым племенем, дикарями, делали ставки на огромные суммы, сильно рисковали и ходили по лезвию ножа. В каждой крупной юридической фирме отдел судопроизводства был самым ярким подразделением компании, где обитали самые интересные личности и раздутые эго. Во всяком случае, так утверждала городская молва. Теперь, периодически бросая взгляды на другую сторону стола, Дэвид серьезно сомневался в справедливости этой молвы. За всю свою карьеру он никогда не присутствовал при более монотонном действе, чем взятие показаний. А ведь это был всего третий сви-

детель. Дэвид едва не заскучал по своей нудной работе, вынудившей его копаться в финансовых дебрях непонятных китайских корпораций.

Миз Керрос отдыхала, но ничего не пропускала. Этот начальный этап дачи показаний был не чем иным, как маленьким соревнованием, конкурсом, который давал возможность ей и ее клиенту увидеть и изучить всех восьмерых конкурсантов и выбрать победителя. Выдержит ли Айрис Клопек испытание двухнедельным судом? Вероятно, нет. Она и на показания явилась накачанная лекарствами, и два младших юриста Надин уже работали над ее медицинской картой. С другой стороны, некоторые присяжные могли бы проникнуться к ней сочувствием. Милли Марино могла бы стать отличным свидетелем, но смерть ее мужа Честера от сердечного заболевания была очевиднее, чем в других случаях.

Надин и ее команда закончат выслушивать показания, просмотрят их несколько раз. Выберут лучшие. Потом вместе с экспертами изучат медицинские карты восьми «жертв» и в конечном счете предпочтут того, у кого меньше всего шансов на успех. Обозначив победителя, они помчатся в суд с многостраничным, хладнокровным и обоснованным ходатайством о раздельном рассмотрении дел. Они попросят судью Сирайта принять к рассмотрению одно дело, выгодное им, внесут его в список дел, назначенных к слушанию в особом срочном режиме, и сметут с пути все препятствия, отделяющие их от суда присяжных.

В начале седьмого вечера Дэвид выскочил из «Марриотта» и почти побежал в машину. У него кружилась голова, и ему хотелось вдохнуть полные легкие холодного воздуха. Уезжая из центра, он зашел в «Старбакс» в одноэтажном торговом комплексе и заказал двойной эспresso. Рядом он

заметил магазин маскарадных принадлежностей, где продавались костюмы и прочие безделушки, и по привычке немного побродил там, чтобы оглядеться. В последнее время ни один магазин праздничных принадлежностей не укрывался от взгляда его или Хелен. Они искали набор «страшных клыков» в упаковке, где мелким шрифтом было бы указано название компании-производителя. В этом магазине был представлен обычный ассортимент из дешевых костюмов, забавных подарков, украшений, блесков, игрушек, оберточной бумаги. Там нашлось и несколько видов вампирских зубов мексиканского производства, которые продавала компания под названием «Мираж новелтиз» из Тусона.

Дэвид был знаком с «Миражом», у него даже было маленькое досье по этой компании. Принадлежит частным акционерам, за прошлый год выручила 18 миллионов долларов, в основном торговала продукцией вроде той, что сейчас изучал Дэвид. Он собрал досье по дюжинам компаний, которые специализировались на дешевых игрушках и приборах, и его папки росли с каждым днем. Он не мог найти лишь одно — очередной новый набор «страшных клыков».

Заплатив три доллара за набор клыков, Дэвид добавил их к своей растущей коллекции, потом поехал в Брикъярд-молл, где встретился с Хелен в ливанском ресторане. За ужином он отказался обсуждать прошедший день, ибо такая же пытка планировалась и на завтра, поэтому они болтали о ее занятиях и, что неудивительно, грядущем пополнении в их семействе.

Детская больница «Лейкшор» располагалась неподалеку. Они нашли отделение интенсивной терапии и увидели Сои Хаинга в зале для посетителей. С ним были родственники, всех представили друг другу, хотя ни Дэвид, ни Хе-

лен не запомнили ни одного имени. Бирманцы были явно тронуты, что Зинки заехали поздороваться.

За последний месяц состояние Туйи мало изменилось. Через день после визита к ним домой Дэвид связался с одним из докторов. После того как он отправил документы с подписью Сои и Луин, доктор согласился поговорить. Перспективы у мальчика были туманные. Уровень свинца в его теле был очень высок, сильно пострадали почки, печень, нервная система и мозг. Он то терял сознание, то приходил в себя. Если бы он выжил, потребовались бы месяцы или даже годы, чтобы повысить активность поврежденного мозга. Обычно же дети с таким уровнем свинца в организме не выживали.

Дэвид и Хелен последовали за Сои вперед по коридору мимо поста медсестры к маленькому окошку, через которое был виден Туйя, пристегнутый к маленькой кровати ремнями и опутанный с ног до головы самыми разнообразными трубками, проводами и мониторами. Дышал он через респиратор.

— Я трогаю его раз в день. Он меня слышит, — сказал Сои, вытирая слезы.

Дэвид и Хелен, глядя в окно, не знали, что сказать.

ГЛАВА 22

Еще одной особенностью жизни в большой фирме, которую презирал Дэвид, были бесконечные встречи. Встречи для проведения оценки и проверки, обсуждения будущего фирмы, планирования, знакомства с новыми юристами, прощания со старыми, обсуждения изменений в законодательстве, наставления новичков, получения наставлений старших партнеров, разговоры о компенсации

и вопросах труда и обсуждения огромного списка других невыносимо скучных тем. В «Рогане Ротберге» было принято бесконечно разговаривать и бесконечно выставлять счета, но при этом проводилось такое количество бесполезных встреч, что фактически они часто препятствовали зарабатыванию денег.

Помня об этом, Дэвид неохотно предложил провести встречу в своей новой фирме. Он проработал там четыре месяца и уже втянулся в приятную рутину. Однако Дэвиду не нравилось, что его коллеги не слишком вежливы и мало общаются между собой. Разбирательство по крейоксу медленно набирало обороты. Мечты Уолли быстро сорвать куш таяли на глазах, и доходы сократились. Оскар стал еще раздражительнее, что было трудно вообразить. Сплетничая с Рошель, Дэвид узнал, что партнеры никогда не садились за стол переговоров, чтобы принять стратегическое решение и озвучить взаимные претензии.

Оскар заявил, что слишком занят. Уолли сказал, что такая встреча — пустая трата времени. Рошель считала, что эта идея ужасна, пока не поняла, что тоже приглашена, тогда ей понравилась идея. Единственный сотрудник фирмы без юридического образования, она могла только приветствовать то, что ей позволяли высказаться. Со временем Дэвид убедил старшего и младшего партнеров в том, что «Финли энд Фигг» необходимо назначить первую торжественную встречу.

Дождавшись пяти вечера, они заперли входную дверь и поставили телефон в режим ожидания. После нескольких неловких секунд Дэвид произнес:

— Оскар, я думаю, ты должен вести встречу как старший партнер.

— О чем ты хочешь поговорить? — осведомился Оскар.

— Рад, что ты спросил, — ответил Дэвид и быстро раздал документы с повесткой дня. Вопрос номер один: гонорары. Вопрос номер два: изучение дел. Номер три: архивация. Номер четыре: специализация. — Это всего лишь предложение, — пояснил Дэвид. — Признаться, мне все равно, о чем говорить, но для всех нас важно получить возможность излить душу.

— Ты слишком долго работал в крупной фирме, — заметил Оскар.

— Так что тебя гложет? — спросил Уолли у Дэвида.

— Ничто меня не гложет. Просто я думаю, мы должны ввести единую политику в связи с гонорарами и просматривать дела друг друга. Системе регистрации дел уже двадцать лет, и как фирма мы не заработаем много денег, если не обозначим четко нашу специализацию.

— Что ж, если говорить о деньгах... — начал Оскар, поднимая блокнот. — С тех пор как мы начали суд по крейоксу, наш доход неизменно снижается на протяжении трех месяцев. Мы тратим слишком много времени на эти дела, и денег становится меньше и меньше. Вот что гложет меня. — Он уставился на Уолли.

— Близится час расплаты, — возвестил Уолли.

— Ты все время это повторяешь.

— В следующем месяце мы уладим дело по аварии Грумера и выручим двадцать тысяч чистыми. Голодные времена случаются, Оскар. Черт возьми, ты же давно этим занимаешься. Знаешь, что бывают взлеты и падения. В прошлом году мы теряли деньги девять месяцев из двенадцати и все равно получили неплохую прибыль.

Раздался громкий стук во входную дверь. Уолли вскочил.

— О, это Диана. Простите, я говорил ей, чтобы сегодня она не появлялась.

Он бросился к двери и открыл ее. Она вошла: облегающие штаны из черной кожи, пошлые туфли на каблуках, обтягивающий хлопковый свитер. Уолли сказал:

— Привет, дорогая, у нас тут небольшая встреча. Подождешь у меня в кабинете?

— Еще долго?

— Недолго.

Диана вызывающе улыбнулась Оскару и Дэвиду, проходя мимо них. Уолли отвел ее в кабинет и закрыл дверь. Он вернулся за стол, слегка смущенный.

— Знаете, что гложет меня? — спросила Рошель. — Ее присутствие. — Она кивнула на кабинет Уолли. — С какой стати она заходит каждый день?

— Раньше после пяти ты принимал клиентов, — вставил Оскар. — А теперь запираешься с ней в кабинете.

— Она никому не мешает, — возразил Уолли. — И говорите потише.

— Она мешает мне, — заявила Рошель.

Уолли поднял обе руки, изогнул брови и приготовился к драке.

— Послушайте, у нас с ней все серьезно, и вас это не касается. Ясно? Я не собираюсь обсуждать это.

Повисла пауза, потом Оскар пошел по второму кругу:

— Полагаю, ты рассказал ей о крейксе и большой компенсации, которая уже маячит на горизонте, поэтому неудивительно, что она здесь околачивается. Правда?

— Я же не завожу разговоры о твоих женщинах, Оскар, — напомнил Уолли. Женщинах? То есть их больше, чем одна? Глаза Рошель расширились, и Дэвид вспомнил, почему ненавидит встречи фирм. Оскар еще несколько мгновений смотрел на Уолли так, будто не верил своим ушам. Оба мужчины были изумлены таким обменом любезностями.

— Продолжим, — сказал Дэвид. — Я хотел бы получить разрешение изучить нашу систему выставления гонораров и предложить схему, которая стремится к единообразию. Возражения есть?

Возражений не последовало.

Наудачу Дэвид быстро раздал какие-то материалы.

— Это дело, на которое я наткнулся случайно, и у него огромный потенциал.

— «Страшные клыки»? — спросил Оскар, глядя на цветную фотографию коллекции.

— Ага. Клиент — пятилетний мальчик, лежит в коме из-за отравления свинцом. Его отец купил этот набор клыков на Хеллоуин, и ребенок часами держал их во рту. Образцы краски всех цветов содержат огромное количество свинца. Доктор Сандрони, эксперт по отравлению свинцом, утверждает, что это один из худших продуктов, которые он видел за последние двадцать пять лет. Он считает, что клыки, вероятнее всего, были произведены в Китае и импортированы одним из многих низкопробных дистрибьюторов игрушек здесь, в Штатах. Ходят страшные слухи о том, что китайские фабрики покрывают миллионы самых разных продуктов свинцовой краской. Управление по контролю за продуктами питания и лекарственными средствами и Бюро защиты прав потребителей бьют тревогу и отзывают товар, но за всем уследить невозможно.

Рошель, глядя в ту же самую распечатку, что Оскар и Уолли, произнесла:

— Бедный ребенок! У него есть шанс?

— Доктора считают, что нет. Его мозг сильно поврежден, как и нервная система и многие другие органы. Если он выживет, на него будет больно смотреть.

— Кто производитель? — поинтересовался Уолли.

— Это самый сложный вопрос. Мне не удалось обнаружить еще один набор «страшных клыков» в Чикаго, а мы

с Хелен уже месяц обыскиваем все подходящие магазины. В Интернете тоже ничего. В каталогах поставщиков — тоже. Пока нет никаких зацепок. Вероятно, этот продукт появляется только во время Хеллоуина. Семья не сохранила упаковку.

— Должны быть похожие товары, — сказал Уолли. — То есть если компания производит такое дерьмо, она точно производит дерьмо вроде накладных усов и прочей ерунды.

— Такова и моя гипотеза. Я уже собрал неплохую коллекцию подобных вещей и как раз изучаю импортеров и производителей.

— Кто заплатил за этот отчет? — подозрительно спросил Оскар.

— Я. Две тысячи пятьсот долларов.

На этом беседа оборвалась, пока все четверо смотрели на отчет. Оскар поинтересовался:

— Родители подписали контракт с нашей фирмой?

— Нет. Они подписали контракт со мной, чтобы я мог получить медицинскую документацию и начать расследование. Они подпишут контракт с фирмой, если я попрошу. Вопрос звучит так: возьмется ли «Финли энд Фигг» за это дело? Если ответ положительный, нам придется потратить кое-какие деньги.

— Сколько? — спросил Оскар.

— Наш следующий шаг — нанять организацию Сандрони для визита в квартиру, где живет мальчик и его семья, чтобы нашли источник свинца. Он может содержаться в других игрушках, в краске на стенах, которая отслаивается, даже в питьевой воде. Я был у них в квартире, ей как минимум пятьдесят лет. Сандрони нужно определить источник свинца. Он почти уверен, что мы его обнаружили, но хочет исключить остальные варианты.

— Сколько это стоит? — спросил Оскар.

— Двадцать тысяч.

У Оскара отвисла челюсть, и он покачал головой. Уолли присвистнул и разбросал листы бумаги. Только Рошель держалась, к тому же у нее не было права голоса, когда дело касалось траты денег.

— Нет ответчика — нет иска, — заявил Оскар. — С какой стати прожигать деньги, когда даже не знаешь, на кого подавать в суд?

— Я найду производителя, — пообещал Дэвид.

— Отлично. Вот когда найдешь, тогда мы и составим иск, возможно.

Дверь кабинета Уолли закрипела и открылась. Диана вышла и спросила:

— Уолли, еще долго, малыш?

— Всего пара минут. Мы почти закончили.

— Но я устала ждать.

— Ладно, ладно. Я буду через минуту.

Она захлопнула дверь, и стены дрогнули.

— Похоже, теперь она ведет встречу фирмы, — заметила Рошель.

— Прекратите, — сказал Уолли, потом, обратившись к Дэвиду, добавил: — Мне нравится это дело, Дэвид, очень нравится. Но теперь, когда разбирательство по крейоксу идет полным ходом, мы не можем брать на себя обязательство потратить много денег на что-то еще. Я бы предложил пока подождать и поискать импортера, а добившись мирового соглашения по крейоксу, мы окажемся в выгодном положении и сможем сами выбирать дела. Эта семья и так подписала с тобой контракт. Этот ребенок никуда не убежит. Будем держать руку на пульсе и вернемся к нему на следующий год.

Дэвид занимал не ту должность, чтобы спорить. Оба партнера сказали «нет». Рошель согласилась бы, если бы

имела право голоса, но она уже начала терять интерес к происходящему.

— Что ж, справедливо, — согласился Дэвид. — Тогда я займусь этим сам в свободное время и потрачу свои собственные деньги, полагаясь на страховку в случае проявления некомпетентности.

— У тебя есть собственная страховка? — спросил Оскар.

— Нет, но мне не составит труда оформить ее.

— Как насчет двадцати тысяч? — поинтересовался Уолли. — Если верить нашим финансовым показателям, твой доход за последние четыре месяца составил меньше пяти тысяч до уплаты налогов.

— Это так, но с каждым месяцем дела шли все лучше. К тому же у меня есть некоторая сумма в банке. Я хочу рискнуть и попытаться помочь этому мальчику.

— Дело не в помощи маленькому мальчику, — возразил Оскар. — Дело в финансировании иска. Я согласен с Уолли. Почему бы не отложить это на год?

— Потому что я не хочу этого. Этой семье нужна помощь сейчас.

Уолли пожал плечами:

— Тогда вперед. Я не возражаю.

— Я тоже согласен, — кивнул Оскар. — Но я хочу, чтобы твой ежемесячный доход увеличился.

— Увеличится, вот увидите.

Дверь кабинета Уолли открылась снова, и оттуда вылетела Диана. Она прошла по комнате, прошипела: «Ублюдок!» — открыла входную дверь и рявкнула: «Не звони мне!» Стены снова дрогнули, когда она захлопнула за собой дверь.

— Она с характером, — заметил Уолли.

— Какое показательное выступление, — тихо произнесла Рошель.

— Не может быть, чтобы у вас начиналось что-то серьезное, Уолли, — сказал Оскар почти умоляющим тоном.

— Она относится к категории моих дел, а не твоих, — парировал Уолли. — Еще остались вопросы на повестке дня? Я устал от этой встречи.

— У меня больше ничего нет, — сказал Дэвид.

— Заседание закрыто, — объявил старший партнер.

ГЛАВА 23

Великий Джерри Алисандрос наконец торжественно появился на поле боя в Чикаго в ходе своей масштабной войны против «Веррик», и прибытие выглядело впечатляюще. Во-первых, он спустился с небес на «Гольфстримеджи-650», который до сих пор снился Уолли. Во-вторых, привез с собой свиту, которая могла составить конкуренцию окружению Надин Керрос, когда она являлась в суд. Теперь, когда «Зелл энд Поттер» заняли позиции на передовой и в центре, силы на поле боя казались равными. В-третьих, он мог похвастаться мастерством, опытом и всемирной известностью, которой явно не было у «Финли энд Фигг».

Оскар пропустил слушание, потому что его присутствие не требовалось. Уолли же с нетерпением ждал, когда сможет проществовать в зал суда со своим знаменитым напарником. Дэвид потащился из любопытства.

Надин Керрос, ее команда и клиент выбрали в качестве подопытного кролика Айрис Клопек, хотя ни ее юристы, ни сама Айрис никоим образом не подозревали о хитром плане противника. «Веррик» подала ходатайство о разделении дел истцов и рассмотрении восьми разных исков вместо одного. Она требовала, чтобы разбирательство про-

вели в пределах Чикаго и не объединяли его с тысячами дел в южной Флориде. Адвокаты истца яростно протестовали. Последовал обмен записками по делу. Атмосфера накалилась до предела, когда толпы юристов собрались в зале суда судьи Сирайта.

Пока они ждали, появился клерк и сообщил, что судья задерживается в связи с неотложными делами, но должен прибыть через полчаса. Дэвид околачивался у стола истцов, болтая с юристом из «Зелл энд Поттер», когда к ним подошел поздороваться представитель защиты. Дэвиду он показался смутно знакомым, как будто он видел его где-то в коридоре офиса «Рогана Ротберга». Однако Дэвид изо всех сил пытался забыть этих людей.

— Я Тейлор Баркли, — представился молодой человек, и они пожали друг другу руки. — Окончил Гарвард на два года раньше вас.

— Рад познакомиться, — сказал Дэвид, потом представил Баркли юристу «Зелл энд Поттер», с которым только что познакомился. Пару минут они поговорили о «Кабс», затем о погоде и только тогда добрались до интересующего всех вопроса. Баркли утверждал, что трудится круглыми сутками, потому что «Роган» завален работой по крейоксу. Дэвид уже пожил такой жизнью и сбежал, так что у него не было желания выслушивать это снова.

— Чертовски напряженный процесс намечается, — сказал Дэвид, чтобы заполнить паузу.

Баркли фыркнул, как будто владел секретной информацией.

— Какой процесс? — удивился он. — Такие дела никогда не добираются до присяжных. Вам ведь это известно, не правда ли? — спросил он, глядя на юриста «Зелл энд Поттер». Баркли продолжал вполголоса, ведь зал просто кишел взволнованными юристами. — Какое-то время мы будем активно защищаться, подадим кучу докумен-

тов, сдерем кучу денег с нашего дорогого клиента, а потом посоветуем ему заключить мировое соглашение. Вам еще предстоит научиться играть в эту игру, Зинк. Если вы будете играть достаточно долго.

— Я уже наверстываю упущенное, — отозвался Дэвид, следя за каждым словом. Он и юрист «Зелл энд Поттер» были настороже, слушая, но не веря своим ушам.

— Кстати говоря, — почти прошептал Баркли, — о вас в «Рогане» ходят легенды. Парень, у которого хватило смелости все бросить, найти работу попроще и при этом нарваться на золотую жилу в виде этой кучи дел. А мы все так же батрачим и выставляем счет за каждый отработанный час.

Дэвид кивнул, надеясь, что он уберется.

Помощник судьи внезапно оживился и попросил всех встать. Судья Сирайт стремительно вышел из двери позади судейского места и предложил всем сесть.

— Доброе утро, — сказал он в микрофон, раскладывая бумаги. — За следующие два часа нам нужно много успеть, и, как всегда, напомним, что краткость — сестра таланта. Я следил за раскрытием документов, и, похоже, все идет, как следует. Мистер Алисандрос, у вас есть какие-либо жалобы в связи с раскрытием?

Джерри встал с гордым видом, потому что все смотрели на него. Он зачесал длинные седые волосы за уши и завязал их в узел на уровне шеи. У него был приятный загар, а сшитый на заказ костюм сидел как влитой на его худощавом теле.

— Нет, ваша честь. Пока нет. И я очень рад присутствовать в вашем зале суда.

— Добро пожаловать в Чикаго. Миз Керрос, у вас есть жалобы в связи с раскрытием?

Надин встала, на сей раз одетая в платье из светло-серого шелка и льна, с V-образным вырезом и приподнятой

талий. Оно облегалo ее стройные ноги и заканчивалось на уровне колен. Наряд дополняли черные лодочки на платформе. Все взгляды устремились на нее. Дэвид с нетерпением ждал процесса только для того, чтобы понаблюдать за модным дефиле. В глазах Уолли плескалось вожделение.

— Ваша честь, мы обменялись списком свидетелей сегодня утром, так что все в порядке, — произнесла миз Керрос глубоким голосом и с прекрасной дикцией.

— Отлично, — произнес Сирайт. — Это подводит нас к важнейшему вопросу, который нам предстоит решить сегодня. Это вопрос о том, где будут рассматриваться дела. Истцы подали ходатайство об объединении всех дел в разбирательство по взаимосвязанным искам в федеральном суде Майами. Защита возражает и не только выступает за разбирательство в Чикаго, но и за разделение дел, то есть за отдельное рассмотрение каждого иска, причем так, чтобы первым было разобрано дело Перси Клопека, ныне покойного. По этим вопросам стороны подали множество записок с исчерпывающими доводами. Я внимательно прочитал их. На этом этапе я даю разрешение выступить с замечаниями обеим сторонам, начиная с адвокатов истцов.

Джерри Алисандрос прошествовал со своими записями на маленькую трибуну в центре зала прямо напротив судьи Сирайта и чуть ниже его. Он тщательно разложил документы, откашлялся и начал с традиционного «Если так будет угодно суду».

Для Уолли это был самый волнующий момент за всю его карьеру. Подумать только, что он, пройдоха из юго-западного района, сидит в федеральном суде и наблюдает, как великие юристы сражаются из-за дел, найденных им, и подал в суд. За эти дела он нес ответственность, дела, ко-

торые он создал. В это было почти невозможно поверить. Сдержав ухмылку, Уолли почувствовал себя еще лучше, когда коснулся своего живота и просунул палец под ремень. Минус пятнадцать фунтов. 195 дней без алкоголя. Потеря веса и ясность ума, несомненно, связаны с неопишуемым весельем, которое царило у них в постели с Дианой. Он поедал виагру, ездил на новом кабриолете «ягуаре» (новом для него, но на самом деле подержанном и к тому же находящемся в залоге у банка, ведь за него предстояло расплачиваться еще шестьдесят месяцев) и чувствовал себя на двадцать лет моложе. Колеса по Чикаго с опущенным верхом, Уолли беспрестанно мечтал о деньгах с крейокса и прекрасной жизни, которая ждала его впереди. Они с Дианой начнут путешествовать, лежать на пляже, а работать он будет только в случае необходимости. Уолли уже решил специализироваться впредь на коллективных гражданских исках. Тогда он забудет о работе, которую можно найти прямо на улице, о дешевых разводах, пьяных водителях и начнет охотиться по-крупному. Уолли не сомневался, что расстанется с Оскаром. На самом деле, пора: они вместе уже двадцать лет. Хотя он любил Оскара как брата, у него не было ни амбиций, ни дальновидности, ни настоящего желания участвовать в этой игре. Они с Оскаром уже обсудили, как спрятать деньги от крейокса, чтобы его жена почти ничего из них не увидела. Оскар переживет ужасный развод, и Уолли, разумеется, поддержит его, но когда все закончится, партнеры расстанутся. Это печально, но неизбежно. Уолли собирался активно перемещаться, Оскар же слишком стар для того, чтобы измениться.

Джерри Алисандрос потерпел неудачу, попытавшись доказать, что у судьи Сирайта нет иного выбора, кроме того, чтобы перевести дело на рассмотрение в Майами.

— Иски были поданы в Чикаго, а не в Майами, — напомнил судья Алисандросу. — Никто не заставляет вас подавать их здесь. Полагаю, вы могли бы подать их в любом месте, где находятся филиалы «Веррик лабз», то есть в любом из пятидесяти штатов. Я не вполне понимаю, почему федеральный судья Флориды думает, что может приказать федеральному судье Иллинойса передать иски на рассмотрение ему. Вы не могли бы это объяснить, мистер Алисандрос?

Мистер Алисандрос не мог. Он храбро возразил, что в последнее время объединение взаимосвязанных исков в одно разбирательство и рассмотрение их одним судьей — общепринятая практика.

Общепринятая, но не обязательная. Сирайта, похоже, разозлило, что кто-то позволил себе предположить, будто от него можно требовать передачи исков кому-то другому. Это его дела!

Дэвид сидел позади Уолли, в ряду стульев, расположенных напротив барьера, отделяющего судью. Его взбудоражила волнующая обстановка в зале суда, напряжение и высокие ставки, и он встревожился, поняв, что судья Сирайт явно не поддерживает их в этом вопросе. Однако Алисандрос заверил их команду, что выигрыш по начальным ходатайствам не так важен. Если «Веррик лабз» хочет быстро рассмотреть отдельное дело в Чикаго в качестве эксперимента, так тому и быть. За всю свою карьеру он никогда не пытался избежать разбирательства. Пусть начинают.

Судья же, казалось, был настроен враждебно. Так почему беспокоился Дэвид? Ведь о реальном суде речи не было. Все юристы, сидевшие по одну сторону прохода вместе с ним, втайне неукоснительно верили, что «Веррик» разберется с безобразием по крейоксу задолго до начала суда. И если полагаться на слова Баркли, сидевшего по другую

сторону прохода, юристы со стороны защиты тоже подумывали о мировом соглашении. Что это — подставная игра? Так ли на самом деле строился бизнес по гражданским коллективным искам? Обнаруживают плохое лекарство; юристы истцов лихорадочно набирают дела; подаются иски; крупная юридическая фирма привлекает несметные полчища юридических талантов; обе стороны затягивают процесс до тех пор, пока производитель не устанет выписывать чеки на крупные суммы своим юристам, потом все улаживается; юристы истцов загребают себе огромные гонорары, а их клиенты получают намного меньше, чем рассчитывают. Когда страсти улягутся, юристы обеих сторон обогатятся, компания наведет порядок в балансовом отчете и разработает новое лекарство взамен предыдущего.

Что это, как не хорошо поставленный спектакль?

Начав повторяться, Джерри Алисандрос предпочел вернуться на место. Все юристы оживились, когда Надин Керрос встала и направилась к трибуне. У нее были с собой какие-то пометки, но она ими не пользовалась. Поскольку судья явно благоволил к ней, Надин постаралась, чтобы ее выступление было кратким. Казалось, она тщательно подготовилась к своей яркой и доступной всем речи. Приятный голос Надин заполнял весь зал суда. Все было тщательно продумано: ни лишнего слова, ни пустого жеста. Эта женщина была создана для сцены. Она подошла к вопросу с разных точек зрения и подчеркнула, что нет ни причин, ни правил, ни процедур, ни даже прецедентов, обязывавших федерального судью передавать свои дела другому федеральному судье.

Через пару мгновений Дэвид задался вопросом: увидит ли он выступление миз Керрос перед присяжными? Знала ли она в тот самый момент, что разбирательства не будет?

Действительно ли она собиралась участвовать лишь в предварительной стадии, требуя при этом по две тысячи долларов за час?

Месяц назад «Веррик лабз» обнародовала данные о своих доходах за последний квартал: они значительно снизились. Компания удивила аналитиков, списав 5 миллиардов долларов на прогнозируемые судебные издержки по текущим процессам, главным образом по крейоксу. Дэвид внимательно следил за этим в финансовых публикациях и блогах. Мнения разделились относительно того, предпочтет ли «Веррик» побыстрее уладить этот конфликт, выплатив крупную компенсацию, или же будет жестко отстаивать свою позицию в суде. Цена акций колебалась между 35 и 40 долларами за акцию, так что акционеры вроде бы оставались спокойны.

Он также изучил историю коллективных гражданских исков и с удивлением обнаружил тенденцию роста цены на акции ответчиков, после того как выплачивалась компенсация и компания избавлялась от кучи исков. Как правило, цена акций падала с первой волной плохих новостей и истерии адвокатов со стороны истцов, но, когда сражение становилось реальным и суммы определялись точно, на Уолл-стрит предпочитали щедрую компенсацию. Чего на Уолл-стрит терпеть не могли, так это «шатких обязательств», о которых заходила речь, когда крупное дело передавалось присяжным и результаты были непредсказуемы. За последние десять лет практически все коллективные гражданские иски на значительные суммы с участием фармацевтических компаний были прекращены в связи с выплатой компенсации, причем на миллиардные суммы.

С другой стороны, Дэвид успокоился, проведя такое исследование. Но опять же им явно не хватало неоспоримых доказательств того, что крейокс действительно так ужасен, как они заявляли.

* * *

После долгих и честных дебатов судья Сирайт решил, что услышал достаточно. Он поблагодарил юристов за то, что они основательно подготовились и пообещал вынести решение в течение десяти дней. На самом деле дополнительного времени ему не требовалось, он мог с тем же успехом объявить о решении прямо в зале суда. Почти не оставалось сомнений, что судья Сирайт будет рассматривать дела в Чикаго и, похоже, ему нравилась идея провести «показательный процесс».

Юристы истцов удалились в мясной ресторан, где мистер Алисандрос заказал отдельный зал для проведения частного обеда. Помимо Уолли и Дэвида, на нем присутствовали семь юристов и два помощника юриста (только мужчины), и все они разместились вокруг продолговатого стола. Джерри заказал вино, и его разлили, как только они уселись. Уолли и Дэвид отказались.

— У меня тост, — объявил Дэвид, постучав по бокалу. Установилась тишина. — Предлагаю тост за великого достопочтенного Гарри Сирайта и его список дел к быстрому слушанию. Капкан поставлен, и дураки в «Рогане Ротберге» думают, что мы слепы. Они жаждут суда. Старый Гарри — тоже, так давайте устроим им суд.

Все выпили, и через пару секунд разговор завертелся вокруг ног и особенностей фигуры Надин Керрос. Уолли, сидевший справа от трона мистера Алисандроса, сделал пару замечаний, которые сочли уморительными. За салатами они коснулись второй излюбленной темы — компенсации. Дэвида, который старался говорить как можно меньше, убедили поделиться подробностями разговора с Тейлором Баркли перед слушанием. Его рассказ выслушали с огромным интересом, даже чрезмерным, на его взгляд.

Этот помост принадлежал Джерри, и в основном выступал он. Он с равной степенью энтузиазма отозвался о

крупном процессе с крупным вердиктом, но при этом выразил уверенность, что «Веррик» в конце концов отступится и выложит на стол несколько миллиардов.

Через пару часов Дэвид оставался в такой же растерянности, хотя его и ободряло присутствие Джерри Алисандроса. Этот человек прошел много сражений в зале суда и почти ни разу не проиграл. Если верить «Лойерз уикли», тридцать пять партнеров «Зелл энд Поттер» в прошлом году разделили между собой прибыль в 1,3 миллиарда долларов. И это после уплаты налогов, покупки новых самолетов, поля для гольфа в собственность фирмы и трат на прочие роскошества с дозволения Налоговой службы. По утверждению журнала «Флорида бизнес», собственный капитал Джерри составлял около 350 миллионов долларов.

Неплохой способ зарабатывать на применении права. Дэвид не показывал эти цифры Уолли.

ГЛАВА 24

Почти тридцать лет Кирк Максвелл представлял штат Айдахо в сенате США. Вообще он считался человеком с твердой рукой, который избегал публичности и предпочитал не работать на камеру, когда хотел что-то сделать. Он был спокоен, непритязателен и относился к тем членам конгресса, чья популярность постоянно росла. Однако его внезапная смерть прошла весьма зрелищно.

Максвелл как раз выступал в сенате с микрофоном в руках и неистово спорил с коллегой по другую сторону коридора, когда вдруг схватился за грудь, уронил микрофон, в ужасе открыл рот и рухнул на впереди стоявший стол. Он умер на месте от остановки сердца, и все это было записано на официальную камеру сената, распространено без над-

лежащего разрешения и просмотрено всеми и каждым на «Ютьюбе», прежде чем его жена успела добраться в больницу.

Через два дня после похорон его своенравный сын упомянул одному репортеру, что сенатор принимал крейокс, и семья рассматривала вариант подачи иска против «Веррик лабз». Эту новость крутили по всем новостям 24 часа в сутки 7 дней в неделю, и почти не осталось сомнений, что именно лекарство убило сенатора. Максвеллу было только шестьдесят два, и он отличался хорошим здоровьем, однако многие члены его семьи страдали от высокого уровня холестерина.

Разозленный коллега погибшего назначил заседание подкомитета по поводу опасностей крейокса. Администрацию по контролю за продуктами питания и лекарствами завалили требованиями снять лекарство с производства. «Веррик лабз», спрятавшись за холмами Монтвилла, не давала комментариев. Наступил очередной черный день для компании, но Ройбен Мэсси видал и хуже.

Такой иск выглядел бы иронично по двум причинам. Во-первых, за тридцать лет в Вашингтоне сенатор Максвелл получил миллионы от крупных фармацевтических компаний, и в том, что касалось этой сферы производства, всегда голосовал безупречно. Во-вторых, сенатор слыл неистовым реформатором системы гражданских правонарушений и много лет голосовал за наложение строжайших ограничений на подачу исков. Но после трагедии оставшиеся в живых не склонны иронизировать. Его вдова наняла известного адвоката, представлявшего интерес истцов, в Бойсе, но только с целью «получить консультацию».

Когда крейокс попал в передовицы, судья Сирайт решил, что процесс все-таки может быть интересным. По всем вопросам он принимал решения против истцов. Иск,

который подал, а затем дополнил Уолли, будет разбит на несколько отдельных разбирательств, и рассмотрение начнется с дела покойного Перси Клопека, которое будет проходить по Правилу 83:19, то есть в упрощенном и ускоренном режиме.

Уолли поддался панике, получив уведомление о решении, но в ходе долгой умиротворяющей беседы с Джерри Алисандросом немного успокоился. Джерри объяснил, что смерть сенатора Максвелла — дар свыше, причем во многих отношениях, ибо яркого реформатора системы гражданских правонарушений заставили умолкнуть, а это лишь усилит давление на «Веррик» и вынудит их быстрее начать переговоры по заключению мирового соглашения. Кроме того, как повторял Джерри, он с радостью выступит на сцене в главной роли в противовес прекрасной миз Керрос в битком набитом зале суда в Чикаго.

— Меньше всего им хотелось бы увидеть меня в зале суда, — говорил Джерри снова и снова. Его «команда по делу Клопека» усиленно трудилась. Его фирме много раз приходилось иметь дело с эгоцентричными федеральными судьями, у каждого из которых была своя особая версия списка дел к упрощенному рассмотрению.

— Это не Сирайт придумал «ракетный список дел к слушанию»? — невинно поинтересовался Уолли.

— Боже правый, нет. Я слышал этот термин лет тридцать назад в северной части Нью-Йорка. — Джерри и дальше вдохновлял Уолли на поиски новых дел по крейоксу. — Я сделаю вас богатым, Уолли, — повторял он снова и снова.

Через две недели после смерти сенатора Максвелла Управление по контролю за продуктами питания и лекарственными средствами сдалось и приказало изъять крейокс из продажи. Коллегия адвокатов по гражданским искам

пребывала в экстазе, а юристы в десятках городов сделали заявления для прессы приблизительно следующего содержания: «“Веррик” придется ответить за свою грубую халатность. Начнется федеральное расследование. Управлению по контролю никогда не следовало одобрять выпуск этого лекарства. “Веррик” знала, что с ним связаны проблемы, но поспешила вывести его на рынок, где за шесть лет оно принесло 30 миллиардов общей выручки для компании. Кто знает, какие данные в действительности скрываются за исследованиями “Веррик”».

У Оскара новости вызывали противоречивые чувства. С одной стороны, он, очевидно, хотел, чтобы на лекарство обрушилось как можно больше гневных статей, которые вынудили бы компанию сесть за стол переговоров. С другой стороны, он втайне страстно надеялся, что препарат «позаботится» о его жене. Отзыв лекарства усилит давление на «Веррик», однако также приведет к тому, что оно исчезнет из аптечки его жены. Для Оскара было бы идеально, если бы новость о предстоящем заключении мирового соглашения совпала бы с тем, что его жена слегла от лекарства. Он забрал бы все деньги, избежал грязного развода, потом подал иск от имени своей дражайшей покойной жены и еще раз обобрал «Веррик».

Оскар мечтал об этом за закрытой дверью своего кабинета. Телефон постоянно мигал из-за звонков, но он не брал трубку. Большая часть звонков поступала по поводу «несмертельных случаев» от людей, которых Уолли обнаружил благодаря своим разнообразным схемам. Пусть Рошель, Уолли и молодой Дэвид беспокоятся о звонках и нервных клиентах. Оскар собирался остаться в офисе и спастись от всего этого сумасшествия, если возможно.

Перед уходом Рошель потребовала, чтобы состоялась еще одна встреча фирмы.

— Вот видишь, какую традицию ты начал, — сказал Оскар Дэвиду, когда ближе к вечеру все четверо собрались вокруг стола.

— Что у нас на повестке дня? — спросил Уолли, хотя все и так это знали.

Рошель выкрутила руки Дэвиду до такой степени, что он был готов оказать ей содействие. Он откашлялся и перешел к делу:

— Нам нужно рассортировать дела по крейоксу. С тех пор как лекарство изъяли из продажи, нам как безумные звонят люди, которые либо уже подписали контракт, либо хотят запрыгнуть на борт.

— Разве это не здорово? — Уолли улыбнулся.

— Возможно, Уолли, но это не фирма по коллективным гражданским искам. У нас нет ресурсов, позволяющих вести четырехста дел одновременно. У ребят, которые специализируются на коллективных гражданских исках, работают десятки юристов и еще больше помощников юристов, куча людей, занимающихся этой работой.

— У нас четырехста дел? — спросил Оскар не то радостно, не то потрясенно.

Уолли отхлебнул диетической содовой и гордо заявил:

— У нас восемь смертельных случаев, разумеется, и четырехста семь несмертельных, и их число продолжает расти. Мне жаль, что эти мелкие дела причиняют много хлопот, но когда придет время заключения мирового соглашения и мы включим этих ребят в схему выплаты компенсаций, составленную Джерри Алисандросом, мы, вероятно, узнаем, что каждый несмертельный случай стоит всего-то сотню тысяч долларов или около того. Умножьте это на четырехста семь. Кто-нибудь хочет посчитать?

— Проблема не в этом, Уолли, — возразил Дэвид. — Посчитать мы и сами можем. Ты упускаешь тот факт, что не все эти дела могут стать потенциальными исками. Ни

одного из этих клиентов не обследовал врач. Мы не знаем, действительно ли их здоровью был причинен ущерб, правда?

— Да, пока не знаем. Но мы и не подавали иски от их имени, верно?

— Не подавали, но эти люди, естественно, верят, что они наши полноправные клиенты и получают компенсацию. Ты нарисовал весьма радужную картину.

— Когда они покажутся врачу? — спросил Оскар.

— Скоро, — бросил Уолли, повернувшись к нему. — Джерри как раз пытается нанять доктора здесь, в Чикаго. Он осмотрит каждого пациента и составит заключение.

— И ты полагаешь, у каждого найдется законное основание настаивать на подаче иска? — спросил Дэвид.

— Я ничего не полагаю.

— Сколько будет стоить проведение обследования?

— Мы не узнаем, пока не найдем доктора.

— Кто платит за обследование? — спросил Оскар.

— Группа по судопроизводству по крейоксу. Коротко говоря, ГСК.

— А мы связаны какими-либо обязательствами?

— Нет.

— Уверен?

— Что это еще такое? — злобно прорычал Уолли. — Почему все на меня насаждают? На первой встрече сотрудников фирмы речь шла о моей девушке. Теперь — о моих делах. Мне не нравятся встречи фирмы. Что с вами, ребята?

— Мне надоели люди, которые постоянно звонят по телефону, — произнесла Рошель. — Это вообще не прекращается. У каждого своя история. Кто-то плачет, потому что вы запугали их до смерти, Уолли. Кто-то просто заходит и хочет, чтобы я подержала их за руку. Они все думают, что у них проблемы с сердцем из-за вас и Управления

по контролю за продуктами питания и лекарственными средствами.

— А что, если у них и правда проблемы с сердцем, причем по вине крейокса, и мы сможем заработать для них немного денег? Разве не этим должны заниматься юристы?

— Как насчет того, чтобы нанять помощника юриста на пару месяцев? — довольно резко предложил Дэвид и приготовился к отпору критики. Пока остальные молчали, он продолжил: — Мы можем посадить его или ее в кладовой наверху и отправлять все дела по крейоксу туда. Я помогу ему или ей разобраться с компьютерными программами, связанными с делами по крейоксу и системой подачи дел, так чтобы он или она могли следить за каждым делом. Я буду курировать этот проект, если хотите. Все телефонные звонки по крейоксу будут переадресовываться в новый кабинет. Мы разгрузим Рошель, а Уолли займется тем, что у него получается лучше всего, — поиском дел.

— Мы сейчас не в том положении, чтобы кого-то нанять, — заявил Оскар, как и ожидалось. — Наш денежный поток куда меньше обычного из-за крейокса. А поскольку ты пока не приносишь дохода и даже близко к этому не подошел, я добавлю, что, по-моему, ты не в том положении, чтобы предлагать потратить еще больше денег.

— Понимаю, — согласился Дэвид. — Я просто сделал предложение о том, как организовать деятельность фирмы.

«Тебе вообще повезло, что мы тебя наняли», — подумал Оскар и чуть не произнес это вслух.

Уолли идея понравилась, но в тот момент ему не хватило духу противоречить старшему партнеру. Рошель была восхищена храбростью Дэвида, но не собиралась давать комментарии по вопросам, связанным с накладными расходами.

— У меня есть идея получше, — сказал Оскар Дэвиду. — Почему бы тебе не стать помощником юриста по крейоксу? Ты и так сидишь наверху. Ты кое-что смыслишь в судебных компьютерных программах. Ты всегда ноеешь, говоря, как надо организовать работу фирмы. Ты давно требуешь внедрить новую систему регистрации. Если судить по твоей ежемесячной общей выручке, выходит, что у тебя полно свободного времени. Это сэкономит нам кучу денег. Что скажешь?

Все это было так, но Дэвид не собирался сдаваться.

— Ладно, тогда какова моя доля от компенсации?

Оскар и Уолли переглянулись, пытаясь обмозговать его слова. Они еще не решили, как поделить деньги. Ходили разговоры о премии для Рошель и для Дэвида, но о реальном дележе трофея — ни слова.

— Нам нужно будет это обсудить, — заявил Уолли.

— Да, этот вопрос должен решаться партнерами, — добавил Оскар, как будто статус партнера в их фирме был сродни принадлежности к эксклюзивному клубу власть имущих.

— Что ж, поторопитесь с решением, — вставила Рошель. — Я не могу отвечать на бесконечные звонки и регистрировать все дела.

Раздался стук в дверь. Диана вернулась.

ГЛАВА 25

Генеральный план Ройбена Мэсси по улаживанию последней неприятной ситуации с лекарством был сорван смертью сенатора Кирка Максвелла, которого в коридорах «Веррик» теперь саркастически называли Придурок Максвелл. Его вдова не стала подавать иск, но ее юрист-пустозвон в

полной мере насладился своими пятнадцатью минутами славы в свете софитов. Он с радостью соглашался на интервью, даже умудрился попасть на несколько ток-шоу на кабельном телевидении. Он покрасил волосы, купил пару новых костюмов и зажил жизнью, о которой мечтали многие юристы.

Акции «Веррик» упали до 29 долларов 50 центов за штуку, что стало самой низкой ценой за последние шесть лет. Два аналитика с Уолл-стрит, которых исступленно ненавидел Мэсси, рекомендовали избавляться от акций компании. Один из них написал: «Хотя крейокс продается всего шесть лет, выручка от его продажи составляет четверть дохода «Веррик». Теперь, когда его изъяли с рынка, ближайшее будущее компании представляется туманным». Другой заявил: «Эти цифры приводят в ужас. При миллионе потенциальных исков по крейоксу «Веррик» погрязнет в болоте судопроизводства по коллективным гражданским искам на следующие десять лет».

По крайней мере про «болото» он верно подметил, пробормотал Мэсси, пролистывая утреннюю финансовую прессу. Небо над Монтвиллом было туманным, в его бункере царила напряженная атмосфера, но он сам, как ни странно, весьма неплохо себя чувствовал. По крайней мере раз в неделю, а по возможности, и чаще Ройбен Мэсси позволял себе съесть что-нибудь на завтрак. Но сегодня завтрак обещал стать особенно приятным.

В молодости Лейтон Коун отсидел четыре срока в палате представителей, но был отозван уполномоченными лицами после нелицеприятной интрижки с сотрудницей. Опозоренный, он не нашел хорошую работу дома в Теннесси, к тому же как человек, не закончивший колледж, не мог похвастаться ни настоящими знаниями, ни полезными навыками. Его резюме весьма не впечатляло. Разведен-

ный, безработный сорокалетний банкрот, он вернулся в Капитолий и решил отправиться в путешествие по дороге, вымощенной желтым кирпичом, которую исходило множество несостоявшихся политиков. Почтив одну из освященных веками традиций Вашингтона, он стал лоббистом.

Не обремененный этическими соображениями, Коун быстро стал восходящей звездой в игре на жирный кусок. Он мог его найти, учуять, выкопать и доставить клиентам, готовым вручать ему постоянно растущий гонорар. Он стал одним из первых лоббистов, изучившим все тонкости асигнований — этого скромного блюда из свиного сала, столь почитаемого членами конгресса, за которое, по сути, расплачивались ничего не ведавшие рабочие фабрик на местах. На Коуна в этой роли впервые обратили внимание, когда он получил гонорар в сто тысяч долларов от известного государственного университета, нуждавшегося в новом баскетбольном стадионе. На основании закона, напечатанного на трех тысячах страниц мелким шрифтом и принятого в полночь, Дядюшка Сэм выделил на проект десять миллионов долларов. Когда новость дошла до конкурирующего учебного заведения, разразился скандал. Но было уже слишком поздно.

Благодаря конфликту Коун занял выгодное положение, и клиенты потекли к нему рекой. К нему обратился застройщик из Виргинии, который рассматривал возможность перегородить реку плотиной, создав таким образом озеро, и организовать продажу участков на берегу по выгодным ценам. Коун взял с застройщика 500 000 долларов и дал ему указание выделить еще 100 000 для комитета политических действий конгрессмена, который представлял тот округ, где никто не хотел видеть никакой плотины. Когда всем заплатили и всех ангажировали, Коун начал работать с бюджетом и нашел лишние деньги — восемь милли-

онов в виде военных ассигнований на инженерный корпус армии. Плотины построили. Застройщик получил кучу денег. Все были счастливы, кроме специалистов по экосистеме, защитников окружающей среды и местных жителей.

В Вашингтоне такие дела проворачивались регулярно, и никто не заметил бы и этого, если бы не настырный репортер из Роанока. Позор и дурная слава настигли всех: конгрессмена, застройщика, Коуна, но в ремесле лоббиста понятия стыда не существует, любая огласка играет ему на руку. Бизнес Коуна пошел в гору. По прошествии пяти лет он открыл свое собственное предприятие — «Коун групп, специалисты по правительственным делам». Через десять лет он стал мультимиллионером. Через двадцать — ежегодно занимал одно из трех мест в рейтинге самых могущественных лоббистов в Вашингтоне (в какой-либо другой демократической стране составляют рейтинги лоббистов?).

«Веррик» платила «Коун групп» вознаграждение по договору в размере одного миллиона долларов в год и гораздо больше — за фактически выполненную работу. За такие деньги мистер Лейтон Коун был готов примчаться на всех парах по первому зову клиента.

В качестве свидетелей кровавой бойни Ройбен Мэсси решил пригласить наиболее преданных юристов — Николаса Уокера и Джуди Бек. Все трое уже собрались в кабинете, когда прибыл Коун, один, как и просил Мэсси. Коун имел в распоряжении личный самолет, водителя и любил путешествовать с большой свитой, но не сегодня.

Беседа началась весьма душевно: участники обменялись комплиментами и отведали круассаны. Коун еще больше пополнел, и его сшитый на заказ костюм едва не трещал по швам. Этот серо-стального цвета костюм отливал блеском, как у евангелистов, которых показывают по те-

левизору. Сильно накрахмаленная рубашка топорщилась на поясе. Мясистая шея Коуна, состоящая из трех валиков, вздувалась под воротником. Как всегда, он надел оранжевый галстук и оранжевый нагрудный платок. Несмотря на богатство, он так и не научился одеваться.

Мэсси ненавидел Лейтона Коуна и считал его деревенщиной, остолопом, недалеким человеком, спекулянтом, которому вечно везло, потому что он оказывался в нужном месте в нужное время. Но в конце концов, Мэсси ненавидел в Вашингтоне почти все: федеральное правительство и его удушающие постановления; орды штатных сотрудников, которые составляли эти постановления; политиков, которые их одобряли; бюрократов, которые воплощали их в жизнь. Чтобы выжить в таком неблагоприятном месте, по его мнению, следовало быть столь же отвратительным, как Лейтон Коун.

— На нас насаждает Вашингтон, — сообщил Мэсси очевидный факт.

— Не только Вашингтон, — отозвался Коун своим звенящим голосом. — Мне принадлежало сорок тысяч ваших акций, помнишь?

Действительно «Веррик лабз» как-то заплатила «Коун групп», предложив опцион на свои акции.

Мэсси взял какие-то бумаги и углубился в них, надев очки для чтения.

— В прошлом году мы заплатили вашей компании больше трех миллионов долларов.

— Три миллиона двести тысяч, — уточнил Коун.

— И внесли максимально возможную сумму либо на кампанию по переизбранию, либо в политический комитет из восьмидесяти восьми человек из ста членов сената США, включая, разумеется, великого покойного Максвелла, земля ему пухом. Мы охватили не меньше сорока политкомитетов, все они, вероятно, творят там богоугодные

дела. Кроме того, две дюжины наших начальников попытались охватить еще больше людей самостоятельно под вашим руководством. И теперь, благодаря мудрости Верховного суда, мы можем вливать в избирательную систему крупные суммы денег, отследить которые невозможно. За один только год набирается больше пяти миллионов. Сложив все это и включив все платежи, как заявленные, так и не заявленные, как в конверте, так и без него, вы поймете: «Веррик лабз» и ее руководители потратили почти сорок миллионов долларов за прошлый год, чтобы наша великая демократия не свернула с правильного пути.

Мэсси бросил бумаги и метнул свирепый взгляд на Коуна.

— Сорок миллионов всего за одну вещь, Лейтон, за один-единственный товар, который вы продаете. Влияние. — Коун кивнул. — Так скажите, пожалуйста, Лейтон, как при нашем влиянии, которое мы покупали годами, Управление по контролю за продуктами питания и лекарственными средствами могло изъять крейокс из продажи?

— Управление — это Управление, — ответил Коун. — Это отдельный мир, неподвластный политическому влиянию, или нам просто внушают эту мысль.

— Политическое давление? Все было хорошо, пока не умер политик. У меня складывается впечатление, как будто его друзья в сенате надавили на Управление.

— Разумеется, надавили.

— Так где были вы? Разве вы не платите бывшим уполномоченным лицам из Управления?

— Есть у нас один, но здесь имеет ключевое значение слово «бывший». У него больше нет права голоса.

— Что-то мне кажется, вы отдалились от реальной политики.

— Возможно, на некоторое время, Ройбен. Мы проиграли первую битву, но можем выиграть войну. Максвелл

умер, и через минуту его забудут. Так и бывает в Вашингтоне: там о тебе забывают очень быстро. Они уже начали кампанию в Айдахо, чтобы заменить его. Дайте им немного времени, и о его смерти забудут.

— Дать им время? Мы каждый день теряем восемнадцать миллионов долларов на продажах из-за Управления. С тех пор как вы приехали сегодня с утра и припарковали машину, мы потеряли четыреста тысяч долларов на продажах. Не говорите мне о времени, Лейтон.

Николас Уокер и Джуди Бек, разумеется, все записывали. По крайней мере они что-то строчили в своих крупноформатных желтых блокнотах. Ни он, ни она не поднимали глаз, но обоим нравилась эта маленькая разминка.

— Вы обвиняете меня, Ройбен? — спросил Коун почти с отчаянием.

— Да. На сто процентов. Не понимаю, как строится работа в этом гнилом месте, если я нанимаю вас и плачу чертову кучу денег, чтобы вы проводили мою компанию через минное поле. Поэтому да, Лейтон, если что-то идет не так, я обвиняю вас. Совершенно безопасный препарат изъяли из производства без каких-либо веских причин. Вы объясните мне ситуацию, не так ли?

— Я не могу ничего объяснить, но обвинять меня — несправедливо. Мы следили за этим делом с тех пор, как были поданы первые иски. У нас были налажены солидные контакты по всем направлениям, и Управление по контролю за продуктами питания и лекарственными средствами не особо интересовалось изъятием препарата из продажи, как бы ни визжали судебные юристы. Мы были в безопасности. А потом Максвелл столь изящным образом скончался, да еще и на видео. Это изменило все.

Воцарилось молчание, и все четверо потянулись за чашками с кофе.

Коун никогда не упускал возможности поделиться какой-нибудь сплетней, известной в узких кругах информацией, которую передавали шепотом, и он с удовольствием преподносил ее клиентам.

— По словам одного источника, семья Максвелла не хочет подавать иск. Это очень надежный источник.

— Что за источник? — осведомился Мэсси.

— Еще один член клуба, другой сенатор, который очень близок к Максвеллу и его семье. Он звонил мне вчера. Мы выпили. Шерри Максвелл не хочет подавать иск, но этого хочет ее адвокат. Он весьма проницателен и понимает, что «Веррик» у него в руках. Если иск подадут, вновь разнесутся плохие новости о компании и еще большее давление будет оказано на Управление, чтобы принудить его настаивать и дальше на изъятии препарата с рынка. Но если иск так и останется в проекте, то скоро о Максвелле забудут. Вы избавитесь от одной головной боли, хотя за ней последуют другие.

Мэсси крутил правой ладонью, описывая круги.

— Продолжайте. Выкладывайте все как есть.

— За пять миллионов они откажутся от иска. Я проведу все через собственный офис. Это будет конфиденциальное мировое соглашение без каких бы то ни было подробностей.

— Пять миллионов? За что? За прием лекарства, которое не причиняет вреда?

— Нет. Пять миллионов за лечение большой головной боли, — ответил Коун. — Он был сенатором почти тридцать лет, и честным сенатором, так что его наследство не очень значительно. Семья не откажется от небольшой суммы.

— Любые новости о мировом соглашении обрушат на нас лавину гнева ребят по коллективным искам, — произ-

нес Николас Уокер. — Вы не сможете сделать это тихо. Слишком много репортеров следят за нами.

— Я умею манипулировать прессой, Ник. Мы пожмем друг другу руки в знак подтверждения сделки сейчас, подпишем документы за закрытыми дверями и выждем. Семья Максвелла и их адвокат не будут давать комментариев, но я обеспечу «утечку» информации о том, что семья решила не подавать иск. Послушайте, ведь нет закона, даже в нашей стране, по которому они обязаны с вами судиться. Люди периодически отказываются от исков по самым разным причинам. Мы заключим сделку, подпишем документы, пообещаем выплатить деньги через два года плюс процент. Я смогу это продать.

Мэсси встал, потянулся, подошел к высокому окну и вперил взгляд в туман и мглу, окутывавшую лес. Не поворачиваясь, он спросил:

— Каково твое мнение, Ник?

— Что ж, разумеется, было бы здорово избавиться от дела Максвелла. Лейтон прав. Его друзья в сенате быстро о нем забудут, если ситуация не получит развития в виде иска. Сумма в пять миллионов представляется весьма выгодным предложением при таком раскладе.

— Джуди?

— Нам стоит согласиться, — без колебаний произнесла она. — Наш главный приоритет — вернуть препарат на рынок. Если семья Максвелла охотно ускорит этот процесс, то я скажу, что нам нужно использовать эту возможность.

Мэсси вернулся на свое место, шелкнул костяшками пальцев, потер лицо и отхлебнул кофе, явно погруженный в свои мысли. Однако решительности ему хватало с избытком.

— Ладно, Лейтон. Заключим сделку. Избавьтесь от Максвелла. Но если это мировое соглашение лопнет у нас на

глазах, я тотчас же расторгну наш контракт. Недовольный вами и вашей фирмой, сейчас я ишу повод найти нового человека.

— В этом нет необходимости, Ройбен. Я заставлю Максвелла исчезнуть.

— Отлично. Долго ли нам придется ждать, пока крейокс вернется на рынок? Насколько долго и дорого ли обойдется такое ожидание?

Коун осторожно почесал лоб и вытер со лба испарину.

— Я не могу ответить на этот вопрос, Ройбен. Нам нужно двигаться поэтапно и настроиться на ожидание. Я положу Максвелла на ковер, а потом мы встретимся снова.

— Когда?

— Быть может, дней через тридцать?

— Отлично. За тридцать дней мы потеряем доход в пятьсот сорок миллионов.

— Я уже подсчитал, Ройбен.

— Не сомневаюсь.

— Я понимаю это, Ройбен, ясно?

Глаза Мэсси сверкали, он вертел правым пальцем, указывая на лоббиста:

— Послушайте меня, Лейтон. Если это лекарство не вернется на рынок в ближайшем будущем, я приеду в Вашингтон и уволю вас и вашу фирму, потом найму новую команду специалистов по государственным делам для защиты своей компании. Я могу добиться встречи с вице-президентом и спикером палаты представителей. Я могу выпить с десятками сенаторов и даже больше. Я возьму свою чековую книжку и грузовик наличных и, если придется, привезу целую машину со шлюхами в Управление по контролю за продуктами питания и лекарственными средствами и спущу их с цепи.

Коун изобразил фальшивую улыбку, как будто услышал что-то смешное.

— В этом нет необходимости, Ройбен. Просто дайте мне немного времени.

— У нас никакого времени нет.

— Самый быстрый способ вернуть крейокс на рынок — это доказать, что он безвреден для здоровья, — спокойно произнес Коун, надеясь повернуть разговор в другое русло и оставить наконец тему его возможного увольнения. — Идеи есть?

— Мы над этим работаем, — сказал Николас Уокер.

Мэсси снова встал и повернулся к своему любимому окну.

— Встреча закончена, Лейтон, — бросил он и даже не повернулся, чтобы попрощаться.

Как только Коун уехал, Ройбен расслабился и подумал, что не такое уж плохое у него выдалось утро. Ничто так не поднимает настроение сурового генерального директора, как человеческое жертвоприношение. Пока Ник Уокер и Джуди Бек проверяли электронную почту на своих смартфонах, Ройбен терпеливо ждал. Когда они снова обратили на него внимание, он сказал:

— Полагаю, пора обсудить нашу стратегию по мировому соглашению. Что у нас со сроками?

— Чикагский процесс идет полным ходом, — ответил Уокер. — Пока дата начала разбирательства не назначена, но скоро мы ее узнаем. Надин Керрос следит за календарем судьи Сирайта, она заметила, что в нем есть прекрасное «окно» в октябре. Если нам немного повезет, процесс может быть назначен на это время.

— В таком случае пройдет меньше года с момента подачи иска.

— Да, но мы ведь ничего не делали, чтобы замедлить ход. Надин усиленно защищается, подает все ходатайства, реальных проблем нет. Ходатайств об отклонении иска не

было. Планов на суммарное судопроизводство — тоже. Раскрытие документов идет как по маслу. Сирайт, похоже, заинтересовался делом и жаждет суда.

— Сегодня — 3 июня. Они продолжают подавать иски. Если мы заговорим о мировом соглашении сейчас, то сможем растянуть это до октября?

— Легко, — ответила Джуди Бек. — На выплату компенсаций и заключение мировых соглашений по фетероллу ушло три года, а тогда мы получили полмиллиона претензий. На золозин потребовалось еще больше времени. Коллегия адвокатов по коллективным гражданским искам думает лишь об одном — о пяти миллиардах, которые мы списали в расход за прошлый квартал. Они мечтают о том, что именно такая сумма на них и свалится.

— Это будет очередное безумие, — вставил Ник.

— Так давайте начнем воплощать его, — сказал Мэсси.

ГЛАВА 26

Уолли сидел в суде по разводам на шестнадцатом этаже в центре Ричарда Дейли в центре города. С утра к слушанию было назначено дело «Стрейт против Стрейта» — один из десятков или больше жалких незначительных разводов, призванных навеки (как хотелось бы верить) разлучить двух людей, которым вообще не стоило жениться. Чтобы разрешить эту сложную ситуацию, они наняли Уолли, заплатили ему 750 долларов — полный гонорар за развод без возражений со стороны ответчика — и теперь, по прошествии шести месяцев, предстали перед судом по разные стороны коридора, надеясь, что вскоре вызовут их. Уолли тоже ждал, ждал и наблюдал, как покрытые шрамами воюющие супруги смиренно тянутся к скамье, кланяются судье, говорят

по указанию своих адвокатов, стараются не смотреть друг другу в глаза и уходят через пару минут, вновь обретая статус холостяков или незамужних дам.

Уолли сидел среди других юристов, тоже пребывающих в нетерпеливом ожидании. Он знал почти половину из них. Другую половину он никогда раньше не видел. В городе, где трудились больше двадцати тысяч юристов, лица постоянно менялись. Какие-то крысиные бега. Какая-то все перемалывающая мельница.

Одна жена рыдала перед судьей. Она не хотела разводиться. Зато хотел муж.

Уолли дожидаться не мог, когда эти сцены канут в Лету. В один прекрасный день, который наступит очень скоро, он будет сидеть в шикарном офисе близ центра города, вдали от потной суеты уличных юристов, за широким мраморным столом, а две фигуристые секретарши — отвечать на его телефонные звонки и приносить ему документы, а помощник юриста или даже два — делать за него всю грязную работу. Больше никаких разводов, никаких вождений в нетрезвом виде, завещаний, дешевых объектов недвижимости, ни одного клиента, который не в состоянии заплатить. Он сам будет придирчиво отбирать дела об ущербе для здоровья и зарабатывать на них огромные деньги.

Другие юристы осторожно поглядывали на него. Он знал об этом. Они время от времени упоминали о крейоксе. С любопытством, с завистью, некоторые — с надеждой, что Уолли удастся сорвать куш, — ведь это придало бы им веры в себя. Другие жаждали увидеть, как он потерпит поражение, потому что это докажет: нудная работа и есть их предназначение. Ничего больше.

У него в кармане завибрировал мобильный. Уолли вытащил его, увидел имя звонящего, пулей сорвался с места и вылетел из зала суда. Оказавшись за закрытыми дверями, он ответил:

— Джерри, я в суде. Что случилось?

— Большие новости, брат Уолли, — пропел Алисандрос. — Вчера я играл в гольф на восемнадцать лунок с Николасом Уокером. Вам это ни о чем не говорит?

— Ну да, но я не уверен. С кем?

— Мы играли на моем поле. У меня было семьдесят восемь попаданий. Бедный Ник отстал на двадцать. Боюсь, не особо хороший из него гольфист. Он главный корпоративный юрист «Веррик лабз». Я знаю его уже много лет. Полный осел, но весьма уважаемый человек.

Возникшую паузу должен был заполнить Уолли, но на ум ему ничего не приходило.

— Ну и что, Джерри, вы ведь позвонили не для того, чтобы рассказать о вашей игре в гольф?

— Разумеется, нет, Уолли. Я звоню, чтобы сообщить вам: «Веррик» открыта к диалогу по заключению мирового соглашения. Имейте в виду, что пока это не фактические переговоры, но они уже готовы разговаривать. Обычно так и происходит. Они приоткрывают дверь, мы просовываем внутрь ногу. Они танцуют чечетку, мы танцуем чечетку. И не успеем мы оглянуться, как зайдет речь о деньгах. О больших деньгах. Вы следите за ходом моих мыслей, Уолли?

— О да.

— Я так и думал. Послушайте, Уолли, нам предстоит пройти еще долгий путь, пока ваши дела окажутся в том положении, чтобы по ним можно было получить компенсацию. Приступим к работе. Я организую обследование у докторов — это самая важная часть. Вам необходимо еще активнее искать новые дела. Вероятно, по смертельным случаям компенсация будет выплачиваться в первую очередь. Сколько их у вас сейчас?

— Восемь.

— Это все? Я думал, больше.

— Их восемь, Джерри. И одно уже включили в список к ускоренному слушанию? По Клопеку.

— Точно, точно. Под предводительством этой горячей цыпочки со стороны защиты. Откровенно говоря, я готов сидеть в суде весь день, разглядывая ее ноги.

— Пусть даже и так.

— Пусть даже и так, но нам стоит приступить к активным действиям. Я позвоню сегодня днем, чтобы обсудить план игры. У нас много работы, Уолли, но мы в игре.

Уолли вернулся в зал суда и опять начал ждать. Он повторял: «Мы в игре. Мы в игре». Все завертелось. Веселье осталось позади. Он слышал это всю жизнь, но что это значило в контексте масштабного судебного разбирательства? Действительно ли «Веррик» так быстро замахала белым флагом и решила сдаться, как только понесла серьезные убытки? Уолли полагал, что да.

Он оглядел изможденных, побитых жизнью юристов вокруг себя. Заурядные личности, которые, как и он сам, тратили время на то, чтобы выколотить скудные гонорары из работяг, не имевших лишних денег. «Бедные вы ублюдки», — подумал он.

Ему не терпелось рассказать обо всем Диане, но сначала нужно было поговорить с Оскаром. Только не в «Финли энд Фигг», где ни один разговор не удавалось сохранить в тайне.

Они встретились за обедом два часа спустя в кафе, специализировавшемся на спагетти, неподалеку от офиса. У Оскара выдалось трудное утро: он пытался примирить шесть взрослых детей, которые ссорились из-за наследства умершей матери, не представлявшего, по сути, никакой ценности. Ему хотелось выпить, и он заказал бутылку недорогого вина. Уолли после 241 дня трезвости легко ограничился водой. За салатами «Капрезе» Уолли быстро поведаль

партнеру о разговоре с Джерри Алисандросом, завершив рассказ эффектной фразой:

— Момент настал, Оскар. Это все-таки произойдет.

Настроение Оскара менялось, по мере того как он слушал и заливал в себя первый бокал. Он изобразил улыбку, и Уолли почти увидел, как испаряется его скепсис. Оскар достал ручку, оттолкнул салат и начал что-то писать.

— Давай снова все посчитаем, Уолли. Каждое дело со смертельным исходом действительно стоит два миллиона?

Уолли осмотрелся, желая убедиться, что никто не подслушивает их. На горизонте никого не было.

— Я провел массу исследований, ясно? Я просмотрел десятки мировых соглашений по коллективным гражданским искам, связанным с лекарствами. Пока мы слишком многого не знаем, чтобы рассчитать, сколько будет стоить каждое дело. Нужно определить спектр ответственности, причину смерти, разобраться в истории болезни, установить возраст погибшего, доходный потенциал и прочую ерунду. Потом необходимо узнать, сколько «Веррик» готова бросить в общий котел на каждого. Но думаю, не меньше миллиона долларов. У нас восемь дел. Гонорар составляет сорок процентов. Половина достанется Джерри, плюс кругленькая сумма за его участие в комитете, таким образом, чистая прибыль нашей фирмы составит что-то вроде полутора миллионов долларов.

Оскар яростно писал, хотя слышал эти цифры уже сотню раз.

— Это смертельные случаи. За каждый из них должны заплатить больше миллиона, — заявил он, как будто провел уже десятки таких крупных дел.

— А может, и два, — заметил Уолли. — И потом, у нас есть еще случаи с несмертельным исходом, а их на сегодняшний день четыреста семь. Предположим, после обследо-

дования у врача останется только половина. Основываясь на примерно таких же делах по коллективным гражданским искам, связанным с лекарствами, я думаю, что сто тысяч долларов — вполне разумная сумма для клиента, сердце которого пострадало незначительно. Это двадцать миллионов, Оскар. Наша доля — что-то в районе трех с половиной миллионов.

Оскар что-то написал, потом остановился и, сделав большой глоток вина, проговорил:

— Так, значит, пора потолковать о том, как мы будем это делить? Ведь к этому все идет?

— Да, разделение прибыли — один из животрепещущих вопросов.

— Ладно, как насчет того, чтобы поделить все пятьдесят на пятьдесят? — Все ссоры по поводу дележа гонораров начинались с предложения о равных долях.

Уолли положил в рот кусок помидора и начал его жевать.

— В «пятьдесят на пятьдесят» меня не устраивает то, что это я обнаружил крейокс, подогнал дела и пока что выполнял девяносто процентов работы. У меня на столе восемь дел со смертельным исходом. У Дэвида наверху еще четыреста. Ты же, если не ошибаюсь, вообще не занимался делами по крейоксу.

— Ты же не требуешь девяносто процентов, или как?

— Разумеется, нет. Я предлагаю поступить так: у нас еще масса работы. Каждое дело должен оценить врач: провести обследование и так далее. Давайте отложим все остальное — и ты, и Дэвид, и я — и приступим к работе. Мы подготовим эти дела, продолжая одновременно искать новые. Как только появятся новости о заключении мирового соглашения, все юристы страны как сумасшедшие возьмутся за крейокс, так что нам следует поторопиться. Как только придут деньги, я предлагаю разделить их следую-

щим образом: шестьдесят, тридцать и десять процентов; думаю, это справедливо.

Оскар уже заказал лазанью от шеф-повара, а Уолли — ravioli с начинкой. Когда официант ушел, Оскар осведомился:

— Твой гонорар будет вдвое больше моего? Раньше такого не случалось, мне это не нравится.

— А что тебе нравится?

— Пятьдесят на пятьдесят.

— А Дэвид? Мы пообещали с ним поделиться, когда он согласился взять на себя несмертельные дела.

— Ладно, пятьдесят — тебе, сорок — мне, десять — Дэвиду. Рошель получит премию, но кусок пирога ей не достанется.

В преддверии получения таких денег было легко оперировать цифрами, а еще легче — договориться. Раньше они шумно ссорились даже из-за пятитысячных гонораров, но не теперь. Предвкушение больших денег смягчило обоих и лишило всякого желания препираться. Уолли потянулся через стол, и Оскар поступил так же. Они быстро пожали друг другу руки и приступили к закускам.

Поев немного, Уолли поинтересовался:

— Как жена?

Оскар нахмурился, поморщился и отвернулся. Тема Полы Финли всегда была под запретом, потому что все в фирме терпеть ее не могли, включая Оскара.

Уолли не отступал.

— Ты же знаешь, Оскар, время пришло. Если собираешься от нее избавиться, сделай это сейчас.

— Будешь учить, как разобратся в моей семейной жизни?

— Да, потому что ты знаешь: я прав.

— Полагаю, ты об этом размышляешь уже некоторое время.

— Размышляю, потому что ты сам об этом не задумываешься. И потому что ты никогда не верил в эти дела, вероятно, до сегодняшнего дня.

Оскар налил еще вина и сказал:

— Тогда выкладывай.

Уолли придвинулся еще ближе к столу, как будто они собирались обменяться секретной информацией по ядерному вооружению.

— Подай на развод прямо сейчас. Немедленно. Это не сильно тебя обременит. Я проходил через это уже четыре раза. Уезжай из дома, сними квартиру, порви с ней все отношения. Я буду вести дело с твоей стороны, а она может нанять кого угодно. Мы составим контракт задним числом и присвоим ему дату шестимесячной давности. В нем будет говориться, что я получу восемьдесят процентов от компенсации по крейоксу, если таковую выплатят, а вы с Дэвидом разделите пополам двадцать процентов. Тебе придется показать хоть какой-то доход с крейокса, иначе ее адвокат будет рвать и метать. Но основная часть денег останется в резервном фонде, до тех пор пока не пройдет год или около того и бракоразводный процесс не завершится полностью. Тогда на каком-то этапе мы с тобой решим этот вопрос.

— Это же незаконный перевод активов.

— Знаю. И обожаю это. Я проворачивал такое уже тысячу раз, только не в таких масштабах. Подозреваю, и ты тоже. Весьма хитроумно, тебе не кажется?

— Если нас поймают на этом, то мы оба отправимся в тюрьму за неуважение к суду, даже без слушания.

— Нас не поймают. Она ведь думает, что крейокс — только мое дело, верно?

— Точно.

— Значит, сработает. Это наша юридическая фирма, и мы сами устанавливаем правила разделения денег. Это производится только по нашему усмотрению.

— Ее юристы вряд ли окажутся настолько глупы, Уолли. Они узнают об огромных компенсациях по крейоксу, как только их выплатят.

— Да ладно, Оскар, мы же не все время гребем деньги лопатой. За последние десять лет, полагаю, твой средний заработок до налогообложения составлял около семидесяти пяти тысяч?

Оскар пожал плечами.

— Как и твой. Жалкая сумма, не правда ли? Тридцать лет на мели.

— Суть не в этом, Оскар. Суть в том, что при разводе они будут учитывать твой заработок в прошлом.

— Знаю.

— Если деньги по крейоксу достанутся мне, мы сможем утверждать с предъявлением доказательств, что твой доход не изменился.

— Что ты сделаешь с деньгами?

— Похороню их в офшоре, пока развод не закончится. Черт возьми, Оскар, мы могли бы и оставить их в офшоре, наведываться на Каймановы острова раз в год проверять их. Поверь, никто ничего не узнает. Но тебе нужно подать на развод сейчас и выехать из дома.

— Почему ты так настаиваешь на моем разводе?

— Потому что ненавижу эту женщину. Потому что ты мечтал о разводе со времен медового месяца. Потому что ты заслуживаешь счастья и, если выгонишь эту суку и спрячешь деньги, твоя жизнь резко изменится к лучшему. Подумай, Оскар, каково быть холостым в шестьдесят два года с кучей наличных в банке.

Оскар не сдержал улыбку. Он осушил третий бокал. Немного поел. Очевидно, его беспокоила какая-то мысль, и наконец-то он решился спросить:

— Как мне сказать об этом ей?

Уолли коснулся салфеткой уголков губ, выпрямился и заговорил с авторитетным видом:

— Что ж, существует множество способов сделать это, и я испробовал их все. Вы когда-нибудь говорили о расставании?

— Не припоминаю.

— Полагаю, легко устроить крупную ссору.

— О, очень легко. Она вечно чем-то недовольна, как правило, деньгами, и мы ссоримся почти каждый день.

— Так я и думал. Сделай это следующим образом, Оскар. Придешь сегодня домой и сбросишь на нее бомбу. Скажешь, что ты несчастлив и пора с этим покончить. Коротко и ясно. Никаких ссор, никаких стычек, никаких переговоров. Скажи, что она может забрать дом, машину, мебель и все остальное, если согласится на развод без обвинений.

— А если не согласится?

— Все равно уходи. Можешь остаться у меня, пока мы не найдем тебе квартиру. Увидев, как ты шагнул за порог, она разозлится и начнет строить планы, тем более что это не кто-нибудь, а Пола. Ей не нужно много времени, чтобы взорваться. Дай ей сорок восемь часов, и она раздуется как кобра.

— Она и так кобра.

— И уже много лет. Мы подадим документы, она получит повестку в суд и тогда разъярится. К концу недели наймет адвоката.

— Наверное, я давал такие рекомендации раньше, но никогда не думал о том, что в один прекрасный день придется выполнять их самому.

— Оскар, иногда для того, чтобы уйти, нужно мужество. Сделай это сейчас, пока еще можешь получать удовольствие от жизни.

Оскар вылил в бокал остатки вина из бутылки и заулыбался. Уолли не помнил, когда в последний раз видел своего старшего партнера таким довольным.

— Ты сможешь это сделать, Оскар?

— Да. На самом деле, я пойду домой пораньше, начну собирать вещи и покончу с этим.

— Великолечно! Отметим это сегодня за ужином. В фирме.

— Договорились, но этой девицы сегодня не будет, верно?

— Я займу ее чем-нибудь.

Оскар выпил вино залпом, как текилу.

— Черт возьми, Уолли, я сто лет так не волновался!

ГЛАВА 27

Было непросто убедить семью Хаингов, что они искренне хотят помочь, но после многократных ужинов из бигмаков с ними установились весьма доверительные отношения. Каждую среду, предварительно поужинав более здоровой пищей, Дэвид и Хелен заезжали в один и тот же «Макдоналдс», заказывали те же самые гамбургеры и картофель фри и ехали в комплекс квартир у Роджерс-парка навестить семью своих подопечных. Зоу, бабушка, и Лю, дедушка, тоже присоединялись к ним, потому что им нравился фаст-фуд. Все остальные дни недели они жили на диете, главным образом, из риса и курятины, но по средам Хаинги питались, как настоящие американцы.

Хелен, находившаяся на седьмом месяце беременности и следившая за собой каждый день, сначала сомневалась в необходимости этих еженедельных визитов. Если в воздухе содержался свинец, ей следовало подумать о еще

не родившемся ребенке. Поэтому Дэвид проверил все. Он осаждал доктора Биффа Сандрони до тех пор, пока тот не сократил свой гонорар с двадцати до пяти тысяч, при том что Дэвид взял на себя всю работу, связанную с разъездами. Дэвид сам ходил по квартире и собирал образцы краски со стен, воды, керамических покрытий, чашек и блюдец, тарелок, мисок для приготовления пищи, семейных фотоальбомов, игрушек, обуви, одежды, практически всего и вся, с чем вступали в контакт члены семьи. Он отвез эту коллекцию в лабораторию Сандрони в Акроне, оставил и, забрав через две недели, вернул семье. Судя по отчету Сандрони, в образцах обнаружили лишь следы свинца, так что семье было не о чем беспокоиться. Хелен и малыш могли спокойно приезжать домой к Хаингам.

Туйя отравился «страшными клыками», и доктор Сандрони был готов подтвердить это под присягой в любом суде страны. Дэвид держал в руках многообещающий иск, оставалось только найти ответчика. Они с Сандрони составили короткий список из четырех китайских компаний, которые, как им было известно, делали подобные игрушки для американских импортеров, но пока не могли определить производителя. И если верить Сандрони, весьма высока была вероятность того, что они никогда его не найдут. Набор «страшных клыков» могли произвести двадцать лет назад и еще десять хранить на складе, прежде чем отправить в США, где они еще лет пять спокойно пролежали на полке какой-нибудь розничной сети. Возможно, производитель и импортер до сих пор остаются в бизнесе или же давным-давно разорились. На китайцев постоянно давили американские сторожевые псы, следящие за уровнем свинца в самых разных продуктах, и часто не удавалось отследить, кто что произвел в этом лабиринте дешевых фабрик, разбросанных по стране. Доктор Сандрони распола-

гал бесконечным списком источников, участвовал в сотнях исков, но после четырех месяцев поисков остался с пустыми руками. Дэвид и Хелен, обойдя каждый блошинный рынок и магазин игрушек в центре Чикаго, собрали потрясающую коллекцию фальшивых зубов и вампирских клыков, но не обнаружили ничего похожего на «страшные клыки». Их поиски не были завершены, но пыл несколько охладел.

Туйя уже находился дома, он выжил, но серьезно пострадал. Его мозг был сильно травмирован. Он не мог ходить без посторонней помощи, внятно разговаривать, самостоятельно принимать пищу и контролировать физиологические потребности. Круг его зрения был ограничен, и он едва реагировал на общие просьбы. Если кто-то спрашивал, как его зовут, мальчик открывал рот и издавал звук, похожий на «Тей». Он проводил большую часть времени в специальной кровати с поручнями, и поддержание ее в чистом виде было непростой задачей. Ежедневный уход за мальчиком требовал огромных сил, в нем участвовали все члены семьи и многие соседи. О будущем не задумывались. На улучшение состояния надеяться не приходилось, если верить весьма тактичным замечаниям докторов. В неофициальном разговоре в отсутствие членов семьи они по секрету сообщили Дэвиду, что организм и ум Туйи не будут развиваться нормально и больше ничего нельзя сделать. К тому же нет места, куда его можно было бы поместить, заведения для детей с поврежденным мозгом.

Туйю кормили с ложечки специальной пищей, состоявшей из тщательно перемолотых овощей и фруктов, обогащенных необходимыми питательными веществами. Он носил специальные подгузники для таких детей. Пища, подгузники и лекарства обходились в шестьсот долларов в месяц, из которых половину давали Дэвид и Хелен. У Хайнгов не было медицинской страховки и если бы не бла-

городство врачей детской больницы «Лейкшор», мальчик не получил бы такого высококачественного обслуживания и, вероятно, умер бы. Короче говоря, Туйя стал почти непосильной обузой.

Сои и Луин настаивали, чтобы за ужином он садился за стол. У мальчика был специальный стул, также подаренный больницей, и, когда его правильно пристегивали и усаживали, он выпрямлялся и ждал еды. Пока вся семья поглощала гамбургеры с картофелем фри, Хелен осторожно кормила Туйю с детской ложечки, говоря, что ей нужна практика. Дэвид сидел по другую сторону стола с бумажным полотенцем и болтал с Сои о работе и жизни в Америке. Сестрам Туйи, называвшим себя на американский манер, Линн и Эрин, было восемь и шесть соответственно. Они в основном молчали за ужином, но было ясно, что они в восторге от фаст-фуда. Если они все-таки высказывались, то говорили на великолепном английском без акцента. По словам Луин, в школе они учились только на «отлично».

То ли родителей Туйи угнетали мысли о туманном будущем, то ли в доме отчаявшихся мигрантов всегда царило унылое настроение, но ужины всегда проходили в мрачной и напряженной атмосфере. Периодически родители, дед с бабушкой и сестры бросали такие взгляды на Туйю, как будто сейчас они разразятся слезами. Они помнили шумного подвижного маленького мальчика, который улыбался и много смеялся, и пытались смириться с правдой и с тем, что прежний Туйя никогда не вернется. Сои винил себя за то, что купил «страшные клыки». Луин — за то, что не была внимательнее. Линн и Эрин — за то, что поощряли игры Туйи со «страшными клыками», когда он пугал их. Даже Зоу и Лю винили себя; они должны были что-то сделать, но не знали что.

После ужина Дэвид и Хелен выводили Туйю из квартиры, сопровождали по тротуару, а потом, под пристальными взглядами всей семьи, сажали на заднее сиденье своей машины и уезжали. На всякий случай они брали с собой небольшой пакет с подгузниками и принадлежности для мытья.

Двадцать минут они ехали до берега озера и парковались у военно-морского пирса. Дэвид брал мальчика за левую руку, Хелен — за правую, и они шли так медленно и с таким трудом, что на них было больно смотреть. Туйя передвигался, как десятимесячный ребенок, который учится ходить, только никто не спешил и не давал ему упасть. Они брели по променаду, минуя разные корабли. Если Туйе хотелось остановиться и осмотреть сорокафутовый кеч*, они останавливались. Если его внимание привлекало большое рыбацкое судно, они останавливались и говорили о нем. Дэвид и Хелен болтали без умолку, как два гордых родителя с годовалым ребенком. Туйя обрушивал на них поток невнятных звуков, и они делали вид, что понимают его. Когда мальчик уставал, они побуждали его идти дальше. Как сказал специалист по реабилитации в больнице, это имело огромное значение. Его мышцы не должны были ослабнуть.

Они возили его в парки, на карнавалы, в торговые центры, на бейсбольные матчи и уличные праздники. Вечерние экскурсии по средам были важны для Туйи и давали семье единственную возможность отдохнуть за неделю. Через два часа Дэвид и Хелен возвращались.

Там их ждали и новые лица. За прошедшие месяцы Дэвид помог нескольким бирманцам, жившим в комплексе. Это были обычные иммиграционные дела, и он быстро освоил новую правовую специальность. Назревал даже один развод, но супруги помирились. Дэвид занимался одним

* Тип двухмачтового парусного судна.

иском по поводу приобретения подержанной машины. Его репутация в среде бирманских иммигрантов укреплялась, и он не знал, хорошо ли это, ибо нуждался в клиентах, готовых платить.

Они вышли наружу и прислонились к машине. Сои объяснил, что трое мужчин работали на подрядчика, занимаясь дренажными работами. Зная, что они нелегалы, подрядчик платил им меньше двухсот долларов в неделю наличными. Они работали по восемьдесят часов в неделю. За последние три недели начальство не заплатило им ни цента, усугубив ситуацию еще больше. Они плохо говорили по-английски, и Дэвид, не веря своим ушам, попросил Сои рассказать всю историю с самого начала еще раз. Вторая версия ничем не отличалась от предыдущей. Двести долларов в неделю, непосредственная оплата сверхурочных работ и никаких фактических выплат за три недели. И такие люди не были исключением. На работодателей жаловались и другие бирманцы и многие из Мексики. Все нелегалы, работая не покладая рук, в итоге оставались с носом.

Дэвид все записал и пообещал разобраться в ситуации.

По пути домой он поделился с Хелен.

— А имеет ли право нелегальный работник подать в суд на нечестную компанию?

— Это вопрос. Я выясню это завтра.

После обеда Оскар не вернулся в офис. Это было бы бесполезно. Его занимало слишком много мыслей, чтобы терять время на суету за рабочим столом. Он был основательно под мухой и хотел протрезветь. Залив бак на бензоколонке, Оскар купил большой стакан черного кофе, направился на юг по трассе Ай-57 и вскоре помчался по фермерским землям, оставив Чикаго позади.

Сколько раз он советовал клиентам подать на развод? Тысячи! Это было так легко при их обстоятельствах.

— Послушайте, бывает, что в браке наступает период, когда одному из супругов нужно бежать. Для вас это время пришло.

Оскар чувствовал себя мудрецом и был весьма доволен собой, давая такие советы. Теперь он чувствовал себя обманщиком. Как мог человек давать такие рекомендации, если не прошел через это сам?

Они с Полой провели вместе тридцать несчастливых лет. Их единственная двадцатишестилетняя дочь Кили развелась с мужем и все больше походила на мать. Развод Кили переживала до сих пор, главным образом потому, что ей нравилось упиваться своими страданиями. Работа Кили приносила маленький доход, множество эмоциональных проблем требовали приема медикаментов, а лечилась она непрерывным шопингом в обществе матери и за счет Оскара.

— Меня тошнит от них обеих, — громко и вызывающе произнес Оскар, минуя знак на границе Канкаки. — Мне шестьдесят два года, у меня хорошее здоровье, я могу прожить еще года двадцать три и имею право бороться за счастье. Верно?

Конечно, он имел право.

Но как преподнести ей новость? Вот в чем вопрос. Что он скажет, прежде чем сбросить на нее эту бомбу? Оскар подумал о старых клиентах и разводах, которые вел все эти годы. В самых крайних случаях бомба падала, когда жена заставляла мужа в постели с другой. Оскар вспомнил о трех, а возможно, и четырех, случаях, когда это случалось. Отличный способ сообщить новость. «Наш брак развалился, дорогая, я встретил другую». Однажды он занимался разводом людей, которые никогда не ссорились, не говорили о расставании и, отметив тридцатую годовщину свадьбы,

купили дом на озере, где собирались жить после выхода на пенсию. Как-то раз муж вернулся домой из командировки и обнаружил, что дом совершенно пуст. Вся одежда жены и половина мебели исчезли. Она выехала, заявив, что никогда не любила его. Вскоре она вновь вышла замуж, а он покончил с собой.

С Полой всегда было легко затеять перепалку: эта женщина любила спорить и скандалить. Вероятно, ему следовало выпить больше, явиться домой пьяным, спровоцировать ругань по поводу его пьянства, возмутиться ее постоянным шопингом и продолжать лить масло в огонь, пока они оба не раскричатся. Потом он мог бы поспешно собрать вещи и вылететь вон.

Оскару никогда не хватало смелости уйти. Ему следовало сделать это уже десяток раз, но он всегда крался по коридору, шел в гостевую спальню, запирали дверь и спал один.

Приближаясь к Шампейну, он разработал план. Зачем исхитряться и затевать ссору, если можно во всем обвинить ее? Он хочет уйти, значит, надо повести себя как мужчина и признать это.

— Я несчастен, Пола, несчастен уже много лет. Не сомневаюсь, что ты тоже несчастна. Иначе ты не ругалась бы, и мы не ссорились бы все это время. Я уйду. Можешь забрать дом и все, что в нем есть. Я возьму только свою одежду. До свидания. — Он повернул и направился на север.

В сущности, все оказалось довольно просто, Пола вполне терпимо приняла новость. Она немного поплакала, несколько раз обозвала Оскара, но, увидев, что он держится стойко, заперлась на цокольном этаже и отказалась выходить. Он же, загрузив в машину одежду и пару личных вещей, умчался. Оскар улыбался и испытывал облегчение, чувствуя

себя все более счастливым, по мере того как удалялся от дома.

В шестьдесят два года он впервые за целую вечность ощутил себя свободным. К тому же он скоро разбогатеет, если верить Уолли, а сейчас он был склонен к этому. На самом деле, он почти безоговорочно верил в своего младшего партнера.

Оскар точно не знал, куда направляется, но не собирался заезжать к Уолли и ночевать у него. Он и так насмотрелся на этого парня в офисе, к тому же его девица наверняка явилась бы тоже, а Оскар не выносил ее. Поездив час по окрестностям, он зарегистрировался в отеле близ аэропорта О'Хэйр, придвинул стул к окну и начал наблюдать, как взлетают и садятся самолеты в отдалении. Скоро он тоже будет летать туда-сюда, на острова, в Париж, в Новую Зеландию с какой-нибудь милой дамой.

Оскар уже почувствовал себя на двадцать лет моложе. Он собирался много путешествовать.

ГЛАВА 28

Следующим утром в 7.30 Рошель приехала в хорошем настроении, надеясь с удовольствием поесть йогурт и почитать газету в одиночестве, нарушаемом только Эй-Си, но он уже с кем-то играл. Мистер Финли пришел и выглядел весьма бодро. Рошель не помнила, когда в последний раз он появлялся в офисе раньше ее.

— Доброе утро, миз Гибсон, — сердечно сказал он, и его грубое морщинистое лицо выразило радость.

— Что вы здесь делаете? — удивилась она.

— Так получилось, что это здание принадлежит мне, — пояснил Оскар.

— Чем это вы так довольны? — спросила Рошель, опустив сумку на стол.

— Тем, что вчерашнюю ночь я провел в отеле один.

— Возможно, вам следует делать это чаще.

— Не хотите узнать почему?

— Хочу, конечно. Почему же?

— Потому что вчера вечером я ушел от Полы, миз Гибсон. Собрал вещи, попрощался, ушел и не собираюсь возвращаться.

— Слава Богу! — воскликнула она, раскрыв глаза от изумления. — Вы не...

— Я сделал это. После тридцати ужасных лет я стал свободным человеком. Вот почему я так счастлив, миз Гибсон.

— Рада за вас. Поздравляю.

За восемь с половиной лет, проведенных в «Финли энд Фигг», Рошель ни разу не встречалась с Полой Финли, и ее это вполне устраивало. По словам Уолли, Пола отказывалась переступать порог этого здания, потому что считала это ниже своего достоинства. Она охотно рассказывала всем и каждому, что ее муж — юрист, а это предполагало, что он имеет деньги и власть, но втайне испытывала унижение из-за низкого статуса его фирмы. Пола транжирила каждый заработанный им цент, и если бы не загадочные деньги, доставшиеся ей от собственной семьи, они давно разорились бы. По крайней мере три раза она требовала, чтобы Оскар уволил Рошель, и он дважды пытался это сделать. Дважды он сбегал к себе кабинет, запирали дверь и зализывал раны. Как-то днем миз Финли позвонила и пожелала поговорить с мужем. Рошель вежливо сообщила ей, что у него клиент.

— Меня это не волнует, — заявила та. — Соедините меня.

Рошель снова отказала Поле и перевела ее в режим ожидания. Когда Рошель снова взяла трубку, Пола осыпала ее

такими проклятиями, как будто находилась на грани нервного срыва, и пригрозила, что придет в офис сама и во всем разберется. На что Рошель ответила:

— Пожалуйста, как вам угодно. Но имейте в виду: я живу в муниципальном доме, и меня не так-то легко запугать.

Пола Финли так и не появилась, зато обругала супруга.

Рошель шагнула вперед и крепко обняла Оскара. Никто из них не помнил, когда они в последний раз прикасались друг к другу по какой бы то ни было причине.

— Вы станете новым человеком, — сказала она. — Поздравляю.

— У нас должен быть просто развод, — пояснил он.

— Вы ведь не наняли Фигга, правда?

— На самом деле нанял. Он дешево обходится. Я видел его рекламу на карточке для игры в бинго. — Они рассмеялись, потом начали болтать, сев за стол.

Через час, на третьей встрече сотрудников фирмы, Оскар повторил новость для Дэвида, которого несколько смутил энтузиазм, с которым известие было принято. Никакого удивления. Было очевидно, что Пола Финли имела множество врагов. Мысль о расставании с ней приводила Оскара в эйфорию.

Уолли вкратце изложил суть разговора с Джерри Алисандром и представил все так, как будто чеки на крупную сумму уже пришли им по почте. Пока он разглагольствовал, Дэвид вдруг понял, в чем причина поспешного развода. Избавиться от жены сейчас, и побыстрее, до того как появятся большие деньги. Каков бы ни был их план, Дэвиду казалось, что дело пахнет неприятностями. Соккрытие активов, перенаправление средств, регистрация подложных банковских счетов — он почти слышал разговоры двух партнеров. Аварийная сигнализация сработала. Дэвид еще проявит любопытство и бдительность.

Уолли призвал всех активнее взяться за дело, привести документы в порядок, найти новые дела, отложить все остальное и так далее. Алисандрос пообещал предоставить специалистов для обследования, кардиологов, логистическую поддержку всякого рода для подготовки клиентов к мировому соглашению. Каждое текущее дело стоило серьезных денег, каждое будущее — могло стоить еще больше.

Оскар сидел и ухмылялся. Рошель напряженно слушала. Дэвид считал, что новости потрясающие, но все же проявлял осторожность. Многое из того, что говорил Уолли, казалось преувеличением, и Дэвид делил все на два. И все же даже половина от заявленной суммы могла стать чудесной прибавкой к жалованью.

Баланс семьи Зинк сократился на 100 000 долларов, потраченных безвозвратно, и хотя Дэвид не желал поддаваться беспокойству, он все чаще и чаще об этом думал. Он заплатил 7500 долларов Сандрони за дело, которое, вероятно, не принесет ни гроша. Он и Хелен каждый месяц отдавали по 300 долларов на содержание Туи и надеялись, что он продержится еще не один год. Они даже не обсуждали, стоит ли в этом участвовать, но нужно было взглянуть правде в глаза. Ежемесячный общий доход Дэвида в фирме стабильно рос, но все равно возникали сомнения, что он сможет зарабатывать столько, сколько имел в «Рогане». Это был не его уровень. Он посчитал, что с ребенком им потребуется 125 000 в год для нормальной жизни. Крейокс мог закрыть дыру в балансе, хотя Дэвид еще не обсуждал свою долю с партнерами.

Третье заседание сотрудников фирмы внезапно закончилось, когда женщина объемом с полузащитника в американском футболе, в тренировочных штанах и шлепанцах, ввалилась через парадный вход и потребовала встречи с юристом по крейоксу. Она принимала его два года и в са-

мом деле чувствовала, как ослабело ее сердце, и хотела подать в суд на компанию сегодня же. Оскар и Дэвид исчезли. Уолли встретил ее с улыбкой:

— Что ж, вы пришли по адресу.

Семья сенатора Максвелла наняла в Бойсе судебного юриста Фрейзера Гента, сотрудника номер один в относительно успешной фирме, которая главным образом специализировалась на несчастных случаях с автопоездами и на делах, связанных с халатностью медперсонала. Бойсе не принадлежит к округам, прославившимся серьезными вердиктами. В нем редко случаются эффектные победы в зале суда, как во Флориде, Техасе, Нью-Йорке и Калифорнии. Айдахо вообще не очень благосклонен к гражданскому судопроизводству, и местные присяжные в целом весьма консервативны. Но Гент умел составить дело и добиться вынесения вердикта. Он был из тех, с кем приходилось считаться, и так получилось, что именно к нему попало в руки крупнейшее гражданское дело в стране: покойный Максвелл, скончавшийся на полу сената, и огромная корпорация, которую обвиняют в его смерти. Такой процесс был мечтой любого судебного юриста.

Гент настоял на встрече в Вашингтоне, а не в Бойсе, хотя Лейтон Коун выразил готовность встретиться где угодно. На самом деле Коун предпочел бы встретиться где угодно, кроме Вашингтона, чтобы избежать появления Гента у себя в офисе. «Коун груп» арендовала верхний этаж новенького шикарного блестящего десятиэтажного здания на Кей-стрит — этом участке асфальта, забитом настоящими торговцами властью в Вашингтоне. Коун заплатил кругленькую сумму нью-йоркскому дизайнеру, чтобы тот создал образ истинного богатства и престижа. Это работало. Клиентов — настоящих и будущих — охватывал благоговейный трепет от обилия мрамора и стекла

в тот самый момент, когда они выходили из частного лифта. Они попадали в само средоточие власти и, разумеется, платили за это.

С Гентом, однако, дела обстояли иначе. Именно лоббист должен был предлагать деньги, поэтому он предпочел бы встретиться в менее помпезном месте. Но Гент проявил настойчивость, и по прошествии девяти недель после смерти сенатора и, что важнее, по крайней мере для Коуна и «Веррик», почти семи недель с тех пор, как Управление запретило крейокс, они представились друг другу и сели за маленький стол переговоров в дальнем конце личного кабинета Коуна. Поскольку Коун не намеревался производить впечатление на клиента и считал свою теперешнюю миссию отвратительной, он сразу взял быка за рога.

— Мой источник утверждает, что семья пойдет на мировое соглашение за пять миллионов и откажется от иска.

Гент нахмурился, его лицо исказила болезненная гримаса, как будто его пронзила боль от геморроя.

— Мы можем это обсудить, — сказал он. Эта импровизированная фраза ничего не значила. Он прилетел из Бойсе для обсуждения, и ни для чего больше. — Но думаю, пять маловато.

— А сколько многовато? — поинтересовался Коун.

— Мой клиент не так богат, — печально ответил Гент. — Как вы знаете, сенатор посвятил жизнь служению обществу и много на это жертвовал. Его наследство оценивается только в полмиллиона, а у семьи есть потребности. Максвелл — известная фамилия в Айдахо, и семья хочет сохранить определенный уровень жизни.

Вымогательство было одним из коньков Коуна, поэтому его забавляло, что он оказался по другую сторону баррикад. Семья состояла из вдовы, очень милой сдержанной

женщины шестидесяти лет, не имевшей пристрастия к роскоши, сорокалетней дочери, которая была замужем за педиатром из Бойсе и брала кредиты на все, что только можно, тридцатипятилетней дочери, преподававшей в школе за 41 000 долларов в год, и сына тридцати одного года, представлявшего собой сплошную проблему. Кирк Максвелл-младший боролся с наркотиками и алкоголем с тех пор, как ему стукнуло пятнадцать, и никак не мог победить. Коун провел собственные исследования и знал о семье больше, чем Гент.

— Почему бы вам не назвать сумму? — спросил он. — Я упомянул пять миллионов, теперь ваша очередь.

— Ваш клиент теряет по двадцать миллионов дохода в день, потому что крейокс изъяли с рынка, — заметил Гент таким тоном, словно сообщал информацию, доступную лишь узким кругам.

— Скорее, восемнадцать, но не стоит придирааться к мелочам.

— «Двадцать» хорошо звучит.

Коун метнул на собеседника свирепый взгляд поверх очков для чтения. Профессия научила его ничему не удивляться, и теперь он умело притворялся.

— Двадцать миллионов долларов? — повторил он ошарашенно.

Гент кивнул.

Коун быстро оправился.

— Буду с вами откровенен. Сенатор Максвелл отработал здесь тридцать лет, за это время получил по крайней мере три миллиона от больших фармацевтических компаний и соответствующих комитетов политических действий, главным образом из кармана «Веррик» и ее топ-менеджеров, а также взял один миллион у ребят из Национальной инициативы по реформированию системы гражданского судопроизводства и других групп, стремящихся наложить

строгое ограничение на подачу исков, мошенничество и тому подобное. Еще четыре миллиона он получил от докторов, больниц, банков, промышленников, розничных сетей и множества проправительственных групп, настроенных урезать выплату компенсаций, ограничить подачу исков и в общем и целом захлопнуть двери суда перед любым, кто потребует денег за ущерб здоровью или смерть. В том, что касалось реформы системы гражданского судопроизводства и крупных фармацевтических компаний, покойный сенатор всегда голосовал безупречно. Сомневаюсь, что вы когда-либо поддерживали его.

— Иногда и поддерживал, — не слишком убедительно сказал Гент.

— Что ж, нам не удалось обнаружить следы пожертвований вашей фирмы на какие-либо его кампании. Признайтесь: вы, ребята, были в другом лагере.

— Ладно, какое это имеет значение сейчас?

— Никакого.

— Тогда почему мы это обсуждаем? Он, как и любой другой член сената, собирал много денег. Все было легально, и деньги тратились на то, чтобы организовать его переборы. Разумеется, вы разбираетесь в правилах игры, мистер Коун.

— В самом деле разбираюсь. И вот он падает замертво и теперь обвиняет в этом крейокс. Вы в курсе, что он прекратил принимать лекарство? Последний рецепт на него был выписан в октябре прошлого года, за семь месяцев до того, как он погиб. Вскрытие выявило серьезную болезнь сердца, гипертонию, тромбоз сосудов, и ни одна из этих проблем не была вызвана крейоксом. Начнете процесс — похороните себя заживо.

— Сомневаюсь, мистер Коун. Вы никогда не видели меня в зале суда.

— Не видел. — Зато Коун провел кое-какое расследование. Крупнейший вердикт Гента составил 2 миллиона, причем сумму сократили наполовину в ходе апелляции. В прошлом году он задекларировал по форме 1040 валовой доход немногим менее 400 000 долларов. Миллионы, которые предложил Коун, сулили новые существенные перемены. Гент платил 5000 долларов на алименты и 110 000 долларов в месяц по ипотечному кредиту за домик на поле для подводного гольфа. Дело Максвелла, несомненно, давало ему шанс. Коун не знал, каков процент Гента, но если верить источнику в Бойсе, он надеялся получить 25 процентов в случае мирового соглашения и 40 процентов в случае вердикта присяжных.

Гент подался вперед, уперев локти в стол.

— И вы, и я знаем, что на самом деле речь идет не о материальной ответственности и не о выплате убытков. Единственный вопрос: сколько «Веррик» готова заплатить, чтобы я не подавал крупный сенсационный иск. Потому что если я подам его, то мы еще больше надавим на Управление, не правда ли, мистер Коун?

Коун извинился и отправился в другую комнату. Ройбен Мэсси ждал в своем кабинете в «Веррик лабз». Николас Уокер тоже сидел за столом. Они говорили по громкой связи.

— Они хотят двадцать миллионов, — доложил Коун и приготовился к атаке.

Но Мэсси принял новость без эмоций. Он верил в свои лекарства и только что принял производимый его компанией плейзид — одну из «таблеток счастья» для ежедневного употребления.

— Надо же, Коун, — спокойно проговорил он, — у вас превосходные навыки ведения переговоров, старина. Начали с пяти, а теперь дошли до двадцати. Лучше согласить-

ся на двадцать, пока речь не зашла о сорока. Что, черт возьми, там у вас происходит?

— Это лишь жадность, Ройбен. Они знают, что держат нас на мушке. Парень преспокойно признал, что иск подается не ради установления материальной ответственности или компенсации ущерба. Мы не можем допустить еще больше плохих публикаций. Так сколько мы готовы заплатить, чтобы дело Максвелла исчезло без следа? Все просто, как дважды два.

— Я думал, у вас есть какой-то надежный источник, который нашептал вам что-то о пяти миллионах.

— Я тоже так думал.

— Это не суд. Это вооруженное ограбление.

— Да, Ройбен. Боюсь, что так.

— Лейтон, это Ник. Вы выдвинули встречное предложение?

— Нет. Вы уполномочили меня предложить только пять. До вашего разрешения я не мог предлагать больше.

Уокер улыбнулся.

— Сейчас идеальное время, чтобы уйти. Этот парень, Гент, уже считает деньги, несколько миллионов, по его мнению. Я знаю такой тип людей, и они весьма предсказуемы. Давайте отправим его обратно в Айдахо с пустыми карманами. Он и не поймет, с чем имел дело, как и семья. Коун, скажите ему, что ваш лимит — пять миллионов, а генеральный директор уехал. Нам придется встретиться и все обсудить, а это займет несколько дней. Предупредите его, однако, что если он все-таки подаст иск, все переговоры по заключению мирового соглашения немедленно прекратятся.

— Он этого не сделает, — заявил Коун. — Думаю, вы правы. Думаю, он уже считает деньги.

— Мне это нравится, — признался Мэсси. — Но было бы неплохо с этим покончить. Можете поднять до семи, Лейтон, но не более.

Вернувшись в кабинет, Коун уселся на стул и сообщил:

— Меня уполномочили предложить семь. Сегодня я не могу попросить больше и связаться с генеральным директором. Полагаю, он путешествует по Азии, вероятно, сейчас летит на самолете.

— Семь и двадцать — это две большие разницы, — нахмурился Гент.

— Двадцать вы не получите. Я говорил с корпоративным юристом, который тоже участвует в процессе.

— Тогда увидимся в суде, — сказал Гент, закрывая тонкий портфель, из которого так ничего и не достал.

— Слабоватая угроза, мистер Гент. Никакие присяжные в стране не присудят вам семь миллионов за смерть в связи с заболеванием сердца, не имеющую никакого отношения к нашему лекарству. А судя по тому, как продвигается процесс, суд состоится через три года. Долго же вам придется сидеть и думать о семи миллионах.

Гент поднялся.

— Благодарю, что уделили мне время, мистер Коун. Я сам найду выход.

— Когда вы уйдете, мистер Гент, наше предложение на семь миллионов, тут же аннулируется. Вы отправитесь домой с пустыми руками.

Гент едва не споткнулся, но тут же выпрямился.

— Увидимся в суде, — повторил он, поджав губы, и шагнул за дверь.

Через два часа Гент позвонил ему на мобильный. Похоже, семья Максвелл передумала, очнулась, разумеется,

по наущению их надежного юриста и пришла к выводу, что семь миллионов — не так уж плохо. Лейтон Коун тщательно обсудил с ним каждый вопрос, стоящий на кону, и Гент радостно со всем согласился.

Поговорив с ним, Коун сообщил новость Ройбену Мэсси.

— Сомневаюсь, что он говорил с семьей, — заявил Коун. — Думаю, он пообещал им пять миллионов, потом подумал: какого черта? И решил закинуть удочку на двадцать, так что теперь вполне доволен мировым соглашением на семь миллионов. Он будет настоящим героем.

— А мы избежали опасности, впервые за долгое время, — сказал Мэсси.

ГЛАВА 29

Дэвид подал иск в федеральный суд по обвинению «Цицero пайп», сомнительного подрядчика по проведению дренажных работ, в целом ряде существенных нарушений трудового законодательства. Рабочие трудились в южном районе на огромном водоочистном заводе, из общей стоимости которого ответчику принадлежало 60 миллионов. Истцами выступали три работника из Бирмы и два из Мексики, все без документов. Нарушения касались множества работников, но большинство из них отказывались участвовать в иске. Все слишком боялись выступать.

В ходе небольшого расследования Дэвид выяснил, что министерство труда (МТ) и Бюро по соблюдению иммиграционного и таможенного законодательства (БСИТЗ) с трудом достигли перемирия по вопросу ненадлежащего отношения к нелегальным иммигрантам. Неизменный принцип беспрепятственного доступа к правосудию (чуть-чуть)

перевешивал необходимость регулировать иммиграцию в стране. Таким образом, работник без документов, у которого хватило смелости сразиться с нечестным работодателем, не будет подвергаться тщательной проверке со стороны БСИТЗ, по крайней мере до тех пор, пока участвует в трудовом споре. Дэвид неоднократно объяснял это работникам, и бирманцы при поддержке Сои Хаинга в конце концов набрались храбрости и подали иск. Другие, из Мексики и Гватемалы, опасались рисковать даже теми жалкими крохами, которые им платили. По оценке одного из бирманских работников, с ним работало не меньше тридцати человек, предположительно все без документов, и они получали по 200 долларов в неделю наличными за восемьдесят и даже больше часов тяжелого труда.

Потенциальная компенсация представлялась весьма внушительной. Минимальная зарплата составляла 8 долларов 25 центов в час, а федеральный закон обязывал работодателя платить 12 долларов 38 центов за каждый час, отработанный сверхурочно, то есть больше сорока часов в неделю. За восемь часов каждый работник должен был получать 825 долларов 20 центов в неделю, или на 625 долларов 20 центов больше, чем ему платили. Хотя было сложно установить точные даты, Дэвид полагал, что «Цицеро пайп» обманывает людей по крайней мере тридцать недель. Закон позволял требовать компенсации ликвидных убытков в размере, вдвое превышающем невыплаченную зарплату, так что каждый из его пяти клиентов имел право примерно на 37 500 долларов. Закон также позволял судье потребовать оплаты судебных издержек и компенсации гонорара адвоката в случае, если ответчика признают виновным.

Оскар неохотно согласился поддержать Дэвида при подаче иска. Уолли найти не удалось. Он прочесывал улицы в поисках тучных людей.

Через три дня после подачи иска позвонивший по телефону аноним пригрозил перерезать Дэвиду горло, если он немедленно не заберет иск. Дэвид сообщил о звонке в полицию. Оскар посоветовал ему купить пистолет и носить его в портфеле. Дэвид отказался. На следующий день пришло анонимное письмо, в котором ему угрожали расправой и перечисляли его друзей — Оскара Финли, Уолли Фигга, даже Рошель Гибсон.

Бандит бодро шагал по Престон, как будто спешил домой в этот поздний час. Было чуть больше двух часов ночи, вечерний июльский воздух все еще казался тяжелым и теплым. Это был белый мужчина лет тридцати, неоднократно судимый и явно не большого ума. На плече у него висела дешевая спортивная сумка, в которой лежала двухлитровая канистра бензина, плотно закрытая. Он быстро свернул направо и метнулся к узкому крыльцу юридической фирмы. Свет не горел ни внутри, ни снаружи. Улица Престон спала, даже массажный салон уже закрылся.

Если бы Эй-Си не спал, он услышал бы легкий шорох ручки, когда бандит осторожно проверил, не забыл ли кто запереть дверь. Не забыли. Эй-Си спал на кухне. А вот Оскар не спал, он лежал на диване в пижаме под стеганым одеялом и думал, насколько счастливее стал с тех пор, как съехал от жены.

Бандит крадучись спустился с крыльца, нагнулся и обошел здание, чтобы добраться до задней двери. Его стратегия заключалась в том, чтобы забраться внутрь и взорвать свою маленькую кустарную бомбу. Два литра бензина на деревянном полу вместе с занавесками и книгами заполыхают так, что весь старый дом взлетит на воздух, прежде чем сюда доберутся пожарные. Он потряс дверь (она тоже оказалась заперта), потом быстро вскрыл ее от-

верткой. Она распахнулась, и он шагнул внутрь. Все было окутано темнотой.

Зарычала собака, потом раздались два громких выстрела. Бандит закричал и упал с лестницы у задней двери на маленькую неухоженную цветочную клумбу. Над ним стоял Оскар. Одного быстрого взгляда было достаточно, чтобы заметить рану прямо над правым коленом.

— Не надо! Пожалуйста! — взмолился бандит.

Осторожно, хладнокровно Оскар выстрелил ему в другую ногу.

Два часа спустя Оскар, уже полуодетый, разговаривал с двумя полицейскими за столом. Все трое потягивали кофе. Бандит находился в больнице, в операционной: у него были повреждены обе ноги, но его жизни ничто не угрожало. Джастин Бардалл управлял бульдозером компании «Цицеро пайп» в те моменты, когда не играл с огнем и не был мишенью для пуль.

— Идиоты, идиоты, идиоты, — повторял Оскар.

— Но он не предполагал, что его поймают, — со смехом заметил один из полицейских.

В эту самую минуту в Эванстоне два детектива стучали в дверь владельца «Цицеро пайп». Для него начинался долгий день.

Оскар объяснил, что сейчас разводится и ищет квартиру. Если он не ночует в отеле, то остается в офисе и спит на диване.

— Это место принадлежит мне двадцать один год, — пояснил он. Оскар знал одного из полицейских и второго тоже встречал. Ни один из них не сомневался в необходимости применения огнестрельного оружия. Речь явно шла о защите частной собственности, хотя в своем рассказе Оскар опустил подробности вовсе не обязательного выстрела во вторую ногу. Кроме двухлитровой канистры бензина, в

спортивной сумке лежал кусок хлопковой ткани, пропитанный каким-то горючим веществом, и несколько обрывков картона. Это был модифицированный коктейль Молотова, но не тот, который кидают в бутылке. Полицейские предполагали, что картон предназначен для поджигания. Это была смехотворная попытка поджога, но ведь для того, чтобы устроить пожар, много ума не нужно.

Пока они болтали, мини-вэн с тележурналистами новостной программы припарковался на улице у офиса. Оскар надел галстук и позволил снять себя на камеру.

Через пару часов на четвертом заседании фирмы Дэвид, узнав о случившемся, расстроился, но продолжал упорствовать и отказывался носить при себе оружие. Рошель держала в сумочке дешевый пистолет, так что трое из четырех были вооружены. Начали звонить репортеры. История получала широкую огласку.

— Помните, — повторял Уолли коллегам, — мы «фирма-бутик», которая специализируется на делах по крейкосу. Все это понимают?

— Да, да, — кивнул Оскар. — А как насчет нарушений трудового законодательства при найме бирманцев?

— И это тоже.

Заседание закончилось, когда в дверь постучал репортер.

Скоро стало очевидно, что в тот день юридической деятельностью в «Финли энд Фигг» заниматься никто не будет. Дэвид и Оскар поговорили с «Трибюн» и «Сан таймс». Подробности произошедшего передавались из уст в уста. Мистера Бардалла перевезли из операционной в палату, и он не желал говорить ни с кем, кроме своего адвоката. Владельца «Цицero пайп» и двух топ-менеджеров арестовали, но выпустили под залог. Генеральным подрядчиком в проекте по очистке воды выступала солидная фирма из Милуоки; она обещала расследовать дело быстро и тщательно.

Стройплощадку закрыли. Никого из работников без документов и близко к ней не подпускали.

Дэвид ушел до полудня, тихо сообщив Рошель, что его ждут в каком-то суде. Он поехал домой, забрал Хелен, которая с каждым днем становилась все более круглой, и повез ее на ленч. Он рассказал ей о последних событиях: о том, как ему угрожали расправой, о бандите и его намерениях, об Оскаре и о том, что он сделал, защищая фирму, и о растущем интересе прессы. Дэвид намеренно преуменьшил опасность положения и заверил жену, что ФБР следит за происходящим.

— Ты волнуешься? — спросила она.

— Вовсе нет, — нерешительно ответил он. — Но завтра об этом могут написать в газетах.

И в самом деле написали. Большие фото Оскара появились в местном разделе как «Трибюн», так и «Сан таймс». Нужно отдать должное прессе: на сколько статей можно рассчитывать, когда старый юрист ложится спать в офисе, стреляет в непрошеного гостя, принесшего коктейль Молотова, чтобы спалить здание в отместку за то, что один из сотрудников фирмы подал иск о принудительной выплате жалованья нелегальным работникам, обманутым компанией, которую пару лет назад обвиняли в связях с организованной преступностью? Оскара изображали бесстрашным стрелком из Юго-Западного района и, между прочим, одним из ведущих специалистов страны по коллективным гражданским искам, участвующим в наступлении на «Веррик лабз» и ее ужасный препарат крейокс. В «Трибюн» напечатали и маленькое фото Дэвида, а также снимки владельца «Цицero пайп» и его заместителей: их запечатлели во время заключения в тюрьму.

Газеты пестрили всеми буквами алфавита — ФБР, МТ, ИГИ*, СИН**, УОТЗ***, МВБ (Внутренняя безопасность), УПСФКП (Управление программ по соблюдению федерального контрактного права), и почти каждой из этих организаций было что сказать репортерам. Стройка простаивала уже второй день, и генеральный подрядчик был близок к отчаянию. «Финли энд Фигг» опять осадили репортеры, следователи, исполненные надежды жертвы крейокса и обычный уличный сброд, которого сегодня было больше, чем обычно. Оскар, Уолли и Рошель держали оружие под рукой. Молодой Дэвид сохранял блаженную наивность.

Через две недели Джастин Бардалл покинул больницу в инвалидном кресле. Ему и его боссу, наряду с остальными, были предъявлены многочисленные обвинения от имени федерального суда присяжных, и их адвокаты уже обсуждали вероятность заключения сделки о признании вины****. Левая малоберцовая кость Джастина сильно пострадала, и требовались дополнительные операции, но доктора полагали, что со временем его здоровье полностью восстановится. Он сказал своим адвокатам, начальникам и полиции, что не обязательно было стрелять в его левую ногу, поскольку после первого ранения он уже не представлял угрозы, но сочувствия не дождался. На его замечание все отреагировали так же, как один из детективов, который сказал: «Вам повезло, что он не снес вам голову».

* Институт гражданских инженеров.

** Служба иммиграции и натурализации.

*** Управление по охране труда и здоровья.

**** Соглашение между обвинением и защитой, по которому защита обещает не оспаривать обвинение, а обвинители обещают предъявить обвинение по статье уголовного кодекса, предусматривающей менее строгое наказание, чем предполагалось первоначально.

ГЛАВА 30

Наконец Джерри Алисандрос выполнил обещание. Он был чрезвычайно занят организацией переговоров по заключению мирового соглашения, и, по словам юриста, с которым говорил Уолли, Джерри не успевал общаться по телефону с дюжинами адвокатов, коих пытался обставить. Но в третью неделю июля он все-таки прислал экспертов.

Название фирмы ни о чем не говорило: «Аллайанс диагностик групп», или АДГ, как они предпочитали себя называть. Как выяснил Уолли, АДГ представляла собой команду медицинских работников из Атланты, которые путешествовали по стране и обследовали людей, жаждавших нажиться на последней коллективной гражданской атаке Джерри. В соответствии с полученными указаниями Уолли арендовал две тысячи квадратных футов в затрапезном одноэтажном торговом центре, в помещении, где когда-то располагался дешевый зоомагазин. Он нанял строителей для возведения стен и установки дверей, а также фирму по уборке, чтобы привести все в порядок. Окна заклеили коричневой бумагой, вывески не было. Он арендовал несколько дешевых стульев и столов, рабочий стол, установил телефон и копировальный аппарат. Все счета Уолли отправлял в фирму Джерри его ассистенту, занимавшемуся только ведением документации по делу о крейкксе.

Когда помещение было готово, АДГ приехала и приступила к работе. Команда состояла из трех медиков — все в голубой форме врачей, и каждый со стетоскопом. У них был такой вид, что даже Уолли сначала поверил, что перед ним специалисты высокой квалификации с соответствующим образованием. Не имея отношения к медицине, они обследовали тысячи потенциальных истцов. Руководил ими доктор Борзов — кардиолог из России, разбогатевший

на диагностике пациентов/клиентов Джерри Алисандроса и дюжины других судебных юристов Америки. Доктор Борзов редко встречал тучного человека, который не имел бы серьезных проблем со здоровьем, вызванных лекарством-месяца-в-рейтинге-коллективных-гражданских-исков. Он никогда не давал показаний в суде, ибо говорил с очень сильным акцентом, и его резюме не особенно впечатляло. Зато в кабинетах диагностики он ценился на вес золота.

И Дэвид, поскольку фактически он выступал как помощник юриста по всем, теперь 430, несмертельным делам по крейоксу, и Уолли, поскольку он все организовывал, присутствовали, когда АДГ в порядке очереди начали принимать пациентов. Первые прибыли по расписанию в 8.00, и им подали кофе. Их встретили Уолли и симпатичный медработник АДГ в голубой одежде и белых больничных тапочках. Заполнение документов заняло десять минут, а оформляли этих людей, чтобы показать: они на самом деле принимали крейокс более шести месяцев. Первого клиента проводили в другой кабинет, где АДГ установила свой эхокардиограф, там же ждали два других медицинских сотрудника. Один объяснял суть процедуры («Мы сделаем цифровую фотографию вашего сердца»), тогда как другой помогал клиенту забраться на тяжелую больничную койку, которую АДГ возила с собой по стране вместе с эхокардиографом. Когда к груди пациента прикладывали локатор, в кабинет входил доктор Борзов и едва заметно кивал пациенту. Его поведение никогда не действовало ободряюще, но ведь он и не работал с реальными пациентами. На нем был длинный белый халат с бейджи-ком на левом кармане. Для полноты впечатления он носил с собой собственный стетоскоп, а когда говорил, благодаря акценту возникало ощущение, будто у него солидный опыт. Он смотрел на экран, хмурился, потому что всегда хмурился, потом выходил из кабинета.

Атаку на крейокс подогревали исследования, призванные доказать, что лекарство ослабляло смыкание створок аортального клапана, вызывая недостаточность митрального клапана. Эхокардиограмма показывала аортальную недостаточность и ослабление деятельности на 30 процентов, что и было отличной новостью для юристов. Доктор Борзов сразу изучал графики, всегда надеясь найти ослабленный аортальный клапан.

Каждое обследование занимало двадцать минут, за час они успевали осмотреть трех пациентов, за день — около двадцати пяти, а работа шла шесть дней в неделю. Уолли арендовал помещение на месяц. АДГ выставляла счета с указанием реквизитов «Зелл энд Поттер» и «Финли энд Фигг» специально для целей судопроизводства в размере 1000 долларов за каждую диагностику, и Джерри отправлял их во Флориду.

До этого АДГ и доктор Борзов побывали в Чарлстоне и Буффало. Из Чикаго они направились в Мемфис, потом — в Литтл-Рок. Еще одно подразделение АДГ прочесывало Западное побережье под предводительством сербского доктора, который расшифровывал графики. И третье собирало урожай в Техасе. Сеть крейокса, раскинутая «Зелл энд Поттер», охватила сорок штатов, семьдесят пять юристов и почти 80 000 клиентов.

Не желая возвращаться в офис, где царил хаос, Дэвид гулял по торговому центру и болтал с клиентами, которых раньше никогда не видел. В целом они были рады, что пришли, хотя и смущались, не зная, насколько лекарство повредило их сердцам. Все они были тучными, совсем потерявшими форму, но довольно приятными. Черные, белые, старые, молодые, мужчины, женщины, — ожирение и высокий холестерин объединяли их всех. Каждый клиент, с которым говорил Дэвид, был в восторге от препарата и до-

волен результатами, так что теперь все волновались, как найти крейоксу достойную замену. Постепенно Дэвид разговаривал и медперсонал из АДГ и узнал кое-что о его работе, хотя эти люди предпочитали держать рот на замке. Доктор Борзов не беседовал с ним.

Проведя там три дня, Дэвид выяснил, что команда из АДГ недовольна результатами. Их обследования стоимостью в 1000 долларов выявили немного доказательств аортальной недостаточности, хотя несколько потенциальных дел обнаружить все-таки удалось.

На четвертый день сломалась система кондиционирования, и в арендованном Уолли помещении началось потогонное производство. Стоял август, температура зашкаливала за девяносто градусов по Фаренгейту, а когда арендодатель отказался перезвонить, сотрудники АДГ стали угрожать, что соберутся и уедут. Притащив вентиляторы и мороженое, Уолли упросил их остаться и закончить обследования. Они продолжили, но двадцатиминутные обследования превратились в пятнадцатиминутные, потом в десятиминутные, а Борзов лишь быстро проглядывал графики на улице, когда выходил курить.

Судья Сирайт назначил слушание на 10 августа — последняя возможная дата в календаре любого судьи до того, как вся система закроется на летние каникулы. Не осталось никаких нерассмотренных ходатайств, никаких неразрешенных конфликтов, раскрытие прошло как по маслу, при сотрудничестве обеих сторон. Пока «Веррик лабз» проявляла исключительную податливость во всем, что касалось документов, свидетелей и экспертов. Надин Керрос подала жалкую горстку вялых ходатайств, с каждым из которых судья быстро расправился. Со стороны истца юристы «Зелл энд Поттер» активно подавали запросы и прочие документы.

Сирайт следил за слухами о мировом соглашении. Его клерки штудировали финансовую прессу и читали серьезных блогеров. «Веррик лабз» не делала официальных заявлений по поводу мирового соглашения, но было очевидно, что в компании умеют обеспечить утечку информации. Цена акций упала до 24 долларов 50 центов за штуку, но слухи об огромной компенсации вернули ее к уровню 30 долларов.

Когда обе команды юристов расселись, судья Сирайт занял свое место и приветствовал всех собравшихся. Он извинился за то, что назначил слушание на август — «самый тяжелый месяц в году для занятых людей», но выразил уверенность, что обеим сторонам следует встретиться до того, как все разбегутся. Он быстро просмотрел список предоставленных документов в соответствии с процедурой раскрытия, чтобы удостовериться: обе стороны вели себя должным образом. Жалоб не поступало.

Джерри Алисандрос и Надин Керрос держались так любезно друг с другом, что это выглядело почти глупо. Уолли сидел справа от Джерри, будто был одним из главных игроков в схватке в зале суда. За ним в группе юристов «Зелл энд Поттер» сидели Дэвид и Оскар. После перестрелки, узнав, что такое популярность, Оскар стал чаще бывать на людях, получая удовольствие от оказываемого ему внимания. Он часто улыбался и уже считал себя холостяком.

Сменив тему, судья Сирайт произнес:

— Ходят слухи о заключении мирового соглашения, одного крупного, глобального мирового соглашения, как их сейчас называют в нашем деле. Я хочу знать, что происходит. Поскольку процесс развивался стремительно, теперь подошло время включить его в мой процессуальный календарь. Однако если высока вероятность заключения мирового соглашения, зачем беспокоиться? Вы можете пролить свет на этот вопрос, миз Керрос?

Надин встала, все взгляды устремились на нее, потом она элегантно направилась к трибуне.

— Ваша честь, как вы, вероятно, знаете, «Веррик лабз» участвует в ряде сложных процессов, и компания практикует собственный подход к заключению мировых соглашений, когда дело касается нескольких истцов. Меня не уполномочивали начинать переговоры по делу Клопека, равно как и делать публичные заявления по поводу мирового соглашения. Что касается меня, мы готовимся к суду.

— Вполне справедливо. Мистер Алисандрос?

Они поменялись местами на трибуне, и Джерри изобразил простодушную улыбку.

— Ваша честь, мы тоже готовимся к суду. Однако должен отметить, что у меня как у члена Комитета истцов по судопроизводству состоялось несколько неформальных и предварительных бесед с компанией касательно глобального мирового соглашения. Полагаю, миз Керрос известно, что такие обсуждения имеют место, но, как она сказала, ее не уполномочили обсуждать их. Я не представитель «Веррик», поэтому не обременен такими обязательствами. И компания не требовала, чтобы я хранил наши обсуждения в тайне. К тому же, ваша честь, если мы дойдем до официальных переговоров, сомневаюсь, что миз Керрос будет в них участвовать. Знаю из личного опыта, что «Веррик» решает такие дела внутри компании.

— Вы ждете начала официальных переговоров? — поинтересовался Сирайт.

Повисла долгая пауза. Многие затаили дыхание. Надин Керрос изобразила любопытство, хотя ясно представляла себе общую картину — в отличие от всех остальных в зале суда. Сердце Уолли учащенно забилося, когда он прокрутил в голове слова «официальные переговоры».

Джерри помялся и произнес:

— Господин судья, не хочу, чтобы меня потом цитировали, поэтому пойду безопасным путем и скажу, что не уверен.

— Значит, ни вы, ни миз Керрос не можете хоть как-то сориентировать меня по поводу мирового соглашения? — несколько разочарованно спросил Сирайт.

Оба юриста покачали головами. Надин прекрасно знала, что никакого мирового соглашения не предвидится. Джерри был почти уверен, что скоро они обо всем договорятся. Но ни один из них не желал раскрывать карты. И с точки зрения этики и справедливости судья не имел права знать, какова их стратегия за пределами зала суда. Его работа заключалась в том, чтобы отправлять правосудие на справедливом процессе, а не следить за мировыми соглашениями.

Джерри вернулся на место, и судья Сирайт вновь сменил тему.

— Я хочу назначить начало процесса на 17 октября, понедельник. Полагаю, процесс продлится не больше двух недель. — Дюжина юристов уставилась в свои календари, и все нахмурились. — Если это пересекается с другими делами, то в ваших интересах, чтобы это были существенные дела, — заявил судья. — Мистер Алисандрос?

Джерри поднялся, держа в руках маленький дневник деловых встреч в кожаном переплете.

— Что ж, судья, это значит, мы начнем суд через десять месяцев после подачи иска. Довольно быстро, вам не кажется?

— Так и есть, мистер Алисандрос. В среднем этот период занимает у меня одиннадцать месяцев. Я не позволяю делам застаиваться. С какими из ваших судов это пересекается?

— Ни с какими, господин судья, я больше беспокоюсь о том, чтобы нам хватило времени подготовиться. Только и всего.

— Вздор! Раскрытие почти завершено. Эксперты у вас есть. Эксперты ответчика тоже готовы. Бог видит, у обеих сторон хватает юридических талантов. До семнадцатого октября еще шестьдесят восемь дней. Для юриста-судебника с вашей репутацией, мистер Алисандрос, это лакомый кусок пирога.

Какое шоу, подумал Уолли. По этому делу и всем остальным через месяц будет заключено мировое соглашение.

— Что скажет защита, миз Керрос? — спросил Си-райт.

— У нас есть кое-какие совпадения, ваша честь, — сказала она. — Но все решаемо.

— Отлично. Назначаю начало слушаний по делу Клопека против «Веррик лабз» на семнадцатое октября. В преддверии рассмотрения не будет ни задержек, ни отсрочек, так что даже не спрашивайте. — Он стукнул молотком по столу. — Заседание закрыто. Спасибо.

ГЛАВА 31

Новости о процессе разнеслись по финансовой прессе и заполонили Интернет. Историю пересказывали на разный лад, но в целом все выглядело так, будто «Веррик» насильно затащили в суд, чтобы она ответила за свои многочисленные грехи. Ройбена Мэсси не волновало, что об этом рассказывают, равно как и то, что об этом думает публика. Для коллегии по коллективным гражданским искам было

важно, чтобы полагали, будто компания потрясена и напугана. Он понимал юристов-судебников.

Через три дня после слушания в Чикаго Николас Уокер позвонил Джерри Алисандросу и предложил устроить тайную встречу представителей компании с крупнейшими фирмами по коллективным гражданским искам, участвующим в деле по крейоксу. Целью встречи было начало масштабных переговоров. Алисандрос ухватился за эту идею и торжественно обещал молчать. Из двадцатилетней практики общения с судебными юристами Николас знал, что сохранить новость о встрече в тайне не удастся, потому что один или несколько юристов поспешат поделиться с прессой.

На следующий день в «Уолл-стрит джорнал» в краткой заметке сообщили, что «Симбол», основной страховщик «Веррик», получила уведомление от компании о том, что резервный фонд вскоре будет активирован. Далее, ссылаясь на анонимный источник, автор статьи выражал мнение, что единственной причиной таких действий может быть намерение урегулировать «неприятности с крейоксом». Просочились и еще кое-какие новости, и вскоре блогеры объявили об очередной победе потребителей.

Поскольку каждый уважающий себя судебный юрист имел собственный самолет, добраться до места назначения не составило труда. В покинутом большинством жителей августовском Нью-Йорке Николас Уокер забронировал большой конференц-зал на сороковом этаже полупустого отеля в центре города. Многие юристы в ту пору не работали, а наслаждались морем и солнцем, но ни один не ответил на приглашение отказом. Крупная компенсация была куда важнее, чем несколько дней отпуска. Итак, через восемь дней после того, как судья Сирайт назначил дату слушания первого процесса, на встречу пришли шесть членов Комитета по судопроизводству со стороны истцов и еще

тридцать судебных юристов, каждый из которых вел тысячи дел по крейоксу. Столь незначительные участники, как Уолли Фигг, даже не знали о встрече.

Крупные молодые люди в темных костюмах охраняли дверь конференц-зала и проверяли документы. После быстрого завтрака в первое утро Николас Уокер приветствовал всех так, словно они работали в отделе продаж одной и той же компании. Он даже пошутил и посмеялся, но под напускной безмятежностью чувствовалось напряжение. Вот-вот должна была сойти лавина денег, а юристы в зале были закаленными бойцами, готовыми схватиться с врагом лицом к лицу.

Пока было тысяча сто дел со смертельным исходом. Иными словами, тысяча сто дел, по которым представители покойного обвиняли в его смерти крейокс. Доказательства никто не назвал бы неопровержимыми, хотя, вероятно, их хватило бы, чтобы озадачить присяжных. Следуя генеральному плану, Николас Уокер и Джуди Бек почти не уделили времени обсуждению основного вопроса о материальной ответственности. Они полагали, как и армия юристов по другую сторону баррикад, что именно лекарство стало причиной смерти тысячи ста людей и причиной заболевания многих тысяч других.

После соблюдения всех формальностей Уокер приступил к делу, отметив, что «Веррик» хотела бы оценить каждое дело со смертельным исходом. Покончив с этим, они собирались перейти к делам второй категории.

Уолли находился на берегу озера Мичиган в маленьком съёмном доме недалеко от воды вместе со своей любимой Дианой, которая в бикини выглядела сногсшибательно, и как раз доедал салат со спагетти, когда зазвонил его мобильник. Схватив телефон, он разглядел номер и произнес:

— Джерри, старина, как там дела?

Диана, возлегавшая топлес на ближайшем шезлонге, оживилась. Она знала, что любой звонок от ненаглядного Джерри может оказаться волнующим.

Джерри объяснил, что вернулся во Флориду через два дня после посещения Нью-Йорка, где состоялась тайная встреча, и так далее. Тяжелые переговоры с «Веррик», твердо занятые позиции, рассмотрение только смертельных случаев. Следует отметить, что продвинуться вперед все же удалось, но договоренность так и не была достигнута и руки никто друг другу не пожал, и, уж конечно, не было подписано никаких документов, зато сложилось впечатление: каждое дело со смертельным исходом оценивается приблизительно в два миллиона.

Уолли периодически с улыбкой поглядывал на Диану, которая придвинулась ближе.

— Отличные новости, Джерри, хорошая работа. Поболтаем на следующей неделе.

— Что случилось? — проворковала она, когда он положил трубку.

— На самом деле ничего особенного. Джерри просто сообщил кое-какие новости. «Веррик» подала кучу ходатайств, и он хочет, чтобы я взглянул на это.

— А компенсация?

— О ней речь не идет.

Теперь она только и думала о компенсации. Конечно, он сам ей проговорился, и эта женщина стала буквально одержима компенсацией. Диане даже не хватало ума изображать, что ей нет до этого дела. Нет. Она жаждала подробностей.

Она жаждала денег, и это беспокоило Уолли. Он уже продумывал стратегию ухода, как его новый герой Оскар. Бросить женщину до того, как деньги потекут рекой.

Шестнадцать миллионов долларов. Семнадцать процентов от них осядут на счетах «Финли энд Фигг», в общей

сложности — 2,7 миллиона, из которых Уолли заберет 50 процентов. Он уже видел себя миллионером.

Уолли залез на надувной матрас и поплыл по бассейну. Он закрыл глаза, стараясь не улыбаться. Скоро Диана присоединится к нему, все еще топлес, и будет периодически дотрагиваться до него, чтобы удостовериться: он еще нужен ей. Они были вместе уже много месяцев, и наконец Уолли это наскучило. Ему было все труднее мириться с ее неумной потребностью в сексе. Все-таки он в свои сорок шесть был на десять лет старше Дианы, хотя дата ее рождения постоянно менялась. День и месяц установить удалось, а вот год она каждый раз называла все более поздний. Он устал и хотел отдохнуть, к тому же Уолли беспокоил ее интерес к его деньгам от крейокса.

Ему было бы выгоднее бросить Диану сейчас, покончить с этой волокитой по расставанию, которую он знал вдоль и поперек, прогнать ее из своей жизни и от своих денег. Это нелегко и потребует времени. Такая стратегия сработала бы и для Оскара. Пола Финли наняла отвратительного адвоката по разводам по фамилии Стамм, и он изо всех сил бил в барабан, возвещая о войне. В ходе первого телефонного разговора Стамм выразил удивление по поводу того, как мало денег Оскар заработал за время своей работы юристом, и намекнул, что кое-что он припрятал. Стамм попытался проникнуть в темный мир гонораров, выплачиваемых наличными, но ничего не добился от Уолли, который знал эту территорию вдоль и поперек. Стамм упомянул о разбирательстве по крейоксу, но Уолли связал ему руки, безапелляционно заявив, что Оскар в этом не участвует.

— Что ж, это выглядит подозрительно, — заметил Стамм. — Мистер Финли хочет уйти, не взяв ничего, кроме своей машины и одежды, после тридцати лет брака.

— О нет, — возразил Уолли. — Вы поймете это, если как следует узнаете Полу Финли, вашу клиентку. — Они еще немного поспорили, как обычно делают юристы по разводам, потом Стамм пообещал перезвонить.

Как бы Уолли ни хотел денег, он решил отложить фактическое получение наличных на несколько месяцев. Сейчас или на протяжении нескольких следующих недель предстояло заниматься документами, следить за делами в суде, а потом избавиться от женщин.

Для самого тягомотного месяца в году август оказался весьма продуктивным. Хелен Зинк родила восьмифунтовую девочку, и ее назвали Эммой. Пару дней Хелен и Дэвид вели себя так, будто произвели на свет первого ребенка за всю историю человечества. Мать и дитя были совершенно здоровы, и когда они прибыли домой, дедушки и бабушки с обеих сторон уже ждали их там вместе с двумя десятками друзей. Дэвид взял отпуск на неделю и почти не выходил из маленькой розовой детской.

Вернуться в строй его заставил сердитый федеральный судья, который явно не знал, что такое отпуск, и, по слухам, работал по девятисто часов в неделю. Судью звали Салли Арчер, или Неудержимая Сал, как ее метко окрестили окружающие. Она была молода, остра на язык, невероятно умна и занималась тем, что возвращала своих сотрудников с небес на землю. Неудержимая Сал быстро разбиралась с делами и хотела, чтобы каждый иск разрешался на следующий день после его подачи. Дело Дэвида о нарушении трудового законодательства назначили к рассмотрению Арчер, которая не стеснялась в выражениях, высказывая мнение о «Цицero пайп» и гнусной политике, принятой в компании.

Под давлением многочисленных представителей федерального правительства, а также самой Неудержимой Сал

генеральный подрядчик убедил своего субподрядчика «Цицеро пайп» разобраться с безобразными нарушениями трудового законодательства и юридическими проблемами и приступить к работам на водоочистном заводе. Обвинения в уголовном преступлении против несостоявшегося поджигателя Джастина Бардалла и других лиц компании будут рассматриваться еще долгие месяцы, а вот спор по поводу оплаты и сверхурочно отработанных часов мог и должен был разрешиться быстро.

Через шесть недель после подачи иска Дэвид выбил компенсацию, в которую сам верил с трудом. «Цицеро пайп» согласилась выплатить каждому из его пяти клиентов общую сумму в 40 000 долларов. Кроме того, компания собиралась выплатить по 30 000 всем остальным трем десяткам работников без документов, в основном из Мексики и Гватемалы, которые получали по 200 долларов в неделю за восемьдесят часов работы.

Дурная слава, сопутствующая рассмотрению дела, распространилась еще больше после эпизода энергичного противостояния Оскара преступнику в целях защиты своей частной собственности и последующего ареста богатого владельца «Цицеро пайп». Слушание привлекло репортеров. Судья Арчер кратко описала суть дела таким образом, что ее слова разошлись на цитаты: она назвала работу в «Цицеро пайп» рабским трудом. Обрушилась на компанию, обругала ее юристов, которые, по мнению Дэвида, были весьма неплохими парнями, и продолжала свое эффектное выступление еще тридцать минут, пока репортеры упоенно записывали.

— Мистер Зинк, вы удовлетворены такой компенсацией? — спросила судья. Соглашение было подписано. Договоренность — достигнута неделю назад, осталось лишь решить вопрос о гонорарах адвоката.

— Да, ваша честь, — тихо ответил Дэвид. Трое юристов «Цицero пайп» затаились, словно боялись поднять глаза.

— Я вижу, вы подали заявление о расчете гонорара адвоката, — заметила Неудержимая Сал, просматривая какие-то документы. — Пятьдесят восемь часов. С учетом того, чего вы добились и какие деньги заработали для этих сотрудников, я бы сказала, что ваше время не пропало даром.

— Спасибо, ваша честь, — произнес Дэвид, стоя у стола.

— Какова ваша ставка за час, мистер Зинк?

— Ваша честь, я предвидел этот вопрос, но на самом деле у меня нет почасовой ставки. Мои клиенты не могут позволить себе платить по часам.

Судья Арчер кивнула.

— В прошлом году вы выставляли кому-нибудь счет по часам?

— О, разумеется. До декабря прошлого года я был юристом в «Рогане Ротберге».

Судья рассмеялась в микрофон и воскликнула:

— О Боже! А мы еще говорим о специалистах по почасовой оплате. Сколько ваши услуги стоили тогда, мистер Зинк?

Дэвид, смущенно переминаясь с ноги на ногу, пожал плечами.

— Госпожа судья, в последний раз, когда я работал на почасовой основе, клиент платил пятьсот долларов в час.

— Значит, ваши услуги стоят пятьсот долларов в час. — Неудержимая Сал пару секунд что-то писала, потом объявила: — Округлим это до тридцати тысяч. Есть возражения, мистер Латтимор?

Главный юрисконсульт ответчика встал и задумался. Спорить не стоило, поскольку судья явно была в другом лагере. Его клиента и без того обобрали, так что значат еще

30 000? К тому же, если бы Латтимор и выразил недовольство таким гонораром, он знал, что Неудержимая Сал тут же спросит: «Скажите тогда, мистер Латтимор, по какой ставке работаете вы?»

— Звучит вполне логично, — заметил Латтимор.

— Хорошо. Я хочу, чтобы все выплаты завершились в течение тридцати дней. Заседание закрыто.

Покинув зал суда, Дэвид уделил внимание трем репортерам и терпеливо ответил на их вопросы. Закончив с ними, он поехал в квартиру Сои и Луин, где встретился со своими тремя бирманскими клиентами и сообщил им, что вскоре они получают чеки на 40 000 долларов каждый. В ходе перевода суть его сообщения несколько размылась, и Сои пришлось повторять все несколько раз, чтобы бирманцы поверили. Они смеялись и думали, что это шутка, но Дэвид не смеялся вместе с ними. Осознав, что все это правда, двое из трех заплакали. Третий был слишком потрясен. Дэвид пытался подчеркнуть, что они заработали эти деньги непосильным трудом, но и это перевели не вполне адекватно.

Дэвид не торопился. Он провел вдали от своей новорожденной дочери целых шесть часов — для него это был рекорд, но ведь она не собиралась никуда уходить. Он потягивал чай из крошечной чашечки, болтал с клиентами и светился от радости, доставленной ему его первой крупной победой. Дэвид взялся за дело, от которого отказалось бы большинство юристов. Его клиенты храбро вышли из тени нелегальной иммиграции, чтобы сразиться с несправедливостью, а уговорил их именно Дэвид. Три маленьких парнишки, за тысячи миль от дома попавшие в лапы огромной компании, имеющей множество могущественных друзей, которых ничто не удерживало от того, чтобы совершить еще большие злоупотребления, кроме

молодого юриста и суда. Справедливость, несмотря на все ее недостатки и двусмысленность, восторжествовала самым впечатляющим образом.

Дэвид шел в офис, переполненный гордостью и ощущением успеха. Он надеялся впредь одержать еще много впечатляющих побед, но эта всегда будет занимать особое место. Никогда за все пять лет работы в крупной фирме Дэвид так не гордился тем, что он юрист.

В этот поздний час офис был пуст. Уолли уехал в отпуск, хотя периодически справлялся, как обстоят дела по крейкосу. Оскар на пару дней отлучился, и даже Рошель не знала, где он. Дэвид проверил сообщения на автоответчике и почту, пару минут походил вокруг стола, потом заскучал. Когда он запирали входную дверь, у здания остановилась патрульная машина. Друзья Оскара приглядывали за этим местом. Дэвид помахал двум полицейским и отправился домой.

ГЛАВА 32

Едва успев вернуться после долгих выходных в честь Дня труда, Уолли написал своей клиентке Айрис Клопек:

Дорогая Айрис!

Как вам известно, суд назначен на следующий месяц — на 17 октября, если быть точным, но об этом не стоит беспокоиться. За последний месяц я только и занимался тем, что проводил переговоры с юристами «Веррик», и мы добились весьма внушительной компенсации. Компания уже почти готова предложить сумму около 2 миллионов в качестве компенсации за преждевременную смерть вашего супруга Перси. Пока это неофициальное предложение, но

мы ожидаем, что в ближайшие 15 дней получим письменное уведомление. Я знаю, что эта сумма значительно превышает 1 миллион, который я вам обещал, тем не менее мне нужно заручиться вашим согласием, что вы готовы принять это предложение, когда оно будет сделано официально. Я очень горжусь нашей маленькой «фирмой-бутиком». Мы подобны Давиду, сражавшемуся с Голиафом, и пока побеждаем.

Пожалуйста, подпишите приложенную форму; это уполномочит меня согласиться на заключение мирового соглашения. Отправьте эту форму по почте назад.

Искренне ваш,

*Уоллис Т. Фигг,
адвокат и поверенный в суде.*

Он разослал подобные письма семи другим клиентам своего чудесного пула дел со смертельным исходом, а закончив, откинулся на спинку крутящегося кресла, положил разутые ноги на стол и опять задумался о деньгах. Однако его мечтания были прерваны сообщением Рошель:

— Опять звонит эта женщина. Пожалуйста, поговорите с ней. Она с ума меня сводит.

— Ладно, — ответил Уолли и уставился на телефон. Диана просто так не уйдет. На пути домой с озера Мичиган он затеял ссору и даже настолько раздул ее, что они начали оскорблять друг друга. В пылу битвы он объявил, что между ними все кончено, и два дня они не разговаривали. Потом Диана явилась к нему домой пьяная. Он уступил и разрешил ей поспать на диване. Ее вид вызвал к сожалению и даже сочувствию, но при этом она каждые пять минут предлагала ему пуститься в какое-нибудь сексуальное приключение. Пока Уолли отказывался. Теперь Диана звонила постоянно и несколько раз приходила в

офис. Но Уолли был настроен решительно. Ему стало очевидно, что его денег от крейокса не хватит и на три месяца, если рядом будет Диана.

Он взял трубку:

— Привет!

Она уже рыдала.

Ветреный холодный понедельник надолго запомнят в «Зелл энд Поттер» как Кровавый день труда. У них никто не отдыхал, они были профессионалы, а не труженики, но это не имело значения. Праздниками часто пренебрегали, как и выходными. Вход в здание открывали с утра, и к 8.00 коридоры уже кишели юристами, преследовавшими самые разные нехорошие лекарства и компании, которые их производили.

Иногда такое преследование не приносило никакой выгоды. Погоня вела в никуда. Колодец оставался сухим.

Первая бомба взорвалась в 9.00, когда доктор Джулиан Шмитцер, директор фирмы по медицинским исследованиям, настоял на встрече с Джерри Алисандросом, который очень спешил, но отказать не мог, особенно когда секретарь Шмитцера назвала дело срочным.

Доктор Шмитцер сделал головокружительную карьеру как кардиолог и исследователь в клинике «Майо» в Рочестере, штат Миннесота, а потом с больной женой направился в южную Флориду в поисках солнца. Проведя там пару месяцев, он заскучал. Случайно познакомился с Джерри Алисандросом. За первой встречей последовала вторая, и последние пять лет доктор Шмитцер курировал медицинские исследования в фирме, получая зарплату в размере одного миллиона долларов в год. И это было совершенно неудивительно, ибо прежде он строил свою карьеру на том, что постоянно писал обо всех пороках крупных фармацевтических компаний.

В юридической фирме среди свержагрессивных юристов доктор Шмитцер был человеком, перед которым благоговели все. Никто не подвергал сомнению его исследования или его мнение, и его работа ценилась гораздо выше, чем деньги, которые он за нее получал.

— У нас проблема с крейоксом, — сказал он, едва появившись в огромном кабинете Джерри.

Глубоко вздохнув, Джерри отозвался:

— Я слушаю.

— Последние полгода мы изучали исследования Макфаддена, и я пришел к выводу, что они содержат ряд недостатков. Нет надежных статистических данных, подтверждающих, что употребление препарата способствует увеличению риска инсульта и сердечного приступа. Откровенно говоря, Макфадден наспех состряпал отчет. Он отличный доктор и ученый, но, убежденный в том, что лекарство опасно, притянул за уши результаты обследования, поэтому они соответствуют выводам. Люди, принимающие это лекарство, сталкиваются с массой других проблем: ожирение, диабет, повышенное кровяное давление, атеросклероз и так далее. У многих слабое здоровье, так что повышенный уровень холестерина вполне закономерен. Разумеется, они принимают горсть таблеток по несколько раз в день, и крейокс — лишь одна из них, пока же нам не удалось установить, что происходит при сочетании всех этих лекарств. С точки зрения статистики, возможно, и я подчеркиваю это слово, возникновение сердечного приступа у людей, принимающих крейокс, чуть выше, а возможно, и нет. Макфадден осмотрел три тысячи больных за два года — небольшой пул, по моему мнению, — и обнаружил, что вероятность возникновения инсульта и сердечного приступа повышается только на девять процентов.

— Я читал отчет, Джулиан, много раз, — перебил его Джерри. — Я практически выучил его наизусть, прежде чем мы ввязались в этот суд.

— Вы поторопились в него ввязаться, Джерри. В этом лекарстве нет ничего плохого. В конце концов, я поговорил с Макфадденом. Вы знаете, как сильно его критиковали, когда опубликовали отчет. Он принял удар и дал задний ход в том, что касается лекарства.

— Что?

— Да. Макфадден на прошлой неделе признался, что ему следовало осмотреть больше больных. Он также обеспокоен тем, что не уделил времени изучению побочных эффектов при одновременном приеме разных лекарств. Он планирует выступить с опровержением, чтобы спасти свою репутацию.

Джерри щипал себя за переносицу, как будто хотел сломать ее.

— Нет, нет, нет, — бормотал он.

Шмитцер напирал:

— Да, да. И его работа выйдет уже совсем скоро.

— Когда?

— Через девяносто дней. Но все еще хуже. Мы тщательно изучили, какой эффект препарат оказывает на клапан аорты. Как вам известно, исследователи из Пало-Альто, связывали утечку из клапана с ослаблением, обусловленным приемом лекарства. Теперь это кажется в высшей степени сомнительным.

— Почему вы говорите мне об этом сейчас, Джулиан?

— Потому что на исследования нужно время, а мы только сейчас узнали об этом.

— Что говорит доктор Баннистер?

— Для начала он говорит, что не собирается свидетельствовать в суде.

Джерри потер виски и встал, уставившись на друга. Он подошел к окну и посмотрел в него, но ничего не увидел. Доктор Шмитцер числился в штате, поэтому не имел права давать показания при любом судебном разбирательстве с участием «Зелл энд Поттер», как при раскрытии документов, так и на самом процессе. Важная часть его работ заключалась в кураторстве целой сети экспертов-свидетелей, наемных убийц, готовых поручиться за все за большие деньги. Доктор Баннистер был профессиональным свидетелем с обширным послужным списком и особой любовью к общению с известными юристами на крупных процессах. Сам факт его отказа казался смертельным.

Вторая бомба взорвалась еще через час, когда Джерри и так уже висел в петле и истекал кровью. Молодой партнер по имени Карлтон прибыл с толстым отчетом и плохими новостями.

— Дела идут не очень хорошо, Джерри, — начал он.

— Знаю.

Карлтон наблюдал за обследованием тысяч потенциальных клиентов, и в его отчете содержались самые страшные цифры.

— Нам не удалось подтвердить вред здоровью. Проведено уже десять тысяч обследований, и результаты не впечатляют. Быть может, у десяти процентов пациентов наблюдается низкое артериальное давление, но ничего более. Мы наблюдаем самые разные сердечные заболевания, гипертонию, тромбоз сосудов и так далее, но ничего из этого мы не можем связать с приемом лекарства.

— Десять миллионов баксов на обследования — и никаких плодов? — спросил Джерри, прижав пальцы к вискам и закрыв глаза.

— Десять миллионов, по самым скромным оценкам. И да, никаких. Мне жаль, что приходится это говорить, но

данный препарат кажется безвредным. Думаю, в этом случае мы бури́м пустую скважину. Я бы предложил покончить с этим и дать задний ход.

— Я не просил советов.

— Не просил, — подтвердил Карлтон и вышел из кабинета, закрыв за собой дверь. Джерри запер ее, улегся на диване, потянулся и уставился в потолок. Он уже попадал в такие ситуации раньше, натываясь на препарат, который оказывался не таким плохим, как утверждалось. Еще оставался маленький шанс, что «Веррик» отстает на шаг или два. Возможно, компания не знает того, что знает Джерри. Со всей этой шумихой вокруг мирового соглашения цена ее акций постепенно росла и в пятницу на закрытии торгов достигла 34 долларов 50 центов. Возможно, просто возможно, компанию удастся обвести вокруг пальца, если поторопиться с мировым соглашением. Он и раньше так делал. Компания, у которой полно денег, подвергается нападкам прессы и хочет лишь одного: чтобы юристы вместе со своими исками испарились.

По мере того как шло время, Джерри пытался успокоиться. Он не мог думать обо всех Уолли Фиггах, оставшихся за бортом: все они — большие мальчики, которые принимали собственное решение подать иск. И он не мог думать обо всех клиентах, которые ожидали чека на существенную сумму, причем в ближайшее время. Джерри также не слишком стремился сохранить лицо: он был неприлично богат, и деньги давно ожесточили его.

Сейчас Джерри думал только об одном: о лекарстве, за которое он возьмется после крейокса.

Третья бомба и нокаутирующий удар обрушились в ходе запланированной телефонной конференции в 15.00 с другим членом Комитета истцов по судопроизводству (КИС).

Родни Берман, один из самых ярких судебных юристов Нового Орлеана, проиграл и выиграл несколько крупных сумм в рискованных партиях с присяжными. Благодаря разливу нефти в Мексиканском заливе сейчас он был при деньгах и даже привлек больше клиентов по крейоксу, чем «Зелл энд Поттер».

— Мы по уши в дерьме, — начал он.

— День и так выдался плохой, Родни, продолжайте. Вы можете сделать его еще хуже.

— У меня есть внутренняя информация от одного тайного и очень высокооплачиваемого, можно сказать, агента. Ему удалось взглянуть на предварительный отчет, направленный в «Нью-Ингланд джорнал оф медсин». Журнал выйдет в следующем месяце. Исследователи из Гарварда и Кливлендской клиники заявляют, что наш любимый крейокс полезен, как пшеничный зародыш, и не вызывает никаких проблем со здоровьем. Никакого повышенного риска сердечного приступа или инсульта. Никаких повреждений аортального клапана. Ничего. А у этих парней такие резюме, что наши ребята по сравнению с ними выглядят, как знахари. Мои эксперты разбежались. Мои юристы попрятались под столами. По словам одного из наших лоббистов, Управление по контролю за продуктами питания и лекарственными средствами рассматривает возможность возвращения препарата на рынок. «Веррик» осыпала золотом весь Вашингтон. Что еще вы хотите услышать, Джерри?

— Думаю, я слышал достаточно. Я ищу мост.

— Я вижу один из окна своего кабинета, — произнес Родни, усмехнувшись. — Этот красивый мост, перекинутый через берега Миссисипи, ждет только меня. Мост памяти Родни Бермана. В один прекрасный день меня найдут в Мексиканском заливе в пятне неочищенной нефти.

Через четыре часа все шесть членов Комитета по судопроизводству подключились к конференц-звонку, организованному Джерри. После того как он сам изложил печальные новости этого дня, Берман поделился тем, что известно ему. По очереди выступил каждый из шести, но ни одной хорошей новости не прозвучало. Проект трещал по швам со всех сторон, во всех теоретических аспектах, от Атлантического до Тихого океана. Завязалось продолжительное обсуждение того, сколько на данный момент известно «Веррик», и у всех возникло чувство, что они, юристы, намного опережали компанию. Но вскоре это должно измениться.

Они условились немедленно прекратить исследования. Джерри вызвался поговорить с Николасом Уокером из «Веррик», чтобы ускорить заключение мирового соглашения. Каждый из шести участников согласился начать скупать большие пакеты обыкновенных акций «Веррик», чтобы взвинтить цену. В конце концов, речь шла о публичной компании, для которой цена акций важнее всего. Если в «Веррик» считали, что выплата компенсаций смягчит Уолл-стрит, компания могла решить избавиться от возни с крейоксом, каким бы безвредным ни казался препарат.

Конференц-звонок продлился два часа. После него настроение участников стало чуть оптимистичнее, чем вначале. Они продолжают давить еще пару дней, сохранять хорошую мину, подыгрывать и надеяться на чудо, но ни при каких обстоятельствах не станут продолжать тратить деньги на возню с крейоксом. Все кончено. Они урежут расходы и перейдут к следующей битве.

Почти ни слова не было сказано о суде по делу Клопека, до которого осталось шесть недель.

ГЛАВА 33

Два дня спустя Джерри Алисандрос с деланной неприужденностью позвонил Николасу Уокеру в «Веррик лабз». Они поговорили о погоде и немного о футболе, потом Джерри приступил к делу.

— Я буду в ваших краях, Ник, и хотел бы встретиться, если вы будете на месте и свободны.

— Возможно, что и получится, — осторожно произнес Ник.

— У нас все хорошо складывается по цифрам, и мы значительно продвинулись по крайней мере в том, что касается дел со смертельным исходом. Я провел многочасовые обсуждения в комитете истцов, и мы готовы заключить официальное мировое соглашение, в первом раунде, разумеется. Избавимся от крупных дел, потом займемся мелкими.

— Так и поступим, Джерри, — согласился Уокер. Джерри наконец вздохнул. — Я приму на себя удар от Ройбена Мэсси, чтобы разобраться с этим делом. Сегодня утром он разделал меня за завтраком, и я как раз собирался вам звонить. Мэсси дал мне указание объединить усилия корпоративных юристов и наших фирм во Флориде и добиться мирового соглашения в таких параметрах, какие мы уже обсудили. Я предлагаю встретиться в Форт-Лодердейле через неделю, подписать соглашение, представить его судье и двигаться дальше. На урегулирование дел с несмертельным исходом потребуется больше времени, но сначала действительно закроем крупные дела. Договорились?

«Договорились? Да вы и не представляете насколько», — подумал Джерри.

— Отличная идея, Ник. Я организую встречу у нас.

— Но я настаиваю на присутствии всех шести членов комитета.

— Я это устрою, без проблем.

— А мы можем пригласить магистрата или кого-нибудь из аппарата судьи? Я не уйду, пока мы не подпишем сделку и не получим одобрения суда.

— Отличная мысль, Ник. — Джерри светился от счастья как идиот.

— Покончим с этим.

После звонка Джерри проверил котировки на рынке. Акции «Веррик» торговались по цене 36 долларов за штуку, единственной вероятной причиной такого роста были благоприятные новости о скором заключении мирового соглашения.

Телефонный разговор был записан компанией, специализировавшейся на правде и лжи. К услугам этой фирмы «Зелл энд Поттер» часто прибегали, чтобы втайне записывать разговоры для определения уровня правдивости собеседника. Через тридцать минут после того, как Джерри повесил трубку, два эксперта вошли в его кабинет с какими-то графиками и диаграммами. Их фирма занимала маленький конференц-зал дальше по коридору, где трудились их сотрудники и стояли специальные приборы. Они измерили напряжение в голосах обоих мужчин и легко пришли к выводу, что оба лгали. Ложь Джерри, разумеется, была запланирована, чтобы подтолкнуть Уокера.

Анализ напряжения в голосе Уокера показал высокий уровень обмана. Его слова о Ройбене Мэсси и желании компании избавиться от исков были правдой. Но когда Уокер завел речь о больших планах на встречу для заключения мирового соглашения в Форт-Лодердейле, он явно лукавил.

Джерри спокойно отреагировал на эту новость. Подобные доказательства никогда не принимались в расчет судом, потому что представлялись в высшей степени нена-

дежными. Он часто задавался вопросом, для чего вообще нужно проводить анализ напряжения голоса, но после многолетнего использования таких исследований почти поверил в их достоверность. Джерри был готов на все, лишь бы получить небольшое преимущество. Такая запись была крайне неэтична и даже противозаконна в некоторых штатах, так что впоследствии информация уничтожалась.

Последние пятнадцать лет Джерри бомбардировал «Веррик» одним иском за другим. При этом он много узнал о компании. Ее исследования всегда были лучше, чем исследования истцов. Она нанимала шпионов и активно вкладывала средства в корпоративный шпионаж. Ройбен Мэсси любил «трудные мячи» и обычно находил способ выиграть войну, даже после того как проиграл не одну битву.

Оставшись в офисе один, Джерри добавил запись в свой личный журнал: «Крейокс испаряется у меня на глазах. Только что говорил с Н. Уокером, который собирается приехать на следующей неделе, чтобы подписать сделку. Вероятность того, что он не появится, 80 к 20*».

Айрис Клопек показала письмо Уолли некоторым друзьям и родственникам, и скорое получение 2 миллионов уже вызвало проблемы. Клинт, ее сын-тунеядец, который обычно за весь день и слова Айрис не говорил, а лишь презрительно фыркал, вдруг проникся к ней теплыми чувствами. Он стал убирать свою комнату, мыть посуду, выполнять поручения своей дорогой матери и болтать без остановки, причем чаще всего он поднимал тему о новой машине. Брат Айрис, едва отсидев второй срок в тюрьме за кражу мото-

* Вероятно, автор ссылается на закон Парето, или принцип 80/20, — эмпирическое правило, названное в честь экономиста и социолога Вильфредо Парето, в наиболее общем виде формулируется как «20 процентов усилий дают 80 процентов результата, а остальные 80 процентов усилий — лишь 20 процентов результата».

циклов, красил ее дом (совершенно безвозмездно) и периодически упоминал о своей давней мечте открыть собственный бизнес по продаже подержанных мотоциклов. Он как раз видел, что кто-то продает такой бизнес за 100 000 долларов.

— Руки так и тянутся, — говорил он.

В ответ на это сын Айрис шептал у него за спиной:

— Этот только и смотрит, где бы чего стянуть при первой возможности.

Ужасная сестра Перси тоже возвестила, что имеет право на часть денег как «кровная родственница». Айрис ненавидела эту женщину, как и Перси, и Айрис уже напонила Берте, что та даже не пришла на похороны брата. Та теперь утверждала, что в тот день ее положили в больницу.

— Докажи, — сказала Айрис, и они повздорили.

В тот день, когда Адам Гранд получил письмо от Уолли, он суетился в пиццерии, а его босс орал на него, не имея на то никаких причин. Адам, младший менеджер, ответил на любезность, и последовала отвратительная перепалка. Когда крик и ругань прекратились, стало понятно: либо Адама уволят, либо он уволится сам. И еще несколько минут мужчины спорили о том, как именно будет оформлен его уход. Не то чтобы это имело значение, ведь он уходил в любом случае. Для Адама это не играло никакой роли: ведь вскоре он разбогатеет.

Милли Маринохватило ума никому не показывать свое письмо. Она прочитала его несколько раз, прежде чем смысл слов дошел до нее, а потом почувствовала укол совести из-за того, что сомневалась в способностях Уолли. Он до сих пор не внушал ей доверия, и она все еще злилась из-за завещания и раздела имущества своего покойного

супруга Честера, но теперь это значило гораздо меньше. Сын Честера Лайл получит право на часть компенсации, поэтому он следит за процессом. Если бы Лайл узнал, как они близки к получению денег, он мог бы помешать. Поэтому Милли убрала письмо в ящик, заперла его на замок и никому ничего не сказала.

9 сентября, по прошествии пяти недель-после того, как Джастин Бардалл получил по пуле в каждую ногу, он подал иск против Оскара Финли лично и против «Финли энд Фигг» как фирмы. Он обвинял Оскара в «чрезмерном применении силы» при стрельбе и, в частности, в том, что он намеренно сделал третий выстрел в левую ногу, серьезно ранив Бардалла, когда тот уже не представлял собой угрозу. По иску выдвигались требования о выплате 5 миллионов в качестве компенсации фактических убытков и 10 миллионов в виде штрафной компенсации за злонамеренное поведение Оскара.

Подал иск тот же самый юрист Гудлоу Стамм, которого наняла для ведения развода Пола Финли. Очевидно, на каком-то этапе Стамм выследил Бардалла и убедил подать в суд, несмотря на его уголовно наказуемые деяния и тот факт, что ему предстояло отсидеть срок за попытку поджога.

Развод оказался более проблематичным, чем ожидали Оскар и Уолли, особенно в свете того, что Оскар практически уходил ни с чем, если не считать машины и одежды. Стамм продолжал щебетать о больших деньгах по крейоксу и высказывать предположения о заговоре с целью их сокрытия.

Оскар рвал и метал из-за иска на 15 миллионов и обвинял во всем Дэвида. Если бы не иск о зарплатах против «Цицero пайп», они с Бардаллом никогда бы не встретились. Уолли удалось добиться перемирия, и крик прекра-

тился. Он связался с их страховой компанией и настоял, чтобы они предоставили защиту и компенсировали расход.

Теперь, когда мировое соглашение маячило совсем близко, было гораздо легче договариваться, улыбаться и даже шутить, представляя, как этот маленький бандит Бардалл, хромая, притащится в суд в надежде убедить присяжных, что он, горе-поджигатель, должен обогатиться благодаря несостоявшемуся поджогу офиса юридической фирмы.

ГЛАВА 34

Электронное письмо начиналось со стандартного предупреждения о конфиденциальности и было зашифровано паролем. Текст, написанный Джерри Алисан드로м, был разослан примерно восьмидесяти юристам, одним из которых был Уолли Фигг. В письме говорилось:

К сожалению, вынужден сообщить, что запланированная на завтра конференция по заключению мирового соглашения была отменена «Веррик лабз». Сегодня утром у меня состоялся долгий телефонный разговор с Николасом Уокером, главным корпоративным юристом «Веррик». Он сообщил мне, что компания решила временно отложить переговоры по поводу мирового соглашения. Их стратегия несколько изменилась, особенно в свете того факта, что рассмотрение дела Клопека начнется в Чикаго через четыре недели. Теперь в «Веррик» считают, что для них целесообразнее, так сказать, прощупать почву на первом суде, увидеть, как сыграют факты, оценить размер убытков и испытать настоящих присяжных. Хотя такое поведение не является чем-то из ряда вон выхо-

дящим, я весьма резко высказал свое недовольство мистеру Уокеру в связи со стремительной сменой планов. Я предположил, что они вели переговоры недобросовестно и так далее, но на данном этапе спорить бесполезно. Поскольку мы не согласовали ряд конкретных вопросов по мировому соглашению, принудительное исполнение не представляется возможным. Похоже, в ближайшее время все взгляды будут прикованы к залу суда в Чикаго. Я буду держать вас в курсе.

Дж. А.

Уолли распечатал письмо — оно весило целую тонну, — направился в кабинет Оскара и положил его старшему партнеру на стол. Потом рухнул в кожаное кресло и чуть не разрыдался.

Оскар прочитал медленно, морщины у него на лбу пролегли все глубже по мере того, как он читал дальше. Он тяжело дышал ртом. Позвонила Рошель, желавшая соединить кого-то с Оскаром, но он не взял трубку. Они услышали тяжелые шаги, когда она подошла к двери кабинета, потом раздался стук. Так как ни один юрист не ответил, она заглянула внутрь и сказала:

— Мистер Финли, это судья Уилсон.

Оскар покачал головой:

— Я не могу говорить сейчас. Я перезвоню ему.

Рошель закрыла дверь. Прошло несколько минут, потом постучал Дэвид, вошел, посмотрел на двух партнеров и понял: назревает вселенская катастрофа. Оскар подал ему распечатку письма, и он погрузился в чтение, расхаживая туда-сюда вдоль книжных полок.

— Это не все, — заметил Дэвид.

— Что ты имеешь в виду под словами «не все»? — спросил Уолли, и его голос прозвучал слабо и сухо.

— Только что я смотрел в Интернете документы по раскрытию и заметил, что было подано ходатайство. И не двад-

цать минут назад. Джерри Алисандрос от имени «Зелл энд Поттер» подал ходатайство об исключении его из списка адвокатов по делу Клопека.

Уолли сжался на шесть дюймов. Оскар фыркнул, пытаясь что-то сказать.

Дэвид, уже и сам бледный и ошеломленный, продолжал:

— Я позвонил Уорли, контактному лицу в «Зелл энд Поттер», и он неофициально признался мне, что это полное отступление. Эксперты — наши эксперты — потерпели неудачу в исследованиях лекарства, и никто не хочет давать показания. Доклад Макфаддена в суде не появится. В «Веррик» знают об этом уже некоторое время, и они затягивали переговоры по заключению мирового соглашения, чтобы выдернуть ковер из-под наших ног прямо перед процессом Клопека. Уорли говорит, между партнерами «Зелл энд Поттер» вспыхнула война, но последнее слово будет за Алисандросом. Он не приедет в Чикаго, потому что не хочет запятнать свою репутацию таким позорным поражением. Без участия экспертов это дело безнадежно. Уорли утверждает, будто весьма высоки шансы на то, что лекарство изначально не имело никаких особенных недостатков.

— Я знал, что этот суд — плохая затея, — заявил Оскар.

— Заткнись, — прошипел Уолли.

Дэвид опустился на деревянный стул, подальше от обоих партнеров. Оскар сидел, упершись локтями в стол и обхватив голову руками, словно его сжимала тисками смертельная мигрень. Уолли закрыл глаза и подергивал головой. Поскольку казалось, что они оба не в состоянии говорить, Дэвид ощутил необходимость втянуть их в беседу.

— Он может устраниться теперь, когда до суда осталось так мало времени? — спросил он, прекрасно зная, что его

партнеры не имеют почти никакого понятия о процедуре производства в федеральном суде.

— Это решать судье, — сказал Уолли. — И как они поступят со всеми своими делами? — спросил он у Дэвида. — У них тысячи, десятки тысяч дел.

— Уорли считает, что все затаятся и будут напряженно ждать, что произойдет здесь, с Клопекком. Если мы выиграем, наверное, «Веррик» возобновят переговоры по мировому соглашению. Если проиграем, вероятно, дела по крейоксу будут расценены как совершенно бесперспективные.

Мысль о победе представлялась весьма туманной. Шли минуты, все молчали. Тишину нарушало лишь прерывистое дыхание трех уставших изумленных мужчин. Вдалеке слышался вой сирены «скорой помощи», приближавшейся к Бич-стрит, но никто из троих не отреагировал.

Наконец Уолли выпрямился или попытался сделать это и сказал:

— Нам придется попросить суд отсрочить рассмотрение дела, выгадать дополнительное время. Тогда мы, вероятно, подадим протест против ходатайства об исключении Джерри из списка адвокатов истца.

Оскар высвободил голову и так злобно уставился на Уолли, будто хотел его пристрелить.

— Что тебе нужно сделать, так это позвонить твоему дружку Джерри и выяснить, что за чертовщина происходит. Он не может сбежать теперь, когда суд совсем близко. Скажи ему, что мы подадим жалобу в связи с нарушением профессиональной этики. Скажи ему, что мы сообщим прессе: великий Джерри Алисандрос боится приезжать в Чикаго. Скажи ему что угодно, Уолли, но он должен приехать на разбирательство. Бог видит, мы с этим не справимся.

— Если в препарате ничего плохого нет, зачем мы вообще рассматриваем возможность участия в суде? — поинтересовался Дэвид.

— Это плохой препарат, — сказал Уолли. — И мы найдем эксперта, который подтвердит это.

— Почему-то верится с трудом.

Дэвид встал и направился к двери.

— Предлагаю разойтись по кабинетам, обдумать ситуацию и собраться снова через час.

— Хорошая мысль, — ответил Уолли и поковылял к себе. Добравшись до кабинета, он начал звонить Алисандросу. Неудивительно, великий человек оказался вне доступа. Уолли засыпал его электронными письмами, длинными злобными сообщениями, изобилующими угрозами и ругательствами.

Дэвид, прочесывая блоги финансистов, юристов по коллективным гражданским искам, шпионов юридического мира, нашел сведения о том, что «Веррик» отказалась от переговоров по заключению мирового соглашения. Цена ее акций падала уже третий день подряд.

Ко второй половине дня фирма подала ходатайство об отсрочке рассмотрения и отзыв на ходатайство Джерри об исключении из списка адвокатов. Почти всю работу выполнил Дэвид, потому что Уолли сбежал из офиса, а Оскар оказался не особенно полезен. Дэвид вкратце поведал Рощель о катастрофе, и более всего ее встревожило, что Уолли опять запьет. Он продержался почти год, но она уже наблюдала у него рецидивы.

На следующий день Надин Керрос удивительно быстро подала отзыв на ходатайство адвокатов истца, возражая против предоставления дополнительного времени. Как и следовало ожидать, она не имела ничего против того, чтобы «Зелл энд Поттер» вышли из процесса. Долгая тяжба с

таким профессиональным оппонентом, как Джерри Алисандрос, могла бы стать настоящим испытанием, но Надин была уверена, что быстро расправится как с Финли, так и с Фиггом, а то и с обоими сразу.

На следующий день с почти устрашающей оперативностью судья Сирайт отклонил ходатайство о продлении срока. Первое слушание было назначено на 17 октября, потом рассмотрению предстояло продолжиться в обычном режиме. В своем расписании судья выделил на этот процесс две недели и считал несправедливым по отношению к участникам других разбирательств что-то менять. Мистер Фигт подал иск («стараясь устроить при этом как можно больше шума»), и у него было достаточно времени на подготовку к процессу. Добро пожаловать в игру под названием «Ускоренное рассмотрение».

Судья Сирайт резко отозвался о Джерри Алисандросе, но в конце концов удовлетворил его ходатайство об исключении из списка адвокатов. С точки зрения процедуры такие ходатайства почти всегда удовлетворялись. Судья заявил, что клиенту, Айрис Клопек, обеспечат адекватную юридическую защиту и после ухода мистера Алисандроса. По поводу термина «адекватный» можно было бы по diskutieren, но судья решил, что последнее слово останется за ним, поэтому не стал комментировать полное отсутствие опыта ведения дел в федеральном суде у мистера Фигга, мистера Финли и мистера Зинка.

Уолли оставалось только одно: подать ходатайство об отклонении иска по делу Клопека вместе с остальными семью делами. Богатство уплывало у него из рук, и он находился на грани нервного срыва. Но каким бы болезненным ни было отклонение иска, Уолли не мог представить себе без ужаса, как почти в полном одиночестве появится в зале суда, сгибаясь под невыносимым бременем дел тысяч жертв крейокса, и выступит в ходе разбирательства, от которого открес-

тились даже знаменитые судебные юристы. Нет, сэр! Он хотел выбраться из этого капкана вместе со всеми, кто попал в него. Оскар утверждал, что сначала необходимо известить клиентов. Дэвид придерживался мнения, что Уолли должен заручиться их согласием, прежде чем закроет дела. Уолли вяло согласился с обоими, но не мог заставить себя сообщить клиентам, что намерен ходатайствовать об отклонении их дел через пару дней после того, как разослал веселые письма, где пообещал по 2 миллиона долларов каждому.

Уолли уже обдумывал ложь. Он планировал сообщить Айрис, а потом и другим, что «Веррик» удалось добиться отказа в рассмотрении дел в федеральном суде, поэтому он и его коллеги изучают возможность их подачи в суд штата, но на это нужно время и так далее. Уолли было необходимо потянуть время, хотя бы на пару месяцев притормозить процесс, помешкать, наврать, обвинить в задержках большую нехорошую «Веррик лабз». Пусть пыль уляжется. Пусть мечты о легких деньгах растают. Через год или около того он солжет им снова, а со временем все обо всем забудут.

Он сам напечатал ходатайство и, закончив, долго разглядывал его. Наконец, заперев дверь и сбросив туфли, Уолли нажал кнопку «отправить» и попрощался со своим богатством.

Ему нужно было выпить. Ему нужно было провалиться в забытие. Один, беден, как никогда, с разбитыми вдребезги мечтами и растущими долгами, Уолли наконец дал слабину и заплакал.

ГЛАВА 35

Не так быстро, сказала миз Керрос. Ее оперативный и весьма резкий отзыв на то, что, как считал Уолли, было рутинным ходатайством о закрытии дела, обескураживал. Она

начала с того, что объявила: ее клиент настаивает на суде. Она в мельчайших подробностях описала все негативные статьи, которые обрушились за год на «Веррик лабз», причем многие из них создавались и поощрялись коллегией адвокатов истцов. К своему ходатайству она приложила папку толщиной в три дюйма, набитую подборкой статей, вышедших на территории всей страны. Каждую историю раздувал какой-нибудь крикливый юрист (и Уолли в том числе), поливавший «Веррик» грязью из-за крейокса и требовавший миллионов. Было бы страшно несправедливо позволить этим юристам развернуться и уйти без извинений перед компанией.

На самом деле ее клиент не хотел извинений. Он хотел справедливости. Он требовал проведения справедливого процесса перед судом присяжных. Не «Веррик лабз» начала эту битву, но, уж конечно, она собиралась ее закончить.

Наряду с ответом миз Керрос подала собственное ходатайство, какого в офисе «Финли энд Фигг» никогда не видели. Его название: «Правило номер 11 о ходатайствах о наложении санкций» приводило в ужас. А текст вполне мог снова отправить Уолли в реабилитационный центр, Дэвида — к «Рогану Ротбергу», а Оскара — на раннюю пенсию без всякого пособия. Миз Керрос весьма убедительно аргументировала свою позицию, указывая, что если суд удовлетворит ходатайство истца о закрытии дела, то это будет означать одно: иск изначально подавался по легкомыслию. То, что истец теперь просил об отклонении иска, явно свидетельствовало: дело не имело оснований и такой иск не следовало подавать в принципе. Однако девять месяцев назад он все-таки был подан, и ответчику, «Веррик», ничего не оставалось кроме того, чтобы усиленно защищаться. Таким образом, согласно положениям о санкциях Правила номер 11 Федеральных правил гражданского судопроиз-

водства, ответчик имел право получить возмещение затрат на защиту.

Пока, и миз Керрос подчеркнула, что счетчик продолжал стремительно отмерять отработанные часы, «Веррик лабз» потратила около 18 миллионов на собственную защиту. Примерно половина из них приходилась на дело Клопека. Это, несомненно, большая сумма, но она быстро указала, что истец потребовал 100 миллионов, подавая иск. С учетом природы процессов по коллективным гражданским искам с присущими им элементами массовой атаки для «Веррик лабз» было и остается обязательным защищаться при рассмотрении первого дела любой ценой. Закон не обязывает стороны выбирать дешевые юридические фирмы или искать выгодные предложения, когда так много поставлено на карту. «Веррик лабз» поступила мудро, выбрав фирму, за которой числилось много побед в зале суда.

Миз Керрос еще долго излагала подробности других необоснованных дел, в ходе рассмотрения которых федеральные судьи наказали явно недобропорядочных юристов, подавших в суд весь этот мусор, при этом упомянула двух человек из священного зала суда достопочтенного Гарри Л. Сирайта.

Правило номер 11 предусматривает, что санкции, если суд примет решение об их наложении, распространяются в равной степени на юристов и их клиентов.

— Эй, Айрис, знаете что? Вы задолжали половину от девяти миллионов, — пробормотал себе под нос Дэвид, надеясь хоть немного разбавить шуткой очередной удручающий день. Он продолжил читать письмо и когда закончил, его шея вспотела. Надин Керрос и ее маленькая армия в «Рогане Ротберге» написала его меньше чем за сорок восемь часов, и Дэвид отчетливо представлял себе мо-

лодых новобранцев за ночными бдениями, спящих за рабочим столом.

Уолли, прочитав письмо, улизнул из офиса, и потом его весь день никто не видел. Оскар, прочитав письмо, запер дверь кабинета, побрел к маленькому дивану, сбросил туфли и растянулся на нем, прикрыв глаза рукой. Через пару минут он не только принял такой вид, будто скончался, но в самом деле молился о скором конце.

Барт Шоу был юристом, который специализировался на том, что подавал иски против других юристов в связи с некомпетентностью. Прочно заняв эту нишу на тесном рынке, он заработал в коллегии адвокатов репутацию отверженного. Он дружил с парой юристов, но всегда считал, что иначе и быть не может. Барт был умен, талантлив и агрессивен, именно такой человек и требовался «Веррик» для работы, которая представлялась несколько сомнительной, но на деле не выходила за рамки этических стандартов.

После серии телефонных разговоров с Джуди Бек, соратницей Ника Уокера в юридическом департаменте «Веррик», Шоу согласился представлять интересы компании на условиях конфиденциальности. Он потребовал предварительный гонорар в 25 000 долларов, а его ставка составляла 600 долларов в час. Любые вознаграждения, заработанные на потенциальных исках о некомпетентности, также оставались за Шоу.

Сначала он позвонил Айрис Клопек, которая за месяц до суда периодически погружалась в состояние, смутно напоминавшее эмоциональную стабильность. Она не желала говорить с другим юристом, совершенно ей незнакомым, но все-таки призналась, что жалеет о сотрудничестве со своим адвокатом. Когда она резко повесила трубку, Шоу подождал час и набрал ее номер снова. После осторожного «Здравствуйте» Шоу пустился в атаку.

— Вам известно, что ваш адвокат пытается добиться отмены рассмотрения вашего дела? — спросил он. Айрис не ответила сразу, и он продолжил: — Миз Клопек, меня зовут Барт Шоу. Я юрист, представляю интересы людей, которых обманывают их собственные юристы. Адвокатская некомпетентность. Вот чем я занимаюсь, а ваш адвокат, Уолли Фигг, пытается избавиться от вашего дела. Думаю, вы можете подать против него иск. Он застрахован на случай некомпетентности, и, возможно, вам удастся получить с него немного денег.

— Я уже где-то об этом слышала, — тихо произнесла она.

Это была игра Шоу, и он без остановки говорил все следующие десять минут. Он описал ходатайство об отклонении дела и попытку Уолли избавиться не только от ее дела, но и от семи других. Наконец Айрис сказала:

— Но он обещал мне миллион долларов.

— Он обещал?

— О да!

— Это в высшей степени неэтично, хотя сомневаюсь, что мистер Фигг сильно беспокоится об этике.

— Он весьма скользкий тип, — заметила она.

— Как именно он пообещал вам миллион долларов?

— Прямо здесь, за кухонным столом, впервые, когда его увидела. А потом он это написал.

— Он — что? У вас есть письменное подтверждение?

— Я получила письмо от Фигга неделю назад или около того. Там говорилось, что они собираются договориться о компенсации в два миллиона долларов, то есть намного больше, чем обещанный миллион. Письмо у меня здесь. А что случилось с компенсацией? Как вас зовут, повторите еще раз?

Шоу беседовал с ней целый час, и оба страшно устали к концу разговора. Милли Марино стала следующей, и в

отличие от бедной Айрис, принимавшей лекарства, она соображала гораздо быстрее. Она ничего не знала ни о крахе планов на получение компенсации, ни о ходатайстве об отклонении исков, да и вообще не разговаривала с Уолли уже несколько недель. Как и в случае с Айрис, Шоу убедил ее не связываться с Уолли в ближайшее время. Это сделает именно Шоу, причем в нужный момент. Милли, обескураженная самым разговором и таким поворотом событий, сказала, что ей нужно время, чтобы собраться с мыслями.

Адаму Гранду никакого времени не требовалось. Он тут же начал проклинать Уолли. Как посмел этот маленький червяк ходатайствовать об отклонении иска, не посоветовавшись с ним? Последнее, что он слышал, — это компенсация в два миллиона. Черт возьми, Гранд собирался взяться за Фигга.

— И какая у него страховка на случай некомпетентности?

— Стандартный полис предусматривает выплаты до пяти миллионов долларов, но существует много вариантов, — объяснил Шоу. — Скоро мы все узнаем.

Пятая встреча фирмы состоялась после наступления темноты в четверг вечером, и Рошель пропустила ее. Она не хотела услышать еще больше плохих новостей и, кроме того, никак не могла помочь выйти из столь жалкого положения.

Письмо от Барта Шоу пришло днем и теперь лежало в центре стола. Объяснив, что «проконсультировался с шестью вашими клиентами, втянутыми в процесс по крейкосу, включая миз Айрис Клопек», он подчеркнул, что никто из шестерых человек его не нанял. Пока. Они ждали, что произойдет с их делами дальше. Однако он, Шоу, сильно обеспокоен попытками «Финли энд Фигг» избежать рассмотрения дел без уведомления клиентов. Такое поведение

нарушает все нормы профессиональной этики. Строго, но предельно ясно он дал наставление фирме по целому ряду вопросов: 1) этической обязанности добросовестно защищать интересы клиентов; 2) обязанности сообщать клиентам о любом движении по делу; 3) противоречащим этике выплатам за привлечение новых клиентов; 4) прямой гарантии благоприятного исхода с целью убедить клиента подписать контракт — и так далее. Он сурово предупредил их, что дальнейшие подобные промашки могут привести к неприятному судебному разбирательству.

Оскар и Уолли, которых не раз упрекали в неэтичном поведении, не столько боялись обвинений, сколько самого посыла Шоу. Выходило, что на фирму немедленно подадут в суд за некомпетентность, если дела будут отклонены. Дэвида обескураживало каждое слово в письме Шоу.

Они сидели за столом втроем, подавленные и униженные. Не слышалось ни брани, ни крика. Дэвид знал, что они уже поссорились в его отсутствие.

Выхода не было. Если иск Клопека отклонят, миз Керрос кастрирует их своими требованиями о наложении санкций, и старина Сирайт ее поддержит. Фирме выставят многомиллионные штрафы. Кроме того, эта акула Шоу довершит дело иском о некомпетентности и следующие два года будет пачкать их грязью.

Если они откажутся от своего ходатайства об отклонении иска, то перед ними маячит перспектива увязнуть в суде, до которого осталось всего двадцать пять дней.

Уолли машинально рисовал что-то в крупноформатном блокноте, как будто находясь под воздействием лекарств. Говорил в основном Оскар.

— Значит, либо мы избавимся от этих дел, и тогда нас ждет финансовый крах, либо через три недели войдем в федеральный суд в понедельник, чтобы выступить по делу, которое ни один юрист в здравом уме не посмел бы пред-

ставить присяжным. Это иск, по которому никто не несет ответственности, в котором нет ни экспертов, ни фактов, есть только клиентка, и в половине случаев она ведет себя как сумасшедшая, а во второй половине кажется невменяемой из-за приема лекарств. Клиентка, чей покойный муж весил триста двадцать фунтов и фактически заелся до смерти. С другой стороны, мы имеем взвод высокооплачиваемых и квалифицированных юристов с неограниченным бюджетом и экспертами из лучших больниц страны и судью, который явно отдает предпочтение нашим противникам, судью, которому мы совсем не нравимся, потому что он считает нас неопытными и некомпетентными, так, что еще? Что я упустил, Дэвид?

— У нас нет денег на судебные издержки, — сказал Дэвид лишь для того, чтобы дополнить список.

— Точно. Отличная работа, Уолли. Как ты и говорил, эти коллективные гражданские иски — настоящая золотая жила.

— Ну ладно, Оскар, — еле слышно взмолился Уолли. — Дай мне передышку. Я беру всю ответственность на себя. Это я во всем виноват. Бейте меня хлыстом для скота, если хотите. Только позвольте мне предложить вам сосредоточиться на чем-то более продуктивном в наших обсуждениях, хорошо, Оскар?

— Разумеется. Каков твой план? Удиви нас еще немного, Уолли.

— У нас нет иного выбора, кроме того, чтобы вступить в бой, — с трудом вымолвил Уолли. — Мы попытаемся собрать какие-то доказательства. Мы пойдем в суд и будем сражаться не на жизнь, а на смерть, а когда проиграем, скажем клиентам, а потом и этому подонку Шоу, что мы боролись на славу. В каждом разбирательстве кто-то выигрывает, а кто-то проигрывает. Конечно, нам надерут задницу, но на данном этапе я предпочел бы выйти из зала суда с

поднятой головой, чем иметь дело с наказанием и возбужденным иском о некомпетентности.

— Ты когда-нибудь выступал перед присяжными в федеральном суде, Уолли? — поинтересовался Оскар.

— Нет. А ты?

— Нет, — признался Оскар и посмотрел на Дэвида. — А ты, Дэвид?

— Нет.

— Так я и думал. Три новичка вкатываются в зал суда с красоткой Айрис Клопек, не имея никакого представления о том, что делать дальше. Ты упомянул что-то о сборе доказательств. Не просветишь нас, Уолли?

Уолли одарил его злобным взглядом.

— Мы пытаемся найти пару экспертов, кардиолога и, возможно, фармаколога. Есть много экспертов, которые подтвердят за деньги что угодно. Мы заплатим им, вызовем их в качестве свидетелей и будем надеяться, что они выдержат допрос.

— Никак они его не выдержат, потому что их показания будут ложными.

— Точно, но по крайней мере мы будем стараться, Оскар. По крайней мере мы сразимся с ними.

— Во что нам обойдутся эти шарлатаны?

Уолли посмотрел на Дэвида, и тот сказал:

— Сегодня днем я связался с доктором Борзовым, который осматривал наших клиентов. Он уже вернулся домой в Атланту, поскольку исследования внезапно прекратились. Доктор Борзов готов дать показания по делу Клопека за вознаграждение в размере... м-м... Кажется, он назвал семьдесят пять тысяч. У него довольно сильный акцент.

— Семьдесят пять тысяч? — повторил Оскар. — И вы даже не поняли его?

— Он русский, и его английский не идеален, что может сработать в нашу пользу на суде, поскольку мы хотим сбить присяжных с толку.

— Прости, я не улавливаю ход твоих мыслей.

— Что ж, ты мог бы и догадаться, что Надин Керрос изматывает парня на перекрестном допросе. Если присяжные поймут, насколько он никудышный специалист, наша позиция станет еще слабее. Но если присяжные начнут сомневаться из-за того, что не поймут его, возможно, да, возможно, нам придется не так туго.

— Этому тебя научили в Гарварде?

— На самом деле я не очень хорошо помню, чему меня учили в Гарварде.

— Так как же ты стал экспертом по работе в суде?

— Я не эксперт, но я много читаю и смотрю шоу Перри Мейсона. Малышка Эмма не очень хорошо спит, поэтому я часто слоняюсь по ночам.

— Уже лучше.

— Если нам немного повезет, — вставил Уолли, — мы найдем липового фармаколога тысяч за двадцать пять или около того. Будут еще кое-какие расходы, но пока «Роган» ведет не самые активные боевые действия.

— И нам известно почему, — сказал Оскар. — Они хотят суда, и поскорее. Они жаждут восстановления справедливости. Они хотят быстрого ясного вердикта, который возьмут и растиражируют по всему миру. Вы, парни, попали в их ловушку. «Веррик» заговорила о мировом соглашении, и ребята из коллегии адвокатов по коллективным гражданским искам начали скупать новые самолеты. Они тащили тебя, Уолли, за собой, пока до первого суда не остался один месяц, а потом сбили нас с ног. Твои близкие друзья в «Зелл энд Поттер» сбежали через заднюю дверь, и мы остались ни с чем, если не считать перспективы полного финансового краха.

— Мы уже говорили об этом, Оскар, — заметил Уолли. — Они выдержали паузу, чтобы разрядить ситуацию. Уолли спокойно проговорил: — Это здание стоит триста тысяч и не обременено долгами. Давай пойдем в банк, возьмем под него кредит в размере двухсот тысяч и отправимся на поиски экспертов?

— Этого я и ожидал, — сказал Оскар. — С чего нам продолжать кидать деньги в эту бездонную бочку?

— Да ладно, Оскар. Ты знаешь о судопроизводстве больше, чем я, хоть это и немного, но...

— Вот в этом ты прав.

— Недостаточно просто прийти в суд, начать процесс, обратиться к присяжным, а потом побежать в укрытие, когда Надин начнет палить по нам из пушек. Мы даже до самого процесса не доберемся, если не найдем пару экспертов. Это само по себе проявление некомпетентности.

— Держу пари, этот парень Шоу заявится посмотреть на нас в зал суда, — подоспел на помощь Дэвид.

— Точно, — отозвался Уолли. — И если мы хотя бы не попытаемся отстоять свою позицию, Сирайт сочтет иск необоснованным и наложит на нас санкции. Каким бы безумным это ни казалось, трата денег немного облегчит наш путь.

Оскар выдохнул и сцепил руки за головой.

— Это сумасшествие. Полное сумасшествие.

Уолли и Дэвид были согласны с ним.

Уолли отказался от ходатайства об отклонении дела и на всякий случай направил копии документов Барту Шоу. Надин Керрос забрала свой ответ и ходатайство о применении Правила номер 11 о наложении санкций. Когда судья Сирайт подписал оба постановления, выразив согласие с действиями сторон, «фирма-бутик» «Фин-

ли энд Фигг» вздохнула с облегчением. Теперь трое юристов уже не чувствовали себя так, как будто находятся под прицелом.

Изучив финансовые показатели фирмы, банк неохотно согласился выдать заем, даже под здание, не обремененное никакими долгами. Втайне от Хелен Дэвид подписал личную гарантию на кредитную линию, как и оба его партнера. Теперь, завладев 200 000 долларов, фирма занялась активной деятельностью, которую осложняло лишь то, что никто из троих понятия не имел, чем именно нужно заниматься.

Судья Сирайт и его клерки ежедневно просматривали папку с делом, и их беспокойство росло. В понедельник, 3 октября, всех юристов вызвали в кабинет судьи на неофициальную встречу для обмена последними новостями. Для начала судья заявил, что процесс начнется через две недели и ничто не изменит этого. Обе стороны сообщили, что готовы к суду.

— Вы наняли экспертов? — спросил он Уолли.

— Да, сэр.

— И когда, по-вашему, вы сможете поделиться этой информацией с судом и другой стороной? Вы и так опаздываете на несколько месяцев, вам это известно?

— Да, ваша честь, но нам попало несколько неопытных экспертов за это время, — сказал Уолли, проявив недюжинную изобретательность.

— Кто ваш кардиолог? — поинтересовалась Надин Керрос.

— Доктор Игорь Борзов, — так уверенно ответил Уолли, как будто Борзов слыл величайшим экспертом по болезням сердца во всем мире.

— Когда он может прибыть сюда для дачи показаний? — спросил судья.

— Когда угодно, — заявил Уолли. — Без проблем. — На деле же Борзов никак не решался поставить себя под удар даже за 75 000 долларов.

— Мы не станем выслушивать показания доктора Борзова, — резко проговорила миз Керрос. Другими словами, «я знаю, что он шарлатан, мне все равно, какие он даст показания, ибо я уничтожу его на глазах у присяжных». Она приняла это решение мгновенно, не советуясь со своими помощниками и не теряя на размышления двадцать четыре часа. От ее ледяной решимости бросало в дрожь.

— У вас есть фармаколог? — спросила она.

— Есть, — соврал Уолли. — Доктор Герберт Тредгилл. — Уолли действительно побеседовал с этим парнем, но они так и не договорились. Дэвид узнал его имя у своего друга Уорли из «Зелл энд Поттер». Тот утверждал, что Тредгилл — безумец, готовый на все ради денег. Но все оказалось не так-то просто. Тредгилл потребовал 50 000 в качестве компенсации за унижение, которому, несомненно, подвергнется в суде.

— Его показания нам тоже не понадобятся. — Миз Керрос едва заметно махнула рукой, и этот жест заменил десятки слов. Он тоже будет трупом.

Когда встреча закончилась, Дэвид настоял на том, чтобы Оскар и Уолли проследовали за ним в зал суда на четырнадцатом этаже здания Дирксена. Согласно сообщению на веб-сайте федерального суда, начинался важный процесс: гражданское дело о смерти старшего школьника семнадцати лет. Он скончался мгновенно, когда автопоезд пронесся на красный свет и сбил его. Автопоезд принадлежал компании из другого штата, так что дело подпадало под федеральную юрисдикцию.

Поскольку никто из «Финли энд Фигг» ни разу не выступал перед федеральным судом, Дэвид был убежден, что им стоит хотя бы посмотреть на это.

ГЛАВА 36

За пять дней до начала процесса судья Сирайт снова собрал юристов у себя в зале суда для последнего совещания. Трое новичков выглядели на удивление собранно и профессионально благодаря усилиям Дэвида. Он предложил им надеть темные костюмы, белые рубашки, галстуки, которые не отличались вульгарностью, и черные туфли. Для Оскара это не представляло серьезной проблемы, потому что он всегда одевался как юрист, хотя и уличный. Для Дэвида такая одежда была привычна, у него остался полный шкаф дорогих костюмов еще со времен работы в «Рогане Ротберге». Для Уолли же задача оказалась более сложной. Дэвид нашел магазин мужской одежды с умеренными ценами и пошел туда вместе с коллегой, чтобы помочь с выбором и проследить за примеркой. Уолли злился и выражал недовольство во время этого мучительного мероприятия и почти взбесился, когда ему насчитали 1400 долларов. В конце концов он достал кредитную карту. Они с Дэвидом затаили дыхание, когда кассир проводила ее. Платеж прошел успешно, и они поспешили ретироваться с мешками галстуков, рубашек и одной парой классических черных ботинок.

В другом конце зала суда восседала Надин Керрос в одежде от «Прада», окруженная дюжиной своих бойцовых псов, с головы до ног упакованных в «Зенья» и «Армани», как в рекламе глянцевого журнала.

Судья Сирайт, как обычно, не раскрыл список вероятных присяжных заседателей. Другие судьи раскрывали списки за несколько недель до суда, это неизменно способствовало найму консультантов по присяжным заседателям обеими сторонами и началу лихорадочного расследования. Чем крупнее было дело, тем больше денег тратилось на изучение пула присяжных. Судья Сирайт презирал эти сомнительные маневры. Много лет назад при рассмотрении одного из дел были выдвинуты обвинения в неподобающем поведении таких сыщиков. Будущие присяжные жаловались, что их отслеживают, преследуют, фотографируют и даже пытаются склонить к разговору сладкоголосые незнакомцы, которые слишком много о них знают.

Судья Сирайт призвал собравшихся к порядку, и его клерк передал один список Оскару, а другой — Надин Керрос. Там значилось шестьдесят людей, проверенных подчиненными судьи. Это позволяло исключить всех присяжных, которые 1) в данный момент или ранее принимали крейокс либо любой другой препарат для снижения уровня холестерина; 2) знали, что их родственник, член семьи или друг принимает или принимал крейокс; 3) когда-либо были представлены в суде юристом, имевшим хотя бы отдаленные связи с делом; 4) когда-либо участвовали в разбирательстве по поводу лекарства или якобы вредоносного продукта; 5) читали статьи в газетах или журналах о крейоксе и соответствующем судебном разбирательстве. В анкете из четырех страниц содержались вопросы и по другим областям; ответы на них могли дисквалифицировать будущего присяжного.

В течение следующих пяти дней «Роган Ротберг» потратит 500 000 долларов на серьезнейшее изучение пула присяжных. Как только начнется суд, они наймут трех высо-

кооплачиваемых консультантов, которые рассядутся в случайном порядке в зале суда и будут следить, как присяжные реагируют на показания. Услуги консультанта «Финли энд Фигг» стоили 25 000, и его наняли только после очередной ссоры в фирме. Эта дама обещала проверить вместе со своими юристами биографию типичного присяжного, собрать сведения о нем и наблюдать за процессом отбора. Ее звали Консуэло. Она быстро поняла, что еще никогда не работала с такими неопытными адвокатами.

После неприятных и, как правило, истеричных обсуждений было решено, что Оскар возьмет на себя роль главного юриста и перемещения по залу суда. Уолли будет наблюдать, советовать, записывать и делать все, что положено второму по старшинству, хотя ни один из них не знал наверняка, к чему это приведет. Дэвид будет отвечать за исследования — грандиозная задача, поскольку для всех троих это был первый суд и предстояло исследовать все и вся. В ходе напряженных дискуссий за столом Дэвид узнал, что последний раз Оскар выступал перед присяжными в суде штата восемь лет назад по относительно простому делу о несчастном случае: кто-перебежал-дорогу-на-красный-свет. Тем не менее Оскар проиграл. Послужной список Уолли оказался еще скромнее: дело о защите покупателя, поскользнувшегося в магазине «Уолл-март», по которому присяжные, посоветовавшись пятнадцать минут, вынесли решение в пользу магазина. Почти забытое дело об автомобильной аварии в поселке Уилметт тоже кончилось провалом.

Сцепившись по поводу стратегии, Оскар и Уолли обратились к Дэвиду, поскольку больше ни с кем посоветоваться не могли. Его голос имел решающее значение, и это сильно беспокоило его.

После того как списки были переданы, судья Сирайт прочел лекцию о взаимодействии с пулом присяжных. Он объяснил, что когда потенциальные присяжные придут утром в понедельник, он с пристрастием допросит их о том, не было ли неподобающих обращений к ним со стороны посторонних лиц. Не чувствуют ли они себя так, как будто кто-то вторгается в их жизнь, в их окружение? Не преследуют ли их и не фотографируют ли? Любые нарушения приведут его в негодование.

Он продолжал:

— Возражения по стандарту Добера не подавались, это позволяет мне предположить, что ни одна из сторон не намеревается поставить под сомнение компетентность экспертов другой стороны, я правильно понимаю?

Ни Оскар, ни Уолли понятия не имели о стандарте Добера, который практиковался уже много лет. Правило Добера позволяло каждой стороне оспорить приемлемость показаний эксперта другой стороны. Эта стандартная процедура для федеральных дел применялась примерно в половине штатов. Дэвид случайно узнал о ней десять дней назад, когда наблюдал за судом тут же, неподалеку. После небольшого расследования он понял, что Надин Керрос могла не допустить к суду их экспертов еще до начала суда. То, что она не потребовала провести слушание по стандарту Добера, могло означать только одно: миз Керрос хотела увидеть их экспертов на трибуне и разделаться с ними на глазах у присяжных.

После того как Дэвид объяснил суть правила партнерам, все трое приняли решение не подавать возражений по стандарту Добера против экспертов «Веррик». Такое решение объяснялось столь же просто, как решение Надин, но все было совсем наоборот. Ее эксперты были настолько опытны, образованны и квалифицированы, что подавать возражения по Доберу не имело смысла.

— Правильно, ваша честь, — ответила она.

— Правильно, — подтвердил Оскар.

— Нетипичная ситуация, хотя перегружать себя лишней работой я тоже не хочу. — Судья зашуршал бумагами и прошептал клерку: — Я не вижу ходатайств, которые остались бы нерассмотренными, поэтому нам ничего не остается кроме того, чтобы начать процесс. Присяжные будут здесь в восемь тридцать утра, и мы начнем слушание ровно в девять. Что-нибудь еще?

Ни слова от юристов.

— Очень хорошо. Благодарю обе стороны за столь плодотворное раскрытие и удивительную готовность к сотрудничеству. Надеюсь на справедливый и быстрый суд. Заседание закрыто.

Команда «Финли энд Фигг», быстро собрав папки и документы, ретировалась из зала суда. У выхода Дэвид попытался представить, как будет выглядеть это место через пять дней, когда здесь соберется около шестидесяти нервных присяжных, кроты из фирм по коллективным гражданским искам, готовые к кровопусканию, репортеры, биржевые аналитики, пытающиеся слиться с толпой консультанты по присяжным, самодовольные начальники из «Веррик» и обычные судебные наблюдатели. Комок подступил к его горлу, и ему стало трудно дышать. «Ты это переживешь, — говорил он себе. — Тебе всего тридцать два. Это не станет концом твоей карьеры».

В холле Дэвид предложил разделиться и посвятить пару часов наблюдению за другими судами, но Оскар и Уолли хотели уйти. Дэвид же, как это случалось последние две недели, прокрался в другой зал суда, где царила напряженная атмосфера, и сел вдали, на три ряда позади юристов.

Чем больше он смотрел, тем сильнее его завораживало искусство выступления в суде.

ГЛАВА 37

Первым провалом в разбирательстве по делу «Клопек против «Веррик лабз» оказалось то, что истец не смог явиться в суд. Услышав об этом в кабинете, судья Сирайт пришел в негодование. Уолли пытался объяснить, что Айрис срочно госпитализировали посреди ночи с жалобами на одышку, гипервентиляцию, сыпь и пару других симптомов.

Три часа назад, когда «Финли энд Фигт» вели лихорадочные обсуждения на предзасветной встрече фирмы, Уолли позвонили на мобильный. Барт Шоу, юрист по делам о некомпетентности, угрожал подать на них в суд, если дела по крейоксу не будут рассмотрены должным образом. Видимо, сын Айрис, Клинт, нашел телефон юриста и сообщил ему, что его мать везут на «скорой» в больницу и она не сможет явиться в суд. Клинт позвонил не тому юристу, и Шоу просто передал новости.

— Спасибо большое, осел, — сказал Уолли, прежде чем повесить трубку.

— Когда вы впервые узнали, что ее увезли в больницу? — Теперь вопросы задавал судья Сирайт.

— Пару часов назад, господин судья. Мы как раз готовились к суду, когда позвонил ее адвокат.

— Ее адвокат? Я думал, вы ее адвокаты.

Дэвид и Оскар готовы были сквозь землю провалиться. Голова Уолли разрывалась от боли, и он принял две таблетки обезболивающего. Он устремил взгляд в потолок, размышляя, как побыстрее выпутаться из этой ситуации.

— Да, что ж, видите ли, господин судья, все сложно. Но она в больнице. Я зайду навестить ее во время перерыва на обед.

Сидящая по другую сторону стола Надин Керрос сохраняла в меру обеспокоенный вид. Она знала все о Барте

Шоу и о том, что он запугивает «Финли энд Фигг». На самом деле это Надин и ее юристы нашли Шоу и рекомендовали его Николасу Уокеру и Джудии Бек.

— Уж позаботьтесь об этом, мистер Фигг, — строго сказал Сирайт. — И я хочу получить какие-нибудь документы от ее докторов. Полагаю, если она будет не в состоянии давать показания в суде, нам придется использовать ее письменные показания, данные под присягой.

— Да, сэр.

— Пора приступать к выбору присяжных заседателей. Полагаю, к концу дня жюри присяжных будет сформировано, так что начнете с утра, мистер Фигг. В идеале истец открывает рассмотрение дела, выступая с речью о дорогом ушедшем.

Разумеется, очень мило, что судья Сирайт рассказал, как надлежит вести дело в суде, подумал Уолли, хотя тон судьи показался ему снисходительным.

— Я поговорю с ее докторами, — повторил Уолли. — Это все, что я могу сделать.

— Что-нибудь еще?

Все юристы покачали головами и вышли из кабинета. Они друг за другом просочились в зал суда, который за последние пятнадцать минут успел заполниться. Слева за столиком юристов истца пристав рассадил шестьдесят потенциальных присяжных на длинных скамьях с мягкой обивкой. Справа несколько групп зрителей жужжали, ждали, перешептывались. Вдали вместе устроились Милли Марино, Адам Гранд и Агнес Шмидт — три другие жертвы, представляемые «Финли энд Фигг». Они пришли из любопытства и, вероятно, надеясь получить ответ, каким образом обещанный джекпот в один миллион долларов внезапно испарился. Их сопровождал Барт Шоу, падальщик, изгой, мерзейший негодяй из всех, кто встречается в юридическом мире. Спереди, через два ряда от них, сидел Гудлоу

Стамм, юрист, нанятый Полой Финли. До Стамма уже дошли слухи, и он знал, что маститые судебные юристы покинули корабль. И все же его интересовало, как будет разбираться дело, и он даже надеялся, что «Финли энд Фигг» сотворят чудо и заработают какие-то деньги для его клиентки.

Судья Сирайт призвал собравшихся к порядку, поблагодарил присяжных за выполнение долга перед отечеством. Он кратко пересказал суть дела, потом представил юристов и сотрудников зала суда, участвующих в процессе: секретаря судебного заседания, приставов, клерков. Объяснил, с чем связано отсутствие Айрис Клопек, и представил Николаса Уокера, сотрудника компании «Веррик лабз».

Просидев на месте судьи тридцать лет, Гарри Сирайт смыслил кое-что в отборе присяжных. Он считал, что важнее всего не давать слова юристам, насколько это возможно. У него был свой собственный список вопросов, с годами доведенный им до совершенства, и он разрешал юристам вносить замечания. Но говорил в основном сам.

Отбор проводился при помощи подробной анкеты. Она уже позволила исключить присяжных старше шестидесяти пяти лет, слепых или страдающих от недуга, который помешал бы их службе, и тех, кто уже был присяжным в течение последних двенадцати месяцев. Анкета отсекала и тех, кто признавался, что знает что-то о деле, о юристах или о препарате. Пока судья зачитывал вопросы, встал пилот и попросил исключить его из списков в связи с загруженностью на работе. В ответ судья Сирайт строго отчитал присутствующих, напомнив им о гражданском долге. Когда пилот сел, получив свое, никто больше не осмелился заявить, что слишком занят для того, чтобы служить родине. Избавили от этой необходимости только мать ребенка с синдромом Дауна.

В предыдущие две недели Дэвид поговорил как минимум с дюжиной юристов, которые участвовали в рассмотрении дел под председательством Сирайта. У всех судей были свои причуды, особенно у федеральных, поскольку их назначали пожизненно и их поступки редко подвергались критике. Каждый из юристов посоветовал Дэвиду затаиться во время отбора присяжных. «Старик сделает за тебя работу, требующую величайшей тщательности», — повторяли они.

Когда пул сузился до пятидесяти человек, судья Сирайт выбрал 12 случайных фамилий. Пристав проводил людей к ложе для присяжных, где они расположились в удобных креслах. Все юристы что-то сосредоточенно писали. Каждый консультант по присяжным сполз на краешек стула, уставившись на выбранную дюжину.

Разгорелись дебаты о том, каким должен быть образцовый присяжный по данному делу. Юристы со стороны истца предпочитали тучных людей с привычками столь же неприятными, как у Клопексов. Еще лучше, если они борются с высоким уровнем холестерина и другими проблемами со здоровьем из-за соответствующего образа жизни. Сидящие по другую сторону коридора юристы ответчика предпочитали подтянутые, упругие, молодые тела, которым не хватало ни терпения, ни сочувствия, чтобы выносить этих толстых больных людей. В первую группу попали люди всех мастей, хотя, судя по внешнему виду, только двое из них проводили много времени в спортзале. Судья Сирайт обрушил шквал огня на номер 35, даму, признавшуюся, что прочитала несколько статей о лекарстве. Однако стало очевидно, что она непредвзята и может быть справедливой. Отец номера 29 был доктором, и эта женщина выросла в доме, где слово «иск» считалось ругательством. Номер 16 когда-то подавал иск в связи с некачественными кровельными работами и был допрошен по это-

му поводу настолько подробно, что все присутствующие заезвали. Но судья продолжал сыпать бесконечными вопросами. Закончив, он пригласил представителя истца для опроса потенциальных присяжных, но речь могла идти лишь о темах, не затронутых в списке.

Оскар подошел к трибуне, повернутой к ложе присяжных заседателей. Он тепло улыбнулся присяжным и поздоровался с ними.

— У меня всего пара вопросов, — тихо сказал он, как будто делал это уже много раз.

С того приснопамятного дня, когда Дэвид Зинк буквально наткнулся на офис «Финли энд Фигг», Уолли неоднократно заявлял, что Оскара не так легко запугать. Вероятно, причина крылась в его тяжелом детстве, трудной службе уличного полицейского, долгой карьере на поприще защиты нервных супругов и пострадавших работников, или, возможно, в его ирландской крови, но какова бы ни была родословная Оскара Финли, он отличался чрезвычайной толстокожестью. Не исключено также, этому способствовал валиум. Но когда Оскар беседовал с двенадцатью потенциальными присяжными, ему удалось скрыть дрожь, нервное волнение и страх. Более того, он принял вид уверенный и спокойный. Задав пару легких вопросов и получив пару вялых ответов, Оскар сел.

Фирма сделала первый шагжок младенца в суде, не провалившись, и Дэвид немного расслабился. Его успокаивало то, что он третий в очереди. Конечно, Дэвид не был особенно уверен в своих коллегах, но по крайней мере они находились на линии огня, а он в каком-то смысле сидел в окопах. Дэвид не желал смотреть на войска «Рогана Ротберга», и казалось, он их тоже нисколько не интересуется. Наступил день игры, и они выступали в роли игроков. Они знали, что победят. Дэвид и его партнеры нехотя отвечали

на ходатайства, застряв в деле, теперь уже никому не угодном, и мечтали, чтобы все это закончилось.

Надин Керрос представилась потенциальным присяжным. В ложе присяжных оказалось пятеро мужчин и семь женщин. Мужчины в возрасте от двадцати трех до шестидесяти трех оглядели ее с головы до ног и одобрили. Дэвид сосредоточился на лицах женщин. По теории Хелен, женщины испытают к Надин Керрос смешанные и сложные чувства. Во-первых, что самое главное, их переполнит гордость, потому что женщина не только представляет сторону защиты, но и, как они вскоре поймут, она лучший юрист в этом зале суда. У некоторых гордость вскоре сменится завистью. Как может женщина быть такой красивой, стильной, стройной, при этом еще умной и успешной в мире мужчин?

В целом первое впечатление, произведенное ею на присяжных, было благоприятным, судя по лицам женщин. Все мужчины были в игре.

Вопросы Надин в основном относились к делу. Она говорила об исках, культуре судопроизводства в нашем обществе и уже привычных для всех новостях о возмутительных вердиктах. Это когда-либо волновало кого-то из присяжных? Некоторых — да, и Надин стала задавать еще более подробные вопросы. Супруг номера 8 оказался электриком из профсоюза — беспроектный вариант для любого истца, подавшего в суд на крупную корпорацию, и Надин, похоже, особенно заинтересовалась этой дамой.

Юристы «Финли энд Фигг» пристально наблюдали за Надин. Ее эффектная внешность, возможно, станет единственным, что порадует их на этом процессе, однако даже это скоро им надоест.

Через два часа судья Сирайт объявил тридцатиминутный перерыв, чтобы дать юристам время сравнить заметки, встретиться с консультантами и начать отбор. Каждая

сторона могла заявить требование об отводе присяжного, если имела на то весомые основания. Например, если присяжный заявил, что по какой-то причине у него может быть предвзятое мнение, либо его интересы когда-либо представляла одна из участвующих в деле юридических фирм, либо он признался, что ненавидит «Веррик», его исключали из списка по достаточным основаниям. Помимо этого, каждая сторона могла заявить три отвода без указания причин, то есть отстранить присяжного по любым основаниям или без каких-либо оснований вообще.

По прошествии тридцати минут обе стороны попросили предоставить им дополнительное время, и судья Сирайт отложил разбирательство до двух дня.

— Полагаю, за это время вы навестите своего клиента, мистер Фигг, — сказал он. Уолли заверил его, что так и поступит.

Выйдя из зала суда, Оскар и Уолли решили, что отправят Дэвида проведать Айрис и посмотреть, сможет ли она первой давать показания с утра во вторник. По словам Рошель, которая все утро потратила на переговоры по телефону с регистратурой больницы, Айрис увезли в отделение экстренной помощи при медицинском центре Христа. Прибыв туда в полдень, Дэвид узнал, что Айрис уехала час назад. Он помчался к ее дому близ аэропорта Мидуэй. При этом они с Рошель звонили ей каждые десять минут. Никто не брал трубку.

Тот же самый страшный рыжий кот свернулся у входной двери, наблюдая за Дэвидом одним сонным глазом, пока тот осторожно подбирался к нему по тротуару. Он помнил барбекю на крыльце. Он помнил алюминиевую фольгу на окнах. Он приходил сюда десять месяцев назад, через день после побега из «Рогана Ротберга» вместе с Уолли, размышляя, не сошел ли с ума. Теперь Дэвид снова задал себе тот же вопрос, однако не мог терять время на раз-

мышления. Он громко постучал в дверь и подождал, пока кот либо сдвинется, либо набросится на него.

— Кто это? — слышался мужской голос.

— Дэвид Зинк. Ваш адвокат. Это вы, Клинт?

Это был он. Клинт открыл дверь и спросил:

— Что вы здесь делаете?

— Я здесь, потому что ваша мать не явилась в суд. Мы отбираем присяжных, и федеральный судья несколько обескуражен тем, что Айрис пропустила заседание сегодня утром.

Клинт поманил его внутрь. Айрис лежала на диване под потрепанным стеганым одеялом, с закрытыми глазами, как кит, выброшенный на берег. На кофейном столике подле нее были журналы со светской хроникой, коробка из-под пиццы, пустые бутылки из-под диетической содовой и три плошки с лекарствами, выписываемыми по рецепту.

— Как она? — прошептал Дэвид, хотя уже примерно представлял как.

Клинт удрученно покачал головой.

— Плохо, — ответил он так, словно она могла умереть в любую минуту.

Дэвид сел на грязный стул, покрытый шерстью рыжего кота. Он не желал терять времени, к тому же ему было противно там находиться.

— Айрис, вы слышите меня? — громко спросил он.

— Да, — ответила он, не открывая глаза.

— Послушайте, суд идет полным ходом, и судье действительно необходимо знать, придете ли вы завтра. Нам нужно, чтобы вы дали показания и рассказали присяжным о Перси. Это, можно сказать, ваш долг как его наследницы и представителя семьи, понимаете?

Она хрюкнула, выдохнула, и откуда-то из глубины ее легких вырвался болезненный стон.

— Я не хотела этого суда, — солгала Айрис. — Этот мошенник Фигг явился сюда и уговорил меня. Пообещал мне миллион долларов. — Она открыла правый глаз и попыталась взглянуть на Дэвида. — Вы приходили с ним, теперь я вспоминаю. Я сидела здесь и занималась своими делами, а Фигг пообещал мне все эти деньги.

Ее правый глаз закрылся. Дэвид напирал:

— Вы видели доктора сегодня утром в больнице. Что он сказал? Каково ваше состояние?

— Лучше вы мне скажите. Это все нервы. Я не могу идти в суд. Это убьет меня.

Дэвиду вдруг пришла на ум очевидная мысль. Их делу, если его все еще можно так называть, будет нанесен еще больший урон, если Айрис появится перед присяжными. Процессуальные нормы предусматривали, что в случае, если свидетель по какой-то причине не может дать показания в суде (смерть, болезнь, тюремное заключение), дозволено отредактировать письменные показания и представить присяжным. Как бы слабы ни были ее письменные показания, он не мог представить ничего хуже, чем выступление живой Айрис.

— Как фамилия вашего доктора? — спросил Дэвид.

— Которого из них?

— Не знаю, назовите одного. Того, с кем вы встречались сегодня утром в больнице.

— Я ни с кем не встречалась сегодня. Я устала сидеть в отделении экстренной помощи, и Клинт привез меня домой.

— За последний месяц это случалось уже раз пять, — язвительно заметил Клинт.

— Неправда! — воскликнула она.

— Она все время такое устраивает, — объяснил Клинт. — Идет на кухню, заявляет, что устала и у нее одышка, а потом я уже знаю, что она вызывает по телефону службу 911.

Лично я сыт этим по горло. Вечно мне приходится тащить ее в эту чертову больницу и потом волочить обратно.

— Ну-ну! — Айрис открыла остекленевшие глаза, в которых, однако, светилась злоба. — Он был гораздо любезнее, когда ждал денег. Настоящий душка. Взгляните, как он сейчас издевается над своей бедной больной мамочкой.

— Прекрати звонить в 911, — попросил Клинт.

— Вы собираетесь давать показания завтра? — твердо спросил Дэвид.

— Нет. Я не могу выйти из дома, у меня не выдержат нервы.

— Это ведь не принесет никакой пользы, правда? — осведомился Клинт. — Это совершенно провальный иск. Тот, другой юрист, Шоу, говорит, будто вы, парни, такого наворотили с этим делом, что никто не выиграет.

Дэвид хотел ответить ему должным образом, но понял, что Клинт прав. Иск действительно был провальным. Благодаря «Финли энд Фигг» Клопеки попали в федеральный суд с безнадежным делом, и он вместе со своими партнерами плыл по течению и ждал конца.

Дэвид попросился и поспешил уйти. Клинт вышел за ним, и пока они шли по улице, сказал:

— Если хотите, я могу прийти в суд и выступить от имени семьи.

Если появление в суде Айрис только навредило бы делу, то и выступление Клинта было бы весьма некстати.

— Я должен об этом подумать, — ответил Дэвид из вежливости.

Присяжные и так насмотрятся на Клопеков на видео, когда будут изучать показания Айрис.

— Есть хоть какие-то шансы на то, что мы получим деньги? — спросил Клинт.

— Мы боремся, Клинт. Шанс есть всегда, но гарантий нет.

— Хоть какая-то уверенность не помешала бы.

* * *

В 16.30 присяжных выбрали, усадили, привели к присяге и отправили домой с указанием вернуться завтра в 8.45. Из двенадцати человек оказалось семь женщин, пять мужчин, восемь белых, трое черных и один латиноамериканец, хотя консультантам по присяжным казалось, что расовая принадлежность не определяющий фактор. Одна женщина страдала средней степенью ожирения. Остальные были в весьма хорошей форме. Их возраст был от двадцати пяти до шестидесяти одного, все закончили среднюю школу, и трое — колледж.

Юристы «Финли энд Фигг» сели во внедорожник Дэвида и направились в офис. Они были измотаны и, как ни странно, удовлетворены, ибо, встретившись лицом к лицу с мощью корпоративной Америки, пока не сломались под ее натиском. Конечно, суд еще не начался. Ни один свидетель не дал показания под присягой. Никакие доказательства еще не были предоставлены. Худшее ждало их впереди, но на тот момент они были в игре.

Дэвид подробно рассказал о своем визите к Айрис, и все трое согласились, что лучше держать ее подальше от зала суда. Первоочередной задачей на сегодняшний вечер было получение письма от врача, которое удовлетворило бы Сирайта.

Им еще многое предстояло сделать за тот вечер. Они купили пищу и взяли ее в офис.

ГЛАВА 38

Спокойствие понедельника и ненадолго забытый страх неминуемого поражения ко вторнику остались в прошлом. К тому времени, как команда «фирмы-бутика» вошла в зал суда, атмосфера вновь накалилась до предела. Начинал-

ся настоящий суд, и в воздухе чувствовалось сильное напряжение.

«Просто сделай это», — повторял Дэвид каждый раз, когда у него сводило желудок.

Судья Сирайт быстро поздоровался, особо приветствовал присяжных, потом объяснил, почему отсутствует миз Айрис Клопек, вдова и личный представитель Перси Клопека. Закончив, он произнес:

— Теперь каждая сторона скажет вступительное слово. Ничто из того, что вы услышите, доказательством не является. Скорее, речь пойдет о том, что юристы, как они полагают, докажут во время процесса. Предостерегаю вас не относиться к этим словам слишком серьезно. Можете продолжать, мистер Финли, от имени истца.

Оскар встал и подошел к трибуне со своим большим желтым блокнотом, положил его на трибуну, улыбнулся присяжным, бросил взгляд на документ, снова улыбнулся присяжным, потом перестал улыбаться. Несколько секунд прошло в тягостной тишине. Казалось, Оскар потерял нить рассуждений и не знал, что сказать. Он вытер лоб ладонью и упал вперед. Оскар рикошетом отскочил от трибуны и, ударившись, приземлился на покрытый ковром пол. Он стонал и корчился так, будто испытывал невыносимую боль. Поднялась суеда: к нему огромными прыжками бросились Уолли и Дэвид вместе с двумя приставами в полном обмундировании и парой юристов «Рогана Ротберга». Некоторые присяжные встали, словно желая помочь. Судья Сирайт ревел:

— Наберите 911! Наберите 911! — Потом: — Здесь есть доктор?

Никто, однако, не отважился признаться, что имеет медицинское образование. Один из приставов занялся пострадавшим, но вскоре стало ясно, что Оскар не просто

потерял сознание. Во всем этом хаосе, когда люди сгрудились над Оскаром, кто-то заметил:

— Он едва дышит.

Все еще больше засуетились, пытаясь помочь. Сотрудник, приписанный к Дому правосудия, прибыл через пару минут и склонился над Оскаром.

Уолли встал, попятился и оказался рядом с ложей присяжных. Не подумав, он попытался глупо пошутить. Уолли посмотрел на присяжных, указал на своего упавшего партнера и произнес столь знакомым всем голосом слова, которые еще многие годы будут повторять другие юристы:

— О, вот они, чудеса крейокса.

— Ваша честь, пожалуйста! — взвизгнула Надин Керрос. Одним присяжным шутка показалась смешной, другим — нет.

Судья Сирайт сказал:

— Мистер Фигг, отойдите от присяжных.

Уолли повиновался и вместе с Дэвидом ждал в другой части зала суда.

Присяжных забрали и отвели в специально предназначенную для них комнату.

— Суд откладывается на час, — объявил Сирайт. Спустившись с подиума, он встал рядом с ложей. Уолли подошел к нему.

— Прошу прощения за мой выпад, господин судья.

Тишина.

Специалисты «скорой помощи» прибыли с каталкой. Оскара пристегнули и выкатили из зала суда. Он так и не пришел в себя. У него прощупывался пульс, но очень слабый. Пока юристы и любопытствующие бродили вокруг, не зная, чем заняться, Дэвид прошептал Уолли:

— Он раньше страдал сердечными заболеваниями?

Уолли покачал головой:

— Нет, он всегда был подтянут и здоров. Похоже, его отец умер от чего-то похожего в молодости. Хотя Оскар никогда не распространялся о семье.

К ним подошел пристав и сказал:

— Судья хочет встретиться с юристами у себя в кабинете.

Опасаясь, что положение и так хуже некуда, Уолли решил: терять ему нечего. И, явившись в кабинет судьи, сказал:

— Господин судья, мне нужно в больницу.

— Минуточку, мистер Фигг.

Надин стояла рядом и всем своим видом выражала недовольствие. Особым тоном, отточенным на выступлениях в суде, она произнесла:

— Ваша честь, основываясь на неподобающих комментариях мистера Фигга, обращенных к присяжным, мы должны заявить о том, что разбирательство противоречит нормам правосудия.

— Мистер Фигг? — произнес его честь таким тоном, который явно давал понять, что до объявления разбирательства противоречащим нормам правосудия остались минуты, быть может, даже секунды.

Уолли тоже встал, но не знал, что ответить. Повинуясь интуиции, Дэвид сказал:

— Каким образом это повлияет на решение присяжных? Мистер Финли не принимал лекарство. Конечно, это было глупое замечание, но оно было вызвано всеобщей растерянностью, и ни о каком воздействии на присяжных речь не идет.

— Я не согласна, ваша честь, — возразила Надин. — Некоторые присяжные сочли шутку забавной и чуть не засмеялись. Называя шутку глупой, коллега явно недо-

оценивает ее. Очевидно, что она недопустима и пагубна для всего дела.

Объявление процесса противоречащим нормам правосудия означало, что разбирательство отложат, в чем и нуждалась команда истца. Черт возьми, они были готовы отложить его еще лет на десять.

— Ходатайство удовлетворено, — кивнул судья. — Я объявляю процесс противоречащим нормам правосудия. Дальше что?

Уолли рухнул на стул и побледнел. Дэвид сказал первое, что пришло на ум:

— Что ж, господин судья, нам явно потребуется больше времени. Как насчет отсрочки?

— Миз Керрос?

— Господин судья, разумеется, эта ситуация уникальна. Предлагаю подождать двадцать четыре часа и понаблюдать за состоянием мистера Финли. Думаю, справедливо отметить, что мистер Фигг подал иск и выступал в качестве основного юриста, до тех пор пока пару дней назад не поменялся ролями с мистером Финли. Уверена, он может защищать дело в суде не хуже своего старшего партнера.

— Хорошая мысль, — согласился судья Сирайт. — Мистер Зинк, пожалуй, лучше всего вам с мистером Фиггом поспешить в больницу и выяснить, как дела у мистера Финли. Держите меня в курсе, посылая электронные письма мне и миз Керрос.

— Обязательно, господин судья.

У Оскара случился острый инфаркт миокарда. Его состояние было стабильно, но первые обследования выявили значительную закупорку трех коронарных артерий. Дэвид и Уолли провели день в томительном напряжении в зале ожидания при отделении реанимации. Они убивали

время, обсуждая стратегию процесса, отправляя электронные письма судье Сирайту, утоляя голод тем, что предлагал автомат, и расхаживая по коридорам. Уолли был уверен, что ни Пола Финли, ни ее дочь Кили не пришли в больницу. Оскар съехал три месяца назад и уже с кем-то встречался, хотя и скрывал это. Ходили слухи, что Пола тоже нашла нового ухажера. В любом случае браку пришел счастливый конец, хотя им еще предстояло пережить развод.

В 16.30 медсестра подвела их к койке Оскара, чтобы они поздоровались с ним. Он бодрствовал, отовсюду торчали трубки, рядом стояли мониторы, но дышал Оскар самостоятельно.

— Отличное вступительное слово, — заметил Уолли и увидел слабую улыбку Оскара. Они не хотели упоминать о том, что процесс объявили противоречащим нормам правосудия. После нескольких неловких попыток завязать разговор оба поняли, что Оскар слишком устал и не в силах болтать, поэтому попрощались и ушли. На пороге медсестра сообщила им, что операцию назначили на семь часов утра.

В шесть часов утра Дэвид, Уолли и Рошель подошли к койке Оскара, чтобы пожелать ему удачи, прежде чем его увезут в операционную. Когда медсестра попросила их уйти, они отправились в кафетерий и позавтракали водянистой яичницей с беконом.

— Что будет с процессом? — поинтересовалась Рошель.

— Точно не знаю, но у меня предчувствие, что надолго это не затянется, — ответил Дэвид, прожевывая бекон.

Уолли помешивал кофе и наблюдал за двумя молодыми медсестрами.

— Похоже, нас обоих ждет повышение. Я стану главным, а ты пересядешь на место второго по старшинству.

— Значит, шоу продолжается? — спросила Рошель.

— О да, — произнес Дэвид. — Мы почти не имеем возможности контролировать то, что происходит сейчас. Всем заправляет «Веррик». Компания жаждет суда, потому что мечтает отомстить. Впечатляющая победа. Заголовки. Доказательства того, что чудодейственный препарат не так уж плох. И, что самое главное, судья явно на их стороне. — Он положил в рот еще кусочек бекона. — Так что у них есть факты, деньги, эксперты, талантливые юристы и судья.

— А что есть у нас? — спросила Рошель.

Юристы подумали и покачали головами:

— Ничего. У нас ничего нет.

— Пожалуй, у нас есть Айрис. — Уолли рассмеялся. — Прекрасная Айрис.

— И она даст показания перед присяжными?

— Нет. Один из ее докторов прислал электронное письмо, подтвердив, что она физически не может выступать в суде, — сказал Дэвид.

— И слава Богу, — вставил Уолли.

Без толку потратив целый час, все трое решили вернуться в офис и попытаться сделать что-то продуктивное. Дэвида и Уолли ждало множество дел перед судом. В 11.30 позвонила медсестра и сообщила хорошую новость: Оскара перевезли из операционной и он чувствует себя хорошо. Он не мог принимать посетителей еще сутки, и этому они тоже порадовались. Дэвид сообщил обо всем электронным письмом клерку судьи Сирайта и через пятнадцать минут получил ответ. Судья требовал, чтобы все юристы собрались у него в кабинете в два часа дня.

— Пожалуйста, передайте мистеру Финли, что я желаю ему здоровья, — равнодушно произнес судья Сирайт, как только юристы расселись: Дэвид и Уолли с одной стороны, Надин Керрос и четыре ее помощника — с другой.

— Спасибо, господин судья, — сказал Уолли.

— Наш новый план выглядит следующим образом, — продолжал Сирайт. — В пуле осталось тридцать четыре присяжных. Я вызову их в суд утром в пятницу, 21 октября, то есть через три дня, и мы выберем новых присяжных. В следующий понедельник, 24 октября, начнем пересмотр дела. Комментарии или проблемы?

О, множество, хотел сказать Уолли. Только с чего начать?

Юристы молчали.

Судья продолжал:

— Я понимаю, что, таким образом, у юристов истца остается немного времени, чтобы перегруппироваться, но убежден: мистер Фигг справится не хуже мистера Финли. Откровенно говоря, ни один из них не имеет опыта выступления в федеральном суде. Замена одного на другого в любом случае не повредит делу истца.

— Мы готовы к суду, — громко заявил Уолли.

— Хорошо. Теперь хочу добавить, мистер Фигг, что не потерплю больше ваших нелепых комментариев в суде, независимо от того, присутствуют ли в зале присяжные.

— Прошу прощения, ваша честь. — Уолли так изменился в лице, что это заметили все.

— Ваши извинения принимаются. Однако я оштрафую вас и вашу фирму за столь легкомысленное и непрофессиональное поведение в зале суда, и сделаю это снова, если вы перейдете грань.

— Это слишком сурово, — заметил Уолли.

Итак, кровопролитие продолжается, подумал про себя Дэвид. 75 000 — доктору Борзову. 50 000 — доктору Герберту Тредгиллу, эксперту-фармакологу, 15 000 — доктору Канье Миде, эксперту-экономисту. 25 000 — Консуэло, консультанту по присяжным. Добавить еще 15 000 на то, чтобы доставить всех экспертов в Чикаго, накормить, раз-

местить в приличных отелях, и Айрис Клопек вместе со своим покойным супругом обойдется «Финли энд Фигг» как минимум в 180 000 долларов. Теперь же из-за длинного языка Уолли они потеряли еще 5000.

Дэвид говорил себе, что это еще мелочь, которую им пришлось потратить для собственной защиты. В противном случае на них подали бы в суд за некомпетентность, да еще и наложили бы санкции за подачу необоснованного иска. По сути, они прожигали большие деньги, чтобы придать своему необоснованному иску вид обоснованного.

Таким ухищрениям не учили на юридическом факультете Гарварда, и он не слышал о подобном безумии за все пять лет в «Рогане Ротберге».

Наложение санкций Надин взяла в свои руки и объявила:

— Ваша честь, мы также подаем ходатайство по правилу номер 11. — Копии раздали присутствующим, и она продолжила: — Мы требуем наложения санкций на том основании, что необдуманные действия мистера Фигга на вчерашнем заседании привели к тому, что процесс объявили противоречащим нормам правосудия. Из-за этого наш клиент понес лишние расходы. Почему «Веррик лабз» должна оплачивать непрофессиональное поведение истца?

— Потому что учетная стоимость «Веррик» — 48 миллиардов, — быстро отозвался Уолли. — А мой чистый капитал гораздо меньше. — Странно, но никто не рассмеялся.

Судья Сирайт начал внимательно читать ходатайство. Заметив это, Дэвид и Уолли тоже углубились в чтение. После десяти минут тишины судья спросил:

— Каков ваш ответ, мистер Фигг?

Уолли с гримасой отвращения бросил копию ходатайства на стол.

— Знаете, господин судья, я ничего не могу поделать с тем, что эти ребята дерут по миллиону долларов в час. Они стоят неприлично дорого, но это не моя проблема. Если «Веррик» хочет прожигать деньги, это ее дело, у нее их полно. Но не втягивайте в это меня.

— Вы не поняли, о чем речь, мистер Фигг, — возразила Надин. — Мы не делали бы лишнюю работу, если бы не вы и если бы процесс не объявили противоречащим нормам правосудия.

— Но тридцать пять тысяч? Да ладно вам. Неужели вы действительно думаете, что столько стоите?

— Это зависит от исхода суда, мистер Фигг. Подав иск, сколько вы попросили? Миллион долларов или около того? Не стоит критиковать моего клиента за то, что он решил активно защищаться и нанял самых талантливых юристов.

— Давайте начистоту. Если во время суда вы и ваш клиент сделаете что-то для продвижения своей позиции, так сказать, начнете затягивать процесс, или, Боже упаси, совершите ошибку или что-то вроде того, я быстренько подам ходатайство о наложении санкций и заработаю деньги. Я прав, господин судья?

— Нет. Это будет необоснованное ходатайство согласно Правилу номер 11.

— Разумеется! — хохоча, произнес Уолли. — У вас сложилась отличная команда.

— Следите за собой, мистер Фигг, — одернул Уолли судья Сирайт.

— Перестань, — прошептал Дэвид. На пару секунд воцарилась тишина. Все ждали, когда Уолли успокоится. Наконец судья произнес:

— Я согласен, что повторного рассмотрения можно было бы избежать и это заставило ответчика понести дополнительные расходы. Однако считаю, что сумма в трид-

цать пять тысяч завышена. Я накладываю санкции, но не в таком размере. Десять тысяч долларов представляются мне вполне адекватной суммой. Решение принято.

Уолли выдохнул — очередной удар ниже пояса. Дэвид задумался о том, как ускорить переговоры, чтобы встреча скорее закончилась, причем благоприятно. «Финли энд Фигг» не могла позволить себе потерять еще больше. Он неубедительно проговорил:

- Господин судья, нам надо вернуться в больницу.
- Все свободны до утра пятницы.

ГЛАВА 39

Во второй состав присяжных вошло семь мужчин и пять женщин. Из двенадцати заседателей шесть оказались белыми, трое — черными, двое — азиатами и один — латиноамериканцем. В целом в новое жюри попало чуть больше синих воротничков, как и чуть больше тяжеловесов. Двое мужчин были чрезмерно тучными. Надин Керрос решила использовать отвод, чтобы исключить толстяков вместо представителей разных меньшинств, но пришла в недоумение при виде такого обилия полных людей вокруг. Консуэло была убеждена, что эти присяжные проявят к ним гораздо больше благосклонности, чем их предшественники.

В понедельник утром, когда Уолли поднялся с места и прошествовал к трибуне, Дэвид затаил дыхание. Уолли стоял на возвышении: еще один сердечный приступ — и Дэвид в очередной раз продвинется в очереди. Тогда ему придется выступать против соперника, имеющего явное преимущество. Он очень переживал за младшего партнера. Хотя Уолли потерял пару фунтов, когда кувыркался с Ди-

аной, на вид он по-прежнему был пухлым и неряшливым. Так что вероятность сердечного приступа у него была выше, чем у Оскара.

«Давай же, Уолли, ты можешь это сделать. Устрой им головомойку и, пожалуйста, никуда не падай».

Он не упал. Он вполне сносно изложил суть иска против «Веррик лабз», третьей по величине фармацевтической компании в мире, против «корпорации-мамонта» с главным офисом в Нью-Джерси, компании с долгой прискорбной историей замусоривания рынка плохими лекарствами.

Протест миз Керрос. Принят судьей.

Но Уолли проявлял осторожность и имел на то причины. Когда слово-другое может обойтись тебе в 10 000 долларов, ты вынужден ходить вокруг да около любого факта, который тебе доподлинно неизвестен. Говоря о лекарстве, Уолли чаще называл его «этот плохой препарат», чем крейокс. Иногда он сбивался, но в основном выступал по сценарию. Когда через полчаса он закончил, Дэвид вздохнул с облегчением и прошептал:

— Отличная работа.

Надин Керрос даром времени не теряла, защищая своего клиента и его продукт. Она начала с длинного, подробного, но весьма интересного списка всех потрясающих лекарств, которые «Веррик лабз» вывела на рынок за последние пятьдесят лет, лекарств, известных и вызывающих доверие у каждого американца, и других препаратов, о которых никто не слышал. Лекарства, которые мы даем своим детям. Лекарства, которые мы уверенно используем каждый день. Лекарства, которые ассоциируются с хорошим здоровьем. Лекарства, которые продлевают жизнь, убивают инфекции, предотвращают болезни и так далее. От больного горла и головной боли до вспышек холеры и эпидемии СПИДа — со всем этим «Веррик лабз» боролась

на передовой многие десятилетия, и мир стал лучше, безопаснее и здоровее благодаря ей. К тому времени как она закончила первый акт, многие в зале суда готовы были пожертвовать жизнью ради «Веррик».

Переключив передачу, как в автомобиле, Надин оставилась на препарате, о котором шла речь. Крейокс — лекарство столь эффективное, что его прописывают доктор — «ваши доктора» — гораздо чаще, чем любой другой препарат для снижения холестерина в мире. Она подробно описала, какие масштабные исследования велись при создании крейокса. Каким-то образом ей удалось рассказать о клинических тестах так, что слушать ее было интересно. Исследования одно за другим подтверждали, что лекарство не только эффективно, но и безопасно. Ее клиент, потратив четыре миллиарда долларов и восемь лет на исследование и разработку крейокса, гордился своим чудодейственным продуктом.

Стараясь особо не таращиться, Дэвид наблюдал за лицами присяжных. Все двенадцать ловили каждое слово Надин. Все двенадцать верили ей. Да и самого Дэвида она убедила.

Она говорила об экспертах, которых вызовет дать показания. Выдающиеся ученые и исследователи из таких учреждений, как клиника «Майо». Кливлендская клиника и Гарвардская медицинская школа. Эти мужчины и женщины потратили годы на изучение крейокса и знакомы с ним гораздо лучше, чем «борцы легкого веса», которых привлеч для показаний истец.

В завершение Надин выразила уверенность в том, что, выслушав все доказательства, присяжные поймут и поверят: в крейоксе нет абсолютно ничего плохого. Они удалятся в кабинет для совещаний и быстро вынесут вердикт ее клиенту, «Веррик лабз».

Дэвид наблюдал за семью мужчинами в тот момент, когда Надин удалялась. Все четырнадцать глаз внимательно следили за ней. Он бросил взгляд на часы: ее выступление длилось пятьдесят восемь минут, но они пролетели совсем незаметно.

Технические специалисты приступили к установке двух больших экранов, и, пока они работали, судья Сирайт объяснил присяжным, что вскоре всем покажут видеозапись показаний истца, миз Айрис Клопек, которая не может явиться в суд по состоянию здоровья. Ее показания были сняты и записаны на видео 30 марта в отеле в центре Чикаго. Судья заверил присяжных, что в этом нет ничего необычного и это никоим образом не должно повлиять на их решение.

Свет приглушили, и вдруг появилась Айрис, еще более, чем в жизни, поражавшая внушительными размерами. Нахмурившись, она смотрела в камеру, заторможенная, сбитая с толку и явно находясь под воздействием лекарств. Показания отредактировали и смонтировали заново, удалив все, что внушало сомнения, а также перепалки между юристами. Легко справившись с основными вопросами, Айрис заговорила о Перси. О его роли отца, о его карьере, привычках и его смерти. Приложения тоже были использованы и выведены на экран: фотографии Айрис и Перси, плескавшихся в воде с маленьким Клинтом; при этом оба родителя уже выглядели невероятно полными. Еще одна фотография Перси на барбекю с друзьями в преддверии поглощения братвурста* и гамбургеров 4 июля. Еще на одном снимке он восседал в кресле-качалке с рыжим котом на коленях. Похоже, кресло-качалка было его единственной физической нагрузкой. Вскоре все изображения слились в одно, создав точный образ Перси, но отнюдь не приятный. Он был очень крупным человеком, слишком мно-

* Немецкие колбаски для приготовления на гриле.

го ел, никогда не напрягался, отличался неряшливостью и рано умер по совершенно очевидным причинам. Временами Айрис вела себя слишком эмоционально. Иногда говорила почти бессвязно. Эта запись не вызывала к ней никакого сочувствия. Но, как хорошо знали судебные юристы Айрис, лучше было просмотреть запись, чем пригласить ее в зал суда. В смонтированном варианте видео длилось восемьдесят семь минут, и все в зале вздохнули с облегчением, когда оно закончилось.

Когда включили свет, судья Сирайт объявил, что настало время для ленча и они соберутся снова в два часа. Не говоря ни слова, Уолли растворился в толпе. Они с Дэвидом собирались быстро перекусить в здании и обдумать стратегию, но через пятнадцать минут Дэвид отказался от этой затеи и решил поесть один в кафе на втором этаже здания.

Оскара выписали из больницы, и теперь он восстанавливал силы в квартире Уолли. Рошель проверяла, как у него дела, дважды в день. Ни жена, ни дочь Оскара так и не объявлялись. Дэвид позвонил ему, вкратце рассказал о начале суда и немного приободрил. Оскар сделал вид, что ему это интересно, но по голосу было ясно: он счастлив, что находится в другом месте.

В два часа в зале суда воцарился порядок. Вот-вот должна была пролиться кровь, но Уолли казался необычайно спокойным.

— Вызовите своего следующего свидетеля, — произнес судья, и Уолли потянулся к блокноту.

— Это будет отвратительно, — прошептал он, и Дэвид почувал запах пива, которое выпил партнер.

Доктора Игоря Борзова провели на свидетельскую трибуну, куда судебный пристав положил Библию, чтобы он поклялся на ней. Борзов посмотрел на Библию и покачал

головой, отказавшись к ней прикоснуться. Судья Сирайт заинтересовался, в чем проблема, и Борзов сказал, что он атеист.

— Никакой Библии, — заявил он. — Я в это не верю.

Дэвид с ужасом наблюдал за происходящим. Давай же, ты, шарлатан, за 75 000 долларов мог бы и подыграть. После неловкой паузы судья Сирайт попросил пристава оставить Библию. Борзов поднял правую руку и поклялся говорить правду, но к тому моменту присяжные уже перестали его понимать.

Следуя тщательно выверенному сценарию, Уолли провел ритуал определения квалификации эксперта. Образование — медицинское училище и институт в Москве. Интернатура — последипломная практика в отделении кардиологии в Киеве, пара больниц в Москве. Опыт работы — недолгая служба в муниципальной больнице в Фарго, Северная Дакота, и частная практика в Торонто и Нэшвилле. Накануне вечером Уолли и Дэвид долго репетировали с Борзовым его выступление, умоляя его говорить медленно и четко. В приватной обстановке их офиса Борзова можно было понять. Но в центре битком набитого зала суда Борзов забыл все их просьбы и быстро отвечал на вопросы. Из-за акцента его речь едва походила на английскую. Секретарь судебного заседания дважды просила сделать паузу, чтобы уточнить сказанное.

Секретари судебных заседаний известны способностью разбирать почти невнятное бормотание, речевые дефекты, акценты, сленг, технические термины. То, что эта секретарь не могла понять Борзова, было ужасно. Когда она перебила Борзова в третий раз, судья Сирайт сказал:

— Я тоже не могу его понять. У вас есть переводчик, мистер Фигг?

Спасибо, господин судья. Некоторых присяжных повеселил этот вопрос.

Уолли и Дэвид действительно обсуждали вопрос о том, не пригласить ли переводчика с русского, но эта дискуссия осталась частью более обширного плана. План же состоял в том, чтобы забыть о Борзове, об экспертах вообще, забыть обо всех свидетелях и просто не прийти на процесс.

Задав еще пару вопросов, Уолли заявил:

— Мы считаем, что доктор Игорь Борзов может выступать экспертом-свидетелем в сфере кардиологии.

Судья Сирайт бросил взгляд на стол защиты:

— Миз Керрос?

Она встала и со зловещей улыбкой ответила:

— Возражений нет.

«Другими словами, мы отматаем ему столько веревки, сколько надо».

Уолли спросил доктора Борзова, изучал ли он историю болезни Перси Клопека. Он ответил явным «да». В течение получаса они обсуждали тягостную историю болезни Перси, потом начали занудный процесс привлечения записей из истории болезни в качестве доказательств. На это ушли бы часы, если бы не удивительная покладистость защиты. Миз Керрос могла бы возразить против предоставления массы материала, но она хотела, чтобы присяжные видели все. К тому времени как папку толщиной в четыре дюйма предоставили в качестве доказательства, некоторые из них уже с трудом следили за происходящим.

Дачу показаний существенно облегчило появление огромной схемы человеческого сердца. Ее вывели на большой экран, и доктора Борзова попросили разъяснить ее присяжным. Расхаживая туда-сюда перед экраном и пользуясь указкой, он вполне сносно описал клапаны, камеры и артерии. Когда Борзов говорил что-то, не понятное никому, Уолли весьма кстати повторял его слова для других. Уолли знал, что этот этап дачи показаний пройдет легче всего, поэтому не спешил. Добрый доктор, похоже, знал

свое дело, но и любой второкурсник медицинского университета разбирался в этом материале. Когда ознакомление со схемой было окончено, Борзов вернулся на свидетельскую трибуну.

За два месяца до смерти, наступившей во сне, Перси прошел ежегодный осмотр, включая ЭКГ и эхокардиографическое исследование, благодаря чему доктор Борзов получил материалы для выступления. Уолли передал ему эхокардиограмму, и следующие пятнадцать минут эти двое посвятили обсуждению основ эхокардиографического исследования. В эхокардиограмме Перси отмечалось значительное снижение регургитации крови из левого желудочка.

Дэвид затаил дыхание, когда юрист и свидетель ступили на минное поле технического и медицинского жаргона. Это была катастрофа.

Крейкс якобы повреждал митральный клапан таким образом, что это затрудняло кровоток при сокращении сердца. Пытаясь объяснить это, Борзов использовал термин «фракция изгнания левого желудочка». Когда его попросили растолковать это присяжным, Борзов сказал:

— На самом деле фракция изгнания — это конечный диастолический объем минус конечный систолический объем, объем желудочка. И если это поделить на общий внутренний объем и умножить на 100 процентов, то получится фракция изгнания. — Такая речь была бы непонятна непосвященным, даже если бы ее произнесли медленно и на прекрасном английском. В устах доктора Борзова это звучало как бессвязная чушь и вызывало лишь печальную улыбку.

Надин Керрос встала и произнесла:

— Прошу вас, ваша честь.

Судья Сирайт покачал головой, как будто его ударили, и сказал:

— Давайте же, мистер Фигг.

Трое присяжных уставились на Дэвида так, будто он оскорбил их. Другие едва сдерживали смех.

Продолжая толочь воду в ступе, Уолли попросил свидетеля говорить медленно, четко и по возможности понятным языком. Они продвигались дальше, Борзов старался изо всех сил, Уолли повторял почти все, что он говорил, пока не удалось добиться какой-то ясности, хотя на самом деле они и близко к этому не подошли. Борзов распространялся на темы степени митральной недостаточности, регургитации в левой артериальной зоне и уровня тяжести митральной регургитации.

После того как присяжные давно отступились, Уолли задал ряд вопросов по поводу толкования эхокардиограммы, на что последовал ответ:

— Если бы желудочек был полностью симметричным и не наблюдалось отклонений при сокращении стенок или в геометрии, она представляла бы собой продолговатый эллипсоид. Здесь обозначен плоский конец и заостренный конец и плавная волна, эллипсоидная фракция. Таким образом, при сокращении желудочка все равно получился бы продолговатый эллипсоид, но все стенки тоже должны были бы сокращаться, за исключением митрального клапана.

Секретарь судебного заседания подняла руку.

— Простите, ваша честь, но я этого не понимаю. — Судья Сирайт закрыл глаза и опустил голову, будто тоже оставил всякие надежды и хотел только того, чтобы Борзов быстрее закончил и убрался из зала суда.

— Объявляю перерыв на пятнадцать минут, — пробормotal он.

Уолли и Дэвид сидели молча перед двумя нетронутыми чашками кофе в маленьком кафе. Был понедельник, 16.30, но оба чувствовали себя так, будто провели месяц

в зале суда Сирайта. Ни один из них не желал оказаться там снова.

Дэвид, потрясенный безобразным выступлением Борзова, размышлял и об алкоголизме Уолли. Тот не казался пьяным и не походил на человека, находящегося под воздействием наркотических веществ; но для алкоголика всякое возвращение к бутылке сулило неприятности. Дэвид хотел задать ему пару вопросов и проверить, все ли в порядке, но ни время, ни место к этому не располагали. Зачем поднимать такую тяжелую тему при столь ужасных обстоятельствах?

Уолли устался на пятно на полу и не двигался, словно находясь в другом измерении.

— Думаю, присяжные нас не поддерживают, — заметил Дэвид.

Уолли улыбнулся:

— Присяжные нас ненавидят, и я не виню их. Мы даже до упрощенного судопроизводства не доберемся. Как только закончим выступать по делу, Сирайт выгонит нас из суда.

— Такой стремительный конец? Но и его винить нельзя.

— Быстрый и милосердный конец, — произнес Уолли, по-прежнему глядя в пол.

— Что это означает в отношении других вопросов, таких, как санкции и некомпетентность?

— Кто знает? Думаю, об исках в связи с некомпетентностью можно забыть. Не подают же в суд на тех, кто проиграл дело. А вот санкции — совсем другая история. Я так и вижу, как «Веррик» пытается ударить нас по самому больному месту, заявляя, что дело было подано без оснований.

Дэвид наконец отхлебнул кофе.

— Я все думаю о Джерри Алисандрозе, — сказал Уолли. — Хотел бы я поймать его где-нибудь на улице и избить до бесчувствия бейсбольной битой.

— Это приятная мысль.

— Пойдем. Покончим с Борзовым и отправим его вояси.

Следующий час весь зал суда содрогался, просматривая видеозапись про эхокардиограмму Перси, а доктор Борзов пытался объяснить, что они видят. Свет приглушили, и некоторые присяжные клевали носом. Когда видео закончилось, Борзов вернулся на свидетельскую трибуну.

— Сколько еще времени вам нужно, мистер Фигг? — спросил судья.

— Пять минут.

— Продолжайте.

Даже самые шаткие дела требуют определенных волшебных слов. Уолли хотел вставить их быстро, пока присяжные еще находились в коматозном состоянии, и, быть может, посеять смуту в рядах защиты.

— Итак, доктор Борзов, сложилось ли у вас на основании медицинских фактов мнение относительно того, что послужило причиной смерти мистера Перси Клопека?

— Сложилось.

Дэвид наблюдал за Надин Керрос, которая могла бы легко исключить все экспертные показания Борзова по целому ряду причин. Похоже, она не видела в этом смысла.

— И каково ваше мнение?

— По моему мнению, основанному на медицинских фактах, мистер Клопек скончался от острого инфаркта миокарда или сердечного приступа. — Свое мнение Борзов излагал медленно и теперь говорил по-английски гораздо более четко.

— А у вас есть мнение относительно того, что вызвало этот сердечный приступ?

— По моему мнению, основанному на медицинских фактах, сердечный приступ вызвало увеличение левого желудочка.

— А у вас есть мнение относительно того, что вызвало увеличение левого желудочка?

— По моему мнению, основанному на медицинских фактах, увеличение левого желудочка вызвало употребление препарата для снижения холестерина под названием крейокс.

По крайней мере четверо присяжных покачали головами. Двое других приняли такой вид, будто хотели встать и выкрикнуть пару оскорблений в адрес Борзова.

В шесть часов вечера свидетеля наконец отпустили, а присяжных отправили домой.

— Заседание откладывается до девяти утра завтрашнего дня, — объявил судья Сирайт.

По дороге в офис Уолли заснул на пассажирском сиденье. Застрыв в пробке, Дэвид проверил мобильный, потом вошел в Интернет, чтобы взглянуть на рыночные котировки. Акции «Веррик» подскочили с 31 доллара 50 центов до 35 долларов за штуку.

Новости о неминуемой победе компании быстро распространялись.

ГЛАВА 40

За первые два месяца малышке Эмме предстояло лишь научиться спать всю ночь. Заснув в восемь, она обычно просыпалась к одиннадцати, чтобы перекусить и надеть чистый подгузник. После того как Эмму долго носили на

руках и укачивали в кресле-качалке, ее удавалось уложить в полночь, но уже в три часа она снова просыпалась от голода. Сначала Хелен отчаянно боролась за грудное вскармливание, но через шесть недель вымоталась и познакомила дочь с бутылочкой. Отец Эммы тоже не слишком много спал, и обычно они тихо ворковали, перекусывая в предрассветный час, пока мамочка нежилась под одеялом.

Ранним утром во вторник, около 4.30 Дэвид осторожно положил дочь в колыбельку, выключил свет и на цыпочках вышел из комнаты. Он отправился на кухню, сварил кофе, и пока он настаивался, вошел в Интернет посмотреть новости, прогноз погоды и юридические блоги. Один блогер, в частности, следил за процессами по крейоксу и делом Клопека, и Дэвид убеждал себя не читать его. Но не смог.

Заголовок гласил: «Резня в зале суда 2314». Блогер, известный под ником «Повешенный присяжный», то ли не знал, на что потратить время, то ли работал на «Рогана Ротберга». Он написал:

Тем, кого распирает смертельное любопытство: торопитесь в зал суда в федеральное здание Дирксена на второй раунд первого и, вероятно, последнего в мире дела по крейоксу. Тем же, кто не может прийти, скажу, что это примерно то же самое, что наблюдать за крушением поезда при замедленной съемке, к тому же это чертовски весело. Вчера, в первый день, присяжным и зрителям продемонстрировали жуткое зрелище в виде вдовы Айрис Клопек, которая свидетельствовала на видеозаписи. Якобы она не может присутствовать в суде по медицинским показаниям, хотя один из моих шпионов видел, как вчера вдова закупала бакалейные товары в магазине «Доминик» на Пуласки-роуд (нажмите, чтобы посмотреть фото). Это дамочка внушительных размеров, так

что, когда вчера ее лицо появилось на экране, все испытали шок. Сначала она казалась заторможенной, как будто находилась под воздействием лекарств, но по мере дачи показаний их эффект ослабевал. Ей даже удалось пустить слезу, когда она говорила о своем любимом Перси, почившем в возрасте сорока восьми лет при весе в 320 фунтов. Айрис хочет, чтобы присяжные присудили ей кучу денег, так что она изо всех сил пыталась вызвать сочувствие. Не получилось. Большинство присяжных подумали то же, что и я: если бы вы, ребята, не были такими толстыми, не имели бы таких проблем со здоровьем.

Ее команда мечты, теперь уже без своего предводителя, который и сам свалился с сердечным приступом, представ перед настоящими присяжными, пока сделала лишь один блестящий ход, решив не допускать Айрис в зал суда и к присяжным. Большого блеска от этих легковесов ждать не приходится.

Их вторым свидетелем стал «звездный» эксперт, дипломированный знахарь из России, который за пятнадцать лет пребывания в нашей стране так и не освоил английский язык хотя бы на базовом уровне. Его зовут Игорь. И когда Игорь говорит, никто его не слушает. Защита легко могла бы выставить Игоря вон на основании того, что он не имеет достаточной квалификации; его недостатки можно перечислять бесконечно. Однако складывается впечатление, что защита придерживается следующей стратегии: предоставить юристам истца полную свободу и позволить самим показать, что их дело лишено оснований. Защита хочет, чтобы Игорь стоял на трибуне: это играет ей на руку!

Достаточно! Дэвид закрыл ноутбук и отправился за кофе. Он принял душ, тихо оделся, поцеловал на прощание Хелен, взглянул на Эмму и вышел. Повернув на Престон, он заметил, что в офисе «Финли энд Фигг» горит свет.

Было 5.45, и Уолли усердно работал. Хорошо, подумал Дэвид, быть может, младший партнер разработал какую-то новую теорию, которую можно использовать против Нэдин Керрос и Гарри Сирайта и хотя бы ненадолго избавить их от унижения. Но машины Уолли за зданием не было. Задняя дверь оказалась открытой, как и основная. Эй-Си возбужденно расхаживал по первому этажу. В кабинете он не нашел Уолли, его нигде не было видно. Дэвид запер двери и отправился в офис наверху в сопровождении Эй-Си. У себя на столе он не нашел никаких записок, как и новых электронных писем в ящике. Он позвонил Уолли на мобильный и услышал голосовую почту. Странно, хотя у Уолли каждый день складывался по-разному. Однако ни он, ни Оскар никогда не оставляли офис открытым да еще и с включенным светом.

Дэвид попытался просмотреть материалы, но не смог сосредоточиться. Он очень нервничал из-за суда, и теперь у него появилось неприятное предчувствие, будто что-то еще пошло не так. Дэвид спустился и быстро осмотрел кабинет Уолли. Мусорное ведро рядом с небольшим сервировочным столиком пустовало. Пересилив себя, Дэвид выдвинул пару ящиков, но ничего интересного не нашел. На кухне, рядом с узким холодильником, стояло высокое круглое ведро, куда выбрасывали кофейную гущу вместе с упаковками от еды, пустыми банками и бутылками. Дэвид вытащил белый пластиковый пакет, широко раскрыл его и нашел то, что боялся найти больше всего. Сбоку, поверх стаканчика из-под йогурта, лежала пустая бутылка водки «Смирнофф» в одну пинту. Дэвид вытащил ее, промыл в раковине, ополоснул руки, отнес наверх, поставил на стол и долго смотрел на нее.

Уолли выпил несколько порций пива за обедом, потом провел часть ночи в офисе, употребляя водку, и в какой-то

момент решил уйти. Очевидно, был пьян, потому что оставил свет и не запер двери.

Они договорились встретиться в 7.00, чтобы выпить кофе и обсудить работу. К 7.15 Дэвид забеспокоился. Он позвонил Рошель и спросил, не звонил ли ей Уолли.

— Нет, а что-то не так? — спросила она, как будто Уолли всегда мог преподнести неприятный сюрприз.

— Нет, я просто ищу его, только и всего. Вы будете в офисе к восьми, верно?

— Я уже выхожу из дома. Забегу провести Оскара, потом приду на работу.

Дэвид хотел позвонить Оскару, но не смог себя заставить. Шесть дней назад он пережил тройное шунтирование, и Дэвид не решился его расстраивать. Он прогулялся по зданию, покормил Эй-Си, снова позвонил Уолли на мобильный. Ничего. К восьми часам прибыла Рошель и сообщила, что Оскар в порядке, но Уолли не появлялся.

— Вчера ночью он не приходил домой, — сказала она. Дэвид показал ей пустую бутылку из-под водки:

— Я нашел это в мусорном ведре на кухне. Уолли вчера напился прямо здесь, оставил двери открытыми и, уходя, не выключил свет.

Рошель, посмотрев на бутылку, чуть не расплакалась. Она выхаживала Уолли после предыдущих падений и ободряла его в процессе отвыкания. Она держала его за руку, молилась за него, плакала из-за него и радовалась вместе с ним, когда он весело подсчитывал «трезвые» дни. Год, две недели и два дня, и теперь перед ними стояла пустая бутылка.

— Видимо, он все-таки сломался под таким напором, — констатировал Дэвид.

— Падая, он опускается очень низко, Дэвид, и каждый раз все ниже и ниже.

Дэвид поставил бутылку на стол.

— Но он так гордился тем, что оставался трезвым. Не могу в это поверить. — Во что он действительно не мог поверить, так это в то, что команда мечты (или три желторотика) развалилась и остался только один игрок. И хотя его партнерам, мягко говоря, не хватало опыта работы в суде, по сравнению с ним они казались почтенными ветеранами. — Думаете, он появится в суде? — спросил Дэвид.

Рошель так не думала, но у нее не хватило духу сказать правду.

— Вероятно, да. Вам пора идти.

Поездка до центра города оказалась долгой. Дэвид позвонил Хелен и поделился новостью. Она пришла в такое же недоумение, как и ее муж, и предположила, что у судьи не останется иного выбора, кроме того, чтобы отложить разбирательство. Дэвиду понравилась эта мысль, и к тому времени как ему удалось припарковаться, он принял решение: если Уолли не появится, придется уговорить судью Сирайта отложить слушание. В сущности, отсутствие двух ведущих юристов — убедительное основание либо для объявления процесса противоречащим нормам правосудия, либо для отсрочки рассмотрения.

В зале суда Уолли не было. Дэвид сидел один за столом обвинения, пока в зал по очереди заходили члены команды «Рогана Ротберга», а зрители рассаживались по местам. В 8.50 Дэвид подкрался к приставу и сообщил, что ему нужно поговорить с судьей Сирайтом, и это срочно.

— Идите за мной, — сказал пристав.

Судья Сирайт облачился в черную мантию, когда Дэвид вошел в его кабинет. Опустив традиционные приветствия, Дэвид начал:

— Господин судья, у нас проблема. Мистер Фигг в самовольной отлучке. Его здесь нет, и, думаю, он не появится.

Судья разочарованно вздохнул и продолжил не спеша застегивать молнию на мантии.

— Вы не знаете, где он?

— Нет, сэр.

Судья Сирайт посмотрел на пристава и сказал:

— Сходите за миз Керрос.

Когда пришла Надин, на этот раз одна, она и Дэвид сели вместе с судьей в конце длинного стола для переговоров. Дэвид рассказал все, что знал, и без прикрас описал отношения Уолли с алкоголем. Они проявили сочувствие, хотя и не сказали толком, как это отразится на суде. Дэвид признался, что совершенно не готов доводить начатое дело до конца, да и не считает себя подходящим для этого человеком, однако ему и подумать страшно, что фирме придется еще раз представлять дело в суде.

— Давайте посмотрим правде в глаза, — честно сказал он. — Наши позиции не особенно сильны, и мы знали об этом, когда начинали. Мы продавливали этот процесс дальше, как только могли, но лишь для того, чтобы избежать санкций и исков о некомпетентности.

— Вы просите об отсрочке? — спросил судья.

— Да. Думаю, это было бы справедливо при таких обстоятельствах.

— Мой клиент воспрепятствует всяким попыткам затянуть процесс, — возразила Надин, — и я уверена, они используют все рычаги, чтобы завершить его быстрее.

— Сомневаюсь, что отсрочка поможет, — заметил судья Сирайт. — Если мистер Фигг вернулся к бутылке, и пьет так много, что не в состоянии явиться в суд, возможно, потребуется какое-то время на его реабилитацию, пока он

сможет полноценно чувствовать себя в процессе. Я не склонен рассматривать вариант отсрочки.

Дэвид не мог спорить с таким логичным заявлением.

— Господин судья, я не знаю, что делать. Я никогда не представлял дело в суде.

— Я не заметил, чтобы мистер Фигг имел в этом большой опыт. На его уровне вы уж точно сможете выступать.

Все трое молча размышляли над этой весьма своеобразной задачей. Наконец Надин сказала:

— Предлагаю сделку. Если вы завершите процесс, я обещаю убедить моего клиента забыть о санкциях по Правилу номер 11.

Судья Сирайт тут же подключился:

— Мистер Зинк, если вы доведете дело до конца, гарантирую, что санкции не будут наложены ни на вас, ни на вашего клиента.

— Отлично, а как насчет исков по поводу некомпетентности?

Надин промолчала, а судья ответил:

— Сомневаюсь, что здесь у вас возникнут проблемы. Я не слышал, чтобы кто-то выиграл иск о некомпетентности против юриста, который всего лишь проиграл дело в суде.

— Я тоже, — вставила Надин. — В каждом деле есть победитель и проигравший.

Разумеется, подумал Дэвид, должно быть, приятно все время выигрывать.

— Поступим так, — решил судья. — На сегодня объявим перерыв, я отправлю присяжных домой, а вы постарайтесь найти мистера Фигга. Если он вдруг появится завтра, мы продолжим так, будто ничего не случилось, и я не стану наказывать его за сегодняшнее. Но если вы его не найдете или он не сможет в дальнейшем участвовать в про-

цессе, мы возобновим разбирательство в девять утра. Вам придется постараться, а я помогу вам в меру моих возможностей. Мы завершим процесс и на этом поставим точку.

— Как насчет апелляции? — спросила Надин. — Потеря двух ведущих юристов может послужить убедительным аргументом для нового суда.

Дэвид через силу улыбнулся:

— Обещаю: апелляции не будет, во всяком случае, я принимать в этом участия не собираюсь. Это дело и так обанкротит нашу маленькую фирму. Мы уже заняли деньги на ведение дела в суде. Я не могу даже представить себе, чтобы мои партнеры потратили еще больше времени, дурачась с апелляцией. Если бы у них была хоть какая-то надежда на победу, им пришлось бы вернуться и снова представлять дело суду. Этого они хотят меньше всего.

— Ладно, так мы договорились? — спросил судья.

— Да, — ответила Надин.

— Мистер Зинк?

У Дэвида не было выбора. Продолжив выступать в суде, пусть даже один, он мог спасти фирму от угрозы наложения санкций и, вероятно, исков о некомпетентности. У него оставался лишь один вариант — потребовать отсрочки рассмотрения. Получив отказ и в этом, он должен был объявить о том, что прекращает участвовать в процессе.

— Конечно, мы договорились.

Дэвид не спешил, направляясь в офис. Он постоянно напоминал себе, что ему всего тридцать два и на этом его карьера юриста не закончится. Как-нибудь он переживет следующие три дня. Через год обо всем этом практически забудут.

Уолли так и не наведалься на работу. Дэвид заперся в кабинете и провел остаток дня за чтением протоколов других

процессов, рассмотрением показаний по другим делам, изучением процессуальных норм и сбора доказательств. Он то и дело боролся с позывами на рвоту.

За ужином Дэвид без всякого аппетита ковырялся в тарелке, рассказывая обо всем Хелен.

— А сколько юристов с другой стороны? — поинтересовалась она.

— Не знаю. Так много, что и не сосчитать. По крайней мере шесть, а за спиной у них целый ряд помощников.

— А ты будешь за своим столиком один?

— Так развиваются события.

Положив в рот спагетти, Хелен спросила:

— Кто-нибудь проверяет квалификацию помощников юристов?

— Думаю, нет. А что?

— Я подумала, не поработать ли мне помощником юриста следующие пару дней. Я всегда хотела посмотреть на суд.

Дэвид засмеялся — впервые за много часов.

— Да ладно тебе, Хелен. Я не хочу, чтобы ты или кто-то другой наблюдал за этой резней.

— Что сказал бы судья, если бы я появилась с портфелем и большим блокнотом и начала все записывать?

— На этом этапе, полагаю, судья Сирайт закрыл бы глаза на многое в том, что касается меня.

— Я могу попросить сестру присмотреть за Эммой.

Дэвид опять засмеялся, но идея уже привлекала его. Что ему терять? Возможно, это первый и последний суд в его карьере судебного юриста, так почему не повеселиться?

— Мне это нравится, — сказал он.

— По твоим словам, семеро присяжных — мужчины.

— Да.

— Короткая юбка или длинная?

— Не слишком короткая.

ГЛАВА 41

Повешенный присяжный продолжал писать в блоге:

Суд по делу Клопека против крейокса продлился не долго, потому что команда мечты опять понесла потери. Ходят слухи, что ведущий юрист, distinguished Уоллис Т. Фигг исчез и его неопытного коллегу отправили на его поиски. Фигг не появился в зале суда к 9.00. Судья Сирайт отправил присяжных домой, дав указание прийти сегодня утром. Все многочисленные звонки в офис «Финли энд Фигг» переадресовываются на голосовую почту, никто из сотрудников не перезванивает, если у этой фирмы вообще есть сотрудники. Интересно, не запил ли Фигг? Справедливый вопрос в свете того факта, что за прошедшие двенадцать лет его дважды лишали прав за вождение в нетрезвом виде, в последний раз — год назад. По моим данным, Фигг женился и разводился четыре раза. Я обнаружил жену номер два, и она вспомнила, что Уолли всегда был равнодушен к бутылке. Когда вчера вечером кто-то решил позвонить домой истице Айрис Клопек, которая все еще якобы слишком плохо себя чувствует, чтобы явиться в суд, она ответила «меня это не удивляет», услышав, что ее адвокат не смог дойти до суда. Потом повесила трубку. Известный юрист по делам о некомпетентности Барт Шоу околачивается в зале суда. Поговаривают, что Шоу может подобрать оставшийся после крейокса мусор и вцепиться в «Финли энд Фигг», обвинив фирму в ненадлежащем ведении дела. Теоретически пока дело Клопека не проиграно. Присяжные не вынесли вердикт. До связи.

Дэвид просмотрел и другие блоги, поедая за столом овсяный батончик и ожидая Уолли, хотя на самом деле он не думал, что тот придет. Никто не слышал о нем ничего нового: ни Оскар, ни Рошель, ни Диана, ни пара друзей-юрис-

тов из бывшего покерного клуба. Оскар позвонил другу в полиции, чтобы неофициально спросить, нет ли у них сведений об Уолли, хотя ни он, ни Дэвид не подозревали, что их коллега ведет грязную игру. По словам Рошель, как-то раз Уолли исчез на неделю и никак себя не обнаруживал, потом позвонил Оскару из мотеля в Грин-Бэй и начал плакаться. Дэвид слышал много историй о пьяном Уолли, и они казались ему странными, потому что он знал только трезвого Уолли.

Рошель приехала пораньше и поднялась к нему, хотя делала это очень редко. Переживая за Дэвида, она предложила ему помощь. Он поблагодарил ее и начал складывать документы в портфель. Рошель покормила Эй-Си, поела йогурта и начала разбирать вещи на столе и проверять электронную почту.

— Дэвид! — закричала она.

Пришло письмо от Уолли, датированное 26 октября и написанное в 5.10. Он отправил его с айфона. «РГ: Эй, я жив-здоров. Не звоните в полицию и не платите выкуп. УФ».

— Слава Богу, — выдохнула Рошель. — С ним все в порядке.

— Он не пишет, что с ним все в порядке. Он пишет только, что он жив. Полагаю, это хорошо.

— Что он имел в виду под «выкупом»? — удивилась Рошель.

— Вероятно, пытался пошутить. Ха-ха.

Дэвид трижды позвонил Уолли на мобильный, пока ехал в центр. Его голосовая почта уже переполнилась.

В зале, битком набитом серьезными мужчинами в темных костюмах, красивая женщина привлекает больше внимания, чем на многолюдной улице. Надин Керрос использовала внешность как оружие, и в районе Чикаго она была

лучшей из элитных судебных адвокатов. В среду у нее появилась конкурентка.

Новая помощница юриста от «Финли энд Фигг» явилась в 8.45 и, как и планировалось, подошла прямоком к миз Керрос и представилась как Хелен Хэнкок (девичья фамилия), одна из помощников юриста «Финли энд Фигг», работавших на полставки. Потом она представилась некоторым другим юристам со стороны защиты, заставив их отбросить все дела, неловко выпрямиться, пожать ей руку и мило улыбнуться. При росте пять футов восемь дюймов и на четырехдюймовых каблуках Хелен оказалась на пару дюймов выше Надин, да и на многих других смотрела сверху вниз. Благодаря светло-карим глазам и дизайнерским очкам, не говоря уже о стройной фигуре и юбке на шесть дюймов выше колена, Хелен удалось нарушить предшествующий заседанию ритуал, пусть и на одно мгновение. Зрители, в большинстве своем мужского пола, смотрели на нее. Муж Хелен, игнорировавший происходящее, указал на стул позади себя и заявил, как заправский юрист:

— Принеси мне те документы. — Потом, уже тише, добавил: — Ты выглядишь великолепно, но не вздумай мне улыбаться.

— Да, босс, — сказала она, открывая портфель, один из его коллекций.

— Спасибо, что пришла.

За час до этого Дэвид отправил с работы судье Сирайту и Надин Керрос сообщения о том, что мистер Фигг не помнил о себе, но в суде не появится. Они не знали, где он и где его можно увидеть. Дэвид предполагал, что Уолли находится в каком-то мотеле Грин-Бэй в коматозном состоянии и подвыпивши, но предпочел оставить свои догадки при себе.

Доктора Игоря Борзова вновь представили присутствующим, и он взошел на трибуну с видом прокаженно-

го, которого вот-вот закидают камнями. Судья Сирайт произнес:

— Можете начинать перекрестный допрос, миз Кер-рос.

Надин шагнула к трибуне в очередном убийственном наряде: вязаном платье цвета лаванды, которое облегалo ее тело, великолепно подчеркивая упругие формы сзади. На талии она затянула широкий пояс из коричневой кожи, кричавший: «Да, я ношу четвертый размер». Надин начала с того, что мило улыбнулась и попросила Борзова говорить медленнее, ибо в понедельник понимала его с трудом. Борзов что-то невнятно пробормотал в ответ.

При таком огромном наборе мишеней было совершенно невозможно предсказать, в какую она выстрелит прежде всего. Дэвид не имел возможности подготовить Борзова, к тому же он не желал тратить на этого человека ни одной лишней минуты.

— Доктор Борзов, когда вы в последний раз лечили собственных пациентов?

Он ответил не сразу.

— Около десяти лет назад.

Это привело к серии вопросов о том, чем именно занимался Борзов последние десять лет. Он не принимал пациентов, не преподавал, не вел исследований и не делал ничего, что входит в обязанности эксперта или доктора. Наконец, исключив почти все варианты, Надин спросила:

— Правда ли, доктор Борзов, что последние десять лет вы работали только на судебных юристов?

Борзов слегка поморщился. Он не был в этом уверен.

Зато Надин была. Она имела доказательства, почерпнутые ею из показаний Борзова по другому делу годичной давности. Вооружившись мельчайшими подробностями, Надин буквально за руку провела его по тропе разрушения. Она год за годом перечисляла иски, исследования, лекар-

ства и юристов, а когда через час закончила, всем в зале суда стало ясно, что Игорь Борзов — не кто иной, как штамповщик в коллегии юристов по коллективным гражданским искам.

Помощница написала в большом блокноте записку Дэвиду: «Где ты нашел этого парня?»

Дэвид ответил: «Впечатляет, да? И он берет всего 75 000 долларов».

«И кто это оплачивает?»

«Лучше тебе не знать».

Судя по всему, тяжелая ситуация повлияла на дикцию Борзова. Впрочем, возможно, он не хотел, чтобы его понимали. Во всяком случае, понимать его было все сложнее. Надин сохраняла такое хладнокровие, что Дэвид задумался, теряет ли она голову хоть когда-нибудь. Он наблюдал за игрой мастера и записывал не для того, чтобы реанимировать своего свидетеля, а чтобы усвоить эффективную методику ведения перекрестного допроса.

Присяжных происходящее ничуть не волновало. Они уже были мыслями в другом месте, поставили на Борзове крест и ждали следующего свидетеля. Надин, почувствовав, сократила список своих претензий. В 11.00 судья Сирайт созрел для того, чтобы пойти в туалет, и объявил двадцатиминутный перерыв. Когда присяжные покинули зал суда, Борзов подошел к Дэвиду и спросил:

— Долго еще?

— Понятия не имею, — ответил Дэвид.

Доктор вспотел и тяжело дышал. Плохо дело, чуть не сказал Дэвид. По крайней мере ему за это платят.

Во время перерыва Надин Керрос и ее команда приняли тактическое решение не выводить повторно на экран эхокардиограмму Перси. Теперь, когда окровавленный Борзов и так висел в петле, объяснение результатов исследования позволило бы ему обрести какую-то опору: ведь он

мог опять запутать присяжных медицинскими терминами. После перерыва, когда Борзов вернулся на место свидетеля, Надин начала допрашивать его об образовании, делая акцент на различиях медицинской школы здесь и в России. Она прошла по списку предметов и лекций, стандартных при обучении местных специалистов, и никому не известных «там». Надин знала ответ на каждый свой вопрос, и теперь Борзов это понял. Теперь он все чаще уклонялся от прямых ответов, понимая, что любая неточность, даже самая незначительная, будет отмечена, препарирована и брошена ему в лицо.

Надин продолжала наступление на его профессиональную подготовку, и пару раз ей удалось сбить Борзова с толку. К полудню у присяжных, наблюдавших за этой пыткой, сложилось отчетливое впечатление, что они побоялись бы следовать рекомендациям этого доктора даже при выборе бальзама для губ.

Почему он никогда не писал научных работ? Борзов заявлял, будто у него вышло несколько статей в России, но ему пришлось признать, что их не переводили. Почему он никогда не преподавал и не был сотрудником кафедры? Работа в аудитории казалась ему скучной, пытался объяснить он, хотя и так было трудно представить общение Борзова со студентами.

Во время ленча Дэвид и его помощница быстро покинули здание и отправились в закусочную за углом. Хелен заворожил сам суд, но она до сих пор не могла прийти в себя после жалкого выступления доктора Борзова.

— Тебе на заметку, — сообщила она за зеленым салатом, — если мы когда-нибудь соберемся разводиться, я найму Надин.

— О, правда. Что ж, тогда мне придется обратиться к Уолли Фиггу, если удастся отловить его в трезвом виде.

— Ты труп.

— Забудь о разводе, детка, ты слишком красивая, и у тебя огромный потенциал в качестве помощницы судебного юриста.

Хелен приняла серьезный вид.

— Послушай, я понимаю, у тебя сейчас много всего вертится в голове, но все же подумай о будущем. Ты не можешь оставаться в «Финли энд Фигг». Что, если Оскар не вернется? Что, если Уолли не откажется от бутылки? И даже если все сложится хорошо, зачем тебе там оставаться?

— Не знаю. У меня не было времени об этом подумать. — Он решил оградить жену от двойного кошмара в виде санкций по Правилу номер 11 и потенциальных дел о некомпетентности и решил не рассказывать о кредите в размере 200 000 долларов, за который поручился вместе с двумя партнерами. Уход из фирмы в ближайшее время вряд ли возможен.

— Поговорим об этом позже, — ответил Дэвид.

— Прости. Просто мне кажется, что ты можешь найти работу намного лучше, вот и все.

— Спасибо, дорогая. А что, тебя не впечатлило мое умение работать в суде?

— Ты прекрасен, но подозреваю, что одного большого процесса тебе хватит с головой.

— Кстати, Надин Керрос разводами не занимается.

— Вот вопрос и решился. Придется просто перетерпеть.

В 13.30 Борзов побрел к трибуне свидетеля в последний раз, и Надин приступила к финальной атаке. Поскольку он был кардиологом, не лечившим пациентов, она позволила себе предположить, что он никогда не лечил и Перси Клопека. Все верно. К тому же мистер Клопек умер задолго до того, как Борзова наняли в качестве эксперта. Но он,

разумеется, советовался с докторами, которые лечили покойного? Нет, признался Борзов, не советовался. Изобразив удивление, Надин начала анализировать это невероятное упущение. Его ответы становились все медленнее, голос — слабее, русский акцент — явственнее. В 14.45 он достал из кармана пиджака белый носовой платок и начал им размахивать.

Такие драматические моменты не были освещены мудрецами, написавшими правила федерального судопроизводства, и Дэвид не знал, как ему поступить.

Он встал и сказал:

— Ваша честь, думаю, с этого свидетеля хватит.

— Доктор Борзов, вы нормально себя чувствуете? — спросил судья Сирайт. Ответ был очевиден.

Свидетель покачал головой.

— Больше вопросов нет, ваша честь, — объявила миз Керрос и сошла с возвышения, не преминув вильнуть бедром.

— Повторный допрос будет, мистер Зинк? — спросил судья.

Меньше всего Дэвид хотел бы попытаться вернуть к жизни мертвого свидетеля.

— Нет, сэр, — быстро ответил он.

— Доктор Борзов, вы свободны.

Спотыкаясь, он вышел из зала суда с помощью пристава. Борзов стал на 75 000 долларов богаче, но получил новую черную метку в своем послужном списке. Судья Сирайт объявил перерыв до 15.30.

Доктор Герберт Тредгилл был фармакологом с сомнительной репутацией. На закате своей карьеры он, как и Борзов, жил спокойно, вдали от треволнений настоящей медицины, занимаясь лишь тем, что давал показания в суде для юристов: заключения, которые он с невероятной лег-

костью подгонял под заданные условия, требовались им для подтверждения их собственных версий произошедшего. Пути двух профессиональных экспертов-свидетелей периодически пересекались, и они хорошо знали друг друга. Тредгилл не хотел участвовать в деле Клопека по трем причинам: факты были паршивыми, позиция — слабой, и он не имел никакого желания встречаться с Надин Керрос в зале суда. И все же он согласился. Но только по одной причине — 50 000 долларов плюс оплата расходов за несколько часов работы.

Во время перерыва он встретил в коридоре доктора Борзова и пришел в ужас от его вида.

— Не делай этого, — бросил Борзов, ковыляя к лифтам. Тредгилл помчался в мужской туалет, умыл лицо и принял решение бежать. Послать к черту дело. Послать к черту юристов, которые все равно не относятся к крупным игрокам. Тредгилл уже получил весь гонорар, и если они пригрозят ему судом, то, вероятно, он рассмотрит возможность вернуть какую-то часть денег, но не обязательно. Через час он уже будет сидеть в самолете. Через три часа — выпивать с женой у себя во внутреннем дворике. Никакого преступления при этом он не совершит. Повестку ему не вручали. Если надо, он никогда больше не приедет в Чикаго.

В 16.00 Дэвид вновь пришел в кабинет судьи и сказал:

— Господин судья, похоже, мы потеряли еще одного человека. Я не могу найти доктора Тредгилла, и он не отвечает на телефонные звонки.

— Когда вы в последний раз говорили с ним?

— За обедом. Он был в полной боевой готовности, или по крайней мере так утверждал.

— У вас есть еще один свидетель, который находится здесь?

— Да, сэр, мой экономист, доктор Канья Миде.

— Тогда вызовите ее, а мы посмотрим, не найдет ли заблудшая овца дорогу домой.

Перси Клопек двадцать два года проработал диспетчером в компании, занимавшейся грузовыми перевозками. Это была сидячая работа, и Перси не делал ничего, чтобы разнообразить монотонное протирание штанов на стуле в течение восьми часов подряд. Не являясь членом профсоюза, он зарабатывал 44 000 долларов в год, но тут умер, а ведь вполне мог проработать еще семнадцать лет.

Доктор Канья Миде, молодой экономист из Чикагского университета, изредка подрабатывала консультантом, чтобы обогатиться на пару долларов. За дело Клопека она получила 15 000. Расчет оказался весьма прост. Годовой доход в 44 000 долларов умножался на семнадцать лет с учетом предполагаемого ежегодного повышения, что происходило из анализа зарплаты Клопека в прошлом. К этому прибавлялась пенсия, составлявшая 70 процентов от самой высокой его зарплаты и выплачиваемая на протяжении пятнадцати лет — такова средняя продолжительность жизни после шестидесяти пяти. Коротко говоря, доктор Миде засвидетельствовала, что смерть Перси обошлась его семье в 1,51 миллиона долларов.

Поскольку он спокойно скончался во сне, претензии по поводу боли и страданий предъявлены не будут.

На перекрестном допросе миз Керрос высказала возражение против предположений о продолжительности жизни Перси. Поскольку он умер в сорок восемь и многие его родственники мужского пола тоже умерли рано, версия о том, что он доживет до восьмидесяти, представлялась нереалистичной. Надин, однако, осторожно подошла к вопросу обсуждения компенсации ущерба. Если бы она уделила этому много внимания, все сосредоточилось бы на цифрах. Клопекам не причиталось ни пенни, и Надин не

хотела создавать впечатление, будто ее волнует возможная компенсация.

В 17.20, когда доктор Миде закончила, судья Сирайт объявил заседание закрытым и велел всем прийти в девять следующим утром.

ГЛАВА 42

После тяжелого дня в суде Хелен не хотелось готовить. Она забрала Эмму из дома сестры в Эванстоне, поблагодарила ее и, пообещав отчитаться позже, умчалась в ближайшее заведение быстрого питания. Эмма, которая в машине спала гораздо лучше, чем в своей колыбельке, мирно дремала, пока Хелен пробиралась к автокафе. Она заказала больше гамбургеров и картофеля фри, чем обычно, потому что они с Дэвидом сильно проголодались. Шел дождь, и дни в конце октября становились все короче.

Хелен отправилась в квартиру Хаингов близ Роджерс-парк, и к тому времени как она приехала, Дэвид уже был там. План состоял в том, чтобы быстро поужинать, потропиться домой и раньше лечь спать, разумеется, из-за Эммы. У Дэвида не осталось свидетелей, и он не знал, чего ожидать от Надин Керрос. В досудебном постановлении с ее стороны значилось двадцать семь экспертов-свидетелей, и Дэвид прочел отчет каждого из них. Только Надин Керрос знала, скольких она вызовет и в каком порядке. Дэвиду почти ничего не оставалось, кроме того, чтобы сидеть, слушать, периодически возражать, передавать записки своей хорошенькой помощнице и пытаться создать впечатление, будто он знает, что происходит. По словам друга с юридического факультета, судебного юриста одной фирмы в Вашингтоне, весьма высока была вероятность того, что за-

щита потребует вынесения решения в порядке упрощенного судопроизводства. Они убедят Сирайта, что истец не сумел предоставить даже минимальные основания для иска, и выиграют, не пригласив ни одного свидетеля.

— Все может закончиться завтра, — говорил он, пробираясь по пробкам в Вашингтоне, пока Дэвид занимался тем же в Чикаго.

С тех пор как Туйю пять месяцев назад выписали из больницы, Зинки пропустили лишь несколько из своих поздних ужинов с фаст-фудом. Появление Эммы ненадолго изменило привычный уклад, но вскоре они стали брать ее с собой. У них сложился определенный ритуал. Когда Хелен приближалась к зданию с ребенком, Луин и Зоу, мать и бабушка, выскакивали из двери посмотреть на малыша. Внутри Линн и Эрин, две старшие сестры Туйи, сидели рядом на диване, нетерпеливо ожидая, когда им дадут потрогать Эмму. Хелен тихонько клала дочь кому-то из них на колени, и девочки вместе с мамой и бабушкой болтали, ворковали и вели себя так, будто никогда раньше не видели младенца. Они передавали ее друг другу с величайшей осторожностью. Это продолжалось довольно долго, и мужчины умирали с голоду.

Туйя наблюдал за происходящим с высокого стульчика и, казалось, даже забавлялся. Каждую неделю Дэвид и Хелен надеялись разглядеть хоть какие-то признаки улучшения в его состоянии, и каждую неделю испытывали разочарование. Как и предсказывали доктора, вероятность выздоровления была очень мала, ведь повреждения носили необратимый характер.

Дэвид сидел подле него, как всегда, почесывая ему голову, и подавал мальчику по палочке картофеля фри. Он болтал с Сои и Лю, пока женщины сустились вокруг малышки. В конце концов все сели за стол, и хозяева с радостью узнали, что Дэвид и Хелен сегодня будут есть с ними.

Обычно они избегали гамбургеров и картошки, но не сегодня. Дэвид объяснил, что они немного спешат и не успеют отвезти Туйю на прогулку.

Когда Дэвид съел почти половину чизбургера, у него в кармане пиджака завибрировал мобильник. Он посмотрел на экран, вскочил, прошептал Хелен: «Это Уолли» — и выскочил за дверь.

— Где ты, Уолли?

Слабым голосом тот ответил:

— Я напился, Дэвид. Так напился...

— Мы уже догадались. Где ты?

— Ты должен помочь мне, Дэвид. Мне больше не к кому обратиться. Оскар не хочет со мной разговаривать.

— Конечно, Уолли. Ты же знаешь, я помогу. Но где ты?

— В офисе.

— Я буду через сорок пять минут.

Он лежал на диване у стола и храпел, а Эй-Си сидел рядом и настороженно наблюдал за ним. Был вечер среды, и Дэвид предположил (и не ошибся), что в последний раз Уолли принимал душ ярким ранним утром в понедельник — тот день, когда начался повторный процесс, через шесть суток после встревожившего их приступа Оскара и через шесть суток после того, как процесс объявили противоречащим нормам правосудия, по вине Уолли. Ни душа, ни бритья, ни смены одежды: на нем был все тот же темно-синий костюм и белая рубашка, что и в последний раз, когда Дэвид видел его. Галстука не было. На рубашке появились пятна. Правая брючина была слегка порвана. Сухая грязь облепила подошвы его новых черных классических туфель. Дэвид потрепал Уолли по плечу и позвал по имени. Ноль внимания. Его лицо покраснело и опухло, но си-

няков, порезов и царапин не было. Возможно, он пьянствовал не в барах. Дэвид хотел узнать, где он был, но вместе с тем его это не очень волновало. Уолли в порядке. Он еще успеет задать вопросы, один из них такой: «Как ты сюда добрался?» Его машины поблизости Дэвид не заметил, поэтому вздохнул спокойно. Как бы ни напился Уолли, вероятно, у него хватило ума не садиться за руль. С другой стороны, его машина могла попасть в аварию, ее могли украсть или отобрать.

Дэвид ущипнул его и крикнул, удалившись на шесть дюймов. На мгновение тяжелое дыхание Уолли замерло, потом он задышал снова. Эй-Си заскулил, так что Дэвид выпустил его на улицу облегчиться, а сам сварил кофе. Он отправил текстовое сообщение Хелен: «Напился в стельку, но жив-здоров. Не знаю, что будет дальше». Позвонив Рошель, Дэвид поделился новостями. Позвонив на мобильный Оскару, он попал на голосовую почту.

Уолли пришел в себя через час и выпил чашку кофе.

— Спасибо, Дэвид, — повторял он. Потом поинтересовался: — Ты звонил Лизе?

— А кто это — Лиза?

— Моя жена. Ты должен ей позвонить, Дэвид. Этот сукин сын Оскар не хочет со мной разговаривать.

Дэвид решил подыграть и проверить, к чему приведет этот разговор.

— Я звонил Лизе.

— Правда? И что она сказала?

— Сказала, что вы, ребята, развелись сто лет назад.

— Очень похоже на нее. — Уолли уставился на свои туфли остекленевшими глазами. Он то ли не хотел, то ли не мог вступать в визуальный контакт.

— Зато она сказала, что до сих пор тебя любит, — пошутил Дэвид.

Уолли заплакал так, как плачут пьяные из-за всего сразу или из-за ничего вообще. Дэвид почувствовал себя паршиво, но потом развеселился еще больше.

— Прости, — пробормотал Уолли, вытирая лицо рукой. — Прости, Дэвид, спасибо тебе. Оскар не разговаривает со мной. Закрылся у меня в квартире, чтобы спрятаться от жены, обчищает мой холодильник, я прихожу домой — а дверь заперта на замок и на цепочку. Мы сильно повздорили, соседи вызвали полицию, я еле ноги унес. Сбежал из своей собственной квартиры, как тебе это нравится?

— Когда это случилось?

— Не знаю. Может быть, час назад. Мне сейчас почему-то не очень удастся следить за временем. Спасибо тебе, Дэвид.

— Не стоит благодарности. Послушай, Уолли, нам нужно вместе разработать план. Похоже, в квартиру тебе вход воспрещен. Если хочешь поспать сегодня здесь и протрезветь, я притащу кресло и составлю тебе компанию. Мы с Эй-Си поможем тебе пройти через это.

— Мне нужна помощь, Дэвид. И не только в том, чтобы протрезветь.

— Ладно, но отрезвление — первый важный шаг.

Вдруг Уолли разразился смехом. Он откинул голову и громко захохотал. Уолли трясся, визжал, кашлял, задыхался, вытирал щеки, а когда больше не смог смеяться, сел и захихикал. Так прошло еще несколько минут. Когда страсти улеглись, он посмотрел на Дэвида и снова засмеялся.

— Хочешь чем-то поделиться, Уолли?

Сияясь подавить смех, он ответил:

— Я вспомнил, как ты впервые пришел сюда.

— Кое-что и я об этом помню.

— Я никогда не видел более пьяного человека. Ты весь день просидел в баре, точно?

— Да.

— Ты на ногах не стоял, а потом напал на этого тупицу Голстона, который работает напротив, и чуть не избил его.

— Так мне рассказывали.

— Я посмотрел на Оскара, он посмотрел на меня, мы оба сказали: «У этого парня есть потенциал». — Уолли помолчал, погрузившись в воспоминания. — Тебя вырвало два раза. Итак, кто тут пьяный, а кто трезвый?

— У нас ты протрезвеешь, Уолли.

— Ты когда-нибудь задавался вопросом, во что ввязался, Дэвид? У тебя было все: крупная фирма, большая зарплата, жизнь элитного юриста.

— Я ни о чем не жалею, Уолли. — Эти слова были почти правдой.

И вновь воцарилась тишина, пока Уолли поглаживал чашку кофе обеими руками и заглядывал в нее.

— Что со мной будет, Дэвид? Мне сорок шесть лет, я беднее, чем когда бы то ни было, я унижен, я пьяница, который не может удержаться от бутылки, никому не нужный уличный юрист, мечтавший сыграть в высшей лиге.

— Сейчас не время размышлять о будущем, Уолли. Что тебе нужно — так это провести детоксикацию, вывести весь алкоголь из организма, тогда ты сможешь принимать решения.

— Я не хочу стать таким, как Оскар. Он на семнадцать лет старше меня, и через семнадцать лет я не хочу сидеть здесь и заниматься тем же самым дерьмом, которым мы занимаемся каждый день, Дэвид. Спасибо.

— Пожалуйста.

— Ты хочешь сидеть здесь через семнадцать лет?

— На самом деле я об этом не думал. Я просто пытаюсь довести суд до конца.

— Какой суд?

Судя по всему, он не шутил и не притворялся, так что Дэвид не стал заострять на этом внимание.

— Год назад ты прошел лечение в реабилитационном центре, правда, Уолли?

Тот поморщился, пытаясь вспомнить, когда в последний раз оказывался в реабилитационном центре.

— А сегодня какой день?

— Сегодня среда, двадцать шестое октября.

Уолли закивал:

— Да, в октябре прошлого года. Я находился там тридцать дней и отлично провел время.

— Где располагается этот реабилитационный центр?

— О, это «Харбор-хаус», к северу от Уокигана. Мой любимый. Он стоит прямо на озере, там красиво. Наверное, нужно позвонить Патрику.

— А кто такой Патрик?

— Мой наставник, — объяснил Уолли, склонившись над визиткой. ««Харбор-хаус»: там, где начинается новая жизнь. Патрик Хейл, руководитель группы». — Патрику можно звонить в любое время дня и ночи. Это часть его работы.

Дэвид оставил сообщение на голосовой почте Патрика, сказав, что он друг Уолли Фигга и для него очень важно как можно скорее поговорить с ним. Через пару минут мобильный Дэвида завибрировал. Звонил Патрик: он искренне расстроился, услышав плохую новость об Уолли, но тут же предложил помощь.

— Не упускайте его из виду, — попросил Патрик. — Пожалуйста, привезите его сейчас же. Я буду ждать вас в «Харбор-хаусе» через час.

— Поехали, большой мальчик. — Дэвид взял Уолли за руку. Тот встал, обрел равновесие, они вышли из здания и зашагали к внедорожнику Дэвида. К тому времени как они помчались по трассе Ай-94 на север, Уолли опять захрапел.

* * *

Благодаря прибору спутниковой навигации Дэвид нашел «Харбор-хаус» через час после того, как они покинули офис. Это маленькое частное лечебное учреждение затерялось в лесах к северу от Уокигана, штат Иллинойс. Дэвид не смог разбудить Уолли, поэтому оставил его в машине и вошел внутрь: в приемной его ждал Патрик Хейл. Патрик отправил двух санитаров в белых халатах с каталкой забрать Уолли, и через пять минут они завезли его внутрь все еще в бессознательном состоянии. Дэвид последовал за Патриком в маленький кабинет, где их ждали документы.

— Сколько раз он здесь был? — спросил Дэвид. — Похоже, он хорошо знает это место.

— Это конфиденциальная информация. — Его теплая улыбка исчезла, как только он закрыл дверь своего кабинета.

— Простите.

Патрик взглянул на документы, лежавшие в папке с зажимом.

— У нас небольшая проблема со счетом Уолли, мистер Зинк, и я точно не знаю, что с этим делать. Понимаете, когда Уолли выписался год назад, его страховая заплатила только по тысяче долларов за каждый день пребывания здесь. За наше уникальное лечение, удобства и персонал мы берем по полторы тысячи долларов в день. Уолли ушел, задолжав чуть больше четырнадцати тысяч долларов. Он сделал еще несколько платежей, но остался должен одиннадцать тысяч.

— Я не несу ответственность за его медицинские счета или лечение от алкоголизма. Я не имею никакого отношения к его страховке.

— Что ж, тогда мы не примем его.

— Вы не можете выставить счет на тысячу долларов в день?

— Не будем в это углубляться, мистер Зинк. Мы берем столько, сколько берем. У нас шестьдесят коек, и ни одна из них не пустует.

— Уолли сорок шесть лет. Почему для заключения договора с ним нужен второй подписант?

— Обычно этого не требуется. Но Уолли не отличается обязательностью в оплате счетов.

«И это до крейокса, — подумал Дэвид. — Видели бы вы его баланс сейчас».

— И долго вы собираетесь держать его здесь на этот раз? — спросил Дэвид.

— Его страховки хватит на тридцать дней.

— Значит, это тридцать дней независимо от того, излечился ли пациент. Все решает страховая компания, верно?

— Такова суровая действительность.

— Отвратно. А что, если пациенту нужно больше времени? У меня есть университетский друг, который сорвался и подсел на кокаин. Пару раз проходил курсы лечения по тридцать дней, но это не помогло. В конце концов, только проведя тяжелый год в закрытом заведении, он очистил организм и распрощался с наркотиками.

— Мы все горазды байки травить, мистер Зинк.

— Насчет вас я не сомневаюсь. — Дэвид поднял руки. — Ладно, мистер Хейл. Что вы предлагаете? Мы оба знаем, что сегодня он отсюда не уйдет, иначе навредит себе.

— Мы простим ему прошлые долги, но потребуем, чтобы кто-то поручился за часть расходов, которые не покрывает страховка.

— И это пятьсот долларов в день? Ни пенни больше?

— Точно.

Дэвид достал кошелек, вытащил кредитную карту и бросил ее на стол:

— Вот мой «Американ экспресс». Я готов оплатить десять дней. Через десять дней заберу его, а потом придумаю что-то еще.

Патрик быстро списал информацию с кредитной карты и отдал ее Дэвиду.

— Ему нужно больше десяти дней.

— Разумеется. Как выяснилось, ему и тридцати недостаточно.

— Большинству алкоголиков нужно три или четыре попытки, если они вообще смогут завязать.

— Десять дней, мистер Хейл. У меня немного денег, а юридическая практика в компании Уолли оказывается все менее прибыльной. Не знаю, что вы здесь делаете, но делайте это быстрее. Я вернусь через десять дней.

Когда Дэвид приблизился к перекрестку на платном шоссе трех штатов*, на приборной панели зажегся красный индикатор. У него почти кончился бензин. За последние три дня он ни разу не проверил уровень топлива в баке.

Стоянка для грузовиков оказалась переполненной, грязной и отчаянно нуждалась в ремонте. С одной стороны располагалось кафе, с другой — круглосуточный магазин. Дэвид наполнил бак, заплатил кредиткой и пошел в магазин купить безалкогольный напиток. Там была только одна касса, так что выстроилась целая очередь, поэтому Дэвид решил не торопиться. Найдя диетическую колу и пачку арахиса, он уже направлялся к выходу, как вдруг замер.

На полке громоздились дешевые игрушки для Хеллоуина, разные детские принадлежности и безделушки. Посреди всего этого на уровне глаз красовался прозрачный

* Имеется в виду платная скоростная автомагистраль, соединяющая штаты Висконсин, Иллинойс и Индиана, ее протяженность около 133 км.

контейнер с ярко раскрашенными... «страшными клыками». Он схватил их и тут же начал читать то, что написано мелким шрифтом на упаковке. Сделано в Китае. Импортировано «Гандерсон тойз» из Луизвилля, штат Кентукки. Дэвид собрал все четыре упаковки в качестве доказательств, а также потому, что хотел смести все это дерьмо с рынка, прежде чем заболит еще один ребенок. Заплатив наличными, он поспешил в свой внедорожник. Отъехав от колонок, Дэвид припарковался под ярким фонарем возле гигантских грузовиков с восемнадцатидюймовыми колесами.

На айфоне он забил в «Гугле» название «Гандерсон тойз». Компании было сорок лет, и когда-то она принадлежала частному лицу. Четыре года назад ее купила компания «Сонеста геймз инк.», третья по величине компания по продаже игрушек в Америке.

У него было досье на «Сонесту».

ГЛАВА 43

Ройбен Мэсси прилетел после наступления темноты на «Гольфстриме-джи-650», принадлежащем «Веррик». Он приземлился в аэропорту Мидуэй и тут же был встречен свитой, которая помчала его дальше на черных авто «кадиллак-эскалейд». Через тридцать минут он вошел в Траст-тауэр и взмыл на сто первый этаж, где «Роган Ротберг» разместил элегантный уединенный обеденный зал, которым пользовались лишь самые могущественные партнеры и их самые важные клиенты. Николаса Уокера и Джуди Бек ожидали вместе с Надин Керрос и Марвином Меклоу, управляющим партнером юридической фирмы. Официант в белом смокинге разносил коктейли, пока присутствующих пред-

ставляли друг другу и они пытались познакомиться лучше. Ройбен уже много месяцев хотел встретить и рассмотреть Надин Керрос. Он не разочаровался. Она пустила в ход свои чары, и после первого коктейля Ройбен был повержен. Он любил женщин и всегда находился в поиске, ведь никогда не знаешь, во что выльется новое знакомство. Однако, по данным разведки, она была замужем и счастлива, и ничем другим, помимо работы, не увлекалась. За десять месяцев, которые Ник Уокер знал Надин, он не увидел ничего, кроме безоговорочной преданности своему делу.

— Ничего не выйдет, — говорил он своему боссу, возвращаясь в головной офис.

По желанию Ройбена подали салат из лобстера со спагетти. Он сидел рядом с Надин и ловил каждое ее слово. Не скупясь на похвалу, он превозносил ее выступления в суде и ведение дела в целом. Как и все сидящие за этим столом, Ройбен с нетерпением ждал судьбоносного вердикта.

— Мы собрались, чтобы поговорить, — начал Ник, после того как тарелки с десертом были убраны и дверь закрылась. — Но прежде всего я хотел бы попросить Надин рассказать, что ждет нас дальше в зале суда.

Она поделилась своей версией дальнейших событий:

— Мы полагаем, у истца больше нет свидетелей. Если бы фармаколог появился сегодня утром, ему позволили бы дать показания, но, по сведениям нашего источника, доктор Тредгилл до сих пор прячется у себя дома в Цинциннати. Значит, истец может завершить изложение доводов в девять утра. На этом этапе у нас есть выбор. Первый очевидный вариант — потребовать суммарного судопроизводства. Судья Сирайт разрешает делать это как устно, так и письменно. Мы подадим и устное, и письменное прошение, если решим пойти этим путем. По моему мнению, которое разделяют и мои коллеги, весьма велика вероятность

того, что судья Сирайт немедленно удовлетворит наше ходатайство. Истец не смог соблюсти даже самые основные каноны, на которых строится нападение, и все, включая юристов истца, знают об этом. Судье Сирайту никогда не нравилось это дело, и, откровенно говоря, у меня складывается впечатление, что он жаждет поскорее избавиться от него.

— Какова статистика по удовлетворенным ходатайствам о суммарном производстве после того, как истец завершил изложение доводов, по судье Сирайту?

— За последние двадцать лет он удовлетворил больше таких ходатайств, чем любой другой федеральный судья в Чикаго и штате Иллинойс. Он терпеть не может дела, по которым предъявляются доказательства, не соответствующие минимальным стандартам.

— Но мне нужен вердикт, — сказал Ройбен.

— Тогда мы забудем о суммарном производстве и начнем подтягивать свидетелей. У нас их много, вы за них заплатили, и они будут безупречны. Но у меня стойкое ощущение, что эти присяжные уже сыты по горло.

— Точно, — вставил Ник Уокер, который сидел в зале суда и слышал каждое слово. — Подозреваю, про себя они уже приняли решение, несмотря на предостережения судьи Сирайта.

Джуди Бек добавила:

— Наши консультанты рекомендуют закончить дело как можно скорее, во всяком случае, до выходных. Вердикт вовсе не обязателен.

Ройбен улыбнулся Надин:

— Так что, госпожа адвокат, рекомендуете вы?

— Для меня победа — это победа. Суммарное производство — это верный успех. Когда дело попадает к присяжным всегда существует риск, что произойдет нечто неожиданное. Я выбрала бы более легкий способ, но пони-

маю: на карте стоит многое, и простого решения судьи может быть недостаточно.

— Сколько дел вы ведете в суде каждый год?

— В среднем шесть. К большому количеству я просто не успеваю подготовиться, сколько бы юристов мне ни помогали.

— И сколько лет вы не проигрывали?

— Одиннадцать. Шестьдесят четыре победы подряд, но разве это предел? — Над этой избитой шуткой смеялись чуть дольше, чем следовало: просто всем нужно было немного расслабиться.

— Вы когда-нибудь были столь уверены в исходе суда и решении присяжных? — поинтересовался Ройбен.

Сделав глоток вина, Надин на мгновение задумалась, потом покачала головой:

— Не припомню других таких случаев.

— Если мы пойдем до конца и будем добиваться вердикта, каковы наши шансы на победу?

Все взгляды устремились на нее.

— Юрист не должен делать таких прогнозов, мистер Мэсси.

— Но вы не обычный юрист, миз Керрос.

— Девяносто пять процентов.

— Девяносто девять, — со смехом произнес Ник Уокер.

Ройбен хлебнул из своего третьего стакана шотландского виски, причмокнул губами и сказал:

— Мне нужен вердикт. Я хочу, чтобы присяжные быстро приняли решение и вернулись в этот зал суда с вердиктом для «Веррик лабз». Для меня вердикт — это отречение, отмщение, расплата, это намного больше, чем победа. Я возьму этот вердикт и растиражирую по всему миру. Наши пиарщики и агентства по рекламе уже готовы, у них так и чешутся руки. Коун, наш человек в Вашингтоне, уверяет

меня, что вердикт сдвинет Управление с мертвой точки и позволит добиться полной отмены предписаний. Наши юристы по всей стране убеждены, что вердикт еще больше напугает ребят по гражданским искам и они дадут деру. Мне нужен вердикт, Надин. Сможете его получить?

— Ройбен, я уверена в этом на девяносто пять процентов.

— Это решает все. Никакого суммарного производства. Похороним этих ублюдков.

ГЛАВА 44

Ровно в девять утра в четверг пристав призвал собравшихся к порядку, и все встали при появлении судьи. Когда присяжные заняли места, он резко произнес:

— Продолжайте, мистер Зинк.

Дэвид поднялся и сказал:

— Ваша честь, истец завершил изложение доводов.

Судья Сирайт ничуть не удивился.

— Еще кого-нибудь из свидетелей потеряли, мистер Зинк?

— Нет, сэр. У нас их больше нет.

— Очень хорошо. Желаете подать ходатайство, миз Керрос?

— Нет, ваша честь. Мы готовы продолжать.

— Я так и подозревал. Вызывайте своего первого свидетеля.

Дэвид тоже так и подозревал. Он надеялся, что процесс закончится сегодня утром, но было очевидно, что Надин и ее клиент почуяли кровь. С этого момента ему почти ничего не оставалось, кроме того, чтобы слушать и наблюдать за настоящим судебным юристом.

— Защита вызывает доктора Джесси Киндорфа. — Дэвид посмотрел на присяжных и увидел пару улыбок. Они предвкушали встречу со знаменитостью.

Джесси Киндорф, бывший главный врач государственной службы здравоохранения Соединенных Штатов, занимал этот пост шесть лет и отличался исключительной противоречивостью. Он ежедневно критиковал табачные компании. Проводил масштабные пресс-конференции, в которых изобличал жирность и калорийность популярного фаст-фуда. Он выпускал язвительные статьи против самых уважаемых представителей корпоративной Америки, производителей товаров широкого потребления, и неистово обвинял их в производстве и рекламе переработанных продуктов. На разных этапах своей карьеры он воевал с маслом, сыром, яйцами, красным мясом, сахаром, прохладительными напитками и алкоголем, но самая большая шумиха поднялась, когда он предложил запретить кофе. Он невероятно наслаждался вниманием прессы и благодаря приятной внешности, спортивному сложению и остроумию стал самым известным главным врачом государственной службы здравоохранения в истории. То, что Джесси перебежал в другой лагерь и теперь давал показания в пользу крупной корпорации, явно сигнализировало присяжным, что он верит в этот препарат.

К тому же он был кардиологом, да еще из Чикаго. Он занял трибуну свидетеля и одарил улыбкой присяжных, его присяжных. Надин начала утомительную процедуру ознакомления присутствующих с биографией Джесси, чтобы подтвердить его квалификацию в качестве эксперта. Дэвид вскочил и сказал:

— Ваша честь, мы с удовольствием признаем, что доктор Киндорф эксперт в сфере кардиологии.

Надин обернулась и с улыбкой произнесла:

— Благодарю.

Судья Сирайт бросил:

— Спасибо, мистер Зинк.

В основном показания доктора Киндорфа сводились к тому, что за последние несколько лет он прописывал крейокс тысячам пациентов, не наблюдая каких бы то ни было побочных эффектов. Препарат работал прекрасно примерно для 90 процентов пациентов. Препарат резко снижал уровень холестерина. Его девяностооднолетняя мать сидела на крейоксе, пока Управление по контролю за продуктами питания и лекарственными средствами не изъяло его из продажи.

Помощница нацарапала записку в блокноте и передала ее боссу: «Интересно, сколько они ему платят?»

Дэвид нацарапал в ответ, как будто они обсуждали самое страшное нарушение при даче показаний: «Много».

Надин Керрос и доктор Киндорф демонстрировали безупречную технику игры. Она делала точную подачу, он отбивал ее, не нарушая границ стадиона. Присяжным так и хотелось за них поболеть.

Когда судья Сирайт спросил:

— Перекрестный допрос, мистер Зинк? — Дэвид встал и вежливо ответил:

— Нет, ваша честь.

Чтобы добиться расположения афроамериканских присяжных, Надин пригласила доктора Тарстона, щеголя, благородного черного джентльмена с седой бородой, в превосходно сшитом костюме. Доктор Тарстон тоже был из Чикаго и работал старшим врачом в группе из тридцати пяти кардиологов и сердечно-сосудистых хирургов. В свободное время он преподавал на медицинском факультете Чикагского университета. Чтобы ускорить процесс, Дэвид не стал углубляться в его трудовую биографию. Доктор Тарстон и его команда прописывали крейокс десяткам тысяч пациентов за последние шесть лет, получая великолепные результаты без всяких побочных эффектов. Препарат, по его

мнению, был совершенно безопасен. На самом деле он и его коллеги считали крейокс чудо-лекарством. Им очень его не хватает, и да, он собирался немедленно прописать его пациентам снова, как только препарат вернется на рынок. Наиболее эффектным моментом выступления доктора Тарстона стало признание в том, что он сам принимал крейокс четыре года.

Чтобы привлечь внимание одной испанки среди присяжных, защита пригласила доктора Роберту Секьеро, кардиолога и исследователя из клиники «Майо» в Рочестере, штат Миннесота. Дэвид тут же дал зеленый свет, чтобы не задерживаться на биографии. И доктор Секьеро, как и следовало ожидать, запела, как птичка весенним утром. Ее пациенты были большей частью женщинами, и лекарство помогало им исцелиться от всего, кроме лишнего веса. Нет никаких статистических данных о том, что у принимающих крейокс возрастает риск сердечного приступа или инфаркта по сравнению с теми, кто его не принимает. Она и ее коллеги долго исследовали крейокс, и сомнений у них не осталось. За двадцать пять лет работы кардиологом она не встречала более безопасного и эффективного лекарства.

Радуга заиграла всеми красками, когда миз Керрос вызвала на трибуну молодого корейского доктора из Сан-Франциско, который, как ни странно, оказался удивительно похож на присяжного номер 19. Доктор Пэнг восторженно похвалил препарат и выразил недовольство его изъятием из продажи. Он прописывал крейокс сотням пациентов и получал великолепные результаты.

Вопросов к доктору Пэнгу у Дэвида тоже не было. Он не собирался спорить ни с кем из этих знаменитых докторов. Что ему делать: спорить о медицине с лучшими специалистами в своей сфере? Нет, сэр. Дэвид оставался на своем месте и следил за часами, стрелки которых ползли крайне медленно.

Он не сомневался, что если бы среди присяжных нашелся кто-то с литовскими корнями, Надин достала бы из своей волшебной шляпы еще одного эксперта, с литовской фамилией и безупречным послужным списком.

Пятым свидетелем стала главный кардиолог медицинского факультета имени Фейнберга при Северо-западном университете. Показания доктора Паркин несколько отличались от предыдущих. Ее наняли, чтобы она провела тщательный анализ истории болезни Перси Клопека. Она изучила записи в его медицинской карте с двенадцати лет, а также документы родственников и родителей Перси в той мере, в которой они были доступны. На момент смерти Перси принимал принзид и леватол от повышенного давления, инсулин — при приступах диабета, бекнин — от артрита, плавикс — для разжижения крови, колестид — от атеросклероза и крейокс — для снижения уровня холестерина. В качестве «таблетки счастья» он избрал ксанакс, который либо выпрашивал у друзей, либо крал у Айрис, либо покупал онлайн, причем принимал его ежедневно, чтобы справиться со стрессом — следствием тяжелой жизни с «этой женщиной», по словам его сослуживцев. Периодически он применял федамин, безрецептурный препарат для подавления аппетита, который должен был заставить его есть меньше, но, похоже, давал обратный эффект. Перси курил двадцать лет, но в сорок один умудрился бросить при помощи никотрекса — жевательной резинки с никотином, вызывающей сильнейшее привыкание. Он жевал ее без остановки, используя по три упаковки в день. По результатам анализа крови за год до смерти печень Перси уже плохо работала. Он любил джин, и если верить выпискам по кредитной карте, запрошенным миз Керрос, покупал по крайней мере по три бутылки в неделю в магазине «Билбоз спиритс» на Стантон-авеню, за пять кварталов от дома. По утрам он часто чувствовал себя плохо, жаловался на голов-

ную боль и хранил как минимум две большие бутылки ибупрофена рядом со своим столом, заваленным бумагами.

Когда доктор Паркин закончила свое долгое повествование о привычках и здоровье Перси, возложить ответственность за его смерть лишь на одно лекарство показалось крайне несправедливым. Поскольку вскрытие не проводилось — Айрис была слишком удручена, чтобы даже подумывать об этом, — ничто не указывало на то, умер ли он от сердечного приступа. Его смерть могла вызвать всеобъемлющая «остановка дыхания».

Уолли и Оскар обсуждали возможность эксгумации тела, пытаясь прояснить картину и понять, что именно убило Перси, но Айрис пришла в ярость. К тому же эксгумация, вскрытие и повторное захоронение обошлись бы еще в 10 000 долларов, а Оскар категорически отказался тратить дополнительные деньги.

По мнению доктора Паркин, Перси Клопек умер в таком возрасте, потому что был генетически предрасположен к ранней смерти, усугубив это своим образом жизни. Она также выразила мнение, что невозможно предсказать, какой совокупный эффект оказал на его здоровье такой удивительный набор лекарств.

Бедный Перси, подумал Дэвид. Он прожил короткую скучную жизнь и тихо умер во сне, даже не подозревая о том, что его привычки и недуги в один прекрасный день будут изучены до мельчайших подробностей чужими людьми в суде.

Показания произвели исключительное впечатление, и ни единого слова Дэвид не хотел услышать еще раз при перекрестном допросе. В 12.30 судья Сирайт объявил перерыв до 14.00. Дэвид и Хелен поспешили покинуть Дом правосудия и насладились спокойным долгим обедом. Дэвид заказал бутылку белого вина, и Хелен, которая редко выпивала, осушила один бокал. Они подняли бокалы за Перси, чтобы земля ему была пухом.

* * *

По мнению Дэвида, не умудренного опытом, Надин и защита слегка запнулись, когда очередь дошла до первого свидетеля второй половины дня. Им был доктор Личфилд, кардиолог и сердечно-сосудистый хирург из известной на весь мир Кливлендской клиники, где он принимал пациентов, преподавал и вел исследования. Ему предстояла скучная миссия разъяснения присяжным последней эхокардиограммы Перси, то же самое видео, которое привело их в нокаут благодаря усилиям Игоря Борзова. Почувствовав, что очередной просмотр фильма будет воспринят не очень хорошо, Надин решила все ускорить и перейти к сокращенной версии показаний. Вывод: снижения регургитации крови из митрального клапана не наблюдалось. Левый желудочек не был увеличен. Если пациент в самом деле умер от сердечного приступа, его причину нельзя установить.

Вывод: Борзов — глупец.

Дэвид быстро представил Уолли, который мирно лежит в удобной постели в халате или пижаме или чем-нибудь еще, что выдают в «Харбор-хаусе», теперь уже трезвый и спокойный после приема лекарств. Он читает или просто любуется на озеро Мичиган, и мысли его далеко-далеко от резни в зале суда под номером 2314. А ведь именно Уолли во всем виноват. За те месяцы, которые он носился по Чикаго, обивая пороги дешевых похоронных бюро, распространя брошюры в спортивных залах и заведениях быстрого питания, он никогда, ни разу не остановился, чтобы изучить влияние крейокса на физиологию, его фармакокинетику и воздействие, которое он якобы оказывает на сердечные клапаны. Уолли охотно предположил, что лекарство плохое, по наущению умных парней вроде Джерри Алисандроса и других судебных звезд, принял участие в параде и начал считать барыши. Теперь, лежа в реабили-

тационном центре, думал ли он о суде, о том, что спихнул дело на Дэвида, тогда как они с Оскаром уползли в тень зализывать раны? Нет, решил Дэвид. Уолли не думал о процессе. У него дела поважнее: трезвость, банкротство, работа, его фирма.

Следующий свидетель, профессор, ученый-медик из Гарварда, изучил крейокс и написал подробную статью о нем в «Нью-Ингланд джорнал оф медсин». Дэвиду удалось немного развеселить аудиторию, отказавшись задавать вопросы по послужному списку профессора. Он сказал:

— Ваша честь, если он учился в Гарварде, я уверен, у него исключительная квалификация. Должно быть, это блестящий специалист.

«Довольно глупо», — написала в записке его помощница.

Дэвид не ответил. Было почти четыре часа, и он хотел уйти. Профессор почти час разглагольствовал о своих методах исследования. Но никто из присяжных не слушал его. Большинство из них оказались туповаты, и их невероятно утомляло это бесплодное исполнение гражданского долга. Если именно это и помогло становлению демократии, то Боже нас храни.

Дэвид задался вопросом, начали ли они уже обсуждать дело. Каждое утро и каждый день судья Сирайт говорил им одно и то же о неподобающих контактах, запрете читать о деле в газетах или в Интернете и необходимости воздерживаться от разговоров по поводу дела, пока все доказательства не будут предъявлены. Проводилось множество исследований поведения присяжных, динамики принятия решений в группе и так далее, и большинство ученых сходились во мнении, что присяжные всегда с нетерпением ждут того момента, когда можно начать сплетничать о юристах, свидетелях и даже судьбе. Обычно они подбирались парами, становились друзьями, разделялись на группы и ла-

геря и раньше времени начинали делиться соображениями. В редких случаях они проводили обсуждения в полном составе. Гораздо чаще они скрывали друг от друга свои маленькие приватные беседы.

Дэвид перестал слушать своего однокашника из Гарварда и пролистал пару страниц в своем блокноте. Он вернулся к работе над черновым проектом своего письма:

Уважаемый _____!

Я представляю семью Туйи Хаинга, пятилетнего сына двух бирманских иммигрантов, которые легально находятся в этой стране.

С 20 ноября по 19 мая этого года Туйя лечился в детской больнице «Лейкшор» — здесь, в Чикаго. Он проглотил почти смертельное количество свинца и остался жив главным образом благодаря аппарату искусственного дыхания. По словам докторов (я прилагаю к письму их заключения), у Туйи наблюдается повреждение мозга, тяжелое и необратимое. Прогнозируется, что он проживет не больше нескольких лет. Однако пока остается шанс, что он продержится еще около двадцати лет.

Свинец, который попал в организм Туйи, содержался в игрушке, произведенной в Китае и импортированной вашим подразделением — «Гандерсон тойз». Это новинка для празднования Хеллоуина под названием «страшные клыки». По утверждению Биффа Сандрони, токсиколога, о котором вы, вероятно, слышали, фальшивые зубы и клыки покрыты разнообразной яркой краской и содержат много свинца. Прилагаю копию отчета доктора Сандрони, чтобы вам было что почитать.

Я также прилагаю копию искового заявления, которое в ближайшее время подам против «Сонеста геймз» в федеральный суд Чикаго.

Если вы желаете обсудить...

— Перекрестный допрос, мистер Зинк? — спросил судья Сирайт.

И снова Дэвид быстро встал и сказал:

— Нет, ваша честь.

— Очень хорошо, сейчас пять пятнадцать. Объявляю перерыв до девяти утра завтрашнего дня, присяжные получают те же указания.

Уолли сидел в инвалидной коляске, в белом хлопковом халате и в дешевых тряпочных тапочках на пухлых ногах. Санитар вкатил Уолли в комнату для посетителей, где его ожидал Дэвид, стоя у большого окна и вглядываясь в темноте в озеро Мичиган.

— Почему ты в инвалидной коляске? — спросил Дэвид, опускаясь на кожаный диван.

— Я на успокоительном, — тихо и медленно ответил Уолли. — Они будут давать мне таблетки пару дней или около того, чтобы я немного успокоился. Если я попытаюсь встать, то могу упасть, раскроить себе череп или что-то в этом роде.

Прошло двадцать четыре часа после трехдневной попойки, а он до сих пор выглядел плохо. У него были красные опухшие глаза, а на лице лежала печать усталости и поражения. И ему явно требовалось подстричься.

— Тебе любопытно, как продвигается суд, Уолли?

Он задумался на мгновение, потом сказал:

— Я размышлял об этом, да.

— Ты размышлял об этом? Как мило с твоей стороны! Мы должны закончить завтра, мы — это одна половина зала в виде меня и моей прекрасной жены, которая притворяется помощником юриста и уже устала наблюдать за тем, как ее мужу надирают задницу. К тому же ей надоела эта растущая с каждым днем компания темных костюмов в лагере противника. И все они порхают вокруг великолеп-

ной Надин Керрос, которая, поверь мне, Уолли, еще лучше, чем заявлялось в рекламе.

— Судья не продолжит рассмотрение дела?

— С какой стати, Уолли? Продолжать до каких пор и зачем? Что именно мы могли бы сделать, скажем, еще за тридцать или шестьдесят дней? Нанять настоящего судебного юриста, чтобы он выступил за нас в суде? Представляю себе этот разговор. «В общем, так, сэр. Мы отдадим вам сто тысяч долларов и половину нашего гонорара, чтобы вы явились в зал суда с паршивым набором фактов и с клиентом, не вызывающим никакого сочувствия. Председательствовать на процессе будет судья, не питающий к вам никакой симпатии. А противостоять вам придется чрезвычайно талантливой команде со стороны защиты. У них несметные запасы денег и дарований, и они представляют интересы огромной и могущественной корпорации, выступающей в качестве ответчика». Кому бы ты это впарил, Уолли?

— Похоже, ты зол, Дэвид.

— Нет, Уолли, это не злость. Мне просто нужно поумничать, поругаться, выпустить пар.

— Тогда — вперед.

— Я просил продолжить рассмотрение, и, думаю, судья Сирайт мог бы рассмотреть такой вариант, но для чего? Никто не знает, когда ты вернешься. Оскар, вероятнее всего, — никогда. Мы договорились пойти вперед и покончить с этим.

— Мне жаль, Дэвид.

— Мне тоже. Я чувствую себя таким дураком, не имея аргументированной позиции, понимания происходящего, не имея оружия, так что мне даже нечем с ними сражаться. Это очень разочаровывает.

Уолли опустил подбородок на грудь, как будто собирался заплакать. Но он лишь забормотал:

— Мне жаль, так жаль.

— Ладно, послушай, Уолли. Мне тоже жаль. Я пришел сюда не для того, чтобы расстроить тебя, ясно? Я пришел узнать, как у тебя дела. Я беспокоюсь за тебя, как и Рошель с Оскаром. Ты болен, и мы хотим помочь.

Когда Уолли поднял голову, в его глазах стояли слезы, и, когда он заговорил, его губы дрожали.

— Я не могу так продолжать, Дэвид. Я думал, что завязал с этим, клянусь. Один год, две недели, два дня, потом что-то случилось. С утра в понедельник мы были в суде, я чертовски нервничал, я пришел в ужас, и меня охватило сильнейшее желание выпить. Знаешь, я еще помню, как подумал: пару стаканов, и мне хватит. Две порции пива — и я успокоюсь. Алкоголь — это такая лживая субстанция, настоящее чудовище. Как только объявили перерыв на обед, я вылетел из здания и нашел маленькое кафе с рекламой пива в окне. Я занял столик, заказал сандвич, выпил три пива, и ух ты! Вкус так мне понравился. И я даже почувствовал себя лучше. Я помню, что, когда вернулся в зал суда, подумал: «Я могу это сделать. Я смогу пить, и никаких проблем не будет. Я держу все под контролем. Никаких проблем». И взгляни на меня теперь. Я опять в реабилитационном центре и напуган до смерти.

— Где твоя машина, Уолли?

— Понятия не имею. Я столько раз вырубался, — через силу признался Уолли.

— Не волнуйся об этом. Я найду машину.

Уолли вытер щеки тыльной стороной ладони, потом нос рукавом.

— Прости, Дэвид. Я думал, у нас есть шанс.

— У нас никогда не было шанса, Уолли. В этом препарате ничего плохого нет. Мы присоединились к всеобщему паническому бегу, но это никуда не приведет. Мы не понимали этого, пока не стало слишком поздно.

— Но процесс еще не закончился, правда?

— Процесс закончен, но адвокаты пока не выступали. Присяжные услышат последние слова завтра.

Несколько минут стояла тишина. Слезы Уолли высохли, но он все равно не решался смотреть на Дэвида. Наконец он тихо произнес:

— Спасибо, что приехал, Дэвид. Спасибо, что позаботился обо мне, Оскаре и Рошель. Надеюсь, ты нас не бросишь.

— Давай не будем пока говорить об этом. Ты поправляйся и выводи яд из своего организма. Я загляну к тебе на следующей неделе, потом мы проведем очередную встречу фирмы и примем кое-какие решения.

— Мне это нравится. Очередная встреча фирмы.

ГЛАВА 45

У Эммы выдалась трудная ночь, и ее родители по очереди сменяли друг друга, заступая на часовое дежурство. Когда Хелен сдала вахту в 5.30 и снова легла в кровать, она объявила, что ее карьере в качестве помощника юриста, слава Богу, пришел конец. Хелен нравились обеды, а все остальное — не очень, кроме того, ей нужно было лечить заболевшего ребенка. Дэвиду удалось утешить Эмму бутылочкой, и, продолжая кормить ее, он вошел в Интернет. В конце торгов в четверг вечером цена одной акции «Веррик» составила 40 долларов. Стабильный рост на этой неделе свидетельствовал о том, что суд по делу Клопека складывается не в пользу истца, хотя дополнительных подтверждений не требовалось. Из чистого любопытства Дэвид проверил блог Повешенного присяжного. Тот написал:

В самом кривобоком процессе за всю историю судебной системы в США еще больше усугубилось и без того плохое положение дел в лагере покойного, а теперь еще и опоро-

ченного Перси Клопека. Вместе с тем, пока команда защиты «Веррик» продолжает закатывать в асфальт несчастного и совершенно некомпетентного юриста Клопека, начинаешь проникаться сочувствием к аутсайдеру. Почти, но не совсем. Главный вопрос, на который предстоит ответить, звучит так: как столь позорное дело вообще попало в суд, осталось в суде и добралось до присяжных? Подумать только, как много времени, денег и талантов потрачено впустую! «Таланты» относятся к защите. В другой части зала талантов явно не хватает: ничего не понимающий Дэвид Зинк выработал уникальную стратегию, которая заключается в том, чтобы притворяться невидимым. Ему нужно вести перекрестный допрос. Ему нужно заявлять протесты. Ему нужно делать хоть что-нибудь, чтобы помогать делу. Он же просто сидит там часами и притворяется, будто все записывает, обменивается записочками со своей новой помощницей — сексуальной цыпочкой в короткой юбке. Он притащил помощницу в зал суда специально, чтобы показать ее ноги и отвлечь внимание от того факта, что у истца нет никаких оснований для иска. Присяжные не знают, но новая помощница — это Хелен Зинк, жена идиота, сидящего рядом с ней. Эта девчонка не помощник юриста, у нее нет ни соответствующего образования, ни опыта работы в зале суда, поэтому она прекрасно вписывается в клоунаду «Финли энд Фигг». Ее присутствие — явная уловка: таким образом они надеются привлечь внимание присяжных-мужчин и создать хоть какой-то противовес Надин Керрос, которая доминирует в зале суда и, вероятно, является самым потрясающим судебным адвокатом, какого когда-либо видел ваш покорный слуга, Повешенный присяжный.

Будем надеяться, что сегодня этот процесс усыпят, как большое животное. И быть может, у судьи Сирайта хватит духу наложить санкции за такой несерьезный иск.

Дэвид скорчился так сильно, что сдавил Эмму, которая тут же перестала работать над бутылочкой. Он закрыл ноутбук и обругал себя за то, что полез читать блог. Никогда больше, поклялся он уже не в первый раз.

Теперь, когда до вердикта оставалось совсем немного, Надин Керрос решила поднажать. Ее первым свидетелем в пятницу утром стал доктор Марк Юландер, первый вице-президент «Веррик» и директор по исследованиям. Действуя по сценарию, они быстро выполнили основную работу. Юландер имел три ученых степени и провел последние двадцать два года, курируя стремительную разработку компанией несметного количества лекарств. Крейокс был одним из его достижений, которым он особенно гордился. Компания потратила свыше 4 миллиардов, чтобы вывести его на рынок. Его команда из тридцати ученых трудилась на протяжении восьми лет, чтобы усовершенствовать препарат, убедиться, что он действительно понижает уровень холестерина, не рисковать, удостовериться в его безопасности и получить одобрение Управления по контролю за продуктами питания и лекарственными средствами. Юландер детально описал строжайшие процедуры тестирования, которые проходил не только крейокс, но и все хорошие продукты «Веррик». Репутация компании зависела от каждого лекарства, разработанного ею, и репутация «Веррик», всегда стремящейся к отличному качеству, учитывалась в каждом аспекте его исследований. Под опытным руководством Надин доктор Юландер нарисовал впечатляющую картину того, какие невероятные усилия прилагались, чтобы произвести идеальное лекарство — крейокс.

Терять было уже нечего, и Дэвид решил испытать судьбу и присоединиться к процессу. Он начал свой перекрестный допрос словами:

— Доктор Юландер, давайте поговорим обо всех клинических исследованиях, только что упомянутых вами. — Заняв место на подиуме, Дэвид, похоже, застал присяжных врасплох. Хотя на часах было только 10.15, они надеялись вскоре освободиться и отправиться домой.

— Где проводились клинические исследования? — спросил Дэвид.

— Исследования крейокса?

— Нет, аспирина для младенцев. Конечно, крейокса.

— Простите, разумеется. Попробую вспомнить. Что ж, проводились обширные исследования, как я сказал.

— Это я понял, доктор Юландер. Вопрос довольно прост. Где проводились клинические исследования?

— Ну, первоначальные исследования проводились в группе испытуемых с высоким уровнем холестерина в Никарагуа и Монголии.

— Продолжайте. Где еще?

— В Кении и Камбодже.

— Действительно ли «Веррик» потратила четыре миллиарда долларов на разработку крейокса, чтобы получить дивиденды в Монголии и Кении?

— Я не могу ответить на этот вопрос, мистер Зинк. Я не имею отношения к маркетингу.

— Весьма честно с вашей стороны. Сколько клинических исследований было проведено здесь, в Соединенных Штатах?

— Ни одного.

— Сколько препаратов «Веррик» проходят клинические исследования на сегодняшний день?

Надин Керрос встала и произнесла:

— Протестую, ваша честь, на основании того, что это не имеет отношения к делу. Речь не идет о других препаратах.

Судья Сирайт почесал подбородок.

— Отклоняется. Посмотрим, к чему это нас приведет.

Дэвид и сам не знал, к чему это приведет, зато он только что одержал крошечную победу над миз Керрос. Воодушевленный, он продолжал:

— Можете ответить на вопрос, доктор Юландер? Сколько препаратов «Веррик» проходят клинические исследования сегодня?

— Около двадцати. Я могу перечислить их все, если вы дадите мне подумать минуту-другую.

— «Двадцать» звучит внушительно. Не будем терять время на их перечисление. Сколько денег потратит «Веррик» на клинические исследования всех тех лекарств, которые сейчас разрабатываются?

— По самой грубой оценке — два миллиарда.

— За прошлый, 2010 год сколько оптовых продаж в процентном отношении совершила «Веррик» на зарубежных рынках?

Доктор Юландер пожал плечами и принял озадаченный вид.

— Мне надо проверить финансовые отчеты.

— Вы вице-президент компании, не так ли? И занимаете эту должность последние шестнадцать лет, верно?

— Это действительно так.

Дэвид взял тонкую папку, перелистнул страницу и произнес:

— Вот финансовый отчет за последний год, и здесь ясно сказано, что восемьдесят два процента оптовых продаж «Веррик» были совершены на рынке США. Вы это видели?

— Разумеется.

Миз Керрос встала и заявила:

— Протестую, ваша честь. Финансовые показатели моего клиента отношения к делу не имеют.

— Отклоняется. Финансовые показатели вашего клиента относятся к публично раскрываемым сведениям.

Еще одна крошечная победа, и уже во второй раз Дэвид ощутил удовольствие от выступления в зале суда.

— Восемьдесят два процента — это похоже на правду, доктор Юландер?

— Если вам так угодно.

— Это не мне угодно, сэр. Это указано здесь, в опубликованном отчете.

— Ладно, значит, восемьдесят два процента.

— Благодарю. По двадцати препаратам, которые вы тестируете сегодня, сколько клинических исследований проводится на территории Соединенных Штатов?

Свидетель, стиснув зубы, процедил:

— Ни одного.

— Ни одного, — с драматизмом повторил Дэвид и посмотрел на присяжных. Некоторые явно заинтересовались. На пару секунд он умолк, потом продолжил: — Значит, «Веррик» получает восемьдесят два процента своего дохода в нашей стране, но тестирует свои препараты в таких местах, как Никарагуа, Камбоджа и Монголия. А почему, доктор Юландер?

— Все просто, мистер Зинк. Нормативно-правовая база нашей страны душит исследование и разработку новых препаратов, устройств и процедур.

— Отлично. Значит, вы обвиняете правительство в том, что для вас стало рутиной проведение тестирования препаратов на людях в отдаленных местах?

Миз Керрос опять вскочила:

— Возражаю, ваша честь. Это неверное истолкование того, что сказал свидетель.

— Отклоняется. Присяжные слышали, что сказал свидетель. Продолжайте, мистер Зинк.

— Благодарю, ваша честь. Можете ответить на вопрос, доктор Юландер?

— Простите, как звучал вопрос?

— Вы подтверждаете, что ваша компания проводит клинические исследования в других странах по той при-

чине, что в нашей стране слишком строгое законодательство?

— Да, именно по этой причине.

— Разве не верно, что «Веррик» тестирует препараты в развивающихся странах, потому что это позволяет легко избежать потенциальных судебных разбирательств, если дела пойдут плохо?

— Вовсе нет.

— Разве не верно, что «Веррик» тестирует свои препараты в развивающихся странах, потому что там практически не действуют законы по защите населения?

— Нет, это не верно.

— Разве не верно, что «Веррик» тестирует свои препараты в развивающихся странах, потому что там гораздо легче найти людей — подопытных кроликов, которые обрадуются и паре долларов?

За левым плечом Дэвида послышалось шушуканье: полк защиты обсуждал, как на это отреагировать. Миз Керрос вскочила и уверенно заявила:

— Протестую, ваша честь.

Судья Сирайт, подавшись вперед, спокойно произнес:

— Обоснуйте ваш протест.

Впервые за всю неделю Надин замялась.

— Ну, во-первых, я протестую против такой линии допроса на основании того, что это не имеет отношения к делу. То, что мой клиент делает с другими препаратами, к нашему разбирательству не относится.

— Я уже отклонял этот протест, миз Керрос.

— Еще я протестую против использования адвокатом термина «люди — подопытные кролики».

Термин был явно спорный, однако он широко употреблялся и, судя по всему, подходил под эту ситуацию. Судья Сирайт размышлял, пока все буравили его взглядами. Дэвид посмотрел на присяжных и увидел несколько изумленных лиц.

— Отклоняется. Продолжайте, мистер Зинк.

— Вы курировали все исследования «Веррик» в 1998 году?

— Да, как я сказал, такова была моя задача на протяжении последних двадцати двух лет.

— Благодарю вас. Теперь скажите, проводила ли «Веррик» в 1998 году клинические исследования лекарства под названием амокситрол?

Юландер бросил испуганный взгляд на стол защиты, но сидевшие за ним адвокаты «Веррик» тоже явно запаниковали. Миз Керрос опять вскочила и гневно воскликнула:

— Протестую, ваша честь! Речь идет не об этом препарате. Его история вообще не имеет никакого отношения к делу.

— Мистер Зинк?

— Ваша честь, у этого препарата отвратительная история, поэтому я не виню «Веррик» в том, что они хотят сохранить ее в тайне.

— Почему мы должны говорить о других препаратах, мистер Зинк?

— Господин судья, мне кажется, этот свидетель говорил о репутации компании. Он давал показания в течение шестидесяти четырех минут и большую часть времени пытался убедить присяжных в том, что его компания придает огромное значение процедурам по проверке на безопасность. Почему мне нельзя глубже изучить этот вопрос? На мой взгляд, он имеет отношение к делу, и, я думаю, представляет интерес для присяжных.

Надин быстро возразила:

— Ваша честь, этот процесс касается лекарства под названием крейокс, и ничего больше. Все остальное — это попытка выудить лишние сведения.

— Но, как правильно подметил мистер Зинк, вы сделали акцент на репутации компании, миз Керрос. Вам не обя-

зательно было это делать, но теперь эта дверь открыта. Протест отклоняется. Продолжайте, мистер Зинк.

Дверь в самом деле была открыта, так что обнародование истории «Веррик» представлялось честной игрой. Дэвид и сам толком не знал, как это получилось, но все равно был взволнован. Его сомнения в себе рассеялись. Гнетущий страх исчез. Он выступал один против больших мальчиков и набирал очки. Шоу началось.

— Я спросил насчет амокситрола, доктор Юландер. Уверен, вы его помните.

— Помню.

Дэвид элегантно махнул рукой в сторону присяжных:

— Что ж, расскажите присяжным об этом препарате. Для чего он предназначался?

Юландер съежился на пару дюймов на своем свидетельском месте и снова посмотрел на стол защиты, надеясь на помощь. Потом неохотно начал говорить:

— Амокситрол был разработан как таблетка для прерывания беременности.

Чтобы подстегнуть его, Дэвид сказал:

— Таблетка для прерывания беременности, имеющей срок до одного месяца, — разновидность вроде продвинутой версии таблетки, которую принимают утром после полового контакта, верно, доктор?

— Что-то вроде того.

— Это «да» или «нет»?

— Да.

— Проще говоря, таблетка должна была растворять эмбрион, при этом его останки выводились с другими продуктами жизнедеятельности, это верно, доктор?

— В упрощенной форме — да, именно для этого и был предназначен препарат.

Поскольку в состав присяжных входило как минимум семь католиков, Дэвиду было не обязательно смотреть на них, чтобы увидеть их реакцию.

— Вы проводили клинические исследования амокситрола?

— Проводили.

— И где проходили эти исследования?

— В Африке.

— Где именно в Африке?

Юландер закатил глаза и поморщился.

— Я не могу... м-м-м... Знаете, мне нужно это проверить.

Дэвид медленно подошел к своему столу, покопался в бумагах и достал папку. Он открыл ее и начал перелистывать страницы, возвращаясь к трибуне, а потом спросил, словно прочитал об этом в докладе:

— В каких трех африканских странах «Веррик» проводила клинические исследования своей таблетки для прерывания беременности под названием амокситрол?

— В Уганде точно. Просто я не могу...

— В Уганде, Ботсване и Сомали — это похоже на правду? — осведомился Дэвид.

— Да.

— Сколько африканских женщин приняли участие в исследованиях?

— В ваших документах есть ответ, мистер Зинк?

— Число четыреста похоже на правду, доктор?

— Вполне.

— И сколько денег платила «Веррик» каждой беременной африканке за прерывание беременности при помощи одной из ваших таблеток?

— У вас есть ответ, мистер Зинк?

— Пятьдесят долларов за зародыша похоже на правду, доктор Юландер?

— Полагаю, да.

— Не надо гадать, доктор. Доклад у меня перед глазами.

Дэвид перелистнул страницу, не торопясь и дожидаясь, пока приятнейший для его ушей шепот разнесется по всему залу суда. Надин Керрос снова встала и заявила:

— Протестую, ваша честь. Доклад, на который ссылается мистер Зинк, не упоминался в списке доказательств. Я не видела его.

— О, я уверен, что миз Керрос его видела, ваша честь. Уверен, что все большие шишки в «Веррик» видели его, — возразил Дэвид.

— Что за доклад вы цитируете, мистер Зинк? — спросил судья.

— Это исследование, проведенное Всемирной организацией здравоохранения в 2002 году. Их ученые решили проследить за крупнейшими фармацевтическими компаниями мира и тем, как они используют людей — подопытных кроликов в бедных странах для проверки лекарств, которые хотят продавать в богатых странах.

Судья поднял руки:

— Довольно. Вы не можете использовать доклад, если его нет в списке доказательств.

— А я и не предлагаю принять его в качестве доказательства, ваша честь. Я цитирую его, чтобы поставить под вопрос показания этого свидетеля и якобы безупречную репутацию этой чудесной компании. — К этому моменту Дэвид уже не чувствовал никакой скованности. Разве ему было, что терять?

Судья Сирайт нахмурился и почесал подбородок.

— Миз Керрос, — произнес он.

— Он выдергивает факты из доклада, не заявленного в качестве доказательства, доклада, который присяжные не увидят, если только он каким-то образом не добьется, чтобы его приобщили к доказательствам, — отозвалась Надин, сохраняя внешнее спокойствие, но явно волнуясь.

— Мы поступим следующим образом, мистер Зинк. Вы можете ссылаться на доклад только для того, чтобы оспаривать показания свидетеля, но информация должна передаваться четко и ясно, без всяких изменений и привязки к каким-либо другим вашим целям. Ясно?

— Разумеется, господин судья. Хотите получить экземпляр доклада?

— Это было бы весьма кстати.

Дэвид подошел к столу судьи, достал еще две папки и, с удовлетворенным видом прогулявшись по залу суда, сказал:

— У меня есть экземпляр и для «Веррик», хотя уверен: они уже видели его. Наверное, похоронили в склепе.

— Хватит замечаний, не относящихся к делу, мистер Зинк, — оборвал Дэвида судья Сирайт.

— Простите.

Дэвид передал один экземпляр судье и положил другой на стол перед Надин Керрос. Вернувшись на подиум, он изучил свои записи и вперил в доктора Юландера испепеляющий взгляд.

— Итак, доктор, вернемся к амокситролу. Когда «Веррик» тестировала препарат, интересовал ли вашу компанию возраст беременных африканок?

На несколько секунд Юландер лишился дара речи. Наконец он пробормотал:

— Уверен, что да.

— Отлично. В таком случае какого возраста девушки считались слишком юными для эксперимента, доктор Юландер? Каковы были параметры выбора участниц по возрасту, установленные «Веррик»?

— Участницы эксперимента должны были быть старше восемнадцати лет.

— Вы когда-нибудь видели этот отчет, доктор?

Юландер снова в отчаянии взглянул на Надин, но та, как и другие воины в ее строю, поникла и старалась не

смотреть в глаза никому. Наконец, он выдавил совершенно неубедительное «нет».

Присяжный под номером 37, пятидесятиоднолетний афроамериканец, издал какой-то клокочущий звук, явно предназначавшийся для ушей других присутствующих и смутно напоминавший слово «дерьмо».

— Правда ли, доктор, что амокситрол предлагали даже четырнадцатилетним девочкам для прерывания беременности? Господин судья, страница двадцать два, последний абзац, вторая колонка.

Юландер не ответил.

Ройбен Мэсси сидел рядом с Джуди Бек в первом ряду со стороны защиты. Как бывалый ветеран сражений по коллективным гражданским искам, он знал: для него чрезвычайно важно излучать полное спокойствие и уверенность. Но его сердце колотилось от ярости, и ему хотелось прыгнуть вперед и вцепиться в горло Надин Керрос. Как могло такое произойти? Как получилось, что эту дверь не только взломали, но и распахнули настежь?

«Веррик» легко могла победить при упрощенном судопроизводстве, и сейчас он сидел бы у себя за столом, скрываясь от всех в безопасном корпоративном штабе, наслаждаясь победой и дергая за веревочки, чтобы вернуть крейокс на рынок. Вместо этого Ройбен Мэсси сидел и смотрел, как его любимую компанию разделяет в пух и прах какой-то новичок.

Новичок напирал:

— Итак, доктор Юландер, амокситрол в конце концов добрался до аптечного прилавка?

— Нет.

— Возникли какие-то проблемы, не так ли?

— Да.

— Какие у него обнаружились побочные эффекты?

— Тошнота, головокружение, головная боль, обморок, но таковы побочные эффекты у большей части экстренных контрацептивов.

— Вы не упомянули брюшное кровотечение, не так ли, доктор Юландер? По забывчивости, я уверен.

— Брюшное кровотечение действительно имело место. Поэтому мы прекратили тестирования.

— Вы прекратили их довольно быстро, правда, доктор? На самом деле исследования были отменены через девять дней после начала, верно, доктор?

— Да.

Дэвид сделал паузу для большего эффекта: следующий вопрос должен был стать кульминационным. Зал суда затих.

— Итак, доктор Юландер, сколько женщин из четырехсот, выбранных компанией «Веррик», умерли от брюшного кровотечения?

Свидетель медленно снял очки и положил их на колени. Он потер глаза, посмотрел на Ройбена Мэсси, стиснул зубы, обвел взглядом присяжных и произнес:

— Нам сообщили об одиннадцати смертельных случаях.

Дэвид на мгновение опустил голову, потом взял стопку документов у себя со стола и поменял их на другую стопку. Он не знал, как далеко может зайти на данном этапе, но не собирался заканчивать, пока его не попросят. Вернувшись на подиум, Дэвид разобрался с бумагами и сказал:

— Теперь, доктор, предлагаю поговорить о других лекарствах «Веррик», которые тоже не попали в продажу.

Миз Керрос встала.

— Заявляю протест, ваша честь.

— Отклоняется, миз Керрос.

— В таком случае, ваша честь, мы можем ненадолго прерваться?

Было почти 11.00 — обычный перерыв Сирайта. Он посмотрел на Дэвида и сказал:

— Долго еще, мистер Зинк?

Дэвид поднял свой большой блокнот и ответил:

— Боже правый, господин судья, я не знаю. У меня длинный список плохих лекарств.

— Предлагаю встретиться у меня в кабинете и обсудить это. Объявляю перерыв на пятнадцать минут.

ГЛАВА 46

Учитывая, что в состав присяжных входят три афроамериканца, Дэвид принял тактическое решение потратить еще больше времени на Африку с доктором Юландером. Во время перерыва судья Сирайт решил позволить Дэвиду покопаться в истории еще только трех лекарств.

— Я хочу, чтобы присяжные получили дело на рассмотрение сегодня днем, — сказал он.

Миз Керрос продолжала протестовать, временами — неистово, а судья продолжал отклонять ее протесты.

Пристав привел присяжных, и они расселись по местам. Доктор Юландер вернулся на свидетельскую трибуну. Дэвид обратился к нему:

— Итак, доктор Юландер, вы помните лекарство под названием клервекс?

— Помню.

— Он производился и продавался вашей компанией?

— Да.

— Когда его одобрило Управление по контролю за продуктами питания и лекарственными средствами?

— Попробую вспомнить. В начале 2005 года как будто.

— Сейчас клервекс продается?

— Нет.

— Когда его изъяли из продажи?

— Через два года, в 2007-м, если не ошибаюсь.

— Ваша компания добровольно отозвала препарат, или его изъятие с рынка было инициировано Управлением?

— Было инициировано Управлением.

— На момент его изъятия против вашей компании уже было подано несколько тысяч исков по клервексу, верно?

— Верно.

— Если объяснять неспециалистам, что это был за препарат?

— Это был препарат от гипертонии, для пациентов, страдавших от повышенного кровяного давления.

— Имелись ли у него какие-либо побочные эффекты?

— Если верить юристам по коллективным гражданским искам, да.

— А как насчет Управления? Оно же потребовало изъятия препарата не потому, что огорчились юристы по коллективным гражданским делам, правда? — Дэвид держал в руках очередной доклад и, говоря, слегка помахивал им.

— Насколько я могу догадываться, да.

— Я не просил вас о чем-то догадываться, доктор. Вы видели доклад Управления. Клервекс вызывал тяжелейшие, даже ослепляющие мигрени у тысяч пациентов, не так ли?

— Если верить Управлению, да.

— Вы оспариваете данные исследований Управления?

— Да.

— И вы курировали клинические исследования клервекса?

— Я с моими сотрудниками курирую тестирование всех лекарств, которые производит наша компания. Я думал, мы уже установили этот факт.

— Приношу глубочайшие извинения. Сколько отдельных клинических исследований было проведено в ходе проверки клервекса?

— Как минимум шесть.

— И где они проходили?

Битье не прекратилось бы, пока этот перекрестный допрос не закончился бы, поэтому Юландер с готовностью ответил:

— Четыре в Африке, одно в Румынии, одно в Парагвае.

— Скольких участников эксперимента в Африке лечили клервексом?

— В каждом исследовании принимало участие около одной тысячи пациентов.

— Вы помните, в какой стране или странах?

— Точно — нет. В Камеруне, Кении, возможно, Нигерии. Четвертую страну вспомнить не могу.

— Эти исследования проводились одновременно?

— В общем — да. За двенадцатимесячный срок с 2002 по 2003 год.

— Правда, доктор, будто вы, я имею в виду вас лично, почти сразу поняли, что с лекарством возникнут существенные проблемы?

— Что вы подразумеваете под «почти сразу»?

Дэвид подошел к своей стопке бумаг, выудил документ и обратился к суду:

— Ваша честь, я хотел бы заявить о приобщении к доказательствам этого внутреннего заключения, направленного доктору Марку Юландеру Дарлин Эйнсуорт, лаборанткой «Веррик», четвертого мая 2002 года.

— Позвольте взглянуть, — попросил судья.

Надин встала.

— Ваша честь, мы протестуем в связи с тем, что это не имеет отношения к делу и не имеет надлежащего обоснования.

Судья Сирайт просмотрел заключение длиной в две страницы. Он бросил взгляд на доктора Юландера.

— Вы это получали, доктор?

— Получал.

— Ваша честь, — вставил Дэвид, — это заключение просочилось к юристам истцов от доносчика из «Веррик» в ходе разбирательства по клервексу два года назад. Его подлинность была установлена тогда же. Доктору Юландеру хорошо об этом известно.

— Достаточно, мистер Зинк. Оно будет допущено в качестве доказательства.

Мистер Зинк продолжал:

— Заключение датировано четвертым мая 2002 года, верно, доктор Юландер?

— Верно.

— Значит, через два месяца после того, как «Веррик» начала клинические исследования в Африке, это заключение оказалось у вас на столе. Взгляните на вторую страницу, последний абзац. Вы не могли бы зачитать его присяжным, доктор Юландер?

Свидетель явно не хотел ничего читать, но поправил очки и начал:

— «Пациенты принимают клервекс в течение шести недель, по сорок миллиграммов два раза в день. У семидесяти двух процентов отмечается понижение кровяного давления, как систолического, так и диастолического. Побочные эффекты вызывают беспокойство. Пациенты жалуются на головокружение, тошноту, рвоту, и многие, около двадцати процентов, страдают от тяжелых головных болей, настолько мучительных, что возникает необходимость прекратить прием лекарства. Сравнив свои наблюдения с наблюдениями других лаборантов здесь, в Найроби, я настоятельно рекомендую приостановить всякие испытания клервекса».

— И что, доктор Юландер, исследования были приостановлены?

— Нет.

— Поступали ли другие подобные отчеты непосредственно с места проведения исследований?

Юландер вздохнул, бросил беспомощный взгляд на столик защиты.

— У меня есть копии других отчетов, доктор Юландер, если они помогут освежить вашу память, — радостно сообщил Дэвид.

— Да, другие отчеты были, — подтвердил Юландер.

— А эта лаборантка, Дарлин Эйнсуорт еще работает в «Веррик»?

— Думаю, нет.

— Это «да» или «нет», доктор?

— Нет, не работает.

— Правда ли, доктор Юландер, что трудовой договор с ней был расторгнут через месяц после того, как она отправила вам заключение обо всех ужасах клервекса?

— Это не я расторгал с ней трудовой договор.

— Зато это сделала компания «Веррик», не так ли?

— Ну, я не знаю точно, как она ушла из компании. Возможно, уволилась.

Дэвид снова подошел к столу, взял объемный документ и посмотрел на судью Сирайта.

— Господин судья, это показания с процесса по клервексу, проходившего два года назад. Могу я использовать их, чтобы освежить память доктора Юландера?

— Ответьте на вопрос! — злобно бросил судья свидетелью. — Действительно ли компания «Веррик» уволила эту сотрудницу через месяц после того, как она отправила вам заключение?

Испугавшись выпада судьи, Юландер тут же все вспомнил.

— Да, так и было.

— Спасибо, — сказал судья.

Глядя на присяжных, Дэвид продолжал:

— Значит, несмотря на предупреждения, поступавшие непосредственно с места проведения исследований, «Веррик» пошла дальше и добилась одобрения Управления по контролю за продуктами питания и лекарственными средствами в 2005 году, верно, доктор Юландер?

— Лекарство одобрили в 2005 году.

— И, едва получив одобрение, «Веррик» начала агрессивно выводить препарат на рынок США, правильно, доктор Юландер?

— Я не имею никакого отношения к рынку и маркетингу.

— Но вы входите в совет директоров, верно?

— Верно.

— И вот тогда разверзлись врата ада. Посыпались жалобы на жутчайшие мигрени и другие побочные эффекты. По крайней мере восемь тысяч потребителей продукции «Веррик» подали иски в 2005 году, правильно доктор?

— Я не имею доступа к этим цифрам.

— Что ж, не будем придирааться к мелочам, доктор. Я попытаюсь закончить побыстрее. Согласилась ли ваша компания хоть на один судебный процесс в нашей стране, чтобы защитить свой препарат клервекс?

— Да, на один.

— А еще по двадцати пяти тысячам исков по этому лекарству «Веррик» на прошлой неделе выплатила компенсации, верно, доктор?

Надин встала вновь.

— Протестую, ваша честь. Компенсации по другим делам не имеют отношения к этому суду. По-моему, мистер Зинк перешел все границы.

— Это уже мне решать, миз Керрос. Но ваш протест принят. Мистер Зинк, больше никаких разговоров о компенсациях по другим искам.

— Благодарю, ваша честь. Итак, доктор Юландер, вы помните о препарате «Веррик» под названием рувал?

Юландер снова вздохнул и уставился на свои ботинки. Дэвид подошел к столу, чтобы переложить документы и взять очередную стопку заключений, выуженных из грязного бейля «Веррик». Довольно быстро ему удалось установить, что: 1) рувал должен был снимать мигрень, но при этом резко повышал уровень кровяного давления; 2) его проверяли на страдающих мигренями пациентах в Африке и Индии; 3) в «Веррик» знали о его побочных эффектах, но пытались скрыть эту информацию; 4) изобличающие внутренние заключения были обнаружены судебными юристами в ходе последующего судебного разбирательства; 5) Управление в конечном счете постановило изъять лекарство из продажи; 6) «Веррик» до сих пор отбивалась от разнообразных коллективных исков, но ни одно дело так и не дошло до суда.

В час дня Дэвид решил остановиться. Он безжалостно мучил доктора Юландера почти три часа, так и не получив должного отпора от миз Керрос, и заработал достаточно очков. Присяжные, которые сначала забавлялись, слушая, как «Веррик» поливают грязью, теперь, казалось, были готовы пообедать, принять решение и отправиться по домам.

— Объявляю короткий перерыв на обед, — произнес судья. — Встречаемся снова в два часа дня.

Дэвид нашел пустой угол в кафе на втором этаже здания и ел бутерброд, глядя в блокнот, когда почувствовал, что кто-то подошел к нему сзади. Это оказался Тейлор Баркли, юрист из «Рогана», один из немногих, с кем Дэвид был знаком и периодически здоровался при встрече в зале суда.

— Есть минутка? — спросил он, садясь на стул.

— Конечно.

— Отличный ход. Надин иногда допускает ошибки, но это был просто провал.

— Спасибо, — сказал Дэвид, продолжая жевать.

Баркли пострелял глазами по сторонам, как будто они обменивались сверхсекретными сведениями.

— Вы натыкались на блогера, который называет себя Повешенным присяжным? — Дэвид кивнул, и Баркли продолжил: — Наши технические специалисты очень хороши, и они выследили его. Он сидит в зале суда позади вас через три ряда, в темно-синем свитере и белой рубашке. Тридцать лет, лысеющая голова, очки, в целом имеет весьма скучный вид. Его зовут Аарон Динц, раньше работал на среднюю по величине фирму в центре города, но во время кризиса его выгнали. Теперь он ведет блог и пытается подчеркнуть собственную значимость. Похоже, просто работу не может найти.

— Зачем вы рассказываете мне об этом?

— У него есть право писать в блоге. Зал суда открыт для зрителей. Большая часть его писанины безобидна, но он замахнулся на вашу жену. Я бы прижал его. Просто подумал, вам было бы интересно об этом узнать. До встречи. — С этими словами Баркли поднялся и исчез.

В два часа после полудня Надин Керрос встала и объявила:

— Ваша честь, защита закончила предоставление доказательств. — Это уже обсуждалось в кабинете судьи, поэтому не стало ни для кого откровением. Судья Сирайт решил не терять времени даром и сказал:

— Мистер Зинк, можете обратиться к присяжным с заключительной речью.

Дэвид не имел желания обращаться к присяжным и просить их проявить сочувствие к его клиентке, Айрис Клопек, но для юриста, представлявшего дело в суде с начала до конца, было бы странно отказаться от возможности высказать финальную точку зрения. Он поднялся на подиум

и начал с того, что поблагодарил присяжных за их службу. Потом он признался, что впервые вел дело в суде и не планировал заниматься ничем, кроме подготовки и исследований. Однако ситуация сложилась так, что он оказался в центре боевых действий. Дэвид выразил сожаление, что не выступил лучше. Он показал бумагу и объяснил: это документ о совещании сторон до начала судебного разбирательства, что-то вроде плана самого процесса, о котором договорились стороны задолго до того, как были выбраны присяжные. Особый интерес представляла страница 35 со списком экспертов со стороны защиты. Целых двадцать семь! И все с титулом «доктор». К счастью, защита не вызвала всех двадцать семь свидетелей, но, уж конечно, наняла их и оплатила их услуги. Зачем ответчику так много дорогостоящих экспертов? Возможно, ответчику есть что скрывать. И почему ответчику нужно так много юристов, поинтересовался Дэвид, махнув рукой в сторону команды «Рогана Ротберга»? Его клиентка, Айрис Клопек, не могла позволить себе работать с такими талантами. Силы на поле боя неравны. Игра подстроена. Только присяжные могут все уравнять.

Дэвид говорил меньше десяти минут и радостно сошел с подиума. Возвращаясь к столу, он осмотрел зал и встретился взглядом с Аароном Динцем, Повешенным присяжным. Дэвид изучал его пару секунд, потом Динц отвел глаза.

Надин Керрос выступала тридцать минут и умудрилась вновь привлечь внимание к крейоксу и заставить всех забыть о тех неприятных исследованиях, о которых говорил мистер Зинк. Она активно защищала «Веррик» и напонила присяжным о многих хорошо известных и проверенных временем лекарствах, которые компания подарила миру. Включая крейокс — препарат, прекрасно переживший и эту неделю, поскольку истец не сумел доказать, что с ним что-то не так. Да, она и «Веррик» привлекли двадцать семь знаменитых экспертов, но это ничего не значит.

Гораздо важнее экспертные показания для истца, который подал иск и нес бремя доказательств, однако так и не смог убедительно аргументировать свою позицию.

Дэвид наблюдал за ней с восхищением. Ее речь лилась рекой, Надин искусно преподносила себя, и ее большой опыт работы в суде проявлялся во всем: в том, как она двигалась, говорила, легко находила слова, смотрела на присяжных и доверчиво улыбалась им. По их лицам было ясно, что они тоже ей доверяли.

Дэвид отказался от опровергающего заявления. Судья Сирайт тут же зачитал указания для присяжных — самая скучная часть любого суда. В 15.30 присяжных вывели из зала суда, чтобы они приступили к принятию решения. Дэвид хотел уехать, поэтому понес большую коробку с документами в свой внедорожник, припаркованный в гараже. Когда он поднимался на лифте назад на двадцать третий этаж, его мобильник завибрировал. В сообщении говорилось: «Присяжные готовы». Он улыбнулся и прошептал:

— Не много времени им понадобилось.

Когда зал суда затих, пристав привел присяжных. Старшина присяжных передал письменный вердикт клерку, который вручил его судье Сирайту, и тот объявил:

— Похоже, вердикт вынесен должным образом.

Вердикт вернули старшине, который встал и прочитал:

— Мы, присяжные, принимаем решение в пользу ответчика, «Веррик лабз».

Никакой реакции в зале суда. Судья Сирайт провел положенные после вынесения вердикта процедуры и отпустил присяжных. Дэвид не имел желания околачиваться вокруг и слушать всякую чушь вроде: «Отличная работа», «Фактов вам не хватило», «В следующий раз повезет больше». Как только судья стукнул молотком и объявил заседание закрытым, Дэвид поднял тяжелый портфель и быстро вышел из зала. Он прорвался через толпу и мчался по

коридору, когда заметил возле туалета знакомый голубой свитер. Дэвид последовал за ним и, оглядев помещение, не увидел никого, кроме Аарона Динца. Дэвид помыл руки и, когда Динц заметил его, спросил:

— Вы Повешенный присяжный, не так ли?

Динц застыл на месте, не в силах скрыть удивления.

— И что? — ухмыльнулся он.

Дэвид вскинул руку и нанес удар правым кулаком в челюсть Повешенного присяжного. Слишком ошеломленный, чтобы ответить, Динц хрюкнул и открыл рот. Дэвид довершил начатое быстрым левым хуком, попав в нос.

— А это за «цыпочку», осел! — сказал Дэвид, видя, как Динц оседает на пол.

Выйдя из туалета, Дэвид увидел толпу в дальнем конце коридора. Он нашел лестницу и побегал к основному коридору. Потом рванул через улицу к гаражу и, лишь надежно запершись в своем внедорожнике, глубоко вздохнул и произнес:

— Ты идиот.

Поехав в офис по объездному пути, Дэвид добрался туда ближе к вечеру этой судьбоносной пятницы. Он удивился, увидев там Оскара. Тот сидел и распивал прохладительные напитки за столом вместе с Рошель. Он казался похудевшим и бледным, но улыбался и говорил, что чувствует себя нормально. Доктор разрешил ему проводить не больше двух часов день в офисе, и Оскар утверждал, что с нетерпением ждет возвращения к работе.

Дэвид кратко рассказал о суде. Он изобразил русский акцент доктора Борзова, и все трое засмеялись. Все шутки относились к «Финли энд Фигг», так почему не посмеяться над собой? Когда Дэвид описал, как лихорадочно пытался разыскать доктора Тредгилла, они еще немного повеселились. Они не могли поверить, что он втянул в это

дело и Хелен. Когда Дэвид описывал выражение лиц присяжных во время просмотра видео с Айрис, Рошель вытирала глаза носовым платочком.

— И несмотря на мое блестящее выступление, присяжные вынесли вердикт всего за семнадцать минут.

Нашутившись вдоволь, они заговорили об Уолли, пропавшем на время товарище. Они говорили о счетах, кредитной линии, о своем туманном будущем. Оскар предложил забыть об этом до утра понедельника.

— Мы что-нибудь придумаем, — сказал он.

Дэвида и Рошель изумило, что Оскар стал таким добрым и заботливым. Вероятно, сердечный приступ и операция смягчили его, и Оскар понял, что и сам смертен. Прежний Оскар проклинал бы Фигга и переживал из-за неминуемого финансового краха фирмы, а теперешний вполне оптимистично смотрел на ситуацию.

Проведя почти час за самой приятной беседой из всех, какие когда-либо бывали в офисе, Дэвид сказал, что ему пора уходить. Помощница ждала его дома за ужином и хотела узнать о суде подробнее.

ГЛАВА 47

Выходные Дэвид провел дома, выполняя поручения Хелен. Он катал Эмму в коляске, до блеска отмыл обе машины и следил за новостями о суде и великой победе «Веррик» онлайн. В субботнем выпуске «Сан таймс» опубликовали об этом одну маленькую статью, а вот в «Трибюн» о них ни словом не обмолвились. Авторы интернет-публикаций уделяли больше внимания не самому суду, а его последствиям. Служба «Веррик» по связям с общественностью работала на полную мощность, и вердикт описывали

как главное опровержение всех нападок на крейокс. Повсюду цитировали слова генерального директора Ройбена Мэсси, который нахваливал лекарство, ругал коллегия адвокатов по коллективным гражданским искам, обещая раздавить этих «жалких юристов, которые бегают за каретами «скорой помощи» в любом зале суда, в который они посмеют войти», превозносил мудрость чикагских присяжных и требовал принять больше законов для защиты невинных корпораций от таких необоснованных исков. Получить комментарии по ситуации от Джерри Алисандроса не удалось. В самом деле, ни один из юристов, подавших иски против «Веррик лабз», не высказался для прессы. «Впервые в новейшей истории вся коллегия адвокатов по коллективным гражданским делам затихла», — заметил один репортер.

Звонок раздался ровно в два часа дня в воскресенье. Доктор Бифф Сандрони получил образцы «страшных клыков» «Федэксом» в пятницу утром, как раз в то время, когда Дэвид поджаривал на медленном огне доктора Юландера. Доктор Сандрони пообещал немедленно протестировать образцы.

— Они все одинаковые, Дэвид. Все покрыты одной и той же краской, в основе которой свинец. Эта краска высокотоксична. Ваш иск — просто находка. Все основания очевидны, ничего лучше я в жизни не видел.

— Когда вы сможете закончить отчет?

— Я вышлю его по электронной почте.

— Спасибо, Бифф.

— Удачи!

Через час Дэвид и Хелен посадили Эмму в автомобильное кресло и отправились в Уокиган. Они собирались посетить Уолли, заодно надеясь усыпить ребенка.

После четырех дней трезвости Уолли выглядел отдохнувшим и жаждал скорее уехать из «Харбор-хауса». Дэвид вкратце поведал ему о суде и, не желая повторяться и не

имея настроения шутить, опустил моменты, которые Оскар и Рошель сочли особенно смешными. Уолли постоянно извинялся, пока Дэвид не попросил его прекратить.

— Все кончено, Уолли. Мы должны двигаться дальше.

Они поговорили о том, как распрощаться с клиентами по крейоксу и проблемами, которые могут при этом возникнуть. На самом деле уже было не важно, насколько усложнится ситуация: они приняли окончательное решение. Не заниматься больше крейоксом и «Веррик».

— Мне не обязательно здесь оставаться, — сказал Уолли, когда они оказались наедине с Дэвидом в конце коридора. Хелен сидела в машине со спящей дочкой.

— Что говорит твой наставник?

— Мне уже надоел этот парень. Послушай, Дэвид, я сошел с дистанции из-за стресса, вот и все. Сейчас я считаю себя трезвым. Уже считаю дни. Я вернусь к «Анонимным алкоголикам» и буду надеяться и молиться, чтобы не оступить снова. Услышь меня, Дэвид: мне не нравится быть пьяницей. У нас есть работа, которая нас ждет, мне нужно оставаться трезвым.

Поскольку Дэвид обязался платить по счетчику по 500 долларов в день, он хотел, чтобы Уолли выбрался из реабилитационного центра как можно скорее, но не очень верил в успех десятидневного курса детоксикации.

— Я поговорю с твоим наставником, как его зовут?

— Патрик Хейл. На этот раз он в самом деле меня напугает.

— Возможно, именно это тебе и нужно, Уолли.

— Да ладно, Дэвид. Забери меня отсюда. Мы сами выкопали себе яму и теперь остались только вдвоем с тобой. Сомневаюсь, что Оскар нам сильно поможет.

Не говоря о том, что Оскар вообще весьма скептически относился к крейоксу и коллективным гражданским искам в целом. Глубокая яма, в которой они теперь оказались,

была вырыта Уоллисом Т. Фиггом. Они немного поговорили об Оскаре, о его разводе и здоровье, о его новой подружке, — как сказал Уолли, не такой уж новой, — но Дэвид не стал выяснять подробности.

Когда он уходил, Уолли снова взмолился:

— Забери меня отсюда, Дэвид. У нас слишком много работы.

Дэвид обнял его на прощание и вышел из комнаты для посетителей. «Работа», упомянутая Уолли, представляла собой не что иное, как грандиозную задачу по избавлению от примерно четырехсот разочарованных клиентов, улаживание оставшихся проблем после суда по делу Клопека, оплату счетов и сидение в здании, обремененном теперь залогом в 200 000 долларов. В последний месяц они забросили других клиентов, доведя многих до того, что те обратились к другим юристам, и число ежедневных обращений от потенциальных клиентов тоже резко сократилось.

Дэвид думал о том, чтобы уйти, открыть собственное дело или присмотреться к другим маленьким фирмам. Если уйдет, он, разумеется, заберет дело Туи Хаинга с собой. Оскар и Уолли никогда о нем не узнают. Если дело окупится, Дэвид выпишет чек в пользу «Финли энд Фигг», чтобы оплатить свою часть залога. Но эти мысли нервировали его. Он сбежал из одной фирмы и никогда не оглядывался. Если бы он сбежал из второй, он всегда сожалел бы об этом. На самом деле Дэвид знал, что не может бросить «Финли энд Фигг» теперь, когда у его партнеров проблемы со здоровьем, а в дверь вот-вот начнут ломиться разгневанные клиенты и кредиторы.

В понедельник утром телефон звонил не переставая. Рошель ответила несколько раз, потом объявила:

— Это все клиенты по крейоксу. Спрашивают, что будет с их делами.

— Отключите телефон, — распорядился Дэвид, и шум прекратился. Старый Оскар вернулся. Он сидел у себя в кабинете за плотно закрытой дверью, завалив весь стол документами.

К девяти утра Дэвид составил письмо для рассылки примерно четыремстам клиентам, полагавшим, что имеют основания для иска. В нем говорилось:

Уважаемый/ая _____!

На прошлой неделе наша фирма представляла в суде наш первый иск против «Веррик лабз» в связи с производством препарата крейокс. Судебное разбирательство прошло не так, как мы планировали, и исход иска оказался неблагоприятным для нас. Присяжные вынесли вердикт в пользу «Веррик». Поскольку все доказательства уже были предоставлены, нам стало ясно, что неразумно начинать дополнительные судебные разбирательства против компании. По этой причине мы снимаем с себя полномочия вашего адвоката. Вы можете обратиться к любому другому юристу.

Стоит отметить, что «Веррик» представила убедительные доказательства того, что крейокс не повреждает сердечные клапаны или какие-либо другие органы.

С уважением,

*Дэвид Зинк,
адвокат и поверенный в суде.*

Когда принтер Рошель начал выплевывать письма, Дэвид отправился наверх, чтобы подготовиться к очередной схватке в федеральном суде, куда ему совсем не хотелось идти в то утро понедельника. У него был проект искового заявления, которое он собирался подать против «Сонеста геймз», и проект письма, которое он планировал отправить главному корпоративному юристу. Он довел до кондиции документы, пока ждал отчета Сандрони.

На открытии торгов с утра в понедельник цена акций «Веррик» составила 42 доллара 50 центов — рекорд за последние два года. Дэвид просмотрел финансовые сайты и блоги, и везде до сих пор обсуждалось будущее всех исков по крейоксу. Поскольку Дэвид не собирался принимать в этом участия, его интерес быстро угас.

Порывшись на совершенно непонятном сайте округа Кук в разделе «Суды», «Уголовные преступления», «Ордера и письменные показания под присягой», Дэвид не обнаружил каких-либо следов заявления Аарона Динца о том, что он подвергся нападению. В субботу Повешенный присяжный написал в блоге об окончании процесса по делу Клопека, но не упомянул, как его избили в мужском туалете на двадцать третьем этаже федерального здания Дирксена.

Друг Оскара, работавший в «Ордерах и письменных показаниях под присягой», обещал следить за заявлениями Динца.

— Ты в самом деле ему врзал? — спросил Оскар с искренним восхищением.

— Да, и это было весьма глупо с моей стороны.

— Не волнуйся, это простое нападение. У меня есть друзья, которые помогут в случае чего.

Когда пришел отчет от Сандрони, Дэвид внимательно его прочитал и пришел в восторг, увидев вывод. «Уровень содержания свинца в краске, использованной для покрытия игрушки «страшные клыки», настолько высок, что вызывает отравление. Любой ребенок или взрослый, использующий этот продукт именно таким образом, как предназначает производитель, а именно помещает данный предмет в рот, серьезно рискует употребить внутрь некоторое количество краски, содержащей свинец».

Для пущей убедительности доктор Сандрони добавил: «За тридцать лет работы с источниками отравления, главным образом, с источниками отравления свинцом, я ни-

когда не видел продукта, который был разработан и произведен с большей небрежностью и халатностью».

Дэвид скопировал шестистраничный отчет и положил его в папку вместе с цветными фотографиями оригинальных «страшных клыков», с которыми играл Туйя, и фотографиями образцов, купленных им самим неделю назад. Он добавил копию искового заявления и врачебное заключение, подготовленное докторами, лечившими Туйю. В вежливом, но прямом письме некоему мистеру Дилану Котту, главному корпоративному юристу «Сонеста геймз», Дэвид предложил обсудить вопрос до подачи иска в суд. Однако его предложение действовало лишь четырнадцать дней. Семья сильно пострадала и продолжала страдать, поэтому имела полное право рассчитывать на незамедлительную помощь.

Отправившись на обед, Дэвид прихватил с собой папку и отправил ее в «Сонеста геймз» «Федэксом» с доставкой на следующий день. Никто в фирме не знал, чем он занимается. В качестве контактной информации в письме он указал свой домашний адрес и мобильный телефон.

Когда Дэвид вернулся, Оскар уходил вместе с крошечной дамой непонятной этнической принадлежности. Сначала Дэвид подумал, что она тайка, потом ему показалось, что она похожа на латиноамериканку. В любом случае они любезно пообщались на крыльце. Дама была лет на двадцать моложе Оскара и за время короткой беседы Дэвид понял, что эти двое знают друг друга уже довольно давно. Оскар, проводя утро в офисе, выглядел усталым, медленно залез на пассажирское сиденье ее маленькой «хонды», и они уехали.

— Кто это? — спросил Дэвид у Рошель, когда она закрыла дверь.

— Я сама только что с ней познакомилась. Какое-то у нее странное имя, я и не разобрала толком. Она сказала, что они с Оскаром знакомы уже три года.

— То, что Уолли — дамский угодник, известно давно. А вот похождения Оскара меня несколько удивляют. А вас?

Рошель улыбнулась.

— Дэвид, когда дело касается любви и секса, меня уже ничто не удивляет. — Она протянула ему розовую бумажку для записей. — Пока мы не отошли от темы, возможно, вы захотите позвонить этому парню.

— Кто это?

— Гудлоу Стамм. Адвокат по разводу Полы Финли.

— Я ничего не смыслю в законах о разводе, Рошель.

Рошель окинула все помещение странным взглядом и сказала:

— Все ушли. Думаю, вам лучше скорее освоить данную область.

Стамм начал с фальшивой фразы:

— Жаль, что не повезло с вердиктом, но на самом деле я несколько не удивился.

— Я тоже, — резко ответил Дэвид. — Что я могу для вас сделать?

— Прежде всего скажите, как мистер Финли?

— Оскар в порядке. Прошло две недели с тех пор, как у него случился сердечный приступ. Он приходил сегодня в офис с утра на пару часов, и его состояние стабильно улучшается. Полагаю, вы звонили, чтобы поинтересоваться разбирательством по крейоксу? Надеялись, что у нас есть хоть какой-то шанс заработать небольшой гонорар. К счастью для нас, наших клиентов и миссис Финли в том числе, наш ответ — нет, у нас нет никаких перспектив получить хотя бы цент с этих дел. Мы не собираемся подавать апелляцию по делу Клопека. Сейчас мы уведомляем всех наших клиентов по крейоксу о том, что снимаем с себя полномочия их адвокатов. Мы заложили офис, чтобы собрать деньги на суд, который обошелся нам в сто восемьдесят тысяч долларов наличными. Старший партнер выздо-

равливает после сердечного приступа и операции на сердечном клапане. Младший партнер ушел в отпуск. Фирмой руковожу я и секретарь, и, кстати говоря, она разбирается в праве гораздо лучше меня. Если вы интересуетесь акциями мистера Финли, позвольте заверить вас: он никогда не был беднее, чем сейчас. Насколько я знаю, он предложил оставить вашей клиентке дом со всей мебелью, ее машину и половину денег со счета в банке, то есть меньше пяти тысяч долларов, в обмен на простой развод без претензий. Он хочет покончить с этим, мистер Стамм. Предлагаю вам и вашей клиентке принять его предложение, пока он не передумал.

Стамм, подумав, ответил:

— Ценю вашу откровенность.

— Отлично. Есть еще кое-что. От имени вашего клиента-преступника Джастина Бардалла вы подали иск против Оскара Финли в связи с прискорбным инцидентом с использованием огнестрельного оружия. Как указано в ваших документах, ваш клиент направляется в тюрьму за попытку поджога. Как я упоминал, мистер Финли и так почти банкрот. Его страховая компания отказывается выплачивать возмещение, считая его действия преднамеренными, а не неосторожными. Поэтому без страховки и личного имущества мистеру Финли не страшен никакой суд. Вы не выжмете из него ни цента. Ваш иск бесполезен.

— Как насчет офисного здания?

— Оно обременено долгами. Послушайте, мистер Стамм, вы не добьетесь нужного вам вердикта, потому что ваш клиент — дважды осужденный преступник, которого поймали на месте преступления. Весьма слабая позиция для обращения к присяжным. Но если бы даже вам повезло и вы добились бы нужного вердикта, мистер Финли подал бы заявление о признании себя банкротом на следующий день. Не трогайте его, понимаете?

— Теперь у меня сложилась цельная картина.

— У нас ничего нет, и мы ничего не скрываем. Пожалуйста, потолкуйте с миссис Финли и мистером Бардаллом и объясните это им. Мне хотелось бы закрыть эти дела как можно скорее.

— Ладно, ладно. Я постараюсь что-нибудь сделать.

ГЛАВА 48

Прошла неделя, никакого ответа от «Сонеста геймз» не последовало. Дэвид следил за календарем и часами. Он боролся с желанием помечтать о быстром подписании мирового соглашения и с ужасом думал о подаче иска в федеральный суд против крупной корпорации. По этой опасной тропе он уже хаживал. Иногда ему казалось, что он напоминает «старого» Уолли, погрязшего в мечтах о легких деньгах.

Фирма медленно возвращалась к рутине, отдаленно напоминая былые дни. Рошель приходила в 7.30 каждое утро и с удовольствием проводила время с Эй-Си. Потом появлялся Дэвид, потом Уолли, машину которого отбуксировали на стоянку во время его пьяного загула, так что она не пострадала. Оскар приходил около десяти, его привозила подружка, очаровательная леди, которая произвела хорошее впечатление даже на Рошель. Каждое утро Уолли обращался к коллегам:

— Двенадцатый день трезвости. — Потом он объявлял день номер 13 и так далее. Его поздравляли и ободряли, и он опять стал гордиться собой. Он ходил на встречи «Анонимных алкоголиков» почти каждый вечер.

Телефоны разрывались от звонков расстроенных клиентов по крейоксу. Рошель переводила их всех на Уолли или Дэвида. Бывшие клиенты были подавлены и даже вы-

зывали жалость, отнюдь не отличаясь воинственностью. Они ждали денег, и что же? Юристы приносили извинения и пытались во всем обвинить каких-то загадочных «федеральных присяжных», которые вынесли вердикт в пользу лекарства. При этом юристы подчеркивали, что безопасность крейокса была доказана в суде. Другими словами, ваш иск проигран, зато ваше сердце намного здоровее, чем вы думали.

Подобные разговоры повторялись по всей стране, по мере того как десятки известных юристов открещивались от разбирательств, связанных с препаратом. Один юрист в Фениксе подал ходатайство об отклонении четырех исков с участием клиентов, якобы погибших из-за приема крейокса. Его ходатайство тут же получило отзыв по Правилу номер 11 из сценария Надин Керрос. «Веррик лабз» потребовала наложения санкций за подачу необоснованных исков, выставила детализированный счет и доклад о расходах для подтверждения того, что потратила 8 миллионов долларов на защиту от исков. В то время как адвокаты по коллективным гражданским искам отступали, становилось ясно, что «Веррик» переходит в решительное наступление. Войны по поводу санкций по Правилу номер 11 будут бушевать еще много месяцев.

Через десять дней после вынесения вердикта Управление отменило запрет на продажу крейокса, и лекарство наводнило рынок. Ройбен Мэсси стремительно пополнял запасы денег в компании и прежде всего собирался обрушиться на коллегию адвокатов по коллективным гражданским искам в отместку за покушение на его любимое лекарство.

По прошествии одиннадцати дней после вердикта Аарон Динц все еще молчал. Повешенный присяжный перестал вести блог без всяких объяснений. У Дэвида было две мысли по поводу уголовного преследования в связи с обыч-

ным нападением. Во-первых, выдвинув обвинения, Динц рисковал тем, что его могли раскрыть. Как многие блогеры, он наслаждался возможностью писать анонимно и свободой, позволяющей говорить почти все, что угодно. То, что Дэвид знал, кто он, и назвал его по имени, прежде чем нанести удар, вероятнее всего, беспокоило его. Если бы Динц выдвинул обвинения, ему пришлось бы предстать перед судом и признаться в том, что он и есть Повешенный присяжный. Если он действительно сидел без работы и хотел трудоустроиться, его блогерство могло навредить ему. За последние два года он писал ужасные пакости о судьях, юристах и юридических фирмах. С другой стороны, именно он оказался пострадавшей стороной при нанесении двух тяжелых ударов. Дэвид не думал, что сломал Динцу кость, но какой-то ущерб его здоровью он все же нанес. Динц был юристом, поэтому мог довести дело до суда и взять реванш.

Дэвиду предстояло рассказать Хелен о нападении. Он знал, что она отреагирует не лучшим образом и начнет волноваться из-за возможного ареста и судебного преследования. Он собирался поделиться с ней только в том случае, если Динц подаст заявление. Иными словами, Дэвид намеревался рассказать ей обо всем позже. Потом у него появилась другая мысль. В телефонном справочнике значился только один Аарон Динц, и однажды вечером Дэвид набрал его номер.

— Я хотел бы поговорить с Аароном Динцем, — начал Дэвид.

— Это я. Кто это?

— Дэвид Зинк, мистер Динц. Я звоню, чтобы извиниться за свое поведение после вынесения вердикта. Я был расстроен, зол и с трудом контролировал себя.

Последовала пауза. Потом Динц сказал:

— Вы сломали мне челюсть.

Сначала Дэвид ощутил мужскую гордость от того, что нанес такой сильный удар, но его самодовольство испарилось, когда он подумал о гражданском иске в связи с причинением вреда здоровью.

— Позвольте еще раз принести вам извинения. Разумеется, я не собирался ничего ломать и причинять телесные повреждения.

Следующий вопрос разоблачил Динца. Он спросил:

— Как вы узнали, кто я?

Значит, боялся, что его раскроют. Дэвид немного приврал:

— Мой кузен — хакер. У него на это ушло двадцать четыре часа. Не стоит размещать записи в одно и то же время каждый день. Прошу прощения за челюсть. Я готов оплатить ваши расходы на врачей. — Он был вынужден предложить это, хотя и содрогнулся при мысли о дополнительных тратах.

— Вы пытаетесь со мной договориться, Зинк?

— Конечно. Я оплачу ваше лечение, а вы пообещаете не подавать на меня в суд и не требовать компенсации ущерба.

— Вы беспокоитесь, что вас обвинят в нападении на человека?

— На самом деле не слишком. Если мне придется защищаться от обвинений в нападении, я позабочусь о том, чтобы судья увидел некоторые ваши комментарии. Сомневаюсь, что они ему понравятся. Судья презирует блоги вроде вашего. Судья Сирайт следил за ним каждый день и приходил в ярость. Он думал, что если кто-то из присяжных наткнется на ваш блог, это повлияет на исход дела. Клерки судьи пытались выяснить, кто такой Повешенный присяжный. — Дэвид сочинял на ходу, но с точки зрения закона его история звучала вполне правдоподобно.

— Вы кому-нибудь рассказали об этом? — поинтересовался Динц. Дэвид не мог толком понять, испытывает ли

он робость, страх или просто пытается разобраться со сложной челюстью.

— Ни одной живой душе.

— Я лишился страховки, когда меня сократили. На сегодняшний день лечение обошлось мне в четыре тысячи шестьсот долларов. Шины будут стоять еще месяц. Что произойдет потом, не знаю.

— Я сделал вам предложение, — сказал Дэвид. — Будем считать, что договорились?

— Наверное.

— И еще кое-что, мистер Динц.

— Что?

— Вы называли мою жену цыпочкой.

— Да, мне... м-м-м... не стоило этого делать. У вас очень красивая жена.

— Да, очень, а еще она очень умна.

— Примите мои извинения.

— И вы — мои.

Первой победой Уолли после суда стало успешное завершение развода Оскара. Благодаря тому, что делить было нечего и обе стороны стремились покончить с браком, составить соглашение о разводе оказалось довольно просто, если какой-либо юридический документ в принципе можно считать простым. Когда Оскар и Уолли поставили свои росчерки под подписями Полы Финли и Гудлоу Стамма, Оскар еще долго смотрел на подписи, даже не пытаясь скрыть улыбку. Уолли подал соглашение в окружной суд, и им назначили явиться туда в середине января.

Оскар предложил отметить событие бутылкой шампанского, разумеется, безалкогольного, и вся фирма собралась за столом на неофициальную встречу в конце дня. Поскольку все четверо знали счет — 15 дней трезвости, — Уолли поздравляли наряду с новым холостяком в их рядах —

Оскар Финли. Был четверг, 10 ноября, и хотя маленькая «фирма-бутик» до сих пор имела долг перед некоторыми клиентами, ее сотрудники твердо решили насладиться этим моментом. Израненные и униженные, они до сих пор стояли на ногах и подавали признаки жизни.

Едва Дэвид осушил бокал, его мобильник завибрировал. Он извинился и поднялся наверх.

Дилан Котт представился первым вице-президентом и главным юристом «Сонеста геймз», он занимал эту должность уже много лет. Он звонил из головного офиса компании в Сан-Хасинто в Калифорнии. Поблагодарив Дэвида за письмо, уважительный тон и проявленное благоразумие, он заверил его, что топ-менеджеры компании изучили послание и «сильно обеспокоились». Он беспокоился не меньше и обратился к Дэвиду с просьбой:

— Мы хотели бы встретиться с вами, мистер Зинк, лицом к лицу.

— И целью этой встречи должно стать?... — продолжил Дэвид.

— Обсуждение вариантов того, как нам избежать суда.

— А также неблагоприятной огласки?

— Разумеется. Мы продаем игрушки, мистер Зинк. Наша репутация очень важна для нас.

— Когда и где?

— У нас есть дистрибьюторский центр и офис в Де-Плейнс, неподалеку от вас. Сможете подъехать туда в понедельник утром?

— Да, но только если вы серьезно настроены на заключение мирового соглашения. Если собираетесь предложить какую-нибудь хитрую схему, забудьте об этом. Тогда я попытаю счастья с присяжными.

— Прошу вас, мистер Зинк, не стоит угрожать раньше времени. Уверяю вас, мы осознаем всю серьезность ситу-

ации. К сожалению, с нами уже случалось такое. Я все объясню в понедельник.

— Хорошо.

— Суд назначил юридического представителя для этого ребенка?

— Да, это его отец.

— Возможно ли организовать встречу с обоими родителями в понедельник?

— Уверен, они смогут приехать. А что?

— Карл Лапорте, наш генеральный директор, хотел бы встретиться с ними и принести извинения от имени нашей компании.

ГЛАВА 49

Офис компании располагался в одном из однотипных складских зданий в длинном ряду, который охватывал акры земли и, казалось, бесконечно тянулся к западу от Де-Плейнс сквозь пригороды Чикаго. Благодаря прибору спутниковой навигации Дэвид нашел его легко, и в десять утра в понедельник доставил Сои и Луин Хаинг к парадному входу офиса в пристройке из красного кирпича, сообщавшейся с огромным складом. Их тут же провели внутрь по коридору и разместили в конференц-зале, где предложили кофе, печенье и сок. Они отказались. У Дэвида урчало в животе, и он сильно нервничал. Хаинги были потрясены до глубины души.

В зал вошли трое мужчин, хорошо одетых, в типичном стиле руководителей крупной корпорации: Дилан Котт, главный юрист, Карл Лапорте, генеральный директор, и Уайят Вителли, финансовый директор. Всех представили друг другу, а потом Карл Лапорте попросил всех сесть и постарался разрядить обстановку. Снова были предложены

ны кофе, сок и печенье. Нет, спасибо. Когда стало очевидно, что Хаинги слишком запуганы, чтобы вести переговоры, Лапорте принял серьезный вид и сказал им:

— Что ж, начнем с самого важного. Я знаю, ваш ребенок сильно болен и скорее всего не оправится. У меня самого есть четырехлетний внук, это мой единственный внук, и я даже вообразить не могу, что вы переживаете. От имени моей компании «Сонеста геймз» заявляю: я беру на себя полную ответственность за то, что произошло с вашим сыном. Не мы произвели игрушку «страшные клыки», но нам принадлежит менее крупная компания, которая импортировала ее из Китая. Поскольку это наша компания, ответственность лежит на нас. Вопросы есть?

Луин и Сои покачали головами.

Дэвид изумленно наблюдал за происходящим. На суде такие комментарии Карла Лапорте пришлось бы весьма кстати. Извинения компании были бы включены в список доказательств и повлияли бы на мнение присяжных. То, что он взял на себя ответственность за случившееся, причем без колебаний, имело большое значение по двум причинам: во-первых, компания проявила искренность, и, во-вторых, это означало, что дело не должно дойти до суда. Присутствие генерального директора, финансового директора и главного юриста свидетельствовало о том, что они привезли с собой чековую книжку.

Лапорте продолжал:

— Что бы я ни сказал, это не излечит вашего мальчика. Я могу лишь просить у вас прощения и обещать: наша компания сделает все, чтобы помочь вам.

— Спасибо, — сказал Сои, пока Луин вытирала глаза. Последовала пауза. Лапорте с глубоким сочувствием вглядывался в их лица, потом произнес:

— Мистер Зинк, я предлагаю родителям подождать в другом помещении, пока мы обсудим детали.

— Согласен, — ответил Дэвид. Тут же материализовалась ассистентка и увела Хаингов. Когда дверь за ними закрылась, Лапорте сказал:

— У меня есть несколько предложений. Давайте снимем пиджаки и попробуем расслабиться. Мы можем просидеть здесь еще какое-то время. Не возражаете, если я буду обращаться к вам по имени, мистер Зинк?

— Нисколько.

— Хорошо. Мы из калифорнийской компании, и наша корпоративная культура стремится к тому, чтобы избавиться от лишних формальностей. — Все сняли пиджаки и ослабили галстуки. Карл сказал: — В каком направлении вы хотели бы продолжить, Дэвид?

— Это вы организовали встречу.

— Правильно, поэтому нам не помешало бы обменяться кое-какими сведениями. Во-первых, как вы наверняка знаете, мы третья по величине компания по продаже игрушек в Америке, за прошлый год наши продажи составили более трех миллиардов долларов.

— После «Маттел» и «Хасбро», — вставил Дэвид. — Я читал ваши годовые отчеты и массу других материалов. Я знаю ваши товары, историю, финансовые показатели, ключевых сотрудников, подразделения и долгосрочную корпоративную стратегию. Я знаю, кто боится вашу компанию, но, разумеется, лимит страхового покрытия не раскрывается. Я с удовольствием буду сидеть здесь и болтать с вами сколько угодно. Все равно на сегодня я больше ничего не планировал, и мои клиенты отпросились с работы. Но чтобы ускорить процесс, предлагаю приступить к делу.

Карл улыбнулся и посмотрел на Дилана Котта и Уайя-та Вителли.

— Разумеется, все мы заняты, — сказал Карл. — Вы выполнили домашнее задание, Дэвид, так скажите нам, что у вас на уме.

Дэвид полистал Приложение 1 и начал:

— Здесь содержится краткая информация по вердиктам, вынесенным по делам о повреждении мозга за последние десять лет только в отношении детей. Номер один — вердикт на двенадцать миллионов долларов, вынесенный в прошлом году в Нью-Джерси по делу шестилетнего ребенка, который проглотил свинец, когда жевал пластиковую фигурку мультипликационного героя. Сейчас дело пересматривается в порядке апелляции. Взгляните на номер четыре — вердикт на девять миллионов долларов в Миннесоте, который оставили в силе после апелляции. Мой отец входит в состав Верховного суда Миннесоты и придерживается строго консервативных взглядов, когда речь идет о пересмотре вердиктов на крупные суммы. Он, как и все остальные судьи, проголосовал за то, чтобы этот вердикт оставили в силе. Единогласно. Дело опять же касалось отравления свинцом. И снова главные герои — ребенок и его игрушка. Под номером семь проходит девятилетняя девочка, которая едва не утонула, когда ее нога застряла в сливном отверстии новенького бассейна в деревенском детском клубе в Спрингфилде, штат Иллинойс. Присяжные вынесли решение меньше чем за час и присудили семье девять миллионов. На второй странице обратите внимание на номер тринадцать. В десятилетнего мальчика попал кусок металла, отлетевший от щита с рекламой газонокосилок «Буш хог», не зафиксированного дополнительными цепями. Серьезное повреждение мозга. Дело рассматривалось в федеральном суде Чикаго. Присяжные присудили пять миллионов в качестве компенсации реально понесенных убытков и двадцать миллионов в качестве компенсации в виде наказания ответчика. Эту штрафную компенсацию удалось сократить до пяти миллионов в ходе апелляции. Не стоит останавливаться на каждом деле. Уверен, что вы сведущи в этой области.

— Для вас должно быть очевидно, Дэвид, что мы хотели бы избежать суда и присяжных.

— Понимаю, но я клоню к тому, что это дело просто создано для присяжных. После того как присяжные три дня понаблюдают за Туйей Хаингом, пристегнутым к высокому стульчику, они могут вынести вердикт на более крупную сумму, чем любой из упомянутых раньше. Этот потенциал должен учитываться при переговорах.

— Я понял. Сколько вы хотите? — спросил Карл.

— Что ж, мирное урегулирование должно включить несколько видов компенсаций. Одни из них относительно легко рассчитать, другие — нет. Давайте начнем с финансового бремени, которое легло на семью в связи с необходимостью заботиться о ребенке. Сейчас они тратят около шестисот долларов в месяц на еду, лекарства и подгузники. Не такие уж большие деньги, но это намного больше, чем может позволить себе эта семья. Мальчику нужна сиделка на неполный рабочий день и специалист по реабилитации на постоянной основе, который хотя бы попытается восстановить его мышечный тонус и «перепрограммировать» мозг.

— Сколько он еще проживет? — спросил Уайят Вителли.

— Никто не знает. Это как движущаяся мишень. Я не указывал это в своем отчете, потому что один врач говорит год-два, но неофициально, а другой заявляет, что он может прожить еще долго и даже повзрослеть. Я разговаривал со всеми врачами, и ни один не считает разумным прогнозировать, сколько ему осталось. Проводя с ним время последние шесть месяцев, я наблюдал заметное улучшение отдельных функций, но очень незначительное. Думаю, при переговорах нам нужно исходить из того, что ему осталось еще двадцать лет.

Все трое мужчин кивнули.

— Родители Туйи зарабатывают не много денег. Они живут в маленькой дешевой квартире вместе с двумя старши-

ми дочерями. Семья нуждается в просторном доме со спальней, оборудованной в соответствии с особыми потребностями Туйи. Ничего особенного, это простые люди, но у них есть мечты. — С этими словами Дэвид подтолкнул в центр стола три экземпляра Приложения 2, которые мгновенно разобрали. Дэвид глубоко вздохнул и продолжил: — Это наше предложение о мирном урегулировании. Во-первых, здесь заявлены конкретные убытки. Под номером один указаны убытки, которые я упомянул, плюс оплата услуг сиделки на неполный рабочий день в размере тридцати тысяч долларов в год, плюс потерянный заработок матери в размере двадцати пяти тысяч долларов в год, потому что она хотела бы бросить работу и сидеть дома с мальчиком. Я также включил стоимость новой машины, которая понадобится им, чтобы ежедневно возить ребенка в реабилитационный центр и забирать оттуда. Я округлил сумму до ста тысяч долларов в год и умножил на двадцать лет. Таким образом, получилось два миллиона. По сегодняшним ценам страховой аннуитет* можно купить за один миллион четыреста тысяч. По реабилитационному центру пока непонятно, поскольку я точно не знаю, насколько это затянется. Пока он обходится в пятьдесят тысяч в год. С учетом двадцати лет аннуитет обойдется вам в семьсот тысяч долларов. Дальше возникает вопрос о новом доме в приличном районе с хорошими школами — еще пятьсот тысяч. Потом необходимо разобраться с детской больницей «Лейкшор». Их доктора спасли ему жизнь, причем бесплатно, по крайней мере для семьи, но, думаю, их расходы должны быть возмещены. В больнице неохотно согласились предоставить мне приблизительный расчет, но я все-таки добился, чтобы они назвали сумму: это шестьсот тысяч.

* Обобщающее понятие для всех видов страхования ренты и пенсии. По сути, страховой аннуитет — это сумма страховки, выплаченная равными долями в течение определенного периода или пока застрахованный жив.

Дэвид приближался к 3,2 миллиона, и ни один из трех топ-менеджеров пока не достал ручку из кармана. Никто не хмурился, никто не качал головой, ничто не говорило о том, что они считают его сумасшедшим.

— Теперь перейдем к общим моментам. Я решил учесть тот факт, что ребенок, по сути, лишился радости жизни, а также тяжелейшее эмоциональное состояние всей семьи. Я знаю, что эти области несколько туманны, но по законодательству Иллинойса, например, такой ущерб тоже подлежит компенсации. Я оценил его в миллион восемьсот тысяч долларов.

Дэвид сцепил руки и подождал ответа. Похоже, никто не удивился.

— Красивая сумма в пять миллионов, — заключил Карл Лапорте.

— Как насчет адвокатского гонорара? — поинтересовался Дилан Котт.

— Боже, об этом я чуть не забыл, — сказал Дэвид, и все заулыбались. — Мой гонорар не входит в сумму, причитающуюся семье. Он должен быть выплачен дополнительно. Тридцать процентов от того, что у нас получилось, другими словами, полтора миллиона.

— Хорошенькая зарплата, — сказал Дилан.

Дэвид едва не заикнулся о миллионах, которые каждый из них троих заработал в прошлом году в виде зарплаты и опционов на акции, но удержался.

— Хотел бы я, чтобы эти деньги достались мне одному, но так не получится.

— Шесть с половиной миллионов долларов, — произнес Карл, откладывая отчет и потягиваясь.

— Вы же сами, похоже, намереваетесь поступить правильно, — заметил Дэвид. — К тому же вам не нужна неблагоприятная огласка, и вы не хотите нарваться на враждебно настроенных присяжных.

— Имидж очень важен нам, — подтвердил Карл. — Мы не загрязняем реки и не производим дешевые пистолеты, не занимаемся махинациями на страховках и не жульничаем, продвигая в правительстве плохие контракты. Мы делаем игрушки для детей. Проще некуда. Если мы зарабатываем репутацию производителя игрушек, которые вредят детям, нам конец.

— Могу я поинтересоваться, где вы обнаружили эти товары? — спросил Дилан.

Дэвид рассказал о том, как Сои Хаинг купил первый набор «страшных клыков» год назад, а потом о своих поисках по всему Чикаго. Карл поведал, как компания сама разыскивала игрушку, и признался, что «Сонеста геймз» уже заключила мировые соглашения по двум другим подобным делам за последние восемнадцать месяцев. Они надеялись, что все образцы, содержащие свинец, изъяты с рынка и уничтожены, но не знали этого наверняка. Они воевали с несколькими фабриками в Китае и перенесли большую часть производства в другие страны. Приобретение «Гандерсон тойз» было ошибкой, которая обошлась очень дорого. Последовали другие истории: обеим сторонам нужно было отвлечься, чтобы обдумать предложение о мирном урегулировании, лежащее на столе.

Через час Дэвида попросили удалиться. Они хотели поговориться.

Дэвид выпил чашку кофе со своими клиентами, и через пятнадцать минут та же ассистентка пригласила его вернуться в конференц-зал. Она закрыла за ним дверь, и Дэвид приготовился либо закрыть сделку, либо уйти.

Когда все расселись, Карл Лапорте проговорил:

— Мы были готовы выписать чек на пять миллионов долларов и закрыть это дело, Дэвид, но вы просите намного больше.

— Мы не согласимся на пять миллионов, потому что это дело стоит гораздо больше. Наше условие — шесть с половиной миллионов — и точка. Завтра я подам иск.

— На рассмотрение иска уйдут годы. Разве ваши клиенты могут ждать? — спросил Дилан.

— Некоторые федеральные судьи используют местное Правило 83:19, известное среди юристов как «ракетный список дел к слушанию», и, поверьте мне, это работает. Я представлю это дело присяжным через год. Последнее дело было гораздо сложнее, и суд начался через десять месяцев после подачи иска. Мои клиенты продержатся до того момента, как присяжные вынесут вердикт.

— Вы ведь не выиграли тот суд, правда? — спросил Карл, изогнув бровь, как будто знал все о процессе Клопека.

— Нет, не выиграл, зато многое узнал. У меня был слабый набор фактов. Теперь же я владею всеми необходимыми фактами. К тому времени как присяжные все услышат, шесть с половиной миллионов покажутся вам очень выгодным предложением.

— Мы готовы предложить пять миллионов.

Дэвид, с трудом сглотнув, метнул свирепый взгляд на Карла Лапорте.

— Вы не слышите меня, Карл. Сейчас это шесть с половиной миллионов и гораздо больше через год.

— Вы отказываетесь от пяти миллионов долларов для этих бедных бирманских иммигрантов?

— Я только что отказался и не настроен это обсуждать. Ваша компания хорошо застрахована. И эти шесть с половиной миллионов не последние ваши деньги.

— Возможно, но страхование обходится недешево.

— Я не торгуюсь, Карл. Мы договорились или нет?

Карл обменялся взглядами с Диланом Коттом и Уайятом Вителли. Потом, пожав плечами, улыбнулся и протянул Дэвиду руку:

— Договорились.

Дэвид крепко пожал ее.

— На условиях строжайшей конфиденциальности, — добавил Карл.

— Разумеется.

— Я попрошу наших ребят в юридическом департаменте подготовить соглашения, — сказал Дилан.

— В этом нет необходимости. — Дэвид залез в портфель, вытащил оттуда файловую папку, достал четыре экземпляра документа и раздал их. — Это мировое соглашение охватывает все. Оно написано совершенно понятным языком и включает все упоминания о конфиденциальности. Я работаю в крошечной юридической фирме, сейчас она испытывает большие трудности. Так что в моих интересах сохранить все в тайне.

— Вы подготовили соглашение на шесть с половиной миллионов? — удивился Карл.

— Точно. И ни цента меньше. Ровно столько стоит это дело.

— Соглашение должен одобрить суд, верно? — спросил Дилан.

— Да. Я уже позаботился об оформлении опеки над ребенком. Отец мальчика выступает его юридическим представителем. Суд должен одобрить соглашение и много лет будет следить за деньгами. Я обязан предоставлять годовой бухгалтерский отчет и раз в год встречаться с судьей, но само дело можно запечатать для обеспечения секретности.

Они изучили соглашение, и Карл Лапорте подписал его от имени компании. Дэвид тоже подписал. Затем в конференц-зал пригласили Сои и Луин. Дэвид объяснил им условия соглашения, и они поставили подписи. Карл снова извинился и пожелал им удачи. Потрясенные, они не могли говорить от избытка чувств.

У выхода из здания Дилан Котт спросил Дэвида, не найдется ли у него минутки обсудить один вопрос. Хаинги прошли вперед и остановились у машины Дэвида, ожидая, пока он подойдет. Дилан проворно всунул в руку Дэвиду белый неподписанный конверт со словами:

— Я вам этого не давал, договорились?

Дэвид положил конверт в карман пиджака.

— Что это?

— Список других товаров, главным образом игрушек, которые, по слухам, привели к отравлению свинцом. Большая часть из них произведена в Китае, но кое-какие импортировали из Мексики, Вьетнама и Пакистана. Они произведены за пределами США, но импортировались американскими компаниями.

— Понятно. Быть может, эти компании — ваши конкуренты?

— Точно.

— Спасибо!

— Удачи.

ГЛАВА 50

Последняя встреча фирмы «Финли энд Фигт» состоялась во второй половине того же дня. По настоянию Дэвида они дождались ухода Рошель. Оскар устал и начал капризничать — хороший знак. Его девушку и по совместительству водителя отправили восвояси еще в три часа дня, и Дэвид пообещал доставить своего старшего партнера домой.

— Должно быть, это важно, — сказал Уолли Дэвиду, когда тот запер входную дверь.

— Так и есть, — подтвердил тот, усаживаясь за стол. — Ребята, вы помните дело по отравлению свинцом, о котором я упоминал пару месяцев назад?

Смутные воспоминания у них остались, но с тех пор столько всего произошло.

— Ладно, — самодовольно проговорил Дэвид. — В связи с этим произошли кое-какие интересные события.

— Рассказывай скорее, — попросил Уолли, предвкушая что-то хорошее.

Дэвид пустился в долгий рассказ о своих действиях от имени Хаингов. Положив набор «страшных клыков» на стол, он медленно подводил слушателей к потрясающей кульминации.

— Сегодня утром я встречался с генеральным директором и другими топ-менеджерами компании, и мы подписали мировое соглашение.

Уолли и Оскар вслушивались в каждое слово и нервно переглядывались. Когда Дэвид сказал:

— Адвокатский гонорар составил полтора миллиона, — оба закрыли глаза и опустили головы, словно хотели помолиться. Дэвид замолчал, доставая экземпляры документа для каждого из них.

— Это проект партнерского соглашения для новой юридической фирмы «Финли, Фигг энд Зинк».

Оскар и Уолли взяли бумаги, но ни один не стал читать проект. Они таращились на Дэвида, открыв рты и слишком потрясенные, чтобы говорить.

Дэвид продолжал:

— Я предлагаю партнерство в равных долях с разделением чистой прибыли на троих с ежемесячными выплатами, основанными на чистом доходе за каждый месяц. Здание останется за вами, ребята. Возможно, вам захочется взглянуть на третий абзац на второй странице. — Ни один из них не перелистнул страницу.

— Просто расскажи нам, — попросил Оскар.

— Ладно. Там четко и ясно сказано о делах, которыми новая фирма заниматься не будет. Она не будет платить

взятки или премии за привод клиентов полицейским, заниматься буксировкой грузовиков, спасать сотрудников всяких организаций или кого бы то ни было в благодарность за новое дело. Она не будет рекламировать свои услуги на автобусных остановках, карточках для игры в бинго и любой другой дешевой печатной продукции. Вообще вся реклама будет предварительно согласовываться маркетинговым комитетом, в который, по крайней мере в течение первого года, буду входить только я. Другими словами, друзья, фирма больше не будет бегать за каретами «скорой помощи».

— И что в этом веселого? — спросил Уолли.

Дэвид, улыбнувшись, продолжил:

— Я слышал разговоры о рекламе на щитах и по телевизору. Но это тоже под запретом. Прежде чем подписать договор с новым клиентом, мы все должны договориться, что берем это дело. Короче говоря, фирма будет придерживаться высочайших стандартов профессионального поведения. Любые гонорары, выплаченные наличными, будут немедленно вноситься в бухгалтерскую отчетность, которой займется компетентный бухгалтер-аудитор. По сути, джентльмены, новая фирма будет работать как настоящая юридическая фирма. Это соглашение действует один год, и если любой из вас откажется соблюдать его условия, партнерство распадется и я найду себе работу где-нибудь еще.

— Вернемся к адвокатскому гонорару, — предложил Уолли. — Не уверен, что ты все сказал по этому аспекту нашей дискуссии.

— Если мы договоримся о правилах работы нового партнерства, то я предлагаю использовать средства, полученные по мировому соглашению с Хаингами, для оплаты долгов перед банком и урегулирования всех проблем, оставшихся после крейокса, в том числе пятнадцать тысяч

долларов штрафа, назначенного в ходе процесса. На все это уйдет около двухсот тысяч долларов. Рошель получит премию в размере ста тысяч. Таким образом, для юристов останется миллион двести тысяч долларов, которые, как мне кажется, мы должны разделить поровну.

Уолли закрыл глаза. Оскар хрюкнул, медленно поднялся, прошелся к двери и выглянул из окна.

— Тебе не обязательно делать это, Дэвид, — сказал он.

— Согласен. — Голос Уолли звучал не слишком уверенно. — Это твое дело. Мы ничем тебе не помогли.

— Я понимаю, — ответил Дэвид. — Но смотрю на это следующим образом: я никогда не нашел бы это дело, если бы не оказался здесь. Проще некуда. Год назад я вкалывал на работе, которую ненавидел. Я случайно набрел на это место, познакомился с вами, ребята, а потом мне повезло, и я нашел это дело.

— Отлично подмечено, — проговорил Уолли. Оскар согласился, вернулся за стол и сел. Посмотрев на Уолли, он спросил:

— А что с моим разводом?

— Никаких проблем. Мы подписали мировое соглашение. Твоя жена не имеет права ни на один из твоих гонораров, заработанных после подписания соглашения. Развод завершится в январе.

— Так я это и представлял, — сказал Оскар.

— И я тоже, — вставил Дэвид.

Они помолчали. Эй-Си встал с подушки и тихо зарычал. Отдаленный вой сирены становился громче и громче. Уолли тоскливо выглянул в окно позади стола Рошель.

— Даже не думай, — бросил Дэвид.

— Прошу прощения. Это привычка, — ответил Уолли.

Оскар засмеялся, и вскоре все трое затряслись от хохота.

ЭПИЛОГ

Барт Шоу закрыл все дела и отказался от обвинений в некомпетентности, выдвинутых против «Финли энд Фигг». Он получил около 80 000 долларов от «Веррик» за свои старания по запугиванию фирмы и принуждение ее к суду по делу Клопека. Адам Гранд подал жалобу о нарушении этики в коллегии адвокатов штата, но потерпел фиаско. Пять других клиентов по «несмертельным» делам поступили так же и с тем же результатом. Надин Керрос сдержала обещание не требовать наложения санкций за подачу необоснованного иска, но «Веррик» провела агрессивную и порой даже успешную кампанию в других судах, требуя денег с юридических фирм истцов. На Джерри Алисандроса наложили огромный штраф в южной Флориде, когда стало ясно, что он не собирается продолжать судебное преследование по крейоксу.

Туйя Хаинг пережил несколько мучительных приступов и умер через три дня после Рождества в детской больнице «Лейкшор». Дэвид и Хелен, вместе с Уолли, Оскаром и Рошель пришли на его скромные похороны. Также пришли Карл Лапорте и Дилан Котт. С помощью Дэвида они поговорили с Сои и Луин. Карл выразил глубочайшие соболезнования и взял на себя полную ответственность за произошедшее от имени компании. По условиям мирового соглашения Дэвида все суммы уже были выделены и подлежали выплате в установленном порядке.

Развод Оскара завершился в конце января. К тому времени он уже жил с новой подругой в новой квартире и был счастливее, чем когда бы то ни было. Уолли сохранял трезвость и даже пытался помогать другим юристам справиться с пагубной привычкой.

Джастина Бардалла приговорили к заключению сроком на один год за попытку поджога офиса юридической фир-

мы. В суд он явился в инвалидном кресле, и судья потребовал от него подтверждения, что он осведомлен о присутствии в зале Оскара, Уолли и Дэвида. Бардалл согласился сотрудничать со следствием, надеясь на смягчение приговора. Судья, который сам двадцать лет практиковал «уличное» право на юго-западе Чикаго и не особенно благоволил к головорезам, замышлявшим поджечь офис юридической фирмы, не проявил сочувствия к боссам Бардалла. Владельца «Цицero пайп» приговорили к пяти годам тюремного заключения, а его прораб получил четыре.

Дэвид добился отклонения иска Бардалла против Оскара и фирмы.

Как и следовало ожидать, новое партнерство долго не продержалось. После операции на сердце и развода Оскар поостыл и стал проводить меньше времени в офисе. У него были кое-какие деньги на счете в банке, и он получал пенсию из фонда социального страхования, а его подружка неплохо зарабатывала как массажистка. (На самом деле он познакомился с ней благодаря тому, что они жили по соседству.) Отработав шесть месяцев по новому соглашению, он стал намекать на то, что скоро выйдет на пенсию. Уолли, до сих пор переживая приключения с крейксом, потерял вкус к поиску новых дел. Он тоже завел новую подружку, даму чуть старше его с «неплохим состоянием», как он выражался. К тому же было очевидно, по крайней мере Дэвиду, что ни один партнер не имел ни желания, ни таланта заниматься большими делами и при необходимости доводить их до суда. Он в самом деле не мог представить себе, как войдет в зал суда с этой парочкой.

Его радар был в состоянии боевой готовности, и, распознав опасные сигналы, Дэвид начал планировать свое бегство.

Через одиннадцать месяцев после появления Эммы Хелен родила мальчиков-близнецов. Это важнейшее событие

заставило Дэвида еще серьезнее задуматься о будущем. Он арендовал офис недалеко от их дома в Линкольн-парке, выбрав при этом кабинет именно на четвертом этаже с видом на юг. Оттуда он видел великолепные очертания центра города на горизонте — с Траст-тауэр по центру. Ее вид настраивал его на успех больше, чем что бы то ни было.

Уладив все, Дэвид сообщил Оскару и Уолли, что выйдет из партнерства, как только закончится срок действия соглашения, то есть по истечении двенадцати месяцев. Расставание было трудным и грустным, но не стало неожиданностью. Оно ускорило уход Оскара на пенсию. Уолли, казалось, тоже испытал облегчение. Они с Оскаром тут же решили продать здание и закрыть бизнес. Все трое пожали друг другу руки и пожелали удачи. Уолли собрался уехать на Аляску.

Дэвид оставил себе собаку и попросил остаться Рошель. Он никогда не увел бы ее из фирмы, но внезапно Рошель освободилась. Добившись более высокой зарплаты и лучших пособий, она также получила должность офис-менеджера и радостно переехала в новый штаб Дэвида Э. Зинка, адвоката.

Новая фирма специализировалась на праве в сфере ответственности производителя. Когда Дэвид подписал мировые соглашения еще по двум делам об отравлении свинцом, ему и Рошель стало ясно, что такая практика будет весьма прибыльной.

В основном Дэвид работал в федеральном суде и по мере роста бизнеса он чаще и чаще оказывался в центре города. Иногда он заходил к Абнеру посмеяться и быстро перекусить сандвичем и диетической содовой. Два раза Дэвид выпил «Перл-Харбор» с мисс Спенс. Она хоть и приближалась к девяноста семи годам, но до сих пор выпивала по три любимых сиропообразных коктейля ежедневно. Дэвид с трудом проглатывал один, а потом садился на поезд и возвращался в офис, где с удовольствием ложился дремать на новом диване.

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

16+

Гришэм Джон

Противники

Ответственный редактор Л.А. Кузнецова

Редактор И.И. Подольская

Компьютерная верстка: Е.В. Аксенова

Технический редактор О.В. Панкрашина

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Наши электронные адреса: WWW.AST.RU

E-mail: astpub@aha.ru

ООО «Издательство Астрель»

129085, г. Москва, пр-д Ольминского, д. 3а

Издание осуществлено при техническом участии
ООО «Издательство АСТ»

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14